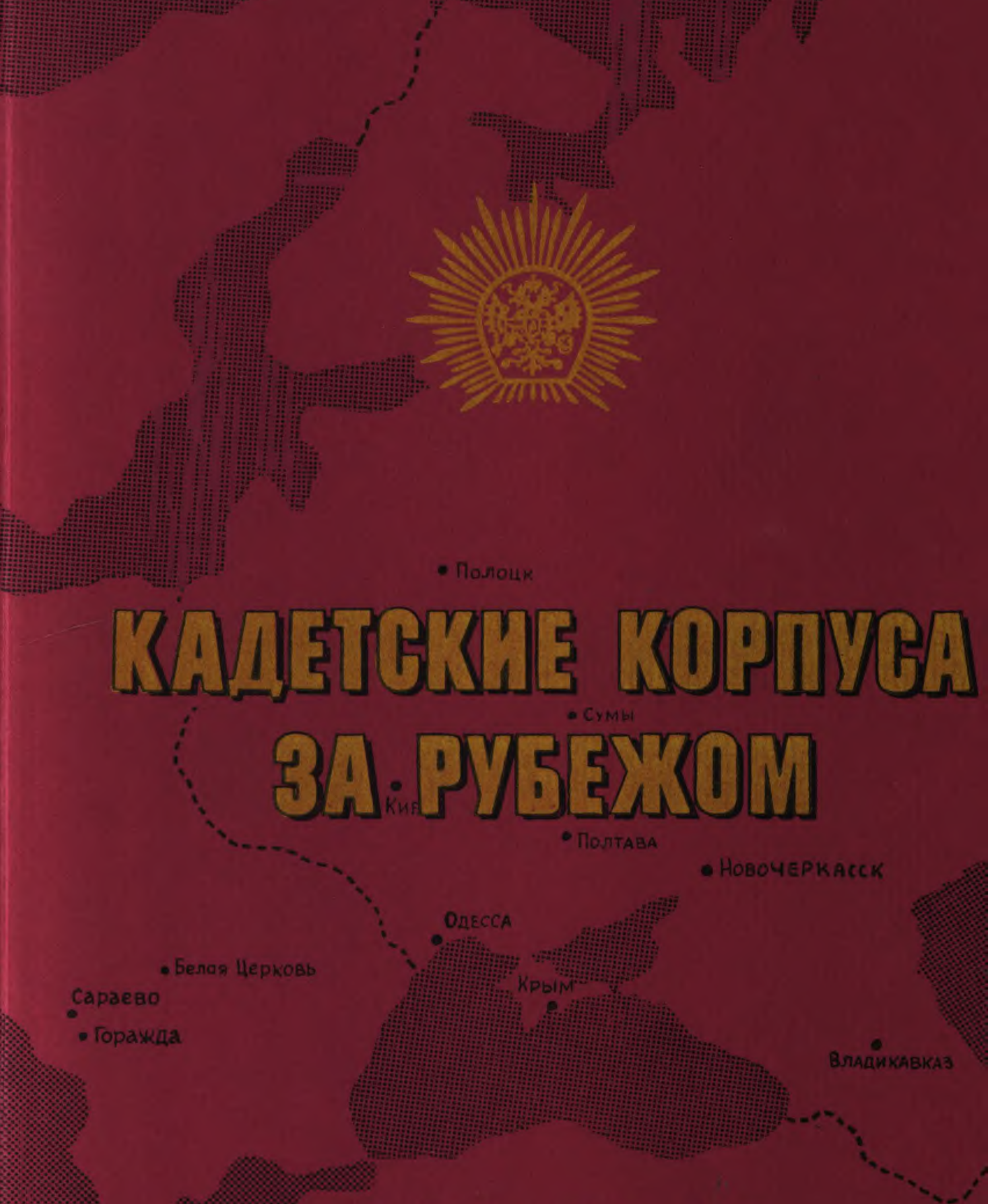
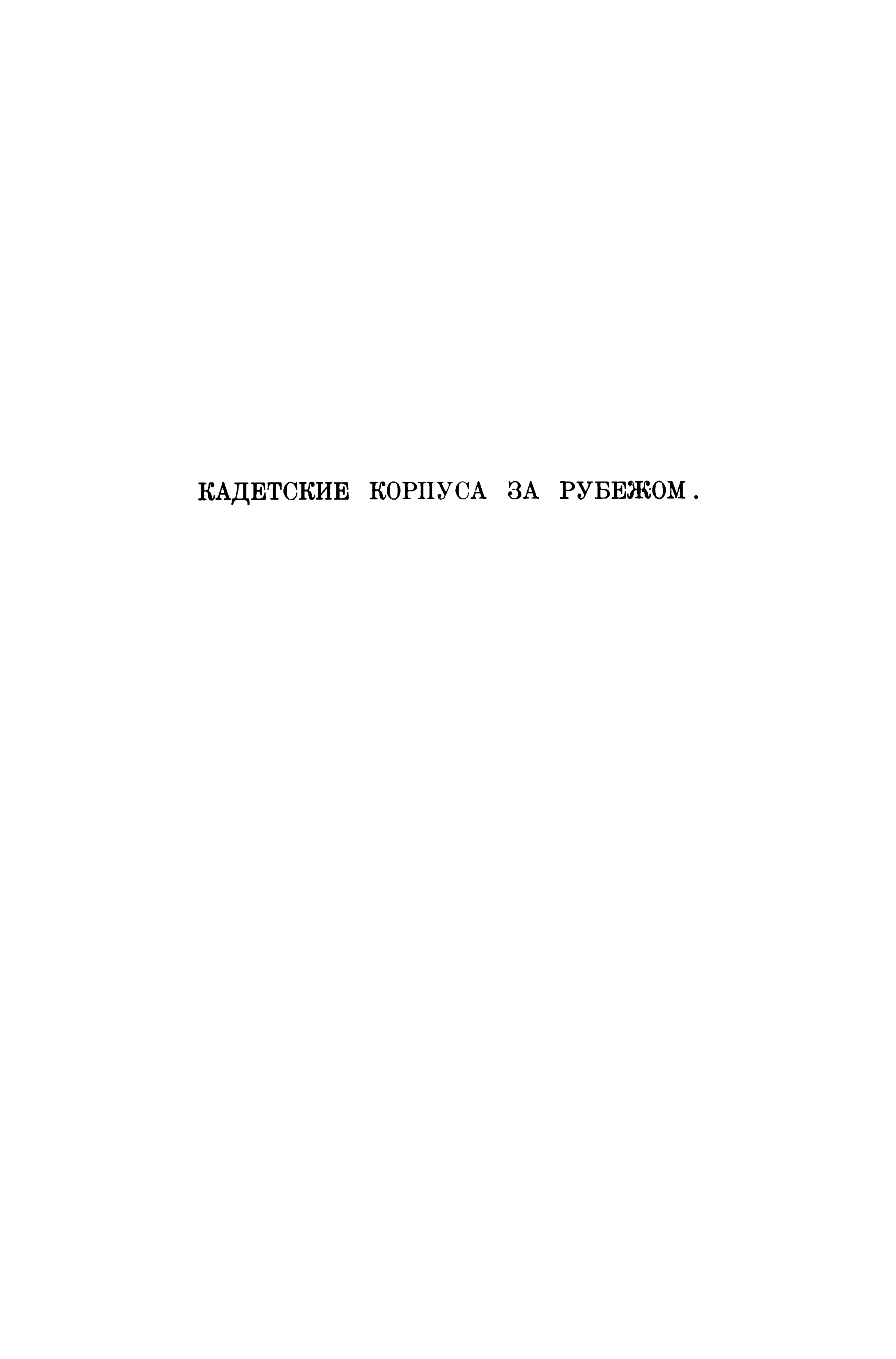

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА ЗА РУБЕЖОМ

1920 - 1945

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА ЗА РУБЕЖОМ.

В.К
П.К
ВдК
СмК
КАДЕТСКИЕ КОРПУСА
ЗА РУБЕЖОМ
Х.К
1920 - 1945

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА ЗА РУБЕЖОМ

RUSSIAN CADET SCHOOLS OUTSIDE OF RUSSIA

Издание Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

Published by Association of Russian Cadets Graduated outside of Russia, Inc., New York, USA

Редакционная Комиссия :

А. М. Росселевич — Председатель
Н. В. Козякин
А. Г. Усенко
А. Н. Родзевич
П. В. Олферьев
В. Н. Мантулин

Художественная обработка :
А. Н. Родзевич при участии М. Л. Михеева

Printed in Canada

Printed by "Monastery Press" — 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.

Боже, Царя храни!

Сильный, Державный,

Царствуй на славу нам,

Царствуй на страх врагам,

Царь Православный,

Боже, Царя храни!

Государь Император Николай II Александрович

Чувства глубочайшего почтения,
любви, преданности и безграничной благодарности
наполняют наши сердца за все милости,
все заботы и все попечение,
какие ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было проявить
ко всем русским изгнанникам и особенно к русской
учащейся молодежи.
Эти чувства мы сохраним неизменными
навсегда в наших сердцах.
Бережно, как святыню, понесем мы их на нашу Родину,
в счастливый день ее освобождения,
чтобы там, на Родине, поведать всем русским людям
о рыцарстве, высоком благородстве
и безмерном великодушии
ДЕРЖАВНОГО ХОЗЯИНА
той страны, в которой мы, в своем неизбывном горе,
нашли и братскую помощь, и приют и ласку,
и мир, и тишину, и покой душевный.

Зарубежные кадеты

Король Рыцарь Александр I Карагеоргиевич

Кадету
(Сонетъ)

Хоть мальчикъ ты, но сердцемъ сознавая
Родство съ великой воинской семьей,
Гордишься ей принадлежать душой;
Ты не одинъ — орлиная ты стая.

Настанетъ день, и крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно въ смертный бой,
Завидна смерть за честь родного края.

Но подвиги и славныя дѣла
Свершать лишь тотъ, въ комъ доблесть расцвѣла;
Ей нужны трудъ, и знанье и усилья.

Чтобъ могъ и ты, свѣтлымъ огнемъ горя,
Стать головой за Русь и за Царя,
Пускай твои растутъ и крѣпнутъ крылья!

К. Р.

ВВЕДЕНИЕ

Прошло уже 50 долгих лет с того дня, когда на братской земле Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев впервые появились российские кадеты и когда было заложено начало существования кадетских корпусов в Зарубежье. Этому юбилею и этим последним кадетам, возродившим на чужбине то, что — казалось, безвозвратно погибло на охваченной пожаром русской земле, — и посвящена эта памятка.

Зарождение в России закрытых военно-учебных заведений началось по воле Императора Петра Великого; в 1701 году, вернувшись из заграничного путешествия, царь основал в Москве Школу Математических и Навигацких Наук, будущий Морской Корпус. В 1712 году, также в Москве, Петр I основал Инженерную Школу, за которой через несколько лет последовали и другие, Инженерные и Артиллерийские Школы в С. Петербурге. Эти Школы, соединенные вместе, после ряда переформирований, были преобразованы в 1762 г. в Артиллерийский и Инженерный Шляхетный кадет. корпус, который в 1800 г. утратил свое значение специального учебного заведения и получил наименование 2-го кадет. корпуса. В 1732 году, Императрицей Анной Иоанновной было открыто в С. Петербурге училище для подготовки офицеров в части сухопутной армии, названное при основании «шляхетским корпусом кадетов», а в 1800 г. получившее наименование Первого кадет. корпуса. В 1778 г. Императрица Екатерина Великая основала в Москве 1-й Московский кадет. корпус.

Эти четыре старейших военно-учебных заведения были родоначальниками следующим за ними корпусам, постепенно создававшимся по всему простору необозримой России. В царствование Императора Александра I были созданы еще два корпуса (Пажеский и 1-й Сибирский в Омске), при Николае I — восемь корпусов (Оренбургский-Неплюевский, Нижегородский, Полоцкий, Петровский Полтавский, Орловский, Воро-

нежский, 2-й Московский и Владимирский Киевский), при Александре II — девять корпусов (3-й Московский, Вольский, Ярославский, 2-й Оренбургский, Псковский, Тифлисский, Николаевский и Александровский в С. Петербурге, и Симбирский), при Александре III — один корпус (Донской) и при Николае II — семь корпусов (Суворовский в Варшаве, Одесский, Сумский, Хабаровский, Владикавказский, Ташкентский и Иркутский). От Варшавы до Хабаровска и от С. Петербурга до Тифлиса, по всему протяжению Российской Империи, в различных местностях и окруженные различными условиями жизни в областях необозримой России, эти 31 кадетских корпуса жили совершенно одинаковой внутренней жизнью и имели совершенно одинаковую систему образования и воспитания кадет. Кадетские корпуса в России были ни с чем не сравнимым, особым миром, из которого выходили крепкие духом, сплоченные между собой, образованные и дисциплинированные будущие офицеры, воспитанные в идеях непоколебимой преданности Царю и Родине.

Но наибольшее значение и развитие кадетские корпуса получили в начале нашего столетия, когда в 1900 г., волею Императора Николая II, во главе всех Военно-Учебных Заведений Империи встал Великий Князь Константин Константинович, со званием их Главного Начальника, а с 1910 г. и до дня своей кончины в 1915 г. — Главного Инспектора. Являясь одним из наиболее культурных людей России того времени, человек большой гуманности и обладая даром привлекать к себе сердца молодежи, которую Он и любил, и понимал, Великий Князь открыл ей свое большое сердце и посвятил ей лучшие силы своей исключительно красивой души. Кадеты быстро оценили Его идеи и Его заботы о них и ответили на них такой беспредельной любовью, таким доверием, что Великий Князь быстро завоевал их сердца и заслужил название Отца всех кадет. Богу угодно было уберечь Великого Князя от всех трагических потрясений, которые выпали на долю нашей Родины во дни недоброй памяти революции и последовавшему за ней крушению российской государственности. Великий Князь скончался 2/15 июня 1915 г., в самом расцвете своих сил, но память о Нем продолжает жить в среде кадет,

которые свято чтут Его заветы и все, что связано с воспоминаниями о Нем.

Главным стремлением Великого Князя на посту Главного Начальника Военно-Учебных Заведений было уничтожение в корпусах казарменно-казенного духа и замена его заботливым, любовным и чисто отеческим воспитанием. Это привело к тому, что отношения между кадетами и офицерами-воспитателями в корне изменились и состав этих последних был заменен новым типом воспитателя по призванию, заботливого и внимательного опекуна и руководителя. Этот новый дух, внесенный в воспитание военного юношества незабвенным Великим Князем, привел к тому, что во время революции и в течение гражданской войны, кадетская семья без колебаний нашла для себя правильную дорогу и доблестно исполнила свой долг в рядах воинов Белых Армий.

Революция 1917 года и захват власти большевиками в октябре, нанесли ряд тяжелых ударов кадетским корпусам, которых новая власть не без оснований рассматривала, как среду враждебную и чуждую новым порядкам. С самого начала было сделано все возможное, чтобы разрушить установившийся быт, уничтожить старые порядки и превратить корпуса в гимназии военного ведомства, а в дальнейшем, или их полностью уничтожить, или сделать из них военные школы для будущих красных командиров. Повсеместно, кадеты ответили на эти меры сопротивлением. Во многих корпусах строевые роты, часто вместе со 2-ми ротами, соединяясь с военными училищами, приняли вооруженное участие в противодействии местным большевистским выступлениям для захвата власти. При первых известиях о зарождении Белых формирований, сотни кадет с опасностью для жизни стали пробираться в те места, где создавались белые части, и становились в ряды добровольцев. Не только кадеты строевых рот, но и младшие 12-ти и 13-ти летние мальчики устремились туда, где организовывалась вооруженная борьба против советской власти и, скрывая свой слишком юный возраст, прибавляли себе годы, чтобы добиться приема в добровольческие части. Можно было бы написать целые книги о том, как пробирались к Белым Армиям эти дети и юноши, кадеты и юнкера, как бросали свои

семьи и как погибали в пути те из них, кто попадал в руки красных. Те, кому удавалось преодолеть все опасности и препятствия, после долгих трудов и поисков находили обетованную армию и вступали в ее ряды, в которых были части, состоявшие почти исключительно из кадет и юнкеров. На всех фронтах гражданской войны остались бесчисленные могилы кадет, отдавших свои юные жизни делу борьбы против насилия и надругательства над всем, что было для них дорого и свято.

Революция и большевизм привели к тому, что за период 1917-18 г.г. погибли почти все военные училища и 23 кадетских корпуса из числа 31, существовавших в России до марта 1917 г. Судьба многих из них была трагична и сопровождалась гибелью многих кадет и юнкеров, как это было в Петрограде и в Москве, в Ярославле, Симбирске, Нижнем Новгороде, Оренбурге и во многих других местах, где военная молодежь принимала участие с оружием в руках в противодействии захвату власти местными большевиками.

В областях занятых Белыми Армиями сохранилось лишь несколько кадетских корпусов, в составе которых находилось также много прикомандированных кадет почти всех корпусов из других областей России. Остались в том или ином виде, или же были восстановлены на территории Украины, под именем «войсковых бурс» при гетмане Скоропадском, корпуса Владимирский Киевский, Сумский, Одесский и Петровский Полтавский. Открылись снова Донской и Владикавказский корпуса, а в Сибири и на Дальнем Востоке — 1-й Сибирский (Омский), Хабаровский и Иркутский. В течение недолгого времени, преодолевая громадные лишения и затруднения, в них удалось наладить занятия для собравшихся кадет, многие из которых прибывали в корпуса прямо из действующих частей Добровольческой и других Белых Армий. Крушение белых фронтов юга России в конце 1919-го и в 1920-х годах, положило конец существованию кадетских корпусов на русской земле, заставило командование приступить к их эвакуации, далеко не всегда успешной, и к устройству спасенных кадет в Югославии.

Первоначально, в Югославии (в то время называвшейся Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев, сокращенно

«С. Х. С.») обосновалось три кадетских корпуса — Русский, Крымский и Донской. Хронологически, первым прибыл в Зарубежье корпус в г. Сараево, создавшийся из остатков Одесского и Киевского кад. корпусов и 2-й роты Полоцкого.

Эвакуация Одессы произошла 25 января ст. ст. 1920 г. Имелась полная возможность заранее принять необходимые меры, чтобы погрузить на пароход не только кадет, но и часть корпусного имущества, но колебания и нераспорядительность директора, полк. Бернацкого, привели к тому, что были упущены все возможности и до последней минуты не было организовано ничего. К утру 25 января фронт уже не существовал и в городе начались беспорядки и стрельба по отходящим частям белых. Только в эту, буквально последнюю, минуту из корпуса в порт стали отправлять кадет с частью чинов персонала; большинство же кадет Одесского корпуса, числом около 400 человек, гл. обр. младших классов, вместе с воспитателями и преподавателями с их семьями, оказались вынужденными отходить походным порядком на румынскую границу, к г. Овидиополю на берегу Днестровского лимана, вместе с большим числом беженцев и остатков частей Добровольческой Армии. После двух попыток перейти по льду Днестровский лиман и получить приют в Аккермане, в занятой румынами Бессарабии, все младшие кадеты и чины персонала с семьями были вынуждены вернуться в Одессу, уже занятую красными, а 1-й и 3-й взводы 1-й роты Одесского корпуса присоединились к формировавшемуся отряду ген. Васильева и ушли в поход в направлении на Тирасполь, в составе 49 кадет с четырьмя офицерами. Более подробное описание этого похода, а также и эвакуации из Одессы тех частей Одесского и Киевского корпусов, которым удалось попасть в порт, помещено в дальнейших главах этой книги; что касается тех, кому пришлось вернуться в Одессу из Аккермана, то судьба их долгое время оставалась неизвестной и только несколько лет спустя стало известно, что к счастью никто из них не погиб, ни в пути, ни по прибытии в здание корпуса, покинутое ими 25 января.

Через Босфор и Салоники, спасшиеся морским путем Киевские, Одесские и Полоцкие кадеты, вместе с сопровождавшими их офицерами и преподавателями с их семьями, были

приняты в Югославию, которая в то время называлась Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев. Вскоре туда же прибыли через Варну младшие классы Киевского кад. корпуса, спасенные из Одессы благодаря мужеству и самоотверженности двух кадет 5-го класса, о чем более подробно будет описано в дальнейшем повествовании.

Прибывшие в Югославию кадеты были первоначально размещены в двух местах — Одесские и Полоцкие, в составе 126 кадет и 20 чинов персонала, в Панчево, на берегу Тамиша, вблизи Белграда, а Киевляне, имея 95 кадет и 18 чинов пресонала, в г. Сисаке, под Загребом. 25 апреля 1920 г. в Панчево прибыли также остатки двух взводов 1-й роты Одесского кад. корпуса, отходившие на румынскую границу, в составе 39 кадет и кап. Реммерта; в составе этой группы были раненые и больные, а двоих из них пришлось временно еще оставить в Бухаресте, на излечении в госпитале.

10 марта 1920 г., по приказу Российского Военного Агента, обе эти группы, Киевская и Одеская, были сведены в одну, сначала под названием Русского Сводного кад. корпуса, во главе которого был поставлен директором ген. лейт. Б. В. Адамович, быв. начальник Виленского воен. училища. В середине июня того же года, обе группы соединились в г. Сараево и образовали одно учебное заведение, которое 5 августа было наименовано Русским кад. корпусом в Сербии, а 20 августа, по распоряжению Главнокомандующего — Русским Киево-Одесским кад. корпусом. Наконец, в приказе от 1-го октября, корпусу было присвоено окончательное название — «Русского кад. корпуса в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев»; приказ этот заканчивался словами: «Предлагаю Вам принять все меры к тому, чтобы корпус был достойным представителем великой России и светочем русской культуры в братских землях балканских славян. Генерал барон Врангель».

Корпус пробыл в Сараево до 5 сентября 1929 г. и был переведен в г. Белую Церковь, где соединился с уже находившимся там Крымским кад. корпусом, предназначенным к закрытию. 6 декабря 1929 г., в день корпусного праздника, Его Величество Король Александр I пожаловал корпус назначением Великого Князя Константина Константиновича его Шефом

и корпус получил наименование «Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кад. корпуса», которое и сохранил до последних дней своего существования.

На долю других кадетских корпусов, попавших в Зарубежье, выпала иная судьба. Петровский Полтавский кад. корпус, переживший те же волны борьбы и смуты, что и другие корпуса на юге России, 21 ноября 1919 г. был эвакуирован во Владикавказский кад. корпус, только что восстановленный на старом месте после разгрома. С большим трудом стала налаживаться жизнь и учение во Владикавказе, но не прошло и полгода, как развал на фронте и отступление Армии снова поставили на очередь вопрос об эвакуации. Ранней весной 1920 года, оба корпуса походным порядком по Военно-Грузинской дороге пробрались в Кутаис, в Грузии, а оттуда, спустя короткое время, в Батум. Жизнь в Грузии, полная лишений, при необходимости огромного труда для изыскания средств, была тяжелым испытанием для личного состава обоих корпусов, во главе которых стоял директор Владикавказского кад. корпуса, ген. майор М. Н. Голеевский. В очень неблагоприятных условиях, на пароходе «Кизил-Арват», кадеты были перевезены из Батума в Крым, при чем ко всем лишениям прибавилась еще сильная эпидемия возвратного тифа. По прибытии в Крым, оба корпуса были размещены в Орианде и соединены в одно учебное заведение, с наименованием Сводный Полтавско-Владикавказский кад. корпус; приказом по Русской Армии ген. Голеевский был зачислен в резерв чинов Военного Управления и директором Сводного корпуса был назначен с 1-го сент. ст. ст. 1920 г., ген.-лейт. В. В. Римский-Корсаков, быв. директор 1-го Московского имп. Екатерины Великой кад. корпуса.

Состав корпуса все время возрастал. На основании приказа ген. Врангеля, с начала августа 1920 г. в Ориаиду стали прибывать откомандированные из частей армии кадеты различных корпусов. Помещения становились тесными и корпус по частям переводился в Массандру, где с первых же дней начались занятия по ряду предметов. Состав корпуса был увеличен до 5 рот, причем 5-я рота (2-й и 1-й классы) оставались в Ориаиде вплоть до эвакуации. Как бы подтверждая тесную

связь корпуса с героической Русской Армией, защищавшей от красных последний клочек русской земли, 9 октября 1920 г. генерал Врангель отдал приказ о присвоении корпусу наименования — Крымский кад. корпус, которое он сохранил до последних дней своего существования.

В то же время, в г. Феодосии, в Крыму, при Константиновском воен. училище образовался интернат молодежи, откомандированной из частей армии еще по приказу ген. Деникина, в своем большинстве не имевших родителей, или не знавших об их местопребывании. В составе интерната были также кадеты Сумского и других кад. корпусов, а заведующим был полк. князь Петр Петрович Шаховской, ротный командир Сумского кад. корпуса. Интернат насчитывал свыше 100 человек и был разделен на 2 возраста: от 8-ми до 14-ти лет, и старше 14-ти лет. К концу лета 1920 г. воспитанники старшего возраста были переведены в Крымский корпус, в Орианду, а младший возраст был разбит на 4 класса и начал свои занятия в помещении Фоедосийской гимназии, находясь в очень тяжелых условиях, почти без учебных пособий и страдая от наступивших холодов, т. к. отопления не имелось. При эвакуации Крыма, интернат был вывезен в трюме парохода «Корнилов», а по прибытии в Константинополь, был перевезен на пароход «Владимир» и целиком влит в Крымский корпус, в составе которого остался и в дальнейшем.

Эвакуация Крымского кад. корпуса началась ночью 1 ноября ст. ст. 1920 г. К этому дню корпус был сосредоточен в Ялте и погружен в полном составе на паровую баржу «Хриси» и пароход «Константин», которые вышли в море в ночь на 2-е ноября. Через три дня оба судна прибыли в Константинополь, где все кадеты были пересажены на пароход «Владимир», и там к ним присоединился Феодосийский интернат с полк. князем Шаховским. Всего оказалось свыше 600 кадет, представлявших почти все Российские корпуса. После долгого и полного неизвестности пребывания на рейде Босфора, пришло наконец известие о том, что кадеты будут приняты в Югославию; 8 декабря н. ст. пароход с корпусом прибыл в бухту Бакар, на территории Королевства С.Х.С., откуда был перевезен в Словению, в лагерь Стрнище при Птуи, где и был размещен в

запущенных и ветхих бараках, построенных еще австрийцами для военно-пленных Великой войны.

Крымский кад. корпус пробыл в Стрнище до конца октября 1922 г. и был перевезен в г. Белую Церковь, вблизи от румынской границы, где уже находилось наше Николаевское кавал. училище. Корпус был размещен в двух каменных, трехэтажных казармах и к этому времени насчитывал 579 кадет, разбитых на 5 рот. В этих новых условиях, корпус просуществовал до 1 сентября 1929 г., после чего был закрыт по решению Державной Комиссии. Часть состава корпуса была соединена с Русским кад. корпусом, который был 5 сентября того же 1929 г. переведен также в Белую Церковь, а другая часть была влита в Донской кад. корпус, тоже находившийся в Югославии, в г. Горажде.

В течение 9-ти лет своего существования в Зарубежье, Крымский кад. корпус выпустил из своих стен свыше 600 кадет с аттестатом зрелости и со свидетельством об окончании 8-ми и 7-ми классов. Ген.-лейтен. В. В. Римский-Корсаков оставался директором до 11 декабря 1924 г., после чего директором был назначен ген.-лейт. М. Н. Промтов, остававшийся на этом посту до самого конца.

Донской Императора Александра III кад. корпус, находившийся в г. Новочеркасске, сравнительно меньше был затронут революцией ввиду того, что находился на казачьей земле, где междоусобица и разложение начались позже, чем в других областях России. Но в конце декабря 1919 г., когда отступающие добровольческие и казачьи части были вынуждены сдать красным Ростов н/Д. и Новочеркасск (25 дек. ст. ст. - 7 янв. 1920 г. нов. ст.), Донской корпус вышел походным порядком в направлении на Новороссийск, откуда был эвакуирован англичанами в Египет и размещен в окрестностях г. Измаилии, на Суэцком канале. Там он просуществовал два года; в 1922 г. кадеты младших классов были перевезены в Буюк-Дерэ (Константинополь), а старшие в Болгарию, причем во время этой переброски корпус был англичанами расформирован.

Но во время Новороссийской эвакуации в 1920 г. не весь состав Донского корпуса был англичанами вывезен в Египет; по пути следования корпуса, а также и в самом Новороссийске,

остались больные сыпным тифом и отставшие кадеты. Инспектор классов Донского корпуса, ген. Рыковский, собрал всех, кого возможно, отставших и больных, которые по выздоровлении в Новороссийске были собраны в команду и перевезены в Крым, сначала в Симферополь, потом в Евпаторию, где получили название «Евпаторийского отделения» корпуса. В этом городе, начиная с апреля 1920 г., это «отделение» сделалось основой Второго Донского корпуса (при наличии в Египте старого корпуса). Ген. Рыковский был назначен директором и ему удалось наладить занятия и внутреннюю жизнь этого корпуса. Одновременно с приказом Главнокомандующего, о котором говорилось выше, аналогичные приказы были отданы Войсковыми Атаманами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, согласно которым, казачью молодежь из частей действующей армии стали направлять во 2-й Донской кад. корпус, для продолжения образования.

Это наименование 2-го Донского кад. корпуса было окончательно утверждено 16 декабря 1920 г., уже после эвакуации, приказом по Донскому Казачьему Войску. Во время Крымской эвакуации корпус был вывезен в Константинополь на пароходе «Добыча»; по прибытии на Босфорский рейд, после ряда перемещений с одного парохода на другой, кадеты и персонал 2-го Донского кад. корпуса были погружены на пароход «Владимир», где уже размещался полностью Крымский кад. корпус. Оба корпуса, после нескольких недель полной неизвестности о своей дальнейшей судьбе, наконец, 8 декабря 1920 г., были привезены в Югославию и высажены в бухте Бакар, в северной части Адриатического моря. Оттуда, 2-й Донской кад. корпус был перевезен в тот же лагерь Стрнище, где разместился и Крымский корпус. Год спустя, Донской корпус был перемещен в Билече, на границе Герцеговины и Черногории, где оставался до сентября 1926 г., после чего был переведен в Горажде, в Боснии, где и оставался до конца своего существования.

После расформирования англичанами Донского корпуса, вывезенного в Египет, приказом Донского Атамана от 25 сент. 1922 г., корпус в Югославии был переименован в Донской Императора Александра III кад. корпус и ему были присвоены

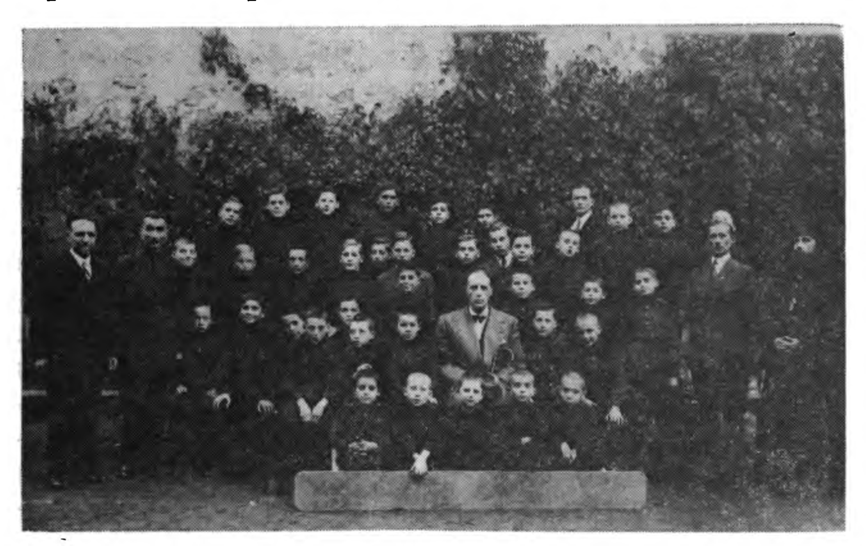
прежние погоны с трафаретным вензелем Августейшего Шефа. Жизнь и занятия в корпусе постепенно налаживались, в корпус стали прибывать юноши, желавшие продолжать свое образование, которых, после испытания их знаний, принимали в соответствующие классы. Корпус состоял из 3-х сотен, с добавлением младшего и старшего приготовительных классов; учебная программа соответствовала курсу Российских кадет. корпусов, с прибавлением некоторых предметов по требованию Министерства Просвещения Королевства С.Х.С. Начиная с 1922 г. был добавлен 8-й класс с выдачей аттестатов зрелости, так наз. «большая матура», как и в других зарубежных корпусах.

Перед переездом корпуса в Билече, был назначен новый директор, ген.-майор Бабкин, но он оставался на своем посту недолгое время и, вместо него, был назначен ген.-майор Е. В. Перрет, бывший до этого инспектором классов, который и остался на этой должности до конца. С 1-го сентября 1929 г., в связи с тем, что Русский кад. корпус получил наименование «Первого Русского», Донской корпус был наименован — 2-й Русский Донской Импер. Александра III кад. корпус. В Горажде корпус существовал до августа 1933 г., после чего был закрыт, а кадеты и большая часть персонала были переведены в Белую Церковь, в Первый Русский кад. корпус. С этого момента на территории Югославии остался лишь один единственный и последний корпус, с его окончательным наименованием — Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кад. корпус.

Помимо корпусов в Югославии, явившихся преемниками и продолжателями традиций и истории Российских Императорских кадетских корпусов, во Франции, в Версале, вблизи Парижа, по мысли ген. Римского-Корсакова, был основан 1-го ноября 1930 г. Корпус-лицей имени Императора Николая II. Его первым директором был ген. Римский-Корсаков, а после него, ген.-майор И. Я. Враский, быв. начальник Военно-Учебных Заведений в Крыму, при ген. Врангеле, а в Югославии штатный преподаватель Крымского и Первого Русского кад. корпусов.

Корпус-лицей существовал на частные пожертвования, гл. образом на ежегодную помощь леди Лидии Павловны Детер-

динг, и его программа была приравнена к средним учеб. заведениям Франции. Ученики носили старую кадетскую форму внутри своего помещения и весь уклад жизни соответствовал порядкам русских кад. корпусов. В корпусе-лицее хранилось и выносилось в строй знамя-стяг Наследника Цесаревича Алексея Николаевича (Его отряда потешных), спасенное и вывезенное заграницу, хранившееся до этого старыми офицерами и юнкерами Николаевского Кавал. Училища. Знамя это, в торжественной обстановке, было передано корпусу генералом Миллером 22-го декабря 1935 года.

Е. В. Князь Гавриил Константинович в Корпусе-Лицее.

С июня 1938 г. Шефом корпуса-лицея состоял Князь Гавриил Константинович, сын покойного Августейшего Начальника Военно-Учебн. Заведений в России. Первый выпуск, в составе 9 чел., состоялся 12 июня 1937 г. и за ним последовали следующие ежегодные выпуски. Корпус-лицей имел свои периоды расцвета и упадка, но в связи с наступившей вскоре войной и с постепенным сокращением притока частных пожертвований, число учащихся постепенно уменьшалось и, через ряд лет после 2-й Мировой войны, это учебное заведение было вынуждено прекратить свое самостоятельное существование.

Нельзя также обойти молчанием судьбу других кадетских корпусов, продолживших свое существование в других областях России, занятых Белыми армиями, а также и Морского, который был восстановлен в Крыму, во второй половине 1919 г., в составе кадетских и гардемаринских классов. Занятия продолжались до момента эвакуации Крыма; корпус покинул Севастополь 30 окт. ст. ст. 1920 г. на борту линейного корабля «Генерал Алексеев» (быв. «Имп. Александр III») и, вместе со всей Белой Русской эскадрой, под флагом адм. Кедрова, через Босфор прибыл в Бизерту, в Тунисе. По пути к Бизерте, по приказу ген. Врангеля, директором корпуса был назначен адм. Герасимов. В составе корпуса находились также и воспитанники Владивостокского Морского Училища, прибывшие в Европу на вспом. крейсерах «Якут» и «Орел», под командой кап. 1-го ранга М. А. Китицина, причем часть гардемарин и кадет осталась в Югославии, а остальные, на «Якуте», пошли в Крым, влившись в состав Морского корпуса в Севастополе, где они составили 1-ю роту.

В Бизерте корпус был расположен в старом форту «Джебель-Кебир», где были возобновлены регулярные занятия и где, после ежегодных экзаменов, происходили выпуски окончивших и производства их в корабельные гардемарины. Многим окончившим удалось выехать в Европу и поступить в Высшие Учебн. Заведения, гл. обр. в Чехословакии.

Осенью 1924 г. Франция признала Советский Союз и это сразу отразилось на положении нашей эскадры в Бизерте. Флаги на судах русского флота были спущены 16/29 октября 1924 года, экипаж эскадры снял военную форму и приступил к передаче кораблей французам. Вскоре после этого, советская власть прислала комиссию для осмотра кораблей, которая признала их негодными для плавания и они были проданы французами на слом. Морской корпус был переименован в «орфелинат» и просуществовал еще около года, до мая 1925 г., но в нем оставались только кадеты. Последний выпуск состоялся в июне 1925 г., после чего корпус прекратил свое существование.

Пребывание в Бизерте Морского корпуса и русских моряков, к изумлению французов и арабов, совершенно изменило

всю жизнь этого африканского городка и оказало на нее громадное влияние в культурном отношении. Была создана церковь, устроен театр, где стали давать концерты и устраивать лекции и балы. В корпусе занятия сменялись парадами, традиционным празднованием 6-го ноября, организацией кружков и офицерских курсов, позволявших дополнить и расширить полученное образование. Все это, вместе взятое, оставило в местном населении самые лучшие воспоминания, сохранившиеся еще долгое время после того, как корпус и флот перестали существовать.

Оренбургский Неплюевский и 2-й Оренбургский корпуса приняли активное участие в боевых действиях против красных при их наступлении на Оренбург и части кадет, после крушения этого фронта, удалось пробраться в Сибирь, где они продолжали свою боевую службу в белых частях. Строевая рота Ташкентского корпуса, вместе с юнкерами, приняла участие в обороне крепости от красных, после чего ташкентские кадеты продолжали борьбу в партизанских отрядах и в белых частях Закаспийской области. В отрядах Чернецова, Семилетова, на подступах к Ростову, Таганрогу, Екатеринодару, всюду были части сформированные полностью из кадет и юнкеров, геройски сражавшихся против красных. Псковский кадет. корпус, эвакуированный в 1917 г. в Казань, во время октябрьского выступления большевиков в этом городе, как и московские кадеты в Москве, присоединился к местным юнкерам, выступившим против красных. В 1918 г. псковские кадеты походным порядком добрались до Иркутска, где снова приняли участие в борьбе. Часть оставшихся в живых пробралась в Оренбург, где вместе с двумя местными корпусами продолжала вооруженную борьбу, другие же присоединились к кадетам сибирских корпусов и разделили с ними их судьбу. Остатки Симбирского корпуса, под командой командира 2-й роты полк. Горизонтова, преодолевая тысячи затруднений и опасностей, пробрались в Иркутск и приняли участие в боях с красными в декабре 1917 года, вместе с юнкерами Иркутского воен. училища.

После 1917 года, в Сибири и на Дальнем Востоке, в тех или иных условиях смогли существовать до 1922 г. Омский (1-й Сибирский), Хабаровский и Иркутский кад. корпуса, в

составе которых было много прикомандированных кадет из корпусов Европейской России, особенно же из приволжских городов. В 1922 г. после захвата красными всей территории Сибири и Дальнего Востока, с Русского Острова (Владивосток), в трагических и тяжелых условиях были вывезены в Шанхай последние остатки, около 400 кадет, Омского и Хабаровского корпусов. Во время перехода в Шанхай, корабли попали в тайфун, в котором бесследно погиб маленький крейсер — «Лейтенант Дадымов», вместе с которым погибли 31 кадет, находившихся на нем. В составе вывезенных были 1-я и 2-я роты Омского корпуса и 1-я рота Хабаровского; в России остались и не могли быть вывезенными 3-я рота Омского корпуса и большая часть 2-й и 3-й рот Хабаровцев. Судьба их осталась неизвестной.

В исключительно тяжелых условиях кадеты оставались в Шанхае до 1924 г., после чего их удалось перевести в Югославию, где они были включены частью в Русский кад. корпус в Сараево, частью в Донской, в Билече; остальная часть была устроена на военный завод в г. Крагуевац, или же распылилась в массе беженцев.

Такова в очень кратких чертах и очень неполная судьба последних Российских кад. корпусов, принявших героическое участие в вооруженной борьбе против красных. Этой борьбе за поруганную Родину отдали свои молодые жизни и силы многие сотни кадет, юношей и мальчиков, на всех фронтах Белых Армий. Их имена знает лишь один Господь Бог и только лишь о малой их части сохранили память их товарищи, которым удалось спастись и найти приют в Зарубежье.

Первые месяцы пребывания корпусов в Югославии ознаменовались тяжелой борьбой за существование: корпуса не имели никакого имущества, не было ни учебных пособий, ни белья, ни обуви, ни одежды, питание было скудное и недостаточное. Было только то, что имелось на кадетах и на чинах персонала, не говоря о том, что на многих из них не было почти ничего; как кадеты, так и офицерский состав, были люди измученные перенесенными испытаниями, потерявшие душевное равновесие в результате гражданской войны и потери Родины, отвыкшие от корпусных порядков и дисциплины и с тру-

дом мирившиеся с необходимостью снова браться за занятия, да еще при полном отсутствии не только всего необходимого, но даже и самых элементарных условий для сносной жизни. Всюду была грязь, нищета и полная неуверенность в будущем. Крымские и донские кадеты провели зиму 1920-21 гг. в особенно тяжелых условиях, находясь в бараках, которые были лишены даже самой примитивной мебели и очень плохо отапливались.

Русский корпус, после переезда в Сараево, находился в немного более лучших условиях; корпус был размещен в обширной каменной казарме, построенной еще при австрийцах, где удалось довольно быстро создать сносные условия существования. Но появление в Сараево русских кадет вызвало неприятную реакцию со стороны части населения, которое под влиянием лживой пропаганды советофильских кругов, отнеслось к корпусу недоверчиво, а во многих случаях даже враждебно. Появлялись клеветнические статьи в местных органах печати, сопровождаемые оскорбительными каррикатурами; авторами были не только большевизанствующие элементы, но и бывшие австрийские подданные, которые смотрели на корпус как на нечто, навязанное им сербами и сербским королем.

Такое положение продолжалось несколько первых месяцев до того дня, когда 23 сент. 1920 г. две сводные роты Русского кад. корпуса приняли участие в большом параде Королевской гвардии и гарнизона г. Сараево, по случаю приезда в город Регента Королевича Александра. Блестящая выправка кадет и их безукоризненное прохождение перед Королевичем вызвали бурную овацию со стороны населения и Королевич сказал в тот день вечером директору корпуса ген. Адамовичу, что «Ваши кадеты были украшением моего парада!» С этого дня корпус завоевал себе прочные симпатии в среде населения и военных кругов.

В корпус стали поступать сербские юноши, учившиеся до революции в Российских кад. корпусах; многие сербские семьи стали приглашать к себе по праздникам русских кадет, многие официальные и частные лица стали делать подарки и денежные пожертвования, стремясь как можно шире помочь кадетам во всех областях жизни. Но совершенно исключитель-

ное место в истории корпусов и в жизни кадет в Югославии занял Король-Рыцарь Александр I. Без всякого преувеличения можно сказать, что именно Ему корпуса обязаны не только улучшением своего положения, но и самим фактом продолжительности их существования в Югославии. Знаки Его внимания к корпусам были многочисленны и разнообразны, несмотря на некоторое противодействие левых членов правительства и Скупщины. Достаточно упомянуть о таких, например, фактах, как разрешение кадетам и офицерам носить русскую военную форму, а офицерам и холодное оружие, предоставление корпусу в Сараево обширной и удобной казармы в центре города, а также и закрепление за корпусом здания в Белой Церкви после переезда в этот город, привлечение корпуса к участию в парадах в составе гарнизона, присылки Своих представителей, так наз. «Изасланников», в дни корпусных праздников, а в Белой Церкви и на выпускные вечера, неоднократная денежная помощь для обмундирования выпускных. кадет, во всем этом неизменно проявлялось благоволение Короля Александра I и Его стремление облегчить кадетам жизнь на чужбине. Следуя примеру своего короля, офицерство и национально настроенные круги населения Югославии быстро поняли, какой внутренний смысл заложен в существование корпусов и что они являются достойными представителями Великой России, которую любили и почитали их отцы и деды. Благодарное чувство и преданность к Королю-Рыцарю Александру I свято сохранялись в сердцах кадет и весть об Его мученической кончине в 1934 г. была принята в корпусе, как горестное известие о потере отца, защитника и покровителя.

В материальном отношении положение корпусов было неодинаково в течение первого периода их пребывания в Югославии. Первоначально, средства для содержания корпуса в Сараево получались и от Управления Русского Военного Агента, и из сумм Представителя Главнокомандующего, и путем обмена привезенных денег Добровольческой Армии на сербскую валюту, через сенатора Никифорова в Белграде. Летом 1920 г. средства отпускались из 3-х миллионного кредита на беженцев из Сербского Банка. Вещи, продукты, кровати, дал частично Американский Красный Крест, а по переезде в Сараево, пред-

меты обстановки, продукты, одежда, белье и лекарства были получены от сербского интендантства и из военных складов. До 1923 г. различные предметы обмундирования получались от Управления Главнокомандующего, от Российского Военного Агента и от Британского Красного Креста. После падения Крыма, содержание всех корпусов стало постепенно переходить в ведение Державной Комиссии.

Крымский кад. корпус, до 1 июня 1921 г., не имел никаких специальных ассигнований и зависел полностью от Державной Комиссии. На каждого кадета отпускалось по 240 дин. в месяц, как и всякому беженцу. Эта сумма была так мала, что ее с трудом хватало лишь на питание и удавалось уделить лишь незначительную часть на учебные пособия; но не оставалось никаких средств, чтобы платить содержание чинам персонала, которые были вынуждены исполнять свои обязанности безвозмездно. Только с июля 1921 г. Державная Комиссия увеличила до 300 дин. отпуск средств на каждого кадета и назначила содержание всем служащим по 400 дин., плюс беженское пособие.

К сожалению, среди руководящих лиц Державной Комиссии оказались недоброжелатели корпусов и обладатели взглядов, враждебных идеям национальной России. Корпуса рассматривались, как рассадники «нездоровой солдатчины» и «шагистики», как заведения неприспособленные к современной жизни и неспособные дать молодежи те взгляды и знания, которые помогли бы ей в новых жизненных условиях, которые ее ожидали на чужбине. Сметы, составленные на содержание корпусов, по мере того как стали переходить в ведение Державной Комиссии, подвергались беспрестанным сокращениям; корпуса все время испытывали материальную нужду, были периоды когда приходилось экономить даже на питании кадет, получение средств часто задерживалось настолько, что для покрытия срочных расходов приходилось прибегать к займам у частных лиц. Сметы и штаты менялись иногда чуть ли не каждый месяц и уж во всяком случае каждый год. Были неоднократные сокращения количества кадет и персонала, было также стремление превратить корпуса в гражданские учебные заведения; так например, к началу 1924-25 учебн. года, по рас-

поряжению Учебного Совета Державной Комиссии, во всех трех корпусах было отменено разделение кадет на роты (в Донском корпусе на сотни), которые были заменены «возрастами»; должности ротных командиров упразднялись и руководство воспитанием кадет возлагалось на одного из воспитателей, со званием старшего воспитателя возраста. Но мера эта осталась лишь на бумаге и не привилась.

Неоднократно поднимались вопросы о закрытии одного из корпусов, а также о закрытии младших классов то в одном, то в другом из них, и о прекращении приема новых учеников. Кадетским корпусам и их директорам приходилось вести безостановочную борьбу за существование и побеждать препятствия и затруднения, возникавшие чуть ли не ежемесячно. Но несмотря на все усилия, не удалось сохранить все корпуса в их первоначальном виде. Русский корпус лишился своего обширного и удобного помещения в Сараево и, 5 сентября 1929 года, был переведен в г. Белую Церковь. Одновременно, находившийся там Крымский кад. корпус был закрыт, часть кадет и персонала были соединены с прибывшим Русским корпусом, который был наименован Первым Русским. Другая часть была переведена в Донской имп. Александра III кад. корпус, находившийся в г. Горажде. В 1933 г. и Донской корпус был закрыт, а оставшиеся кадеты переведены в Белую Церковь, в Первый Русский Вел. Князя Константина Константиновича кад. корпус, оставшийся единственным и последним русским корпусом в Зарубежье.

Помимо описанных выше препятствий и затруднений, очень тяжелым вопросом вначале была забота о судьбе выпускных кадет; 1-й выпуск в корпусе в Сараево был произведен еще до падения Крыма, 4 августа 1920 г. и весь выпуск, почти без исключения, был отправлен в военные училища в Крым, где большинство погибло в последних боях и во время эвакуации. В 1921 году, выпуски Русского и Крымского корпусов (соотв. 2-й и 1-й вып.) разделились на две неравные части: одна пошла в Николаевское кавал. училище в Белой Церкви, а другая в Высшие Учебные Заведения, гл. обр. в Белградский и Загребский Университеты. Но по прибытии в Белград выяснилось, что Министерство Просвещения считает 7-ми лет-

ний курс кадетского корпуса недостаточным по сравнению с 8-ю годами средних учебных заведений Королевства и что, по этой причине, кадеты не могут быть приняты сразу на 1-й курс технических факультетов. Единственно доступными оказались агрономический и философский (физ. матем. отделение) факультеты, причем после одного года пребывания на этом последнем, можно было перейти на 1-й курс одного из технических факультетов, при условии сдачи всех зачетов. Это непредвиденное препятствие поставило кадет в исключительно тяжелое положение. Пока шли все эти хлопоты, Державная Комиссия не отпускала на них никаких средств, а городская администрация не давала разрешения на жительство в Белграде. Испытывая очень тяжелые материальные стеснения, кадеты были вынуждены работать в качестве чернорабочих и, одновременно, хлопотать о своей судьбе, пока не удалось, наконец, преодолеть все препятствия.

Ввиду такого положения, начиная с 1922 г., с целью облегчить выпускным кадетам поступление в Университеты, во всех корпусах курс обучения был увеличен на 1 год и был введен 8-й клас, по окончании которого и после экзаменов в присутствии представителей Министерства Просвещения Королевства, выпускные кадеты получали аттестат зрелости, так наз. «матуру». Прохождение курса 8-го класса было добровольным и те, кто не хотел задерживаться на лишний год, выпускались из корпуса с обычным аттестатом за 7 классов. Несмотря на все, введение 8-го класса само по себе еще не открыло перед выпускными кадетами дверей университетов и пришлось много хлопотать о том, чтобы Министерство Просвещения признало бы равноправие корпусов со средне-учебными заведениями Королевства. Только в середине 1923 г. этот больной вопрос был разрешен благоприятно и прекратилась тревога и беспокойство о судьбе выпускных кадет.

В 1923 г. пяти кадетам 2-го выпуска Русского кад. корпуса удалось пробраться в Бельгию, где они получили стипендию кардинала Мерсье и были приняты в Лувенский Университет. С каждым годом эта группа увеличивалась приездом новых выпускных кадет, также и других корпусов, которые тоже зачислялись на стипендии и поступали в университеты

в Лувене, в Генте и в Льеже. Отдельным кадетам удалось также устроиться в Высш. Учебн. Заведения в Брюсселе, в Праге и во Франции.

Начиная с 1922 г. окончивших кадет начали принимать в Военную Академию в Белграде (военное училище). Много кадет Русского и Крымского корпусов прошли курс этой Академии, получили производство в офицерский чин и посвятили себя военной службе в Югославской Королевской Армии. Многие из них дослужились до чинов майора и капитана «первого класса», были также и кончившие «Высшую Школу Военной Академии» и все они своими успехами заслужили одобрительные отзывы со стороны начальства и командования, как в Академии, так и во воинских частях.

Несмотря на все затруднения, несмотря на все тяжелые периоды, которые пришлось пережить, в корпусах творилась большая культурная и национальная работа. К началу 2-й Мировой войны, оглядываясь на пройденный путь за 20 лет пребывания на чужбине, последний Русский кад. корпус в Белой Церкви мог с гордостью и с чувством глубокого удовлетворения сказать, что завет Главнокомандующего был исполнен и корпуса были, действительно, достойными представителями Великой России и светочами русской культуры в братских землях балканских славян, как это сказал ген. Врангель в своем приказе 1-го октября 1920 года. Помимо установленной учебной программы, в корпусах были организованы и деятельно работали многочисленные кружки, позволявшие желающим кадетам расширять свои знания в самых разнообразных областях.

Были организованы мастерские — столярная, переплетная, слесарная и сапожная; устраивались литературные вечера и конкурсы, издавались памятки, посвященные или произведениям кадет, или описаниям жизни корпуса, или отдельным важным событиям. Все эти выпущенные памятки, одна Крымского корпуса, две Русского (Сараево) и четыре Первого Русского Вел. Князя Константина Константиновича (Белая Церковь), печатались в ограниченном количестве экземпляров и все стали теперь библиографическими редкостями. Устраивались доклады на исторические и литературные темы,

организовывались театральные представления, причем ставились также и пьесы, авторами которых были иногда и сами кадеты.

Корпуса принимали также участие в Сараево и в Белграде в различных выставках, получая и призы, и похвальные отзывы. Кадеты всех трех корпусов принимали успешное участие в сокольских слетах в Белграде и в Праге, не говоря уже о частых гимнастических состязаниях в местах расположения корпусов, вызывавших восторженные отзывы у всех зрителей. В корпусе в Сараево был организован обширный музей, перешедший потом вместе с корпусом в Белую Церковь, посвященный Российским кад. корпусам, воен. училищам, Императорской и Белой армиям, и глубоко почитаемому, незабвенному Вел. Князю Константину Константиновичу. Помимо различных предметов и документов, в церкви и в музее сохранялись многие реликвии Русской Армии, знамена и частицы знамен кадетских корпусов и воинских частей, а также был целый отдел, посвященный последнему Главнокомандующему, генералу барону П. Н. Врангелю. При корпусе была устроена церковь, в которой имелось много икон и священных предметов, принадлежавших раньше кадетским корпусам и полкам Российской Армии. Иконостас и многие иконы были сооружены по проектам и трудами офицеров и кадет корпуса.

Начиная с 1921 г., в течение летнего времени устраивались экскурсии для кадет, остававшихся в корпусах на лето. С течением времени эти экскурсии стали делаться не только в окрестности, но и в более отдаленные местности Боснии, Герцеговины, Далмации, Черногории и других областей Югославии. Во время этих экскурсий, кадеты знакомились с красотами природы страны, с историческими памятниками и с теми местами, где сохранялись воспоминания о России и об ее участии в жизни и в истории Сербии и Черногории. Продолжительность экскурсий была от одного до 25-ти дней и в них принимали участие десятки кадет в сопровождении своих офицеров-воспитателей. Подробное описание всего, что было сделано корпусами в области культурной и образовательной работы, заняло бы много места; такие описания имеются в памятке Крымского корпуса, изданной в 1934 г., и в шестой

памятке Первого Русского корпуса, выпущенной в 1940 г. по случаю 20-тилетнего существования за рубежом, в настоящем же введении имеется лишь очень краткий и общий перечень этой многообразной культурной работы.

Но и этот краткий обзор наглядно доказывает, что корпуса в Югославии не были лишь рассадниками «солдатчины» и проводниками «шагистики», как это стремились утверждать недоброжелатели корпусов и враги национальной России. Наоборот, воспитание и образование, которые корпуса давали кадетам, привели к тому, что из среды окончивших кадет вышло много будущих известных крупных инженеров, техников, архитекторов, врачей, хирургов, педагогов, профессоров, писателей и журналистов, и других деятелей во всех областях культуры и техники. Ряд бывших кадет был оставлен при университетах в Югославии и во Франции для научной работы, многие были директорами фабрик и заводов, в частности в Бельгии. Заслуживает также особого внимания тот факт, что из среды кадет Крымского корпуса вышло три иерарха Русской Зарубежной Православной Церкви, а из всех трех корпусов вместе — несколько будущих священников, чьи имена встали наравне с наиболее известными именами православных пастырей русского Зарубежья.

Всеми своими успехами корпуса обязаны чувству понимания своего долга со стороны кадет и самоотверженной, преданной и жертвенной работе воспитательского и педагогического персонала, во главе с директорами и инспекторами классов. Особенно тяжелая работа выпала на долю первого директора Крымского кад. корпуса, ген.-лейт. В. В. Римского-Корсакова, который вывез корпус из Крыма и руководил им свыше четырех лет, вплоть до 11 декабря 1924 г. Ему была суждена труднейшая и неблагодарная роль, в напряженной обстановке тыла в вооруженной борьбе в Крыму, собирать нашу молодежь, бросившуюся с юношеским пылом в эту борьбу или спугнутую ею со школьных скамей, организовать большое учебное заведение, перевезти его на чужбину, вынести всю громадную черновую работу по устройству и снабжению, а главное по воспитанию и даже, что еще тяжелее, по успокоению и перевоспитанию юношества, прошедшего сквозь огонь и драму граж-

данской войны. Преодолев бесчисленные препятствия, генералу Римскому-Корсакову удалось превратить корпус на чужбине в образцовое учебное заведение, заслужить любовь и уважение своих воспитанников, которые его всегда называли «наш дедушка» и с чувством глубокой печали встретили известие об его уходе. Его преемнику на посту директора Крымского кад. корпуса, ген.-лейт. М. Н. Промтову, посчастливилось принять корпус уже упрочившим свое положение и он приложил свои усилия к тому, чтобы продолжить и развить сделанное его предшественником и добиться полного благоустройства во всех областях внутренней жизни и учебных занятий.

Тяжелая задача выпала также на долю ген.-лейт. Б. В. Адамовича, директора Русского кад. корпуса (Сараево) с 1920 по 1929 годы и Первого Русского Вел. Князя Константина Константиновича (Белая Церковь), вплоть до его кончины в 1936 году. Генерал Адамович был назначен директором Русского, тогда еще Сводного, кад. корпуса 10 марта 1920 г., по предложению ген. Артамонова, нашего Военного Агента в Белграде. Перед ним лежала задача не только организовать питание, обучение и всю жизнь кадет и персонала, не только подыскать удобное и достаточно большое помещение, но и создать порядок и дисциплину, завоевать признание и уважение к корпусу со стороны югославских властей и населения г. Сараево и, в не меньшей степени, со стороны русского Зарубежья. Обстановка осложнялась отсутствием мира и единения между кадетами двух, сведенных воедино, корпусов, причем это сказывалось также и в среде персонала. Задача эта была бы, может быть, не по силам более заурядному человеку, но ген. Адамович, со свойственной ему силой воли, оказался человеком не способным ни на сделки с совестью, ни на малейшее отклонение от той линии поведения, которую он рассматривал, как исполнение своего последнего офицерского долга.

По отзывам многих его подчиненных, служить с ним было не легко и он производил впечатление холодного и сурового человека. Со стороны многих кадет, особенно в первые годы, отношение к нему было в лучшем случае сдержанное и настороженное, а у некоторых явно недоверчивое. Тем не менее, кадеты знали и понимали всю ту тяжелую борьбу, которую

вел ген. Адамович для защиты и блага корпуса и сами прилагали все свои усилия к тому, чтобы поднять его репутацию на должную высоту. Справедливость требует признать, что несмотря на внешнюю сухость и служебную требовательность, особенностью ген. Адамовича было редкое явление, которое заключалось в том, что вся его личность, все помыслы и каждый шаг его жизни тесно сливались с корпусом так, что получалось одно целое, где невозможно было отделить его самого от его дела. Он жил корпусом и кадетами и посвятил своему детищу все свои силы, здоровье и всю свою жизнь.

Тяжелая и безостановочная борьба за корпус подорвала силы генерала Адамовича. После долгой болезни, он скончался 22 марта 1936 г. в Державной Больнице Сараево, пережив лишь на короткое время Короля Александра I, мученическую кончину которого он восприял, как большое горе не только Югославии, но и Русского Зарубежья. После смерти ген. Адамовича, временно исполнял обязанности директора инспектор классов полк. В. А. Розанов, а с августа месяца 1936 г. его заменил ген.-майор А. Г. Попов, утвержденный в этой должности с 1 сентября того же года, распоряжением Державной Комиссии. Ген. Попов был последним директором последнего кадетского корпуса и ему суждено было пережить с ним 2-ю Мировую войну, немецкую оккупацию Югославии и эвакуацию остатков корпуса в Германию, буквально в последнюю минуту перед приходом красных.

По мере того, как все новые и новые выпуски кадет оканчивали корпуса и вылетали в жизнь, в их среде проявлялось естественное желание сохранить свою кадетскую спайку и не распылиться в массе беженцев. С этой целью, повсюду где обосновалась более или менее значительная группа быв. кадет, стали образовываться Объединения, которые имели своей целью вопросы взаимопомощи и поддержания связи, защиту своих групповых интересов в массе студенчества, а также и оказание помощи кадетам, вновь оканчивающим корпус и поступающим в Высшие Учебные Заведения. Одним из видов такой помощи были несколько случаев учреждения стипендий для этой цели на средства, которые составлялись путем само-

обложения, а также и из доходов от устройства ежегодных балов.

Первым было основано в Белграде «Объединение б. кадет, окончивших Русский кад. корпус в Королевстве С. Х. С.», устав которого был утвержден ген. Адамовичем 17 апр. 1923 года, а сам он принял звание Почетного Председателя. В 1925 году 27 ноября, было основано в Бельгии, в г. Лувене, «Бельгийское отделение» того же Объединения. Обе организации были основаны по инициативе А. Росселевича, кадета 2-го выпуска, 1921 года. За ними последовало Объединение в Загребе, основанное в 1929 году. Объединение в Белграде, в своем первоначальном виде, просуществовало недолго и было возрождено в 1926 году с некоторыми изменениями в уставе. Во все эти Объединения входили на равных правах также и быв. кадеты Крымского кад. корпуса, учившиеся в том же университете, или проживавшие в том же городе. В 1929 году, в Белграде и в Загребе было создано «Объединение быв. кадет, персонала и служащих Крымского кад. корпуса», сразу же после его расформирования 1 сент. того же года.

После переезда в Белую Церковь и присвоения корпусу наименования Первого Русского Вел. Князя Константина Константиновича, ген. Адамович создал Общество «Княже-Константиновцев»; его членами могли быть кадеты, окончившие 7 или 8 классов Русского кад. корпуса, начиная с 1-го выпуска, а также и окончившие полный курс старые кадеты Киевского, Одесского, Полоцкого, Крымского, Полтавского и Владикавказского корпусов и чины персонала всех этих корпусов. Устав Общества был утвержден 10 августа 1930 г. Великим Князем Гавриилом Константиновичем, принявшим звание Августейшего Покровителя «Княже-Константиновцев»; согласно этому уставу, директор корпуса, в то время ген. Адамович, являлся по должности Председателем Общества. Существовавшие тогда Объединения в Белграде, в Загребе, в Бельгии и в Сараево, были переименованы в Отделы Общества, имевшие право самостоятельно решать все вопросы своей внутренней жизни, не затрагивавшие интересов всего Общества в целом. Из всех этих Отделов в настоящее время сохранился лишь один Бельгийский, существующий как самостоятельная организация, т. к. из-за

пронесшейся войны, ни один из прежде существовавших других Отделов в Европе не смог сохраниться. Долголетним председателем в Бельгии состоит Г. С. Гуторович, окончивший корпус в Сараево, во 2-м выпуске, в 1921 г. Княжна Вера Константиновна является Почетной Председательницей Объединения.

В последние годы перед 2-й Мировой войной корпусу снова пришлось пережить ряд испытаний: в 1935 году, из-за сокращения средств Державной Комиссией, были закрыты младшие три класса. Заступничество влиятельных лиц, обращение с просьбами к Правительству и к Державной Комиссии различных русских организаций, позволили все же открыть 2-й и 3-й классы, а в 1938/39 учебном году корпус снова имел полное число классов.

2-я Мировая война, охватившая почти всю территорию Европы и вызвавшая небывалые военные и политические потрясения, оказалась для корпуса началом конца. Югославия была оккупирована немецкими войсками и нормальное течение жизни было полностью разрушено; но несмотря на это, в корпусе продолжались занятия и делалось все возможное, чтобы обеспечить кадетам и персоналу питание и безопасность. Опять, как и в годы гражданской войны в России, многие старшие кадеты устремились в противобольшевистские формирования — в Русский Охранный Корпус, в казачьи части и в ряды «РОА», Русской Освободительной Армии, причем позже, личный конвой ген. А. А. Власова был укомплектован из юношей кадет. Последним выпуском, который удалось сделать корпусу, был XXIV в 1943/44 учебном году. Военные события развивались с невероятной быстротой и красная армия теснила германские и румынские войска так, что к началу сентября 1944 г. уже была занята почти вся Румыния.

Несмотря на угрожающее положение, не было ни заблаговременного приказа об эвакуации корпуса, ни каких-либо подготовительных мер, хотя уже с июня месяца можно было ожидать начала конца. Корпус был эвакуирован неожиданно и поспешно: произошло это 10 сентября 1944 года и этот день нужно считать последним днем существования корпуса на тер-

ритории Югославии, когда закрылась навсегда последняя страница его славной истории.

Эвакуации корпуса посвящена особая глава в конце этой книги, а пока нужно сказать, что вывезенные кадеты, вместе с директором генералом А. Г. Поповым и несколькими чинами персонала, были доставлены в г. Егер, в Германии, откуда большинству из них, через несколько лет, удалось выехать в другие страны, гл. образом в Южную и Северную Америку. В этих странах, повсюду где собирались более или менее крупные группы б. кадет, стали образовываться Объединения, или ввиде самостоятельных организаций, или ввиде групп Зарубежных кадет в составе Обще-Кадетских Объединений. Как организации самостоятельные, в настоящее время существуют следующие: Общество Княже-Константиновцев в Бельгии, о котором уже упоминалось выше, затем Объединения в Чикаго (С.Ш.А.), в Каракасе (Венецуэла) и в Нью Йорке, где Почетной Председательницей является Ея Высочество Княжна Вера Константиновна, младшая дочь Августейшего Шефа, Великого Князя Константина Константиновича. Крупные группы кадет Княже-Константиновцев существуют в С.-Франциско, Лос Анджелесе, Монреале, Торонто, Буэнос-Айресе и в Бразилии, где они входят в Обще-Кадетские Объединения.

Все эти организации и группы ставят своей целью оказание помощи чинам персонала корпуса и их вдовам и семьям, своим больным и неработоспособным однокашникам, а также, как это делает Объединение в Нью-Йорке, создание стипендий для получения образования в русской средней школе для детей своих членов. Необходимо добавить, что почти во все указанные выше организации б. кадет Российских Зарубежных корпусов, входят на равных правах кадеты всех трех корпусов, начиная с первых выпусков 1920 и 1921 г.г. и кончая теми, кто покинул территорию Югославии в 1944 г., не успев кончить полный курс корпуса.

В заключение, кадеты считают своим долгом еще раз высказать чувство глубокой и искренней благодарности по отношению к убиенному Королю-Рыцарю Александру Первому, правительству и населению Югославии за ту отзывчивость к их нуждам и за братскую по-

мощь, которую они оказали нашим корпусам, и что навсегда осталось ярким воспоминанием, скрасившим горькие события потери Родины.

Заканчивая это введение, кадеты не могут не помянуть добрым словом своих офицеров-воспитателей, преподавателей и чинов административно-хозяйственного персонала всех трех корпусов, разделивших с ними все тяжелые испытания и самоотверженно отдававших все свои силы и здоровье на то, чтобы превратить юношей и детей, лишенных семейного уюта и измученных всем пережитым в годы гражданской войны и эвакуаций, в достойных наследников всех предыдущих поколений Российских кадет.

Содержание этой книги разделяется на три отдела, каждый из которых посвящен одному из наших трех корпусов. Эти отделы расположены в той последовательности, в которой корпуса прекращали свое существование, а оставшиеся кадеты переводились в те корпуса, которые еще сохранялись. Таким образом, следуя этой последовательности, дальнейшее содержание начинается с Крымского кад. корпуса, закрытого в 1929 году, продолжается Донским Имп. Александра III кад. корпусом, существовавшим до 1933 г. и заканчивается Первым Русским Вел. Князя Константина Константиновича кад. корпусом, вплоть до конца его существования в 1945 г.

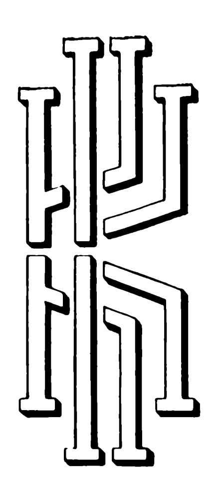
В составлении книги принимали участие кадеты разных выпусков всех трех корпусов, используя для этой цели и личные воспоминания, и сведения из тех Памяток, которые были выпущены в Югославии. Редакционная Комиссия и Правление Объединения приносит свою благодарность всем однокашникам, оказавшим им содействие в их работе, или приславшим свои очерки и воспоминания.

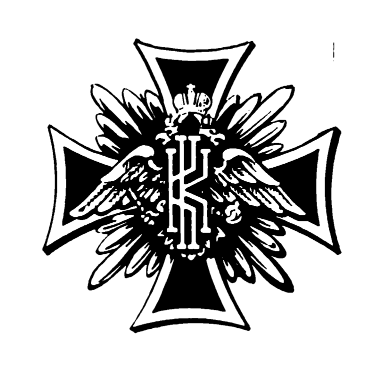
Корпусные бараки в Стрнице

Здание Донского Корпуса в Билече.

КРЫМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

1920 - 1929

Крымскому Кадетскому Корпусу

Здесь на чужбине каждый из нас

должен помнить, что он представляет собою

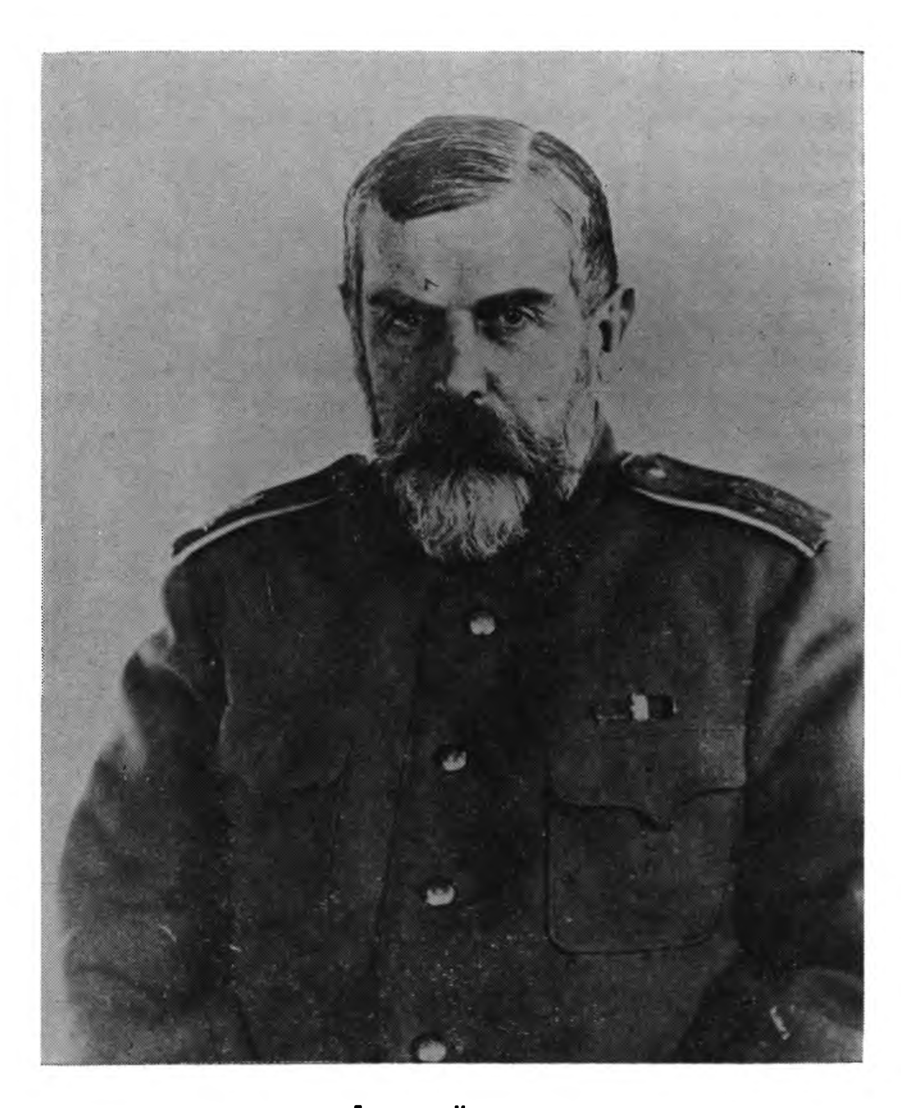
нашу Родину и высоко держать русскую честь.

Генерал Врангель

Главнокомандующий Генерал Барон Врангель

Основатель Крымского Кадетского Корпуса.

Директор Корпуса

Генерал-Лейтенант В. В. Римский-Корсаков

1920 - 1924

Директор Корпуса.

Генерал-Лейтенант М. Н. Промтов

1924 - 1929.

Павшим кадетам 1920 - 1945 гг.

Вещими зовами древних религий,
Звала Отчизна миражем пустыни!
Эту Россию, из песен и книги,
Вы научились любить на чужбине.

Доблестно бросились в страшные годы
Биться за наши исконные цели,
Чтоб на Руси не стоять эшафотам,
Чтобы на храмах кресты заблестели.

Меткая пуля, свинцовый осколок
Вас на пороге Отчизны сразили
Чин погребения прост и недолог
Речи надгробные коротки были.

Верность неведомой Даме до гроба,
Стала исполненным долгом кадета
Бог весть, какая чужая трущоба
Подвигом гибели будет воспета.

Мюнхен 1949 г.

кн. Н. Кудашев

Кадет выпуска 1922 г.

«Один за всех, все за одного»

КРЫМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Было то страшное время, когда кадетам, да и всей русской молодежи, приходилось не только «готовить себя на служенье», как сказано в известной кадетской песне, но уже теперь брать винтовку и становиться в строй, чтобы с горстью верных и храбрых бороться за спасение Родины, за существование России, за человеческую жизнь, свободу и правду.

Они бежали из родной семьи, из гибнувших русских кадетских корпусов и шли не на зовы славы, красоты борьбы или подвига, а в полную неизвестность, на гибель, страдания, на неравную борьбу во имя России, которую они беззаветно любили.

Армия отошла в Крым. А с ней туда стекалось все бывшее душей с армией, неразрывно всей жизнью своей с ней связанное; прибыли прорвавшиеся на юг остатки русских кадетских корпусов; слетались одиночные кадеты.

Армия из «Добровольческой» стала «Русской», шла напряженнейшая неравная борьба за Россию. Главнокомандующий, генерал Врангель, хотел строить будущие кадры армии и, на ряду с уже существовавшими военными училищами, задумал создание кадетского корпуса.

Эта юная военная школа зародилась на последней пяди русской земли, в дни страшной борьбы за нее:

КРЫМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС !

На формирование его пошли, прибывшие на территорию Крыма летом 1920 года, под именем «Свободного Полтавско-Владикавказского кадетского корпуса», остатки этих корпусов.

История создания Крымского Кадетского Корпуса начинается 21-XI-1919 г. В этот день Петровский Полтавский Кадетский Корпус покинул Полтаву для того, чтобы через несколько дней начать совместную жизнь с Владикавказским

Кад. Корпусом, которая продолжалась 10 лет, до закрытия Крымского кадетского корпуса 1-IX-1929 года.

Путешествие от Полтавы до Владикавказа продолжалось две недели. Эшелон корпуса прибыл во Владикавказ 4. XII. 1919 г. Устройство и размещение полтавцев в помещениях Владикавказского кадетского корпуса заняло почти две недели. Нужно было перегруппировать кадет по классам, составить общее расписание уроков, организовать администрацию, хозяйство, педагогическую и строевую часть. Только к Рождеству 1919 г. Сводный Кадетский Корпус начал более или менее нормальную жизнь учебного заведения, во главе с директором Владикавказского кад. корпуса, ген.-майором М. Н. Голеевским.

Но не долго продолжалась только-только налаженная жизнь нового кадетского корпуса. Условия гражданской войны заставили оставить Владикавказ и эвакуироваться в Грузию. На этот раз для эвакуации корпуса не был предоставлен транспорт и корпус 4-III-1920 г. двинулся походным порядком по Военно-Грузинской дороге на Кутаис. В этот поход выступили оба кадетских корпуса, Полтавский и Владикавказский, в составе 800 человек, со всем персоналом и с их семьями. Переход совершался почти без вареной пищи; имелись лишь сухие продукты и чай, который удавалось сделать или днем, на привале, или только вечером. Переходы совершались по 25-30 километров в день, с таким рассчетом, чтобы не ночевать под открытым небом, тем более, что были и кадеты в возрасте 9-ти и 10-ти лет. Их старались устроить на подводы, которых было очень мало и они служили главным образом для провианта.

В первый же переход, во время ночлега убежал один ингуш с подводой, увезя большое количество провианта и угнав четырех лошадей. Это заставило применять меры охраны в ночное время. Впрочем и дневные переходы требовали внимания и осторожности, так как колонна часто подвергалась обстрелу из аулов, видневшихся в горах, на другом берегу Терека. Несколько кадет были ранены во время этих перестрелок.

Корпуса добрались до Грузии после 7-ми дневного перехода и на станции Боржом получили свой первый длительный

отдых. Только 23 марта корпуса прибыли в Кутаис. Грузинские власти не оказали никакой помощи. Корпуса, помещенные за проволоку в какой-то лагерь, питались остатками вывезенных запасов. Персоналу пришлось добывать средства обменом русских денег и продажей предметов обмундирования и белья. Ко всем горестям прибавились болезни, часто со смертельным исходом.

Из Кутаиса в Батум корпуса были доставлены по железной дороге и оттуда, 9-го июня 1920 года, на пароходе «Кизил-Арват» перевезены в Крым. Во время этого перехода разразилась сильная эпидемия возвратного тифа. Несмотря на все лишения и бедствия, а может быть именно вследствие их, создалось прочное взаимное понимание, как между кадетами этих двух корпусов, так и между кадетами и персоналом. Это безусловно способствовало тому, что по прибытии в Крым, удалось быстро и успешно провести соединение обоих корпусов в одно военно-учебное заведение, официально названное «Сводный Полтавско-Владикавказский Кадетский Корпус». Снова надо было налаживать жизнь на этом последнем островке русской земли. Первые месяцы в Крыму Сводный корпус был размещен в местечке Орианда, где и шла работа по созданию учебного заведения.

В начале июля прибыл назначенный, вместо зачисленного в резерв чинов Военного Управления ген.-майора Голеевского, новый директор корпуса, долголетний директор 1-го Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса, ген.-лейт. Владимир Валерьянович Римский-Корсаков.

Выпускные экзамены 1-го выпуска Сводного Полтавско-Владикавказского Корпуса предполагалось провести в конце мая и начале июня, но сделать это не удалось, т.-к. фактически выпускной класс отсутствовал, также как и 6-й и часть 5-го класса, находясь в это время на фронте. Все же, незадолго до эвакуации, несколько кадет получили аттестаты об окончании корпуса. Среди них первый вице-фельдфебель Кидалов. С его уходом в училище, вице-фельдфебелем был назначен Г. Соколов.

Хотя приказ ген. Врангеля об отчислении учащейся молодежи из воинских частей в учебные заведения уже сущест-

вовал, старшие кадеты начали приезжать в корпус лишь с августа 1920 года. Большую работу по сбору и направлению кадет в Крымский корпус провел Начальник Управления Военно-Учебных Заведений в Крыму, ген.-майор И. Я. Враский. В сводный корпус стали прибывать кадеты всевозможных корпусов, да и вообще учащаяся молодежь, оказавшаяся в рядах Белой армии. Многие из них были на фронте более года. Каких только погон здесь не было! Представлены были все кадетские корпуса, кроме сибирских и Донского, т. к. последний был уже в Египте, а в Евпатории формировался 2-ой Донской Корпус, куда и попадали все донцы. Преобладали все же полтавцы и владикавказцы, которые и составили основное ядро. Фронтовики, приезжавшие с оружием, многие с Георгиевскими крестами и незалеченными ранами, погон своих не сдавали. Были тут и чернокрасные Корниловские погоны и малиновые Дроздовские и черные Марковские. Многие из прибывающих в корпус долго в нем не задерживались и при первом удобном случае бежали на фронт, на передовые позиции. Были и такие, которых по несколько раз силой водворяли в корпус, хотя бы для того, чтобы «побриться и выкупаться», как на их счет острили воспитатели. И многие исчезали опять, чтобы больше уже никогда не появляться в кадетской среде, закончив свой короткий жизненный путь в братских безымянных могилах защитников Родины и Белой идеи, разбросанных по безбрежным равнинам юга России.

Вечная вам память, старшие братья кадеты! Вы никогда не узнали, что своим подвигом Вы воспитали поколения зарубежных кадет в любви к своей потерянной Родине.

Осенью 1920 года численный состав корпуса настолько увеличился, что помещения оказались тесными, и формируемый корпус был переведен из Орианды в удобные и пригодные для занятий помещения в Массандре. В середине октября, 1-я рота (7-ой и 6-ой классы) под начальством полк. Чудинова, при двух офицерах и двух преподавателях, перешла в Массандру и там с первых же дней начались занятия-беседы. Остальные роты, кроме маленькой 5-ой (2-ой и 1-ый классы), остававшейся до эвакуации в Орианде прибыли в Массандру в конце октября, за два три дня до эвакуации.

Большой по составу, во главе с опытным руководителем, корпус начинал свою нормальную жизнь и, как бы подтверждая это, 9 окт. 1920 года был издан Главнокомандующим генералом Врангелем приказ о присвоении корпусу, созданному в грозные дни борьбы за последний клочек русской земли, наименования «Крымский кадетский корпус».

Корпусу вначале был присвоен малиновый погон с двумя отдельными буквами К. К., вскоре замененный алым погоном с белой выпушкой и со знаменательными переплетенными буквами «К.К.», которые можно было прочесть словами: «Крымский Корпус» или Великий Князь «Константин Константинович», незабываемый кадетами генерал-инспектор военно-учебных заведений и поэт «К. Р.». Оттого и милы так кадетам эта шифровка и эти дорогие по воспоминанию погоны.

Бесхитростное стихотворение одного из кадет так передает историю возникновения корпуса:

«В тяжелые годы позора России
Наш корпус основан в Крыму,
Собрал он под стены свои корпусные
Кадетскую нашу семью.
Все те, кто был верен Престолу, Царю
В дни смуты, тревог и волнений,
Кто жизнь отдавал за Отчизну свою
В дыму перекопских сражений,
Составили корпус, где алый погон
Есть память о крови пролитой,
Под сенью священных Российских знамен,
Во имя Отчизны забытой».

Тем же приказом (от 9 окт. 1920 г.) в состав Крымского Кадетского корпуса был включен Феодосийский интернат при Константиновском Военном Училище.

Таким образом, ко дню эвакуации из Крыма, корпус состоял из трех отдельных групп: основной батальон корпуса, в составе четырех рот, находился в Массандре; младшая пятая рота в Ореанде и сборный интернат в Феодосии. Соединился корпус в одно целое только на константинопольском рейде.

Феодосийский Интернат был основан Главнокомандующим ген. Деникиным в январе 1920 г. Главнокомандующий прика-

зал не оставлять несовершеннолетних на фронте, а командировать в г. Феодосию тех из них, которые не имеют родителей или не знают о их местопребывании, в ведение Начальника Константиновского Военного Училища. Таким образом, при училище образовался интернат мальчиков и юношей всех возрастов, собранных с разных концов юга России. Ядром его были младшие кадеты Сумского Кадетского корпуса, во главе со своим командиром полк. князем П. П. Шаховским, который и был назначен заведующим интернатом. Интернат был разделен на два возраста: от 8-ми до 14-ти лет и — старше 14-ти лет.

Пополнялся интернат главным образом бездомными малышами, прибывавшими в Крым маленькими группами и в одиночку. Некоторым из них удавалось вырваться из городов уже занятых красными. Водворяли их силой. Привозили вшивых, изорванных, разутых, больных, а иногда только что оправившихся от ран. Все они заботами начальника интерната полковника князя П. П. Шаховского и трех воспитателей: полк. Некрашевича и капитанов: Шевцова и Шестакова, при участии каптенармуса, приводились в христианский вид. Их мыли, стригли, переодевали. Отбирали все, от головного убора до портянок включительно, поскольку у некоторых такие были. Вместо засаленных и испачканных фуражек и бескозырок, выдавались английские защитные «блины», которые при помощи колен и рук получали свой новый «заломаный» фасон, господствовавший, в те времена, в военной среде. О стройности и подтянутости, чем славились в России кадеты, нельзя было и мечтать. Да и как создать эту подтянутость, когда бриджи у большинства доходили под френчами чуть не до подбородка. Единственно можно было создавать намек на талию, перетягивая френчи кожаными поясами, от чего они вздымались на кадетских спинах парусами и еще больше безобразили фигуры. Но зато все это было чистым, сухим и теплым и защищало от временами бушевавших норд-остов. Поэтому «публика» с этим мирилась, постепенно собственноручно переделывая и перекраивая, и создавая из этих даров «гордого Альбиона» что-то свое собственное, которое более отвечало тогдашним вкусам.

Занятия, если о таковых можно говорить, происходили в помещении местной гимназии. Происходили они в самое раз-

ное время. Преподавательский состав был из 3-х лиц: В. А. Казанский, который исполнял обязанности инспектора классов, Н. Я. Писаревский и полк. Доннер. Преподавателям приходилось считаться со знаниями каждого ученика и сводить их в небольшие группы, занимаясь с несколькими группами сразу в одном помещении. К концу лета этого же года воспитанники старшего возраста были переведены в Орианду, в образовавшийся там Крымский корпус. Младший возраст был разбит на 4 класса. О соблюдении какой-либо учебной программы не могло быть и речи, так-как знания учеников были весьма разнообразны, учебников было недостаточно и они были совершенно случайными. К тому же настали большие холода — в октябре месяце мороз доходил до 20 гр. Реомюра. Воспитанники сидели в классах в шинелях и часто не могли выдержать положенного на урок времени, так как у них замерзали руки и ноги. Ко времени эвакуации Крыма в интернате было более 100 человек, в возрасте от 8-ми до 16-ти лет.

Был конец октября 1920 года; в корпусе начиналась работа по налаживанию нормальной учебной жизни, но в эти дни русская армия, предоставленная собственным силам, должна была начать отход после неравной, жестокой борьбы, и назрел вопрос об общей эвакуации Крыма.

Крымский Кадетский Корпус покинул пределы своей родины в ночь на 1-ое ноября 1920 года ст. ст. Он был погружен в Ялте, в составе трех рот, на паровую баржу «Хриси». Младшая рота погрузилась на пароход «Константин», где она не подвергалась опасности рискованного плавания, каковым был переход через Черное море на плоскодонной барже «Хриси», предназначенной для мелких рейсов вдоль морских берегов.

Капитан и небольшая команда баржи были явно враждебны и старались помешать отплытию. Только угроза применить крутые меры заставила механиков спешно починить, якобы испорченные машины, и вывести баржу в море. Наличие в составе корпуса двух кадет, прослуживших некоторое время на флоте добровольцами, предотвратило попытку капитана баржи отвести ее в Одесский порт. Сменяясь у штурвала новоиспеченные «капитаны» — кадеты Каратеев и Перекрестов, на пятые сутки привели баржу в константинопольский рейд, пред-

варительно выйдя к Анатолийскому побережью километрах в сорока от Босфора. На реях «Хриси» кроме «позывных», развевались также сигналы «терпим голод» и «терпим жажду». Вся «Белая Русь» находилась уже здесь, — рейд был усеян нашими военными кораблями, пароходами, транспортами и баржами.

Вскоре по прибытии, все кадеты были пересажены на большой пароход Добровольного флота «Владимир». Там к корпусу присоединились воспитанники Феодосийского интерната с полк. кн. Шаховским, эвакуировавшиеся из Крыма на пароходе «Корнилов». Составилась целая армия молодежи, — свыше 600 человек — в разнообразном воинском и кадетском одеянии. Карантинное полуголодное стояние на рейде Константинополя затянулось, так как выяснилось, что ни одна страна не проявила ни малейшего интереса к судьбе русских юношей. Наконец, когда пришло радостное известие, что королевич Александр принимает корпус на территорию своего королевства, пароход «Владимир» взял курс на Адриатическое побережье Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, как тогда называлась Югославия, и 8-го декабря 1920 года н. ст. прибыл в бухту Бакар. Во время плавания первая рота была разоружена.

Из Бакара корпус был перевезен по железной дороге в Словению, в лагерь Стрнище, предоставленный правительством Крымскому и Второму Донскому корпусам. Как военно-учебное заведение, входившее в состав русской армии, корпус был подчинен военному агенту в Королевстве С.Х.С. Лагерь «Стрнище», расположенный в пяти километрах от города Птуй, представлял собой поселок для военнопленных, устроенный еще в начале великой войны правительством Австро-Венгрии, к составу владений которой принадлежала эта территори. Местность, где возник поселок, находится в северо-западном углу королевства, в горной и лесистой Словении, и носит название «Дравского поля»: это довольно обширная равнина, как бы островок среди окружающих ее гор.

Здесь-то, в непосредственной близости от железнодорожной станции «Св. Лоренц на Дравском поле», в сильно обветшавших к тому времени бараках, из которых состоял поселок,

и разместились оба корпуса. В это время состав корпуса был следующий: 5 рот; 7 классов и один подготовительный, — 20 классных отделений;

кадет — 650 (в том числе 108 воспитанников Феодосийского интерната);

педагогический персонал — 29 человек;

административно-хозяйственный персонал — 8 человек.

Интересно отметить, говоря о составе корпуса того времени, что среди кадет было:

бывших на фронте — 229;

награжденных боевыми наградами — 40;

раненых и контуженых — 52.

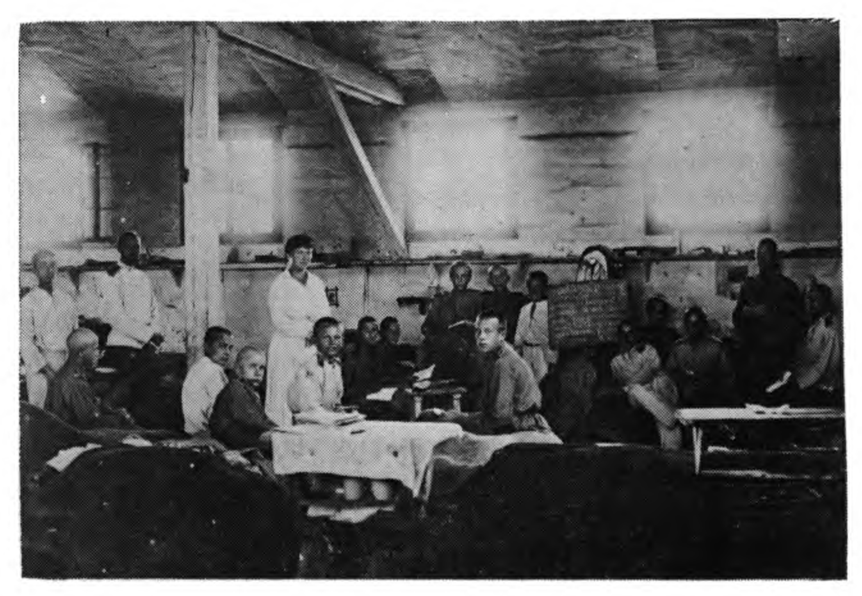
Этот своеобразный и очень многочисленный состав был расположен необычайно скученно в примитивных ветхих бараках, плохо отапливаемых в эту первую суровую зиму на чужбине.

В бараках стены и полы прогнили, крыши протекали, в стенах образовались трещины, через которые свободно проникал ветер и снег; канализация не действовала, электрические провода были порваны, водопровод не работал. Условия для начала учебных занятий были очень тяжелые; несколько классных отделений должны были заниматься в одном бараке; холод, недостаток одежды и обуви, отсутствие учебных пособий и хотя бы примитивной мебели. Все это служило, казалось, непреодолимым препятствием для систематических классных занятий.

Кадеты располагались во время уроков, стоя или сидя на кроватях и даже на полу; классные доски заменяла клеенка, прибитая к стене, а то и просто кусок черного картона или оторванная доска или дверь. Писать приходилось, держа тетрадь на коленях или положив ее на спину соседа, причем от холода коченели пальцы, а по ночам в чернильницах замерзали чернила. Все же занятия шли.

Корпус руководствовался, в учебной жизни, программами и инструкцией для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах, изданными в 1915 году. Система оценки знаний была 12-ти бальная.

С наступлением теплого времени, в начале марта, об-

Урок французского языка.

становка занятий несколько улучшилась, и часть уроков можно было вести на воздухе, с каждым отделением самостоятельно.

Урок физики в лесу.

К этому времени в корпусе были организованы: церковный хор, духовой оркестр и мастерские (столярная, сапожная, переплетная и слесарная), а также занятия фотографией. Были устроены огороды. Ко всем этим работам и занятиям кадеты проявляли большой интерес.

Трудами кадет, в одном из свободных бараков была устроена церковь.

До 1-го июня 1921 года корпус не имел никаких специальных ассигнований. На каждого кадета Державной (Государственной) Комиссией отпускалось по 240 динар в месяц, как всякому беженцу. Из столь незначительной суммы, едва хватавшей для оплаты питания, на книги и учебные пособия возможно было уделить только незначительную часть, а платить содержание воспитателям и преподавателям не представлялось никакой возможности.

Таким образом, педагогический персонал (а также и другие служащие) исполняли свои обязанности безвозмездно. С июля Державная Комиссия назначила содержание всем служащим (преподавателям и воспитателям по 400 динар и беженское пособие) и увеличила до 300 динар отпуск на каж-

дого кадета, что дало возможность улучшить снабжение кадет учебниками, учебными пособиями и даже книгами для чтения.

Так как учебный год начался 2-го января 1921 года, то летних каникул не было, и занятия закончились 15 октября, когда состоялся первый выпуск окончивших курс 7 классов, при вице-фельдфебеле Сковородове — 78 кадет и 5 экстернов.

Следующий учебный год (1921-1922) начался 17 ноября после месячного перерыва (вице-фельдфебель Минаков). Классных отделений было 21 при общем составе (списочном) 610 кадет. Новый учебный год предполагалось начать в хорошо устроенном помещении в гор. Мариборе или в Белой Церкви, на что имелись весьма веские основания. Местные власти не принимали никаких мер для ремонта бараков, пришедших в весьма ветхое состояние и совершенно негодных для житья в них зимой. Учебный год снова начался в очень тяжелых условиях.

К Рождественским праздникам обстановка несколько улучшилась, так как корпусу было отведено еще два барака из числа ранее занимаемых Донским корпусом, уехавшим в Билече. Явилась возможность приобрести скамьи, столы для каждого отделения, а некоторым для занятий были предоставлены даже отдельные комнаты в отведенных бараках. В них с помощью деревянных перегородок построили подобие классных помещений. В акустическом отношении они представляли некоторый курьез (перегородки не доходили до потолка): объяснения преподавателя лучше слышались в соседнем классе, чем в том, где давался урок, но, тем не менее, у кадет получалась возможность готовить уроки и более упорядоченно исполнять письменные работы. Была открыта читальная комната для кадет.

Во время Рождественских и Пасхальных праздников занятия не прерывались, но лишь число ежедневных уроков было уменьшено с 6 на 3, и это время было использовано на пополнение пробелов в пройденном ранее курсе. Чтобы выполнить установленную программу, учебный год и на этот раз пришлось значительно удлинить, закончив его 1-го августа вручением аттестатов кадетам 2-го выпуска (92 кадета и 11 экстернов).

Принимая во внимание тяжелые условия жизни кадет,

надо признать достигнутые успехи вполне удовлетворительными. Надо было удивляться нетребовательности, выносливости и бодрости духа кадет, легко переносивших все невзгоды.

Выдача книг из библиотеки.

Для духовного и художественного их развития устраивались периодически сообщения преподавателей, любительские спектакли и концерты, с участием духового оркестра и хора певчих кадет.

Приводим выдержки из приказов по корпусу от начала января 1922 г., иллюстрирующих жизнь корпуса:

«а) Распределение вечеров во время праздников Рождества и Нового Года:

7-го января — елка в 5 роте от 6 ч. веч.

8-го " — танцевальный вечер для кадет;

9-го " — елка в 4 роте;

10-го " — семейно-танцевальный вечер для г.г. служащих корпуса;

11-го " — генеральная репетиция комедии «Лес» (в бараке № 22)

12-го " — спектакль для г.г. служащих и кадет двух старших рот;

13-го " — елка в 3 роте;

14-го " — танцевальный вечер для кадет старших рот;

15-го   ”   — концерт в офицерском собрании;

17-го   ”   — семейно-танцевальный вечер г.г. служащих.

б) Кадетский оркестр, несмотря на переутомление, которого он не мог не испытывать, играя во время праздников, почти ежедневно, выразил, по собственной инициативе, самое искреннее и настойчивое желание играть и на вечере, устроенном г.г. служащими корпуса. Усматривая в таком милом и задушевном внимании кадет новое звено той неразрывной связи, которая в идеале должна существовать между педагогическим персоналом и его питомцами, я счастлив отметить это отрадное явление в нашей корпусной жизни и от всей души поблагодарить молодцов кадет-музыкантов за их, конечно, для всех служащих корпуса дорогое внимание и любезность».

В летнее время совершались экскурсии по-ротно с оркестром музыки в город Птуй для осмотра и ознакомления с достопримечательностями города.

Первый Корпусной Праздник

Работа воспитательского персонала корпуса была очень трудна. Рядом с детьми, только что достигшими школьного возраста, только что покинувшими родное гнездо, жили юноши, сложившиеся под непосредственным воздействием тяжелых условий фронта, бездомного скитания и грязи тыла, которая яви-

лась таким отвратительным и досадным пятном белого движения.

Об оздоровлении корпуса хирургическим путем не могло быть и речи, так как удаленных из корпуса без законченного образования и специальности ожидала улица чужих городов, вероятно деклассирование, а для многих то состояние бездомности, которое они уже пережили в последние месяцы пребывания на родине.

Генерал Римский-Корсаков, посвятивший свою жизнь русскому юношеству, не мог считать приемлемым для зарубежного закрытого учебного заведения педагогический метод выкорчевывания плевел, для сохранения чистоты подрастающих злаков; тем более, что плевелы появились, как результат российского лихолетья и в большинстве случаев не были личными отрицательными и неисправимыми качествами. Директор корпуса считал, что его задача не только воспитать морально здоровую часть вверенной ему русской молодежи, но и вернуть обществу и родине тех, кого братоубийственная смута вывела из рамок общественных норм.

Воспитательскому персоналу корпуса предстояла работа исключительной трудности, усугублявшаяся еще и самою обстановкою в Стрнищенском лагере, где, благодаря местным условиям постоянный надзор за кадетами был почти немыслим, как и сколько-нибудь правильная и регулярная постановка учебного дела. Собрать на урок разбежавшихся по лесу кадет младших рот было иногда не под силу даже опытным офицерам-воспитателям. Кадетская жизнь в Стрнище протекала привольно. Сравнить ее можно, пожалуй только с казачьей вольницей эпохи Запорожской Сечи. Персоналу приходилось думать не столько о предупреждении или пресечении проступков, сколько о развитии в кадетской массе чувств и настроений, которые могли бы снять с кадетской души ту накипь, какой она обросла в период лихолетья. И это можно было сделать только поставив в основу кадетского воспитания те же принципы, какими и раньше руководились кадетские корпуса. Принципы эти можно определить тремя словами: «Бог, Царь, Родина». Умело поддержанный идеализм кадетской души и вера в то, что старшие кадеты и более устойчивая кадетская

масса помогут своим споткнувшимся товарищам вернуть нужное равновесие, оправдали себя полностью. Условия жизни заграницей поставили еще и новую задачу. Нужно было воспитать в кадетах, распущенных обстоятельствами жизни последних революционных лет, сознание, что каждый из них, всегда и везде является представителем своей родины России. Ношение формы еще больше подчеркивало это значение. С этой задачей могли справиться только старшие кадеты, так как их авторитет стоял высоко и их слово было законом для младших. С течением времени поведение кадет в Стрнищенском лагере стало заметно улучшаться; повысилась их учебная работа. Главным же достижением воспитательской деятельности явилось то обстоятельство, что проступки кадет, считавшиеся ранее лихостью и молодечеством, стали получать должную оценку и в самой кадетской среде.

Генерал Римский-Корсаков не только противился исключению из корпуса своих кадет, но и принимал в корпус тех, которые считались почему-либо нежелательными в других корпусах. Кадеты ответили директору любовью и старались не огорчать своего «деда».

При таких условиях, Крымский кадетский корпус прожил в Стрнище почти до конца октября месяца 1922 года; учебные занятия продолжались, старшие кадеты заканчивали прерванное в России образование.

Всем получившим аттестат об окончании семи классов корпуса правительством было предоставлено право поступать в некоторые высшие учебные заведения королевства и в военное училище (Война Академия), чем многие и воспользовались; часть окончивших поступала в Николаевское кавалерийское училище, бывшее тогда в Белой Церкви, или Сергиевское артиллерийское и Алексеевское казачье училища в Болгарии. Некоторые шли в высшие учебные заведения Франции, Чехии и Бельгии.

Приводим § 3 приказа по корпусу от 19 октября 1922 года, прекрасно характеризующий те истинно-товарищеские отношения, которыми с первых дней отличались крымские кадеты :

«Исполняющий обязанности вице-фельдюебеля, вице-ун -

тер-офицер Троянов доложил мне от лица всех кадет корпуса, что кадеты, узнав о бедственном материальном положении наших выпускных кадет, поступивших в этом году в высшие учебные заведения в городе Загреб, просят разрешения оказать им посильную материальную помощь путем отказа в течение трех дней — 19, 21 и 23-го октября от второго блюда за обедом.

Счастлив приветствовать такое проявление благородного товарищеского чувства и с радостью вижу, что жив еще в питомцах Крымского Корпуса старый кадетский дух, не изгладился еще в сердцах их старый девиз кадетских корпусов: «Один за всех и все за одного».

Приказываю эконому корпуса из имеющегося у него аванса представить Начальнику хозяйственной части стоимость трех вторых блюд (обеденных) для отправки этой суммы на имя в.у.о. Л-кова студентам-кадетам последнего выпуска».

За этот период корпус посетил военный агент ген.-майор Потоцкий и представитель министерства народного просвещения проф. Радован Кошутич, большой знаток русского языка и русской жизни, который отметил добросовестное отношение к учебному делу персонала корпуса и большей части учащихся. Его положительный отзыв о потенциальных возможностях этой русской школы сыграл значительную роль в ее дальнейшем развитии.

Весной 1921 года первая рота поехала в гор. Марибор в гости к воспитанникам «Военной Реалки», как назывался тогда бывший австрийский кадетский корпус, вскоре упраздненный. Рота приехала со своим корпусным оркестром, который произвел на хозяев ошеломляющее впечатление. Оркестром тогда руководил быв. капельмейстер л.-гв. Преображенского полка и известный дирижер, надв. сов. Цибулевский. Его приглашали дирижировать симфоническими оркестрами в Белград, Загреб и Прагу. Это давало ему дополнительный заработок, львиную долю которого он употреблял на приобретение недостающих инструментов для корпусного оркестра. Состав оркестра он довел до 60-ти человек. Разумеется, крымцы в долгу не остались, и некоторое время спустя, пригласили старшую роту Мариборского корпуса к себе. Был устроен общий обед, для которого, в дополнение к умеренному количеству вина,

разрешенному начальством, были заготовлены и тайные резервы, благодаря чему трапеза прошла исключительно весело. Некоторых гостей, чтобы им не влетело от своих офицеров, пришлось увести в лес отсыпаться. Хорошие отношения налаженные с Мариборским корпусом вскоре принесли и материальные плоды. Крымскому корпусу было передано австрийское обмундирование мариборцев, состоявшее из серостальных мундиров и синих брюк, в которое и были одеты младшие роты, украсив корпус еще одной разновидностью форменной одежды.

Особенно встревожили молодежь слухи о возможном приезде в Стрнище Главнокомандующего генерала Врангеля. С необычайным рвением готовились кадеты к встрече своего любимого Вождя, приложили много стараний к уборке и украшению занимаемых помещений и организовали охрану дороги от железнодорожной станции до лагеря, но к сожалению, Главнокомандующий приехать на этот раз не смог.

Вскоре пошли слухи, что корпус будет переведен в Банат (часть венгерских земель, отошедших после мировой войны к королевству С.Х.С.) в город Белую Церковь, где уже было расположено Николаевское Кавалерийское Училище и Мариинский Донской Институт. Белая Церковь, небольшой город (около 10 000 жителей, преимущественно немцев), вблизи румынской границы, у реки Нера, притока Дуная, протекающего в 12 километрах южнее города.

Письменный доклад Министру народного просвещения, представленный профессором Р. Кошутичем о результатах его посещения корпуса в Стрнище, ускорил разрешение вопроса о переводе корпуса в более удобное и культурное место. Во второй половине октября месяца 1922 года, корпус тремя эшелонами был перевезен в город Белую Церковь. Переезд состоялся согласно следующего приказа:

§ 7 приказа по корпусу от 19 октября 1922 года:

«Ввиду предстоящего переезда корпуса в Белую Церковь, приказываю:

1. Корпусу передвинуться тремя эшелонами.

Состав первого эшелона: 1 рота, хор музыки, строевая, хозяйственная и учебная части, корпусной (общий) цейхгауз, сапожная мастерская,

швальня, церковное имущество, имущество, состоящее в ведении квартирмейстера и эконома корпуса. Всего людей 241, груза 53.600 кило.

Состав 2-го эшелона: 2 и 5 роты, ротные цейхгаузы, часть имущества кухни . . . всего людей 243, груза — 16.000 кило.

Состав 3-го эшелона: 3 и 4 роты, ротные цейхгаузы, оставшееся имущество . . . квартирмистра и эконома корпуса, лазарет . . . всего людей 251, груза — 19.300 кил.

2 . Начальниками эшелонов назначаю: 1-го — Полковника Руссияна, 2-го — Полковника Чудинова и 3-го — Полковника кн. Шаховского.

3 . Я буду следовать с 1-м эшелоном.

4 . Начальникам эшелонов принять к точному исполнению утвержденное мною указание для передвижения корпуса в Белую Церковь, приложенное к приказу от сего числа.

5 . Г.Г. служащим и их семействам следовать с эшелонами, согласно прилагаемого списка».

Военное Министерство предоставило для размещения корпуса две каменных, трехэтажных, окрашенных в желтый цвет, казармы у окраины города, одну — типа зданий русских корпусов — казарму «Краля Петра», и другую, меньших размеров, казарму «Обилич», которая вскоре была отобрана для нужд сербского артиллерийского полка. Средства на ремонт этих казарм были отпущены Державной Комиссией, в ведение которой кадетские корпуса перешли с первого февраля 1923 года, сохранив свое подчинение и моральную связь с Главнокомандующим.

Здание Корпуса.

Благодаря особому отпуску средств, корпус смог не только отремонтировать запущенное здание казармы, но и частично приспособить для более удобного размещения, провести электрическое освещение, сделать умывальники, провести воду во все этажи. Трудами кадет были оборудованы классы и сделана мебель из подручного материала.

С 14 ноября начался на новых местах новый 1922-1923 учебный год (Вице-Фельдфебель Троянов). Общее число 579 кадет разделялось на пять рот и 20 классных отделений. Такое большое количество учащихся, рот и отделений, вызывало крайнюю скученность в размещении: не было помещений для церкви, зала и столовых. Отсутствие мебели, насекомые, гнездившиеся в старом здании и невозможность отопить огромное помещение без зимних рам, делало кадетскую жизнь очень неприглядной и тяжелой. Но, наряду с этим, близость русского училища укрепила дисциплину кадет и вызвала в них стремление к внешней подтянутости. Юнкера быстро отучили кадет от распущенности и неряшества, вызванных привольем стрнищенских лесов. Звон юнкерских шпор заставлял кадет подтягиваться и четко приветствовать проходящего «корнета». Не дай Бог прозевать. А еще хуже на вопрос: «Почему не приветствуете во время?», ответить: «Виноват господин корнет — не заметил». «Корнет» смерит такого ротозея-кадета презрительным взглядом и, со словами: «Что я вам — муха, что-ли?», отошлет его в корпус явиться старшему кадету.

Строго по уставу относились к кадетам и офицеры училища, что очень способствовало скорому укреплению кадетской дисциплины, хотя, иногда, и служило поводом к возникновению затруднительных положений, вызванных эмигрантскими условиями жизни корпуса. Весьма характерен случай, происшедший с кадетом М., только что произведенным в вице-унтер-офицеры. Желая достойно отметить это значительное событие в жизни кадета, он пригласил несколько ближайших друзей в небольшой ресторанчик, где надеялся в задней «юнкерской» комнате спокойно угостить их незамысловатым ужином. Не успели друзья как следует вкусить сладость свободы, как звон шпор, предвестник всех кадетских несчастий, предупредил их о надвигавшейся грозе. В дверях, отстраняя хозя-

ина, появился дежурный по гарнизону офицер училища. Кадеты вскочили и замерли вытянув руки по швам. Офицер потребовал, чтобы кадеты назвали свои фамилии и, заметив золотые нашивки на погонах в.-ун.-офицера М., сухо приказал: «А ну-ка унтер-офицер ведите свою веселую команду за мной в корпус». М. уныло повел своих злополучных гостей вслед за офицером. Через минуту вечернюю тишину прорезала его звонкая, почти радостная команда: «Кадеты бегом марш... Врассыпную». Вмиг кадеты скрылись в темноте. Казалось все прошло благополучно, тем более, что не сговариваясь, кадеты сообщили офицеру вымышленные фамилии. Однако, после длительных совещаний, они пришли к заключению, что дежурный офицер дела так не оставит и добьется их опознания. Нависла угроза исключения из корпуса за несколько месяцев до получения аттестата. Решено было немедленно доложить о случившемся директору ген. Римскому-Корсакову. Кадеты были уверены, что под косматыми и грозными седыми бровями скрываются ласковые глаза любящего «деда» и он не позволит, чтобы совершилось непоправимое несчастье. Внимательно выслушав рапорт, генерал распорядился отправить всех участников пирушки на две недели под арест, сбавить всем бал за пове-

Молодые офицеры с группой кадет.

дение и на продолжительный срок лишить отпуска. В.-ун.-офицер М. конечно потерял свои, только что полученные, золотые нашивки. На следующее утро дежурный офицер тщетно всматривался в лица кадет первой роты, выстроенной для опознания виновных. Видимо директор был прав, когда говорил ему, что таких кадет в его корпусе нету. Совместная жизнь корпуса с училищем продолжалась не долго, так как летом 1924 года училище было расформировано.

Расположенный в прекрасном здании в центре города Донской Мариинский институт оставил неизгладимый след, как на общем воспитании кадет, так и в развитии в них бережного и рыцарского чувства к русской женщине, которое большинство кадет пронесло через всю свою жизнь.

С этого года был увеличен денежный отпуск на книги, что дало возможность пополнить книгами для чтения ротные библиотеки. На средства, данные генералом Врангелем, корпус приобрел хорошо оборудованный физический кабинет, носивший название: «Физический кабинет имени Русской Армии». В благоустройстве здания широкое участие приняли и сами кадеты. На верхнем этаже была устроена небольшая церковь во имя свв. Константина и Елены; стены корпуса стали украшаться копиями с картин русских художников, нарисованными кадетами. На первой арке внутренней лестницы появилась памятная всем крымцам и дорогая каждому русскому надпись — отрывок из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского:

> «О, Родина святая!
> Какое сердце не дрожит,
> Тебя благословляя . . . »

На стене у первой площадки лестницы висел большой погон Крымского кадетского корпуса, и над ним на стене написаны слова основателя корпуса, генерала Врангеля:

> «Здесь на чужбине каждый из нас должен помнить, что он представляет собой нашу Родину, и высоко держать русскую честь.
> **Генерал Врангель».**

Ввиду того, что большинство окончивших корпус кадет стремилось поступить в высшие учебные заведения Королев-

ства, явилась необходимость несколько изменить программу корпусов, приблизив ее к программе местных «реалок», и ввести дополнительные курсы сербского языка, истории литературы, истории и географии Королевства С.Х.С. и начертательной геометрии. Введение этих предметов в программу открыло двери корпуса для преподавателей сербов. Впервые в корпусе зазвучала сербская речь, для многих кадет совершенно непонятная. Ведь многие из них, не имея родных, никогда не покидали корпуса, толстые стены которого, прочно отгораживали их от внешнего мира. А таких кадет, в особенности в первые годы пребывания корпуса за рубежом, было много больше, чем тех, которые проводили свои отпуска в домашней обстановке. Впрочем и отпускники не смешивались с местным населением, предпочитая проводить свои досуги в обществе съехавшейся в город на каникулы русской молодежи. В отпуску кадеты ходили всегда в форме и это конечно способствовало их отчуждению от местной среды.

Первая встреча с представителями братской страны, приютившей кадет, не обошлась без курьезов. В один из тех классов третьей роты, где у некоторых кадет уже затемнел пушок на верхней губе, была назначена преподавательницей, только что окончившая университет, молодая и миловидная сербка с ласковым именем Вишня. И разве можно не понять рассеянность кадета К., когда на ее вопрос повторить сказанное, он смущенно молчал. Эта его рассеянность, а может быть и его влюбленный взгляд, которым он провожал каждое ее движение, возмутили Вишню. Она решительно подошла к нему и, потребовав, чтобы он протянул руки вперед, ладонями вверх, сильно ударила его линейкой по ладоням. Как потом выяснилось, это был обычный, в те времена, метод взыскания, применявшийся в средних югославских школах. Ошеломленные кадеты затихли. Это было настолько неожиданно, что все растерялись. Не растерялся только кадет К. С распухшими ладонями и лицом покрасневшим от обиды, он вдруг, решительным движением, привлек Вишню к себе и крепко поцеловал. Ведь, кажется так отвечают на оскорбление женщины. Вздох облегчения прошел по отделению и одобрительные возгласы были наградой кадету К. за его находчивость. Отделенный офицер-воспита-

тель, скрывая в усах улыбку, отправил героя под арест и долго успокаивал Вишню в дежурной комнате, объясняя ей, что бить кадет не полагается. Вишню вскоре перевели преподавать в младшие роты.

Весна 1923 года, первая весна в Белой Церкви, принесла, наконец, долгожданную радостную весть о приезде основателя корпуса, генерала Врангеля, олицетворявшего в сознании молодежи всю доблесть героической борьбы за честь, бытие и достоинство поруганной Родины.

Уже за несколько дней до его приезда, кадеты с увлечением начали готовиться к встрече любимого вождя, украшая помещения корпуса зеленью, флагами и художественными произведениями собственной работы. Главнокомандующий с супругой приехал в корпус вечером; кадеты были построены поротно в коридорах. Генерал Врангель, встреченный Директором корпуса, персоналом и дежурным по корпусу, начал обход рот; на приветствие Главнокомандующего кадеты отвечали восторженно и четко.

Обойдя роты, генерал Врангель с супругой, прослушали большой кадетский хор, исполнивший несколько песен Добровольческой Армии и затем, поблагодарив певчих и регента капитана Б. В. Комаревского, за отличное исполнение, Главнокомандующий направился к выходу, намереваясь ехать в Донской Мариинский институт, но в вестибюле корпуса был подхвачен на руки экзальтированно настроенной молодежью и, под неумолкавшее «ура», в кресле пронесен на руках в институт.

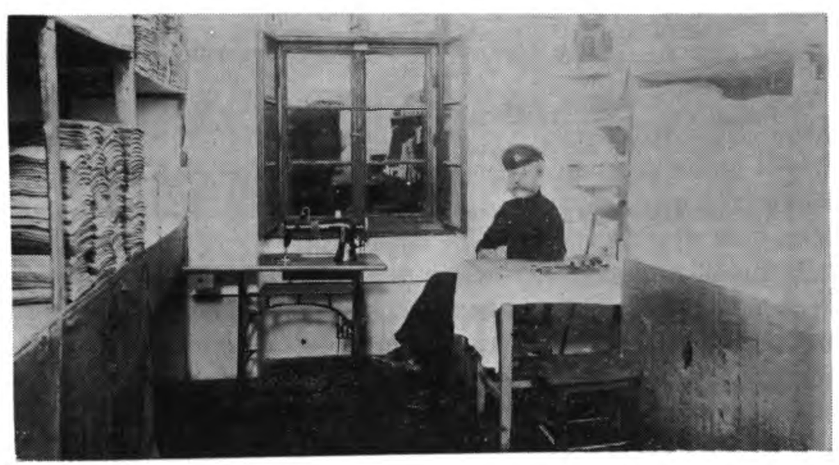
На следующий день генерал Врангель приехал в корпус утром и в сопровождении директора корпуса обходил все помещения; в это время кадеты, совместно с юнкерами Николаевского кавалерийского училища, выстраивались в поле против здания корпуса, готовясь к параду; туда же подошли воспитанницы Мариинского института, дети русского приюта, представители местной власти и воинских частей, члены русской колонии и жители.

Необычайная картина на чужбине в этот яркий весенний день. Сотни русских юношей и детей в белых рубахах, в четком воинском строю, голубые стройные линии русских инсти-

туток, толпы народа. Издали, от корпуса, порывистым шагом приближается Главнокомандующий, один внешний вид которого покоряет толпу. Слышны наши русские команды, и два оркестра бодро играют «встречу». Приняв рапорт от командовавшего парадом командира дивизиона юнкеров, генерал Врангель начал свой бодрый, стремительный обход фронта, а затем, выйдя на середину построения, произнес краткую речь-призыв, покрытую мощными, юными криками «ура», заглушавшими родные звуки Преображенского марша. Директор корпуса ген. Римский-Корсаков в ответном слове высказал общую веру в то, что вся наша молодежь по первому призыву своего вождя станет в ряды сражающихся за освобождение Родины и «пойдет туда, куда Вы пошлете и поведете, и сделает то, что Вы прикажете». Генерал Врангель расцеловал генерала Римского-Корсакова.

Затем — стройный церемониальный марш под звуки двух оркестров. Генерал Врангель благодарит юнкеров и кадет за блестящий вид и отличный парад. А в полдень — проводы Главнокомандующего на вокзале. Поезд отошел под звуки марша л.-гв. Конного полка.

Наступил первый корпусный праздник в Белой Церкви, 21 мая (3-го июня н. ст.), а с ним и окончание третьего учебного года. Курс семи классов закончило 69 кадет и 4 экстерна.

Каптенармус 1-ой роты вахмистр Вербицкий.

Однако ушли из корпуса с аттестатами за семь классов только 43 кадета; 26 кадет остались для прохождения курса 8-го дополнительного класса. Четвертый 1923-24-ый учебный год начался при списочном составе 570 кадет, разделенных по прежнему на пять рот, но впервые на восемь классов, при 19 классных отделениях. Приводим начало приказа по корпусу за один из первых дней этого года.

ПРИКАЗ

Крымскому кадетскому корпусу № 262

19 сентября 1923 г. г. Белая Церковь

§ 1

На 20 сентября назначаются:

Дежурным по корпусу полковник кн. Шаховской.

Наряд на работы от 1-ой роты:

Дежурные:	ночной	Полковник Чуенко
	по 1-ой роте	Подполковник Пожидаев
	по 2-ой роте	Полковник Ребров
	по 3-ей роте	Подполковник Артюхов
	по 4-ой роте	Подполковник Гончаренко
	по 5-ой роте	Полковник Некрашевич

§ 2

По списку —	чинов корпуса —	63,	кадет штатных —	507
В отпуску	"	1,	"	42
Больных	в лазарете	—	"	8
	вне корпуса	—	"	12
	На лицо	62		445
Прикомандированных малолетних				63

Такой громадный, как и в предыдущие годы, состав корпуса вызывался усвоенным с первых шагов нового учебного заведения желанием собрать по возможности, всех бывших кадет русских корпусов и сделать все посильное, чтобы дать им возможность получить на чужбине национальное воспитание и окончить курс средней школы.

Все помещения большого казарменного здания были заня-

ты классами и спальнями, не было отдельных столовых, корпусного зала, а церковь помещалась в небольшой комнате третьего этажа.

Эти вопросы беспокоили и заботили г.л. Римского-Корсакова, желавшего создать на чужбине русский кадетский корпус, подобный лучшим и благоустроенным нашим корпусам.

Впервые в этом учебном году появился в корпусе 8-й класс (Вице-Фельдфебель Троянов); это было вызвано расширением программы кадетских корпусов, дабы облегчить кадетам поступление в высшие учебные заведения королевства и других стран и в военное училище без предварительных испытаний. Этот первый год 8-й класс был необязательным, но из числа желающих педагогический комитет в особом заседании отобрал лучших по учению и поведению. Получился небольшой класс, в 26 кадет, проходивших впервые расширенный курс, который должен был закончиться испытаниями на аттестат зрелости.

В течение этого учебного года следует отметить следующие события: в октябре 1923 года скончался преподаватель географии полковник Н. Л. Казанцев. 16-го ноября корпусом была получена от Главнокомандующего Русской Армией книга «Русские в Галлиполи» со следующей его собственноручной надписью: «Крымскому кадетскому корпусу. Повесть о крестном пути тех, кто на Родине и на чужбине, несмотря на лишения и страдания, сберег незапятнанным русское знамя».

Впервые, год закончился испытаниями на аттестат зрелости для кадет восьмого класса. Классные занятия у них закончились 28 мая. В начале июня прибыл в Белую Церковь представитель Министра народного просвещения профессор Светислав Петрович, с первых же дней необычайно сердечно подошедший к молодежи. Сначала, прошли очень успешно письменные испытания в освобожденном помещении одной из больших спален 1-ой роты. Лучшие по успеху кадеты были освобождены от устных испытаний, продолжавшихся затем три дня.

После благодарственного молебна 26 кадет, получивших аттестаты зрелости, педагоги и профессор С. Петрович были приглашены к обеду, во время которого преподаватели и каде-

ты говорили о долге сильной знаниями и крепкой духовно молодежи служить России, вспоминались годы, проведенные в родном корпусе, и гремело «ура» за дальнейшее его процветание.

В письме к директору корпуса, профессор С. Петрович так передавал свои впечатления и заключения об этих первых матурных испытаниях:

> «Производя инспекцию преподавания в Крымском кадетском корпусе в 1924 году, я был чрезвычайно доволен достигнутыми результатами. Успех экзаменов на аттестат зрелости был прямо поразительным, и я признаю, что никогда ничего подобного не видел ни в одной югославской гимназии». С искренним уважением
>
> **Профессор Светислав Петрович.**

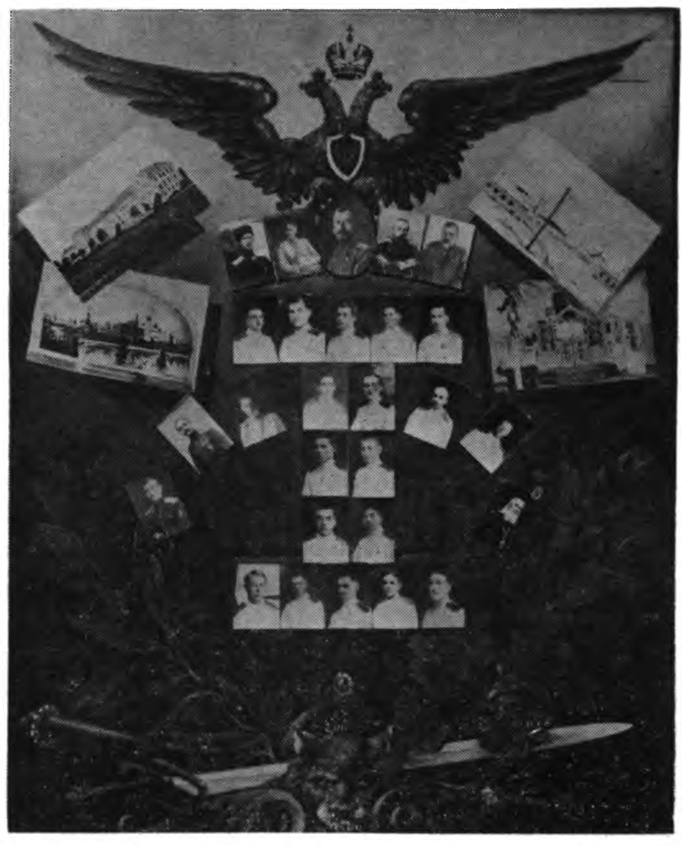
Кроме окончивших с аттестатами зрелости, 53 кадета были выпущены с соответствующими свидетельствами за семь классов. В этом году в корпусе были произведены испытания кадет 4-го класса на малую матуру, которую успешно выдержало 54 воспитанника.

Численный состав корпуса значительно сокращался, и это позволяло Директору корпуса, ген. Римскому-Корсакову осуществить свои давние планы о благоустройстве корпуса.

Сотловая 2-ой и 3-ей рот.

Все лето 1924 года было занято крупными ремонтными работами. В первом этаже, в правом от входа крыле здания, несколько классных помещений перестраивали под большой рекреационный зал и церковь при нем. В коридорах нижнего этажа было намечено устройство столовых. Классные же помещения и спальни были сосредоточены на втором (1-ая рота) и третьем (младшие роты) этажах. Стены ротных коридоров были украшены выпускными группами кадет.

Выпускная картина Первого традиционного выпуска.

Первые годы жизни корпуса на чужбине прошли под влиянием еще не остывшей горечи утраты отечества, а для многих кадет, семьи, дома и самого смысла жизни и существования. Эти годы были омрачены самоубийствами нескольких

старших кадет, совершенных в состоянии душевного угнетения, чувства одиночества и своей ненужности. В первый год пребывания корпуса за рубежом три последовательных случая самоубийств породили слух о существовании в корпусе клуба самоубийц, члены которого по жребию лишают себя жизни. Произведенное директором расследование не подтвердило этих слухов, тем не менее, по его распоряжению группа кадет первой роты была направлена на несколько недель в санаторию. Печальные случаи самоубийств продолжались и в первые годы после переезда корпуса в Белую Церковь и достигли апогея, когда два кадета Молчанов и Гумовский, по взаимному договору, одновременно лишили себя жизни выстрелом из револьвера. Надо было много усилия со стороны персонала и своих товарищей кадет, чтобы рассеять разочарованность и помочь найти новые цели в жизни тем, кто нуждался в такой помощи. Семья крымских кадет тяжело переживала эти утраты, иногда незаслуженно упрекая себя в невнимательности и неспособности поддержать товарища в тяжелую минуту. И, постепенно, напряженная работа персонала корпуса по воспитанию или, вернее по перевоспитанию русской моледежи, прошедшей сквозь суровые годы гражданской войны, давала свои плоды. С каждым годом корпус креп, и к началу 1925 года выравнился в хорошо организованное средне-учебное заведение. Основы национального воспитания особенно укреплялись в еженедельных свободных и искренних беседах директора и педагогов с кадетами восьмого класса на литературно-общественные темы.

К началу 1924-25 учебного года численный состав уменьшился до 476 человек. Корпус был разделен на три роты и на 16 классных отделений. Восьмой класс (Вице-фельдфебель Левин) состоял из трех отделений. К этому году ген. Римскову-Корсакову удалось не только провести четыре выпуска кадет из семи классов корпуса, но и первый выпуск кадет восьмого класса, прекрасно подготовленных к испытаниям на аттестат зрелости (матуру). Крымский корпус в первые годы своей деятельности был численно перегружен, но этим он и сыграл большую роль в устройстве русской молодежи на чужбине, в ее культурной подготовке и приобщении к разумным трудовым путям. В этом отношении сотни молодежи обязаны Крымскому

кадетскому корпусу и его директору ген. Римскому-Корсакову, которого они всегда называли «наш дедушка». Поэтому понятна та печаль, овладевшая всем корпусом, когда 11 декабря 1924 года он был уволен от должности директора корпуса. Покидая корпус, генерал Римский-Корсаков обратился со следующими прощальными словами к своим любимым внучатам:

«Мои дорогие, горячо любимые, внучата!

Оставляя вас, я чувствую сердечную потребность обратиться к вам с прощальным словом и в вашем лице я обращаюсь ко всем крымским кадетам.

Обращаюсь к вам письменно, потому что не нахожу в себе достаточно сил, чтобы проститься лично.

Я ухожу от вас с сердцем, преисполненным любовью ко всем вам вместе взятым, к каждому из вас в отдельности, и любовь эту я сохраню до конца моей жизни.

Зная хорошо ваше настроение, зная те чувства, которыми вы живете, я вполне уверен, что все вы сумеете донести до нашей истерзанной родины святые заветы, которыми вы проникнуты, и которые выражаются тремя краткими словами: Бог, Царь и Родина, причем последние два слова у вас, как и у всех кадет наших прежних славных корпусов, сливаются в одно нераздельное целое, ибо Царь, по нашим верованиям, неотделим от родины, родина же от Царя, ибо Царь, по нашим верованиям, является живым олицетворением родины, ее чести, славы, доблести и силы.

Во имя этих святых заветов, дорогие мои, работайте не покладая рук, работайте над своим самоусовершенствованием, работайте для приобретения знаний. Учитесь, учитесь и учитесь, ибо в знании — сила, сила же вам необходима для всей предстоящей жизни, так как вся предстоящая вам жизнь будет сплошной борьбой.

Во имя моей к вам безграничной любви молю и прошу вас, дорогие мои, всем своим поведением доказать моему уважаемому заместителю, что в крымском кадете твердо внедрены понятия порядочности, чести и долга.

Христос с вами, мои дорогие, сердечно любимые. Я не знаю, придется ли нам еще встретиться, но я знаю, и твердо

знаю, что наибольшей радостью моей, конечно, уже недолгой жизни будет — слышать о вас доброе слово, будет — возможность оказать каждому из вас посильную помощь, пользу, поддержку.

Оставайтесь верными корпусным заветам, любите друг друга, как родные братья, готовьтесь быть беззаветно преданными, честными и полезными слугами нашего будущего Великого Государя, и да будет над всеми вами и над делами вашими Божье благословение.

Простите и прощайте!

Владимир Римский - Корсаков».

Новым директором корпуса был назначен ген.-лейтенант Михаил Николаевич Промтов, уачстник Русско - Турецкой (1877-78), Русско-Японской (1904-05), Великой (1914-17) и Гражданской войн. Великую войну ген. Промтов закончил командующим армией. За боевые отличия был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени, Георгиевским оружием и всеми боевыми орденами до ордена Белого Орла включительно. В Гражданскую войну командовал корпусом.

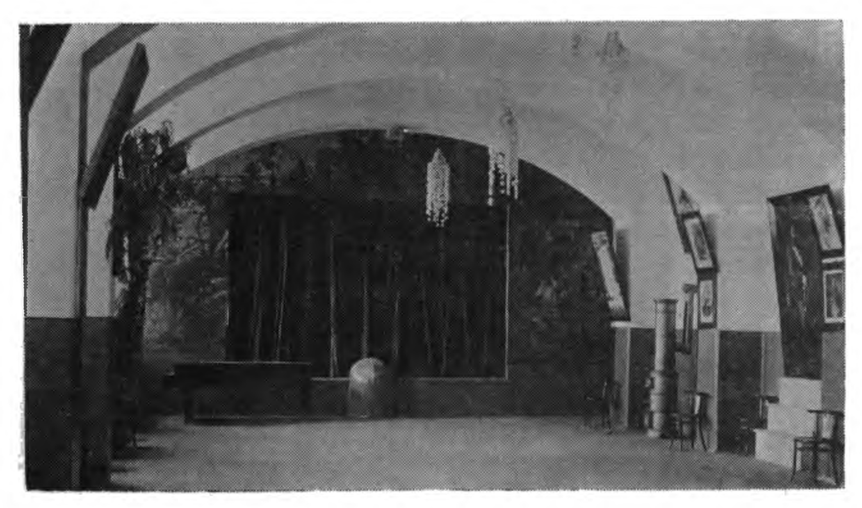
Ген.-лейт. Промтов быстро рассеял настороженность и предвзятую неприязнь кадет, вызванную увольнением любимого директора. Выправка строевого офицера, боевые ордена и его воинский дух в короткий срок покорили их сердца. Начатые работы по благоустройству корпуса продолжались. Закончена была постройка и оборудование корпусного зала, глубина которого была занята алтарной частью корпусной церкви. Часть икон была написана кадетами Прудковым, Титовым, Тищенко и Бутовичем. Запрестольным образом послужило, спасенное и вывезенное из России кадетом выпуска 1921 года Потемкиным, знамя его родного Сумского кадетского корпуса.

Алтарная часть храма помещалась на возвышении и отделялась от зала разбиравшейся на время церковных служб деревянной перегородкой, по всей площади которой талантливым живописцем кадетом Евгением Прудковым был изображен, очень живо и художественно переданный, вид Московоского Кремля.

В противуположном конце зала была устроена сцена, передний плафон которой был художественно разрисован масляными красками талантливым кадетом Георгием Корфом, изобразившим фантастическое сочетание Билибинских рисунков к русским сказкам и былинам. Постепенно, стены рекреационного зала украсились большими портретами Императора Петра Великого и Николая Второго, Великого Князя Николая Нико-

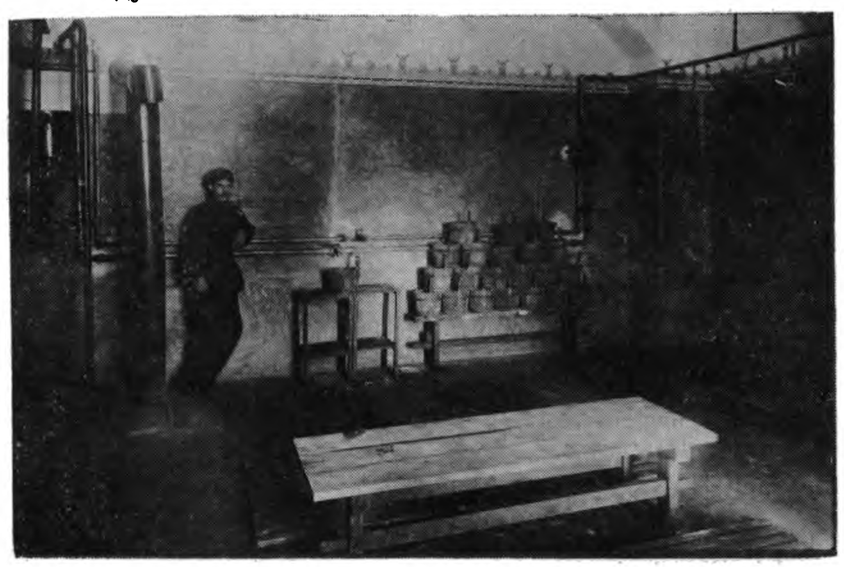

лаевича (работы кадет Николая Тищенко и Евгения Прудкова), поясными портретами Государя Императора Николая Второго, Государыни Императрицы Марии Федоровны, Короля Югославии Александра I, Великого Князя Константина Константиновича, директора ген. Римского-Корсакова, военных вождей, русских писателей, группами выпусков кадет и мраморной доской с фамилиями кадет, окончивших первыми курс корпуса. Здесь же был поставлен рояль для упражнений кадет, доказавших свои музыкальные способности.

В глубине этого же правого крыла корпуса было приступлено к сооружению собственной хлебопекарни и бани.

Первые годы пребывания корпуса в Белой Церкви кадеты ходили в баню во дворе сербских казарм, постоянно занятую для нужд воинских частей, что вызывало большие неудобства. Энергичные и настойчивые ходатайства директора корпуса увенчались полным успехом и в большом помещении бывше столярной мастерской была устроена прекрасная баня с шестью душами.

С развитием сокольства в Королевстве и организацией сокольских обществ в учебных заведениях, явилась необходимость иметь собственное помещение с гимнастическими снарядами; в левом крыле корпуса было отведено большое светлое помещение бывшей спальни, хорошо затем оборудованное и украшенное плакатами и девизами сокольства; целые классные отделения могли там свободно упражняться на снарядах и проходить уроки гимнастики.

Особое внимание директором корпуса было обращено на содержание помещений в чистоте и порядке, на улучшение обмундирования, снабжение кадет достаточным количеством носильного и постельного белья, на замену старых деревянных кроватей с проволочными сетками — железными, на при-

обретение новых одеял, на оборудование классных помещений мебелью и, наконец, на поддержание в порядке самого здания.

Многого, из всего перечисленного, директору корпуса удалось достичь, но добиться специального ассигнования на ремонт всего здания несмотря на все усилия, не удавалось и приходилось ограничиваться незначительным ремонтом внутри здания. Точно также, многое было достигнуто и в отношении улучшения кадетского стола.

Учебный год шел нормальным порядком. Весной, 22 марта (4 апреля) 1925 г. Крымский корпус помянул день пятилетия со времени назначения основателя корпуса, генерала барона П. Н. Врангеля, Главнокомандующим Русской армией; ему был преподнесен следующий адрес:

«Пять лет тому назад остатки воинских частей и измученные, исстрадавшиеся русские люди собрались в Крыму после невероятно тяжких переживаний и безнадежно смотрели на свой неизбежный конец, на свою близкую гибель. Казалось, что не было выхода.

Но 4-ое апреля явилось днем воскресших надежд и общего подъема духа. В этот день Вы приняли на себя командование остатками армий и высоко подняли опущенное было знамя борьбы во спасение родины.

С этого момента началась героическая борьба доблестной, Вами созданной, русской армии с полчищами красных банд.

В этот знаменательный день перед всеми русскими людьми встает светлый, обаятельный образ Вождя, вдохнувшего силу и бодрость всем.

С особенной гордостью в этот день вспоминаются все эпизоды славной защиты Крыма и орлиные полеты за его пределы, вся та беспримерная борьба, которая велась под вашим руководством и которая без Вас была бы немыслима.

И если не суждено было тогда, в Крыму, закончить эту борьбу, то все мы знаем, что она не оставлена, а только отложена, пока среди нас Вождь, который отдал себя на святое дело спасения родины и не покинул своего поста, не взирая ни на что.

В этот памятный день каждый, особенно тот, кто был в Крыму, кто сейчас остался жив, благодаря Вам, должен дать Вам обет твердо верить вместе с Вами в торжество дела возрождения России, пожелать Вам здоровья и той непреклонной, непоколебимой энергии, которая никогда Вас не покидает, и которую Вы, как и тогда в Крыму, вдохнете всем жаждущим освобождения родины, когда пробьет час.

Крымский кадетский корпус, Вами основанный, носящий имя той пяди русской земли, на защиту которой Вами было положено столько неустанных трудов и сил, корпус оставший-

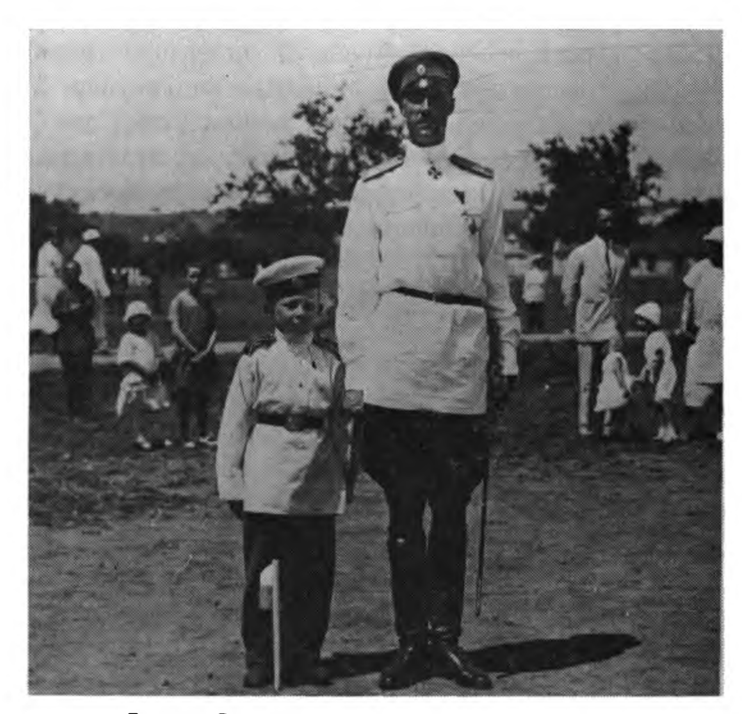
ся до конца с Вами, — просит доложить Вам, что он горячо молится о Вашем здравии, не угашает духа и с надеждой смотрит на будущее; что в нем, за стеной сербской казармы, горячо бьются глубоко и неизменно преданные Вам сердца русской молодежи, которая готовит себя на служение будущей России с полным сознанием необходимости учиться и работать».

На пасхальных каникулах этого года в Белграде состоялся съезд педагогов русских средних школ, состоящих в ведении Державной комиссии, для выработки единого типа школы и однообразной программы средней школы, согласованной с требованиями программ местных школ.

Проект создания единой школы съезд категорически отверг, а на основании работ комиссий съезда, учебным отделом Державной комиссии была разработана новая программа для различных типов русских школ (для кадетских корпусов — применительно к программам сербских «реалок») с распределением учебного матерьяла на восемь классов.

На текущий учебный год означенная программа была утверждена Министерством Народного Просвещения только для первого класса с постепенным ежегодным переходом на нее последующих классов. Остальные классы продолжали занятия по прежнему учебному плану, рассчитанному на семь классов при дополнительном восьмом классе. Вследствие этого в 8-й класс Педагогический комитет допустил кадет седьмого класса только по особому отбору, при чем в качестве руководящего начала Учебный Совет предписал обращать внимание не столько на результат занятий и средний балл, как на желание кадет работать. Испытание на малую матуру по окончании 4-го класса были временно отменены.

Корпусной праздник Крымского кадетского корпуса праздновался одновременно с храмовым праздником корпуса в день свв. Константина и Елены 21 мая (3 июня). В 1925 году этот праздник был особенно торжественным, так как корпус был вновь посещен его основателем Главнокомандующим генералом Врангелем. Он прибыл в Белую Церковь в сопровождении ген. Кусонского накануне, вечерним поездом. К моменту его приезда в корпус, кадеты были построены в цветнике перед зданием, где собрались и все служащие корпуса.

Генерал Врангель с самым маленьким кадетом
Н. Захаровым.

Молебен перед парадом.

После встречи генерала Врангеля директором корпуса и обхода кадет, была отслужена панихида по Государе Императоре Николае Втором и Его Августейшем Семействе, Великом Князе Константине Константиновиче, умершим служащим и кадетам Крымского кадетского корпуса и по всем на поле брани жизнь свою положившим за Веру, Царя и Отечество и в смуте убиенным.

На следующий день кадеты, утром, следуя своим традициям, и с разрешения Главнокомандующего, разбудили его «зарей», исполненной духовым оркестром. В 9 часов утра в церкви корпуса была совершена Божественная литургия, а в 12 часов дня был отслужен молебен на поле против здания, перед строем всех кадет, в присутствии местных властей, членов русской колонии, воспитанниц и персонала Мариинского Донского института. День был яркий, солнечный. Площадь перед корпусом, во время парада и состоявшихся после обеда гимнастических состязаний, жила чисто русской жизнью: нарядные группы гостей, офицеры, кадеты, нежно серые и голубые ряды институток, русское духовенство, песнопения, оркестр и бодрые, приветливые слова Главнокомандующего к русским людям и молодежи. По окончании молебна Главнокомандующий поздравил кадет с праздником, передал им сердечный привет от Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича, и пожелал процветания корпусу. В ответ на это директор корпуса, генерал Промтов, сказал:

«Ваше Высокопревосходительство! Позвольте мне благодарить Вас за высокую честь посещения корпуса, который давно и с нетерпением ждал Вашего приезда и с особой радостью встречает Вас.

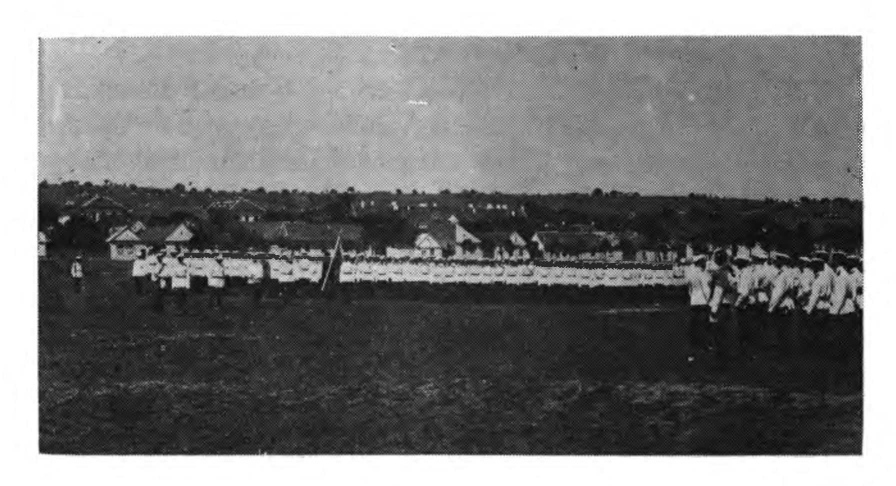
Верный своим старым традициям корпус старается выковать из своих питомцев дисциплинированных, честных, сильных духом сынов своей родины, способных послужить ей в будущем до конца. Здесь на чужбине, мы научились чтить тех славных и доблестных Вождей своих, которые до последнего дня, до последнего часа отстаивали честь и достоинство родины от захватчиков власти и врагов народа.

Да здравствуете Вы, Ваше Высокопревосходительство! В вашем лице мы почерпаем новые и новые силы для будущего

служения родине, мы почерпаем надежду и веру в скорое ее воскресение!

Главнокомандующему, генералу Врангелю, ура!»

С чрезвычайным подъемом была принята кадетами здравица Главнокомандующему; долго не смолкало восторженное «ура» молодежи в честь Белого Вождя.

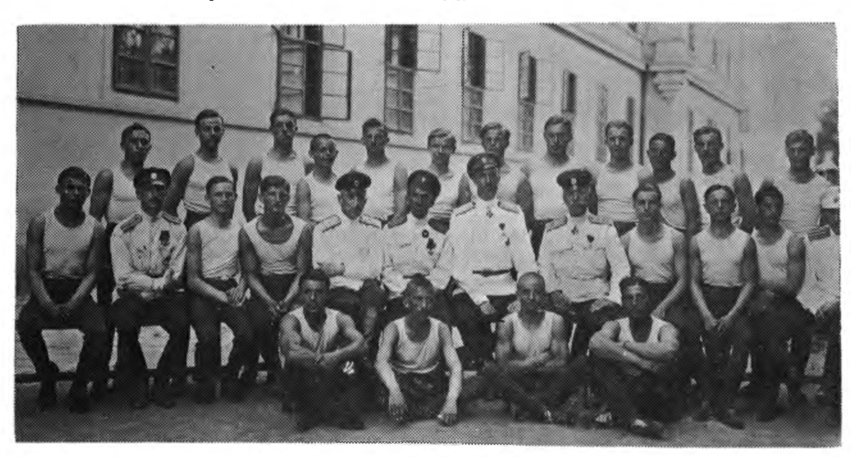

На параде кадеты молодецки прошли по-ротно церемониальным маршем перед своим основателем и заслужили его горячее одобрение. После парада, во время обеда Главнокомандующий обходил столы, пробовал пищу и беседовал с кадетами. В 4 часа дня генерал Врангель смотрел сокольскую гимнастику и состязания кадет соколов, а с семи часов вечера присутствовал на концерте кадет и на балу в зале корпуса. Во время концерта очень хорошо декламирующий вице-фельдфебель Левин с большим подъемом прочел стихотворение А. Гессена:

«Слава белому воинству Крыма,
Победившему тягостный плен,
Тем, чьи очи не слепли от дыма,
Тем, чья верность не знала измен.
Тем, чья мощь под ударами крепла,
И в сраженьях не гнулся чей меч,
Кто сумел и под грудою пепла
Нехладеющим сердце сберечь.

Тем, кто преданный мукам безмерным,
Тем, кто зноем и жаром томим,
Оставался бестрепетно-верным
Нерушимым обетам своим.
Вам, чьи очи не слепли от дыма,
Вам, чьи жизни сгорали до тла —
Белокрылому воинству Крыма —
Хвала!»

Пробыв на балу до отъезда на вокзал к ночному поезду, генерал Врангель выразил желание, чтобы его отъезд не прерывал веселья молодежи. Когда Главнокомандующий спускался по лестнице в вестибюль, чтобы сесть в ожидавший его автомобиль, оркестр заиграл марш л.-гв. Конного полка и здание огласилось могучим кадетским «ура».

2 и 3 июня 1925 года глубоко запали в сердца крымцев, обрадованных приездом к их празднику любимого Главнокомандующего. Желание кадет принять у себя как можно лучше дорогого гостя и представиться ему в блестящем виде увенчалось успехом, что можно заключить из следующей почто-телеграммы, посланной генералом Врангелем из Белой Церкви Верховному Главнокомандующему:

Почто - телеграмма .

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу.

В день праздника Крымского кадетского корпуса, помолившись

в прекрасной церкви, воздвигнутой руками кадет, передал корпусу всемилостивейший привет и поздравление Вашего Императорского Высочества, покрытое несмолкаемым «ура».

Корпус представился блестяще. Почитаю долгом всеподданнейше донести об исключительно полезной работе нового директора корпуса, генерал-лейтенанта Промтова, вложившего в дело всю душу, и о напряженных трудах учебно-воспитательного и административного персонала.

Числя в своих рядах более 80% сыновей офицеров, корпус готовит новое поколение русских воинов, продолжателей славных традиций Российской Армии, безмерно любящих родину и беззаветно преданных Верховному Вождю.

Генерал Врангель .

4 июня/22 мая 1925 г.
г. Белая Церковь.

Учебный год закончился, как обычно, в начале июня месяца. Этой весной он завершился впервые «Днём русской культуры», который состоялся 8-го июня и был осуществлен корпусом совместно с Мариинским Донским институтом и местным театральным кружком.

В шесть часов вечера в зале театра «Бург» (самое большое помещение в Белой Церкви) собрались все русские, жившие в Белой Церкви, весь состав корпуса и института; программа состояла из трех отделений: в первом, после вступительного слова инспектора классов института, оркестр корпуса исполнил несколько отрывков из русских опер, состоялись декламации кадет, а кадеты младших классов инсценировали басни, во втором отделении, после вступительного слова преподавателя корпуса, полк. П. Савченко, о значении русской литературы XIX века, выступили хор корпуса, исполнивший ряд русских песен, в третьем отделении, при помощи проэкционного фонаря, были показаны изготовленные фотографической мастерской корпуса, диапозитивы — снимки с русских дворцов, соборов, церквей, монастырей, памятников и, наконец, с выдающихся картин русских художников. Широкое участие корпуса помогло провести праздник «Дня русской культуры» на очень высоком уровне.

Испытания на аттестат зрелости состоялись в этом году

в присутствии представителя Министра народного просвещения, профессора и декана факультета Белградского Университета, Ивана Джайя.

Восьмой класс, большой по составу, жил очень дружно, много работал и состоял из кадет, глубоко интересовавшихся многими вопросами. В течение года состоялось несколько бесед на темы, касающиеся будущего России и жизненных целей молодежи. Матурные испытания протекали очень интересно: профессор И. Джайя проявлял к русскому учебному заведению самый живой интерес. Его обращения к кадетам призывали к служению великой России на пользу всему славянству. Аттестаты зрелости получили 71 кадет; со свидетельствами за 7 классов было выпущено 18 кадет. Результаты испытаний были настолько блестящи, что послужили профессору Джайя поводом особого выступления в печати (статьи в газете «Политика»), где он отметил прекрасную учебную работу крымских кадет, давших высший процент успешности, несмотря на всю тяжесть работы русской школы на чужбине.

Матура закончилась очень оживленной чашкой чая, задушевной беседой и танцевальным вечером, на которых присутствовали выпускные кадеты, педагоги и профессор И. Джайя со своей женой.

Наступил новый 1925-26-ой учебный год. Вновь по приемным экзаменам формировался первый класс, но новые приемы не могли сравниться по численному составу с большими первыми выпусками из корпуса и, поэтому, списочный состав кадет все уменьшался; этот год уже начался при 410 кадетах, распределенных на 14 классных отделений. Восьмой класс (Вице-фельдфебель Шелеметьев) опять состоял из трех отделений. В ноябре месяце, по распоряжению Учебного Совета Державной Комиссии, инспектор классов корпуса, ближайший помощник генерала Римского-Корсакова по организации учебной части, полк. Г. К. Маслов был освобожден от занимаемой им должности с оставлением в корпусе штатным преподавателем математики. На должность инспектора классов был назначен преподаватель Донского кадетского корпуса д.с.с. А. И. Абрамцев.

За годы жизни корпуса в Белой Церкви в нем постепенно

установился свой уклад жизни. В будние дни в 5 ч. 45 мин. утра, по сигналу «заря» проигранному горнистом, наряд дневальных и дежурных кадет выстраивался для рапорта дежурному по роте офицеру-воспитателю. Распорядок дня регулировался пехотными сигналами, исполнявшимися кадетами горнистами. Кадетский день начинался, когда надоедливый горнист в 6 ч. утра трубил на всю роту «подъем» и дневальные предлагали покинуть теплые койки. Так хотелось украсть лишние минуты сна, а надо было успеть убрать постель, помыться и привести себя в порядок. Ленивцы валялись до последней минуты или, вернее, до грозного предупреждения дневального «зверь идет», что означало — к дверям спальни приближается дежурный офицер. По сигналу «сбор» кадеты строились в ротном коридоре на поверку, осмотр и молитву и в семь часов строем шли в столовую на утренний чай. От 7 ч. 20 мин. до 8 ч. 20 мин. утренние занятия в классах, затем получасовая прогулка и от 9 ч. утра до 11 ч. 50 мин. дня — первые три урока. Продолжительность каждого урока была тогда 50 мин., с десятиминутной переменой между уроками. В 12 ч. дня завтрак, после которого получасовая прогулка, а затем от 1 ч. до 3 ч. 50 мин. — вновь три урока; 10 мин. помыться и в 4 часа обед.

Приводим примерное расписание кушаний на неделю:

Понедельник.	Завтрак: Пироги печеные с рисом и мясом. Чай.
	Обед: Борщ, котлеты с картофельным пюре.
Вторник.	Завтрак: Отварной картофель с капустой и селедкой.
	Обед: Суп с рисом и томатами, макароны с мясом.
Среда.	Завтрак: Пироги жаренные с творогом. Чай.
	Обед: Борщ, рагу.
Четверг.	Завтрак: Пироги жареные с картофелем. Чай.
	Обед: Суп с галушками, пилав.
Пятница.	Завтрак: Жареный картофель. Чай.
	Обед: Борщ, котлеты с салатом.
Суббота.	Завтрак: Чай с маслом и хлебом. Яблоки.
	Обед: Суп рассольник. Голубцы.
Воскресение.	Обед: Борщ, вареное мясо с подливкой, яблоки.

Ужин: Кофе с хлебом и маслом.

Ежедневно утром и вечером, а в праздничные дни утром чай с хлебом.

Послеобеденное время, два часа, было большей частью, в распоряжении кадета, перемежаясь для некоторых из них с внеклассными занятиями: ремеслами, сыгровками духового или струнного оркестров, спевками хора, чтением, а у неуспевающих — дополнительными занятиями по отдельным предметам.

В хорошую погоду эти два часа проводились на плацу перед корпусом в иргах, футболе, прогулках до каштановой аллеи, где в это время гуляли в парах институтки. Кадетам разрешалось без отпускного билета доходить только до аллеи, но кто же устоит перескочить канавку и пройти мимо институтского «эскадрона», хотя бы и провожаемый настороженным взглядом классной дамы. При большой удаче можно передать или получить записку. Впрочем, обязанности почтальона исполнялись, одно время, корпусной большой дворняжкой по имени «Фигаро». Ему под ошейник прятались сложенные пополам конверты с письмами, и он весело несся прямо в середину идущих парами институток, зная, что получит угощение и надушенные конверты институтских ответов. Кадеты в это время производили диверсию, отвлекая внимание классной дамы ложной попыткой приблизиться к «эскадрону». И сколько радостных минут переживали счастливчики, получившие письма. Фигаро же весело махал хвостом, когда благодарные «страдальцы», как величали в корпусе влюбленных кадет, целовали его черную морду.

По сигналу «сбор» кадеты спешили в корпус, чтобы от 6-ти ч. вечера на двухчасовых вечерних занятиях подготовить уроки на следующий день. В восемь часов вечера — чай, молитва и, для младших рот, укладка спать. Старшие кадеты занимались своими делами до 10 ч. вечера.

После вечерней молитвы выходить из здания корпуса запрещалось. Зимними вечерами кадеты любили собраться у жарко натопленной печи, стоявшей посреди спальни, и покуривая по кругу передаваемую папиросу, тщательно скрываемую от начальства, петь хором военные и старые русские

песни. Какие только песни не пелись этими вечерами. Полтавцы научили нас нежным малороссийским мелодиям, владикавказцы казачьим и кавказским напевам, хабаровцы таежным и печальным сибирским песням, а кадеты, приехавшие в корпус уже из Советского Союза, привезли с собой новые и блатные песни. И уж, конечно, не было такой военной песни старой или добровольческой армии, которую бы не знали кадеты.

Переплетная мастерская.

У многих вечера были заняты чтением, кружками, гимнастикой или работой в мастерских, выбранных по желанию самих кадет. А в весенние вечера случалось, что один, два смельчака спустившись из окна первой роты по узлами завязанному канату, уходили в «самодрал» побродить по уснувшему городу или забежать в заднюю комнату «кафаны» Васо или Гиго, чтобы за стаканом вина провести час в задушевной беседе. Самовольные отлучки строго карались. Иногда, обнаружив чучело в кровати дежурный офицер встречал возвращающегося беглеца и немедленно водворял его в карцер. В карцер сажали кадет только за очень серьезные проступки. Наказание карцером влекло за собой снижение балла за поведение и лишение отпуска. Карцер назывался «простым», когда наказанный посещал все уроки, вечерние и утренние занятия, но проводил

в карцере все свободное время; там же ел и спал. Строгий карцер был без выпуска на уроки и с ограничением в питании и применялся только как последняя мера наказания, перед тем, как отчислить неисправимых кадет в Панчевский Исправительный Интернат, просуществовавший, кажется, до 1925 года.

По субботам, обычно бывало во всех классах по три урока, а после завтрака — общая уборка помещений и строевые занятия, последние особенно весной, перед парадом по случаю корпусного праздника. К строевым занятиям кадеты относились очень серьезно, никогда не манкировали ими и гордились четкостью строя.

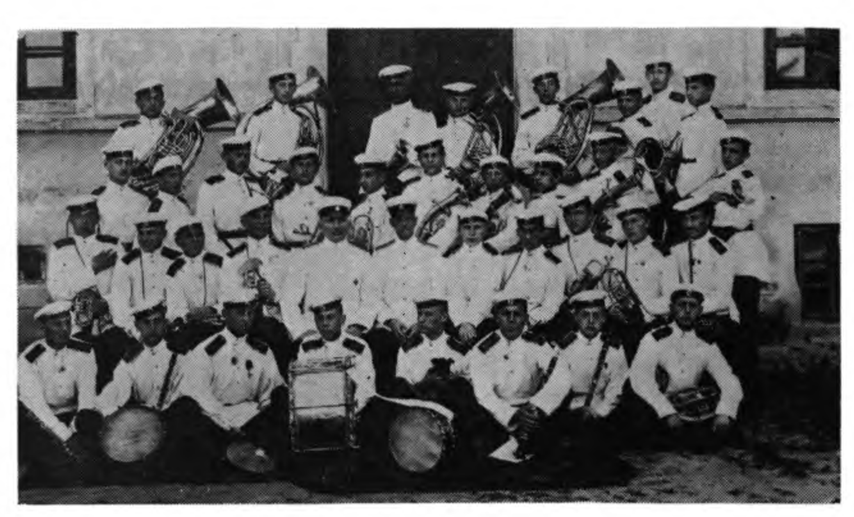

По воскресениям и праздничным дням подъем в 7 ч. утра В 9 часов обедня, а по окончании ее, утренние занятия, чтобы после обеда, который бывал в полдень, кадеты могли пойти в отпуск, в город до 9 ч. веч. Посещение вечерни и обедни было обязательным. В церкви кадеты стояли поротно, вытянувшись в струнку. Не полагалось даже согнуть колено. По сигналу «на молитву», роты строились в своих коридорах на перекличку и, провожаемые ротным командиром и дежурным офицером, строем шли в церковь. Была в вестибюле одна колонна, за которой, при большой удаче, выскочив из строя, можно было укрыться, пока рота и «звери» не войдут в церковь и затем, незаметно пробравшись в спальню, предаться чтению или слад-

кой нирване, уютно устроившись под кроватью. Однако, надо признать, что кадеты охотно посещали церковь и искренно молились.

Очень радовали кадет иногда устраиваемые военные прогулки со своим оркестром, далеко за пределы города. Останавливаясь на привал в ближайших селах, оркестр играл на площади и сельская молодежь, смешиваясь с кадетами, весело танцевали сербский народный танец «коло».

Эта размеренно текущая жизнь, занятая классной работой и повседневными кадетскими интересами, иногда разнообразилась теми развлечениями, которые устраивал корпус или сами кадеты. Сравнительно часто в корпусе бывали лекции, доклады, концерты, спектакли, танцевальные вечера, спортивные и футбольные состязания. Доклады, обычно, посвящались общеобразовательным темам или историческим и литературным юбилеям. В 1925-26 г. в течение ноября-декабря месяца шли доклады, сопровождаемые демонстрацией световых картин, декламацией кадет или живыми картинами на следующие темы: «Россия в эпоху Императора Александра Первого» — ген.-м. Враский; «Отечественная война 1812 года» — полк. Цареградский; «Литература и общество в эпоху Императора Александра Первого» — полк. Савченко; «Исторический Очерк царствования Александра Первого» — с.с. Казанский.

Концерты корпус мог устраивать благодаря, хорошо поставленным, оркестру и хору кадет. Духовой оркестр был большой, располагал фанфарами, украшенными прапорами по цвету погон и имел очень хорошего капельмейстера. Исполнение сложных музыкальных произведений было высоко художественное. В 1925 году организовался и балалаечный оркестр, для которого корпус приобрел инструменты. Оба эти оркестра с большим успехом выступали на вечерах и концертах. Было много кадет из оркестра, которые, по выходе из корпуса, шли в музыкальные училища, консерватории, в частные оркестры.

Церковный и светский хоры, в которые всегда привлекались кадеты с лучшими голосами из всех классов корпуса, были на должной высоте. Иногда выделялись солисты с прекрасными голосами. Их участие очень украшало концерты.

Постепенно стала участвовать в разных выступлениях очень хорошо поставленная команда соколов, поражая зрителей четкостью гимнастических упражнений и сложностью трудных и красиво составленных пирамид.

Репертуар спектаклей на рождественские и пасхальные каникулы состоял обычно из легких, веселых комедий и водевилей. Во время учебного года кадеты привлекались только к постановкам классических пьес.

Необычайно эффектны были в Белой Церкви кадетские танцевальные вечера. Они заставляли забыть чужбину, изгнание, напоминали далекое прошлое. Большой зал белоцерковского театра «Бург», в котором, до устройства зала в здании корпуса, устраивались балы, залит электричеством, украшен гирляндами, зеленью, разноцветными лентами. За колоннами весь город, нарядная толпа, а в обширном просторе залы, юные пары: институтки в голубых и серых (выпускного класса) платьях с белыми пелеринками и кадеты в защитных или белых рубахах с алыми погонами, украшенными дорогими инициалами К. К. Единственный город в мире, где русский институт и русский корпус. Слышится бойкая русская речь. Не видно модных танцев, кадетский оркестр играет старые мотивы. Кадеты встречались с институтками только на вечерах и спектаклях, если не считать прогулок кадет по каштановой аллее и перед окнами института в отпускные дни. Исключение представляли кадеты-братья, которым разрешалось навещать своих сестер по воскресеньям. Тем не менее, кадеты и институтки знали друг друга очень хорошо и искренно дружили. Не раз бывало институтки всем классом отказывались от воскресных пончиков, чтобы переслать их своим одноклассникам в корпус. Кадеты, не оставались в долгу.

В учебной жизни корпуса новостями в этом году явились: 1) Разделение учебного года вместо четвертей, на трети: первая — с 7 сент. по 1-ое декабря, вторая — по 1-ое марта, третья — по 20 июня. 2) введение 5-ти балльной оценки познаний и

поведения кадет, причем неудовлетворительными являлись — двойка и единица.

Матурные испытания весной 1926 года прошли при представителе Министра народного просвещения профессоре С. М. Кульбакине. Во время устных ответов выпускных кадет, корпус посетил председатель Державной комиссии профессор А. И. Белич, он обошел все помещения корпуса, а затем присутствовал на матурных испытаниях. Выдержали испытания на аттестат зрелости 60 кадет. Со свидетельством за 7 классов выпущено 10 кадет. Матурные испытания закончились молебном, по окончании которого проф. Кульбакин поздравил кадет 6-го выпуска и в речи, обращенной к ним, призывал их к укреплению и дальнейшему развитию полученных знаний на благо родины. Затем состоялся общий обед выпускных кадет и педагогического персонала.

Впервые в этом году, из сумм особого фонда, состоявшего из поступлений вырученных от благотворительных концертов и лотерей, устраиваемых корпусом, была выдана премия, в размере 500 динар, окончившему полный курс корпуса первым, вице-унтер-офицеру А. Федюшкину.

Кадеты на рыбной ловле.

Наступало лето, многие кадеты разъезжались на каникулы по домам, но много их, главным образом сирот, оставалось в корпусе. Чтение, подготовка к переэкзаменовкам для неуспевающих, футбол, купанье в реке Нере, ловля рыбы и раков на прудах у города, прогулки, особенно с ночевкой на Дунай (в 12 километрах от Белой Церкви) — вот что заполняло каникулярный досуг. В конце же каникул, преимущественно в первой половине августа, директор корпуса, на особо ассигнуемые средства, ежегодно устраивал продолжительные экскурсии в различные местности королевства, примечательные в историческом, географическом или климатическом отношениях. Небольшая группа кадет, желая подработать на личные нужды, устраивалась на короткие сроки, на работы у окрестных крестьян, помогая им на молотилках и в хозяйстве.

Летом 1926 года группа кадет-соколов, в составе 13 кадет во главе с полковником Колосовским, съездила в Прагу, на Восьмой Всесокольский Слет. Там кадеты приняли участие в общих выступлениях соколов, а во время «русского дня» имели и свое личное выступление, которое так описал потом один из участников:

«Русскими соколами были сначала исполнены общие вольные движения и упражнения с копьями, а затем выступали отдельной группой на снарядах. Когда пришла наша очередь, нас охватило какое-то приподнятое и нервное настроение. Судорожно впиваются пальцы в брусья, послушно идет за руками туловище. Как-то особенно отчетливо проходит упражнение, как-будто какая-то невидимая сила подталкивает и помогает работе. Свисток — «к пирамиде». Момент, другой, и... трибуны огласились потрясающим шумом аплодисментов, машут платками, шляпами. Положение сразу изменилось: мы вызвали одобрение многотысячной толпы. Снова свисток. Вторая пирамида — более сложная и аплодисментов еще больше. На очереди третья — самая красивая и сложная пирамида. На несколько секунд нас охватывает боязнь: «А вдруг не выйдет?». Притихшая публика ждет. Руки после брусьев размялись, разошлись и хочется окончательно удивить публику. Желание сделать третью пирамиду охватило нас. Снова свисток. Бежим к брусьям: «Господи, помоги!» Среди трибун

мертвая тишина. Один, другой, третий свисток, и оглушительные аплодисменты покрывают все».

Вторая группа кадет (40 кадет, 2 воспитателя, 2 преподавателя и служитель) во главе с директором корпуса и под руководством ген. Враского совершила интереснейшую поездку по Дунаю (с 20 по 27 августа) в Джердапское ущелье (узкая часть Дунайской равнины на границе Румынии и Югославии) и к Железным воротам. По пути посетили рудник Раков-Бор и монастырь «Туман», осмотрели ряд римских памятников у г. Текии. Встречавшиеся везде русские люди и многие сербы оказывали экскурсии самое широкое гостеприимство, чем еще больше скрасили эту интересную и поучительную поездку.

1926-27 учебный год (Вице-фельдфебель Денисенко) начался при составе в 394 кадета, разделенных на 13 отделений. Новшеством в учебной части, отразившемся на всем распорядке повседневной жизни кадет, явилось установление новой нормы учебного часа: продолжительность его была установлена Учебным советом Державной комиссии — в 40 минут. Это явилось следствием работ Педагогических съездов и указаний педагогической печати, которыми неоднократно отмечалась перегруженность учащихся классными занятиями, образовательной частью программ. Современные условия жизни и требования, предъявляемые к учащейся молодежи, указывали на необходимость расширения досуга учащихся, занятого внеклассной работой, спортом, развитием их вкусов, их воли, а не только ума, и сообщением им только теоретических знаний.

В связи с этим нововведением, в корпусе с 6-го Сентября 1926 года был установлен и иной распорядок дня.

Подъем — в 6 ч. утра, утренний осмотр, поверка, молитва. В 7 часов чай. От 7 ч. 20 мин. до 8 ч. 20 мин. — утренние занятия. Получасовая прогулка. От 9-ти до 11 ч. 30 мин. — первые три урока. В 11 ч. 40 мин. обед, после которого получасовая прогулка. От 12 час. 30 мин. до 2 ч. 50 мин. — три урока. В три часа полдник, и кадеты свободны до 5 час. 30 мин. вечера, когда начинаются вечерние занятия. В 8 час. вечера — вечерний чай и ужин. В воскресные и праздничные дни — подъем в 7 час. утра, в 9 часов — церковная служба; от 10

час. 30 мин. до 12 час. 30 м. обед, в 4 часа полдник; в 7 часов — вечерний чай и ужин.

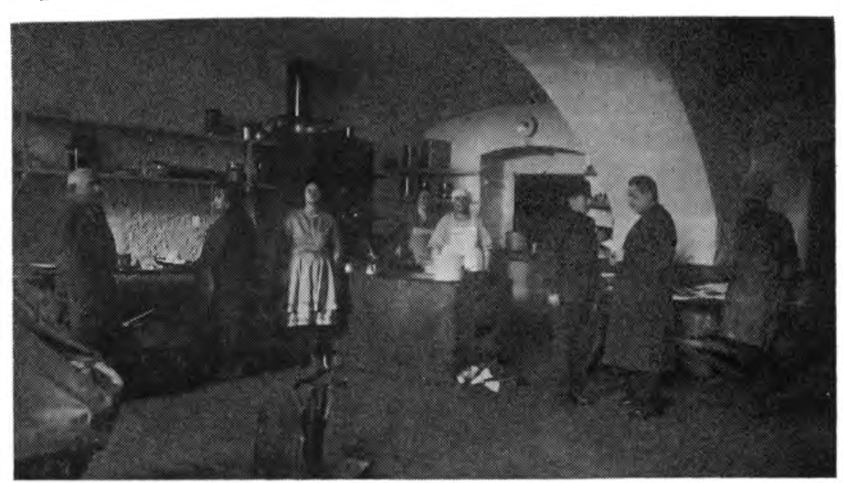
В этом учебном году благоустройство корпуса все возрастало. Постепенно, начиная с 1923 года, широко пополнялись книгами общая, классные и ротные библиотеки, возник прекрасно оборудованный физический кабинет «имени русской армии», улучшалась классная мебель. Обмундирование кадет постепенно накопилось до нескольких сроков и у всех кадет совершенно однородные, введенные генералом Промтовым, строевые бескозырки с алым околышем, черные зимой и белые летом, шинель защитного сукна и такие же рубахи (летом белые), черные брюки, не по казенному сшитые ботинки. Кадеты очень следили за чистотой и щеголеватостью своего обмундирования и всюду выделялись своим молодцеватым и подтянутым видом.

Различные виды обмундирования.

Параллельно с этим развивались и улучшались различные службы корпуса, размещавшиеся в первом и подвальном этажах. Строевые и хозяйственные канцелярии работали круглый год. Большую работу выполняли столярная, сапожная и швейная мастерские, работавшие также без перерыва круглый год и всецело обслуживавшие корпус. В полуподвальном этаже расположилась корпусная кухня со всеми службами и скла-

дами. Питанием кадет официально заведовал кап. Шепель, но корпусная кухня твердо управлялась искусной поварихой Харитиной Степановной Швачка незабвенной «титкой Харитиной», как ее между собой называли кадеты, покинувшей родную Полтаву с ушедшим оттуда корпусом. Ее муж, Михайло Сергеевич, заведовал хлебным складом. Он и их помощник

Егор Гаврилович Олифер ходили в смазных сапогах, с картузами на голове, по праздникам надевали пиджаки поверх русских рубах. Все они пользовались искренней и заслуженной любовью кадет, хотя под напускной грубостью и скрывали свои ответные чувства. Не напрасно поговаривали о том, что в тяжелые первые годы, когда корпус был стеснен в средствах и выплаты пособий поступали неаккуратно, супруги Швачка успокаивали нетерпеливых поставщиков своими личными векселями. Да разве могли они поступить иначе, когда дело касалось питания дорогих их сердцу кадет. Буфет при столовой имел часть прекрасной посуды Владикавказского кадетского корпуса, вывезенной из России. Постепенно были заведены медные чайники, пополнена столовая посуда. На ряду с этим улучшением материального состояния, улучшились и иные стороны жизни кадет и корпуса. Классная дисциплина и поведение кадет решительно улучшились. Проступки кадет, особенно самовольные отлучки, борьба с которыми затруднялась условиями расквартирования корпуса, — становились все бо-

лее редкими. Работоспособность кадет и их интерес к учебному делу заметно повысились: прекрасные результаты испытаний на аттестат зрелости сами говорили за это. Корпус работал вполне нормальной, все богатевшей, хорошо организованной, русской школой.

В начале этого учебного года корпус посетила дочь покойного Генерал-Инспектора Военно-учебных заведений Великого Князя Константина Константиновича, Княгиня Татьяна Константиновна с дочерью, княжной Наталией Константиновной Багратион-Мухранской, воспитанницей Мариинского Донского Института. Княгиня Татьяна Константиновна прибыла в корпус в сопровождении директора корпуса, и была встречена Преображенским маршем. Директор корпуса обратился к княгине со словом привета, сказав, что в стенах этого здания собраны русские юноши, которые воспитываются здесь в национальном духе и которые свято хранят заветы покойного Великого Князя. Генерал Промтов закончил свое приветствие здравицей Ее Высочеству. Могучее, кадетское «ура» было ответом на эти слова. Княгиня Татьяна Константиновна поблагодарила директора корпуса за прием и выразила свою радость, что память о ее покойном отце хранится в сердцах подростающего поколения. Затем Княгиня Татьяна Константиновна осматривала зал и церковь, где она была встречена настоятелем храма и законоучителем Архимандритом Феодосием, после чего в сопровождении генерала Промтова уехала в институт. В тот же день корпус и институт провожали Княгиню на вокзале. Поезд отошел под звуки кадетского оркестра и несмолкаемого «ура» молодежи. Сын Княгини и внук Великого князя Константина Константиновича, Князь Теймураз Багратион-Мухранский был зачислен в списки кадет 4-го класса 18 января 1928 года.

В связи со все улучшавшимися условиями, жизнь кадет принимала новые формы. С осени 1926 года в корпусе организовался эстетический кружок кадет под руководством преподавателя С. Н. Боголюбова, имевший целью служение русской культуре и русскому искусству. Кружок, вскоре, выделил в своем составе театральный, художественный и балетный отделы, группу поэтов и оркестр балалаечников. Первый

вечер, организованный кружком, состоялся 26-го сентября 1926 года на тему «Русская песня» (доклады кадет, вокальные и музыкальные иллюстрации русской песни). Второй — «Чеховский» вечер — 11 января 1927 года. Третий — «Рождественский» вечер; 25 февраля — комедия Островского «В чужом пиру похмелье»; 7 апреля — юбилейный Гоголевский вечер — прекрасная постановка комедии «Ревизор», а в день корпусного праздника — комедия «Женитьба». Газета «Новое Время» от 19 апреля 1927 года так отозвалась о корпусной театральной постановке:

Ревизор — все роли в исполнении кадет.

«Отрадно, что высоко чтится в русских школах заграницей память о великих русских писателях. 75-тилетие смерти Н. В. Гоголя было отмечено в Крымском кадетском корпусе постановкой бессмертной комедии «Ревизор». Этому спектаклю удалось придать характер торжества. Зал был украшен зеленью, около сцены возвышался мольберт с портретом великого писателя в рамке траурно-зеленой туи. На фронтоне сцены горели огненными буквами года жизни писателя, дата первой постановки «Ревизора» и слова, характеризующие творчество Гоголя: «Горьким словом моим посмеются» и «К добру и свету мощным словом сквозь слезы он ведет». Перед началом комедии один из кадет прочел свое стихотворение, посвященное памяти Гоголя. Спектакль произвел глубокое впечатление. Об-

становка, костюмы, гримм — все было, насколько возможно, выдержано в характере эпохи. Молодые артисты кадеты отнеслись к делу с громадным рвением и вниманием. Женские роли исполнялись кадетами».

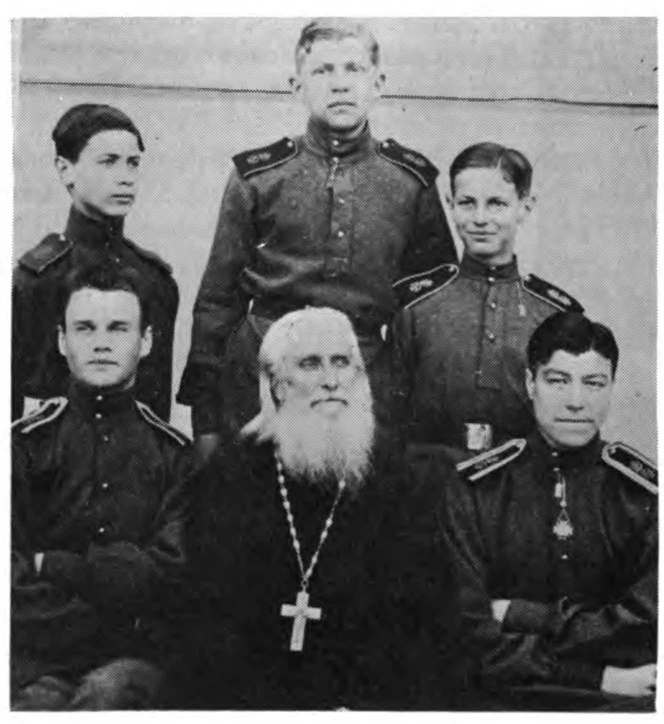
Эти вечера перемежались с лекциями, прочитанными для кадет: епископом Вениамином о «Жизни и деятельности св. Саввы». Поэтом Олениным — свои стихотворения. П. С. Савченко о «Жизни и творчестве Гоголя» (по случаю 75-тилетия со дня смерти писателя).

«День русской культуры» в этом году ознаменован был литературно-музыкальным вечером, организованным совместно корпусом и Мариинским институтом при широком участии эстетического кружка корпуса, поставившего сцены из хроники Островского «Козьма Минин Сухорук» и несколько живых картин. В состав кружка в этом году входили исключительно даровитые кадеты, давшие много прекрасных образов и искусных музыкально-вокальных исполнений. Надо отметить неизменное участие во всех концертах и музыкальных выступлениях корпуса талантливого пианиста, воспитателя корпуса полк. Доннера, широко и бескорыстно отзывавшегося на все музыкальные начинания. Польза работы Н. Н. Доннера в корпусе была неизмерима.

В учебном отношении год прошел вполне нормально. Постановлением Учебного Совета Державной комиссии от 28 февраля, законоучитель корпуса, всеми любимый и глубокоуважаемый о. архимандрит Феодосий, был переведен в русскую гимназию в Храстовец-Пановичи, а на должность законоучителя корпуса был назначен Епископ Вениамин.

Всегда приветливый, необычайно скромный, очень любивший кадет и очень к ним близкий, высокообразованный о. архимандрит Феодосий за семь лет службы в корпусе сроднился с ним. Его сменял темпераментный, даровитый, необычайно простой в обращении, благолепно служивший, очень музыкальный молодой Епископ Вениамин. В церковных службах в корпусном храме его часто заменял молодой иеромонах о. Иоанн (Шаховской).

После, как всегда, торжественно проведенного корпусного праздника, корпус 4 июня 1927 года единодушно отметил ис-

О. Архимандрит Феодосий среди церковных прислужников.

полнившееся в этот день 50-тилетие службы в офицерских чинах директора корпуса, ген.-лейт. М. Н. Промтова. По почину сослуживцев-чинов корпуса в церкви был отслужен в присутствии всего состава корпуса епископом Вениамином благодарственный молебен, после которого юбиляру был поднесен адрес от лица служащих, и многими, в том числе и кадетами, были произнесены приветствия.

За два с половиной года управления корпусом, генерал Промтов завоевал общее уважение кадет, хотя в его отношении к кадетам и отсутствовала та отеческая теплота, которую проявлял ген. Римский-Корсаков.

Матурные испытания седьмого выпуска начались с середины июня. В комиссии под председательством представителя Министра народного просвещения профессора Миливоя Симича, директора одной из первых средних школ Сербии и, позднее, ректора Высшей педагогической школы.

Восьмой класс в этом году кончало опять три отделения. Выпуск был большой, испытания шли весьма успешно. Во время их, корпус посетила американка г-жа Строк, приехавшая с Делегатом, ведавшим интересами русской эмиграции в Королевстве, В. Н. Штрандтманом. Они осматривали помещения и службы корпуса, а затем присутствовали на очень эффектных упражнениях кадет-соколов на снарядах.

К 24 июня закончились матурные испытания. Аттестат зрелости получили 42 кадета, свидетельство об окончании 7 классов — 18 кадет. После молебна и официальных речей, выпускные кадеты пригласили профессора М. Симича, педагогов и выпускных институток на свой вечер, начавшийся инсценировкой Чеховских рассказов. На следующий день, ими был организован скромный ужин в Охотничьем клубе, прошедший в присутствии педагогического персонала, с необычайным оживлением и задушевностью. Речи и воспоминания говорили об одном: о любви к России и стремлении послужить ей, о любви к родному корпусу, оставившему много светлых воспоминаний.

Летом 1927 года, часть оставшихся на каникулах в корпусе кадет, преимущественно сирот (28 кадет, преподаватель и два воспитателя) во главе с директором корпуса совершили интересную экскурсию на Адриатическое море. Посетили Дубровник, который с его живописными окрестностями подробно осмотрели, затем Игало и Которскую бухту. Всюду кадеты встречали радушный прием, особенно среди русских, отвыкших за годы изгнания от вида русской формы, русского военного строя, звуков русской песни. Газета «Новое Время» так описывает пребывание кадет в Дубровнике:

«Воскресенье. У входа православного храма в Дубровнике толпится народ. Взоры всех обращены на выстроившихся в две шеренги русских кадет. Стройные юноши, подтянутые, серьезные, сознательно несущие в себе ответственное и красивое бремя русской национальности. Знакомые русские бескозырки с красными околышами, чистые, разглаженные белые «гимнастерки» с аккуратными складками сзади под поясом... Выходит из церкви их начальник-директор Крымского корпуса генерал-лейтенант Промтов. Спокойный взгляд, бесконечно

симпатичная внешность, одухотворенная красивыми традициями прошлого, изящная простота, так гармонирующая с новыми потребностями времени и момента. Ни малейшей аффектации, ни одной черты искусственности, — все полно достоинства и красивой естественности. В выражении лица, в каждом движении, как бы читаешь внутреннюю могучую дисциплину духа и стремление к выполнению долга перед будущей национальной Россией, для которой он подготовляет достойное молодое поколение.

При его появлении все замерло. Затем пронеслись командные слова и загудели стройные, слитые в одно, четкие ответы и исполнение. Музыкальное эхо воинских мелодий и звуков вызвало целый ряд далеких, родных и милых переживаний ... А в солнечном, чистом и звонком воздухе как бы плавали знакомые с детства слова: «Здравия желаем, Ваше Превосходительство» ... « Первый, второй, первый, второй » ... «Ряды вздвой!» «Шагом марш!» И чеканно, звучно и необычно раздались шаги по узким и старым улицам дремлющей Рагузы ... А спустя час, красные околыши и белоснежные рубахи с красными погонами оживляли раскаленные камни знойного пляжа: будто выросли яркие и свежие цветы в пылающей зноем монотонной пустыне ... На лицах кадет безграничная радость. Так недавно они были в Белой Церкви, в стенах своего корпуса, напряженно учились и не мечтали вырваться из душной, городской жизни на сказочный простор южного моря ... Идут по улице стройными рядами, подтянутые, аккуратные, молодцеватые и любо смотреть на них, — в них часть национальной России ... »

После осмотра в течение нескольких дней всех красот Дубровника, молодежь устроила в русском доме вечер. В музыкальном отделении публика прослушала прекрасное трио балалайки, гитары и мандолины, было также несколько номеров из фарса и балета. Наконец вечер закончился танцами под музыку преподавателя корпуса Н. Н. Доннера.

1927-28 учебный год опять принес корпусу сокращение численного состава до 363 кадет при 11 классных отделениях (Вице-фельдфебель Стародубцев), а главное — в корпусе не было впервые приема новых кадет в первый класс. Это был пло-

хой предвестник для нормального развития учебного заведения.

Главная перемена в педагогическом составе к началу этого года — уход епископа Вениамина. Уроки Закона Божьего были поручены о. прот. Бощановскому, иеромонаху Иоанну и А. И. Абрамцеву. Церковные службы совершал временно командированный о. иеромонах Тимолай.

В смысле работы этот год был весьма благоприятным, так как небольшой сравнительно, численный состав корпуса, при сокращенном числе отделений, позволил еще удобнее расположить и приспособить классы, спальни и службы, использовать учебные пособия и материалы, поддержать порядок и чистоту. Внеклассная культурно-просветительная работа в корпусе велась планомерно и отличалась большим разнообразием. Эстетическим кружком в октябре и ноябре 1927 года были устроены в корпусе два «Чеховских» вечера, сопровождавшиеся концертными отделениями. Продолжались «пятницы» — литературные беседы с кадетами 8-го класса, а 27-го ноября корпус чествовал «День Государыни Императрицы» — 80-тилетие со дня рождения вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны.

Очень окрепла за последний год театральная секция эстетического кружка. Ее постановки отличались не только художественным и глубоко продуманным исполнением, но и талантливой игрой нескольких одаренных кадет. Особенно запомнились образы, созданные кадетом Сергеем Семыниным, впоследствии артистом Белградского Русского Театра. Его интерпретации ролей были всегда живы и человечны, а игра проста и уверенна. Декорации рисовались художниками-кадетами и были на очень высоком художественном уровне. Костюмы, созданные по рисункам руководителей театра, шились для каждой постановки в корпусной швальне опытными мастерицами.

В январе, на рождественских каникулах, эстетическим кружком была поставлена на корпусной сцене пьеса Сумбатова «Соколы и вороны», а затем, с большим успехом была разыграна для кадет и институток комедия Островского «Бедность не порок».

19 января, в городском театре «Бург», корпусом был дан

ежегодный благотворительный концерт в пользу оканчивающих в этом году корпус кадет. В концерте с большим успехом участвовали, как оба оркестра корпуса духовой и струнный, так и светский хор. Из балетных номеров, при участии и неизменном успехе группы воспитанниц Мариинского Донского института, необходимо отметить «Чардаш» и «Мазурку» из «Лебединого озера» и «Русскую», муз. Чайковского. С захватывающим интересом следила публика за гимнастическими упражнениями кадет-соколов.

Концерты в пользу оканчивающих кадет были также даны в близлежащем городе Вршце и в одном из больших торговых городов Баната — Великом Бечкереке. Газета «Новое Время» отметила этот концерт следующей статьей:

«В день концерта, 18 февраля, сто с лишним кадет Крымского кадетского корпуса с духовым оркестром во главе прошли по городу с вокзала до места, где были размещены. Музыка, выправка и дисциплина кадет произвели впечатление и публика хлынула на концерт. Новый сокольский зал заполнен. На авансцене 4 кадета с фанфарами, в глубине сцены блещут 40 труб оркестра. Играется торжественный марш стройно и уверенно, не по ученически. После 6-7 тактов, трубачи быстро и четко вскидывают фанфары и в ту же секунду резкая фраза лейт-мотива врывается в мелодию. Фраза окончена, и тем же красивым жестом фанфары опускаются на колено. Публика — сербы, венгры, немцы — в восторге. О русских не приходится и говорить. Каждый поймет чувство, пробуждающееся при виде всего, что напоминает Родину. Небольшие минуты паузы. Затем появляются параллельные брусья, и 8 кадет проделывают сокольские упражнения. Пирамиды привели в восхищение весь зал, кадеты превзошли все ожидания. В глубине — крики, топанье ногами. Хорош был оркестр балалаечников под управлением кадета, сыгравший очень мило несколько вещей. Из многих номеров балета безусловно выделились: мазурка, трепак и цыганский танец, последние два бисировались. Сбор превзошел все ожидания. На другой день концерт был повторен днем для учащихся.

Будем надеяться, что не последний раз видим здесь Крымских кадет, и когда-нибудь еще сердце порадуется, глядя на

милых, русских мальчиков, с таким достоинством носящих погоны русского кадета».

14 марта корпус чествовал исполнившееся в этот день 35-летие врачебной деятельности доктора медицины Владимира Альбертовича Дербек, с 1906 года перешедшего на службу в кадетские корпуса. В приказе по корпусу на этот день, генерал Промтов дал следующую характеристику деятельности доктора В. А. Дербека:

«В Крыму, войдя в состав Крымского кадетского корпуса в качестве старшего врача, доктор Дербек разделяет судьбу нашего родного корпуса, несет безропотно все испытания, выпавшие на его долю, и покидает родину, не задумываясь над полной неизвестностью грядущего.

Будучи человеком глубокопреданным идее русского национального дела, доктор Дербек по прибытии в Королевство С.Х.С. не соблазняется возможностью материальных благополучий, доступных ему на других местах службы, как старому, опытному врачу. Он связал свою судьбу с Крымским кадетским корпусом и остался в нем неутомимым работником в тяжких условиях жизни корпуса. Из деятельности доктора Дербека, не относящейся к его врачебной специальности, я не могу обойти молчанием его в высокой степени добросовестные и полезные труды в Обществе вспомоществования быв. кадет Крымского кадетского корпуса. Со дня основания этого симпатичного общества, существующего на ежемесячные взносы служащих корпуса, он состоит бессменным членом правления, секретарем и казначеем правления. Высокая цель общества — помощь бывшим питомцам корпуса, впавшим в беду и нужду — оказалась близка его чуткому, доброму и благородному сердцу, проникнутому любовью к русской молодежи.

Заслуги доктора Дербека перед Крымским кадетским корпусом я считаю долгом отметить и подчеркнуть в день 35-тилетия его врачебной деятельности и прошу его принять от меня лично, от всех его сослуживцев и от кадет родного ему Крымского корпуса, самые горячие чувства благодарности».

Во втором полугодии в корпусе состоялся ряд докладов: в феврале доклад П. С. Савченко, посвященный памяти Н. А.

Некрасова (по поводу 50-тилетия со дня смерти), в марте доклад ген. И. Я. Враского по случаю 50-тилетия Освободительной войны. Оба доклада были иллюстрированы многочисленными диапозитивами, изготовленными корпусом. В мае корпус посетил сербский поэт Войслав Илич и читал кадетам свои произведения. Затем, в последних числах мая были прослушаны два доклада полк. М. М. Цареградского о жизни и деятельности генералиссимуса А. В. Суворова. Богато иллюстрированные диапозитивами, схемами и картами, проведенные в форме живой, увлекательной беседы, эти доклады произвели очень сильное впечатление на кадет.

Наступила Пасха 1928 года, и стали доходить все более тревожные сведения о болезни Главнокомандующего. В далеком Брюсселе с налетевшим недугом бессильно боролся тот, кто спас десятки тысяч воинов и русских людей, кто дал жизнь нашему Крымскому корпусу.

25 апреля 1928 года Главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель скончался.

Эта страшная весть распространилась по корпусу уже к вечеру того же дня и глубоко потрясла кадет. Крымский кадетский корпус потерял в лице почившего не только любимого армией ее Белого Вождя-Рыцаря, но и своего основателя. Чувствовалась правда слов поэта:

«Жестоким шквалом крылья смяты,
И без него мы навсегда
Осиротевшие орлята
Из разоренного гнезда».

Здоровые патриотические чувства, столь свойственые кадетам — Крымцам, никогда не переходили в политиканство или узкий шовинизм, а скорее носили в себе элемент служения. Их безоговорочное уважение и почитание белых вождей было понятно, так как Крымский кадетский корпус рожден в дни последней борьбы белого движения. Надо было быть с кадетами в дни безвременных кончин генерала Врангеля и Великого Князя Николая Николаевича, чтобы видеть глубину, переживаемого кадетами горя. Кадеты хотели выразить свои чувства, вызванные этой тяжелой утратой.

В корпусе была отслужена панихида. У портрета Главнокомандующего убранного цветами стояли почетные часовые от кадет. В девятый день кончины, после панихиды, видный участник великой и гражданской войн, первопоходник ген.-лейт. Е. Ф. Эльснер сделал сообщение, посвященное жизни и деятельности, а также доблестному служению Родине почившего Главнокомандующего.

В начале июня заканчивался учебный год. На этот раз его последние дни совпали с рядом празднеств, в которых корпусу пришлось принять самое широкое участие. Корпусной праздник, приуроченный ко дню свв. Константина и Елены, совпал в этом году с Окружным Сокольским слетом всего Баната. Эти празднества были отмечены статьей, появившейся в газете «Новое Время»:

«Вечер субботы. Всенощная. Корпусной праздник совпадает с Троицей и потому весь зал и иконостас в зелени. На

стоящих стройными рядами кадет со стен смотрят портреты во весь рост Петра Первого, Государя, Великого Князя Николая Николаевича — все это работа кадет. Как нельзя более к месту эти портреты, в этом русском уголке. Обращают на себя внимание талантливая копия портрета Государя (Серова) и красиво убранный Георгиевскими и траурными лентами портрет ген. Врангеля. Иконы на иконостасе тоже, главным образом работы кадет. Родным веет от нашей чудной вечерней службы, красива при вечернем освещении церковь. Россия во всем.

Утром в воскресенье перед литургией — панихида по генерале Врангеле и по умершим кадетам и служащим корпуса. К 12 ч. дня стройным красивым квадратом выстроился весь корпус на плацу перед зданием. Со всего города стекаются русские посмотреть на парад.

На этот раз, помимо обычных гостей корпуса, институток Мариинского Института, присутствуют на параде воспитанницы Харьковского Института и Кикиндской гимназии, приехавшие в Белую Церковь на сокольский слет. Тут же и все сербское начальство города.

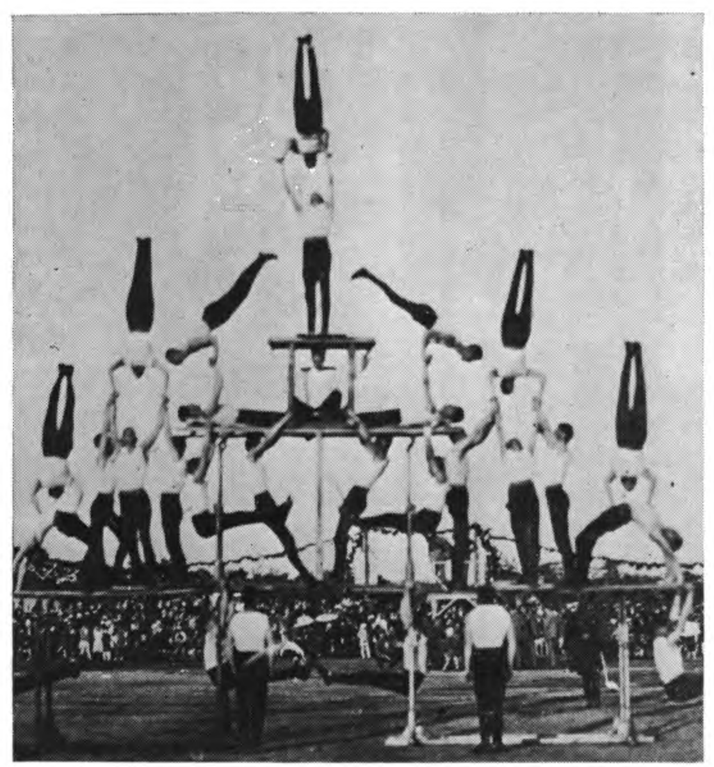

Слышится команда, и оркестр играет встречный марш. Знамя красиво колышется, его несет кадет Генин в форме Сумского Кад. Корпуса. Настроение сразу приподнимается. У некоторых зрителей от избытка чувств на глазах блестят слезы. «С нами Бог» — читаешь на знамени. Оно уже на своем месте.

Опять встречный марш: встречают директора. Пожилой, но с прекрасно сохранившейся военной выправкой, ген.-лейт. Промтов принимает рапорт и, поздоровавшись с ротами, поздравляет их с праздником. Начинается торжественный молебен, после которого Директор предлагает ряд здравиц за Короля и братскую Югославию, дающих возможность нашей молодежи воспитываться в национальном духе, за Верховного Главнокомандующего, выражая уверенность, что под Его командованием, кадеты с пользой для Родины отдадут приобретенные знания и

жизнь за Россию, за вдовствующую Императрицу. Все это время гремит несмолкаемое «ура». Память ген. Врангеля предлагает почтить молчаливым склонением голов, во время которого оркестр играет «Коль Славен». Затем, быстрое перестроение в ротные колонны, и начинается церемониальный марш. Стройными рядами проходят кадеты перед своим генералом. Молодцевато одетые бескозырки придают им особенно бодрый вид. Слышатся стройные ответы на похвалы директора. Все это — прекрасная, редкая в наше время, незабываемая картина.

После обеда — Сокольский слет всего Баната. Хотя он и не имеет прямого отношения к корпусному празднику, но невозможно не отметить общий успех на нем русских. Институтки все особенно выделялись изяществом и красотой упражнений, всеобщие же симпатии снискали себе воспитанницы Кикиндской гимназии своими упражнениями, заключавшимися в

очень сложных и красивых расхождениях и танцах. Интересен был и их костюм: белые шапочки, синие блузки и красные юбки. У кадет особенно удачным было упражнение с копьями. Отличились они также образцовой гимнастикой на снарядах. Во время же головокружительных пирамид кадет на высоте трех, поставленных друг на друга параллельных брусьев, царило гробовое молчание, разразившееся после громов аплодисментов».

8-го июня в зале «Бург» состоялся при широком участии оркестра, хора и сольных выступлений кадет корпуса, вечер по случаю «Дня русской культуры». К этому дню в большом зале корпуса преподавателем П. С. Савченко была организована выставка репродукций (отдельные картины, иллюстрации роскошных изданий и журналов «Жар-Птица», «Перезвоны», «Старые годы», открытки) произведений русской живописи XIX века, расположенных по авторам и в хронологическом порядке.

Матурные испытания 8-го выпуска происходили в комиссии под председательством профессора философского факультета Белградского университета, доктора Драгиши Джурича, с большим вниманием отнесшегося к работе русского учебного заведения. Аттестаты зрелости получили 41 кадет и два приходящих, хотя и посещавших классные занятия в течение года, но не состоявших в списках и не носивших формы. Сдавали экзамены и получили аттестат еще четыре экстерна, приехавшие в кропус только на экзамены. Приводим имена шести лиц, получивших аттестаты, не будучи кадетами:

Бощановский Игорь, Дончакова Мария, фон-Коссарт Федор,
Черная Гали, Ремыга Петр, Шляхов Сергей

Вероятно впервые в истории кадетских корпусов, корпус «окончили» две барышни. «Матура» закончилась молебном и чашкой чая в зале корпуса. Вскоре после этого в корпусе замелькали штатские костюмы, покидавших корпус кадет. Последние годы, оканчивающие кадеты получали от корпуса, сшитый по мерке, штатский костюм, ботинки и смену белья. Кадеты же, поступавшие в югославское военное училище уезжали туда в кадетской форме, но корпус оплачивал им расходы по получению югославского подданства, без которого нельзя было поступить в училище. Смешно было смотреть на неуклюжих штатских с военной выправкой и в плохо повязанных галстуках.

Вскоре после окончания экзаменов, директор корпуса получил от профессора Д. Джурича следующее письмо:

«С особым удовольствием, как представитель Господина Министра Просвещения на 1927-28 уч. год, честь имею сообщить Вам следующее:

1) Вы, как директор корпуса, своим отличным организаторским умением в воспитательной работе строго проводили дело целесообразного воспитания молодого поколения. Ваша деятельнсть заслуживает наивысшей похвалы. Вы знали как, и сумели, в молодых душах русской молодежи оживить настоящую любовь к их матери-Родине, России, и использовать ее для научного и творческого развития Ваших кадет. В этом Вам были отличными помощниками господа преподаватели и инспектор классов корпуса.

2) В корпусе на высоком уровне чувствовались такт и дисциплина, как среди кадет, так и среди персонала. Такт доминировал и в Вашем разумном отношении к ним.

3) Состав педагогического персонала в своей основе очень хорош, и остается пожелать только, чтобы он и дальше развивался без всякого ограничения.

4) Администрация и хозяйственная часть на завидной высоте.

5) Вы и Ваш персонал также умели и вне стен корпуса, просветительно-культурной работой благотворно влиять на развитие нашего народа с этой и той стороны реки Неры.

Сообщая Вам это свое скромное мнение о доверенном Вам корпусе, я прошу Вас и весь персонал принять выражения моего глубокого почтения и постоянного признания Вашей работы на тех высоких задачах, которые гарантируют общий культурно-просветительный подъем, и грядущую работу молодого русского поколения на благо русского народа, и тем самым нашего собственного».

Летом, как обычно, группа кадет (42 человека) из числа оставшихся в Белой Церкви на летние каникул, под руководством преподавателей генерала И. Я. Враского и С. Н. Боголюбова, в сопровождении воспитателей подполковников Н. В. Зиолковского и Е. А. Худыковского ездили (от 8 по 22 августа) в интереснейшую и очень поучительную экскурсию по северо-западной части королевства. Экскурсия посетила Белград, Загреб, Любляну, Блед, их живописные окрестности, несколько заводов и рудников. Была на братских кладбищах и могилах русских воинов.

Наступал 1928-29 учебнй год, оказавшийся последним в жизни нашего корпуса на чужбине.

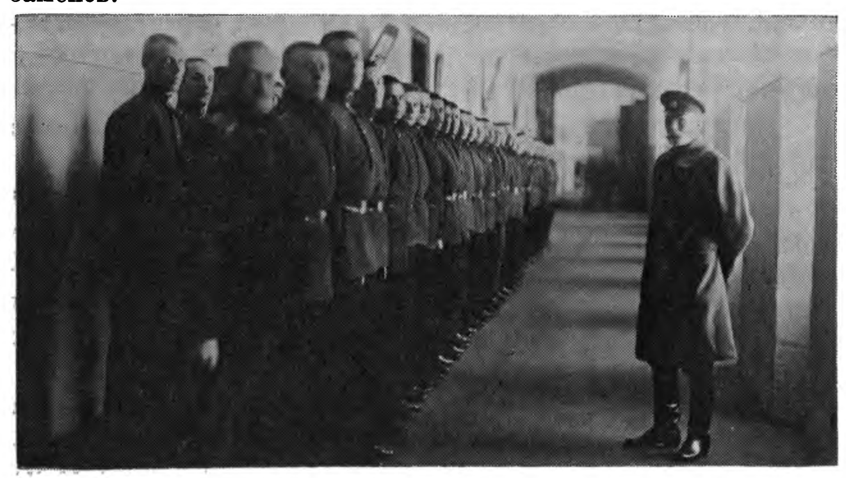
В нем к началу года состояло 276 кадет, разбитых на 9 классных отделений (Вице-фельдфебель Лазарев). В корпусе уже не было 1-го и 2-го классов. Этот небольшой состав позволил еще лучше, целесообразнее, а в некоторых отношениях и образцово организовать и поставить жизнь кадет и корпуса, как учебного заведения.

В смысле порядка, чистоты в корпусе, работы учебного и воспитательского персонала, богатства цейхгаузов, обстановки, библиотек и склада учебных пособий — корпус стоял на большой высоте.

Наряду с некоторыми изменениями в преподавательском персонале и воспитательском составе, происшедшими к началу учебного года, настоятелем корпусного храма и законоучителем был назначен заведывавший Венско-Баденским приходом архимандрит Харитон.

Начало учебного года омрачилось серьезным инцидентом,

возникшим между директором корпуса и кадетами выпускного класса. Уже несколько лет шла скрытая борьба за кадетские прически и, если стрижка под ноль удавалась в младших ротах, первая рота всегда давала стойкий отпор. Кадетские головы всегда были коротко подстрижены и аккуратно причесаны, но один только вид пробора внушал строевому генералу отвращение. И в этом году, вернувшиеся из летнего отпуска кадеты, были ошеломлены приказом постричь свои головы. Разрешалось только сохранить двухсантиметровый бобрик на самой макушке. Такого срама первая рота перенести не смогла и, в виде протеста, в первый же день сорвала уроки, уйдя на весь день в Рудольф Парк, расположенный далеко за городом. Результат оказлася плачевным для роты. Одно отделение 8-го класса было расформировано и кадеты переведены в Донской корпус. В выпуске не было производства вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицеров до самых выпускных экзаменов.

1-ая рота в строю.

Осенний съезд в Белграде русских писателей и журналистов, конечно встревожил и заинтересовал жизнь корпуса; 4-го октября корпус встречал одного из гостей со съезда известного писателя Б. К. Зайцева.

Кадеты были собраны в сборном зале корпуса. После краткого вступительного слова, Борис Константинович прочел отрывки из светлой своей книги о «Сергии Радонежском».

6, 7, и 8 октября корпус принимал участие в торжествах по случаю празднования в королевстве десятилетия порыва сербскими войсками Салоникского фронта. Для ознакомления кадет с этими историческими событиями, генерал Е. Ф. Эльснер сделал доклад, иллюстрированный картами и схемами героической борьбы сербской армии. А 13 октября корпус, как и всю русскую эмиграцию, поразила горестная весть о кончине Вдовствующей Государыни Императрицы Марии Феодоровны.

26 декабря корпус посетил Высокопреосвященнейший Антоний, митрополит Киевский и Галицкий. Владыка был на уроках в нескольких классах, беседуя там с кадетами, а затем проследовал в зал-церковь корпуса, где были собраны старшие кадеты. Митрополит Антоний говорил о Л. Н. Толстом.

В траурных настроениях наступали Рождественские праздники, принесшие корпусу и русской эмиграции весть о кончине в Антибе 5-го января 1929 года Верховного Главнокомандующего Российских Армий и Флота Великого Князя Николая Николаевича. Крымские кадеты тяжлео переживали эту новую утрату. Прекрасно написанный кадетом Тищенко портрет Великого Князя был украшен цветами. В корпусе была отслужена панихида.

Когда все кадеты прибыли с Рождественских праздников, 4-го феврлая 1929 года полковник М. М. Цареградский прочел прекрасный доклад кадетам о жизни почившего Великого Князя, Верховного Главнокомандующего.

12 февраля в корпусе состоялся литературный вечер, посвященный 100-летию со дня смерти А. С. Грибоедова. Доклад П. С. Савченко о жизни и деятельности этого выдающегося русского писателя и государственного деятеля сопровождался многочисленными снимками из произведений поэта, коллекций автографов и различных изданий и постановок его бессмертной комедии.

С окончанием траурных дней эстетический кружок возобновил свою деятельность. В начале февраля им было прекрасно поставлено на корпусной сцене «Доходное Место» Островского, а в конце марта тот же кружок, откликаясь на юби-

лейные «Грибоедовские» Торжества, поставил полностью 1, 2 и конец 4-го действий комедии «Горе от ума». Перед сценой на мольберте, весь в зелени, перевитой национальной лентой, портрет А. С. Грибоедова. Над сценой световой трафарет-щит с его словами: «И дым отечества нам сладок и приятен».

Зрители — институтки и кадеты, почти весь персонал института и корпуса, много представителей колонии. Сцены одна за другой проходят живо и уверенно; исполнители держатся естественно, непринужденно, тон звучный, бодрый, немного приподнятый. Видно было, что все глубоко продумали свои роли.

Жизнь корпуса шла вполне установленным порядком; рабочее настроение царило в классах, в мастерских, где, особенно в переплетной, кадеты во внеучебное время приучались к работе, что многих потом очень выручило по выходе из корпуса.

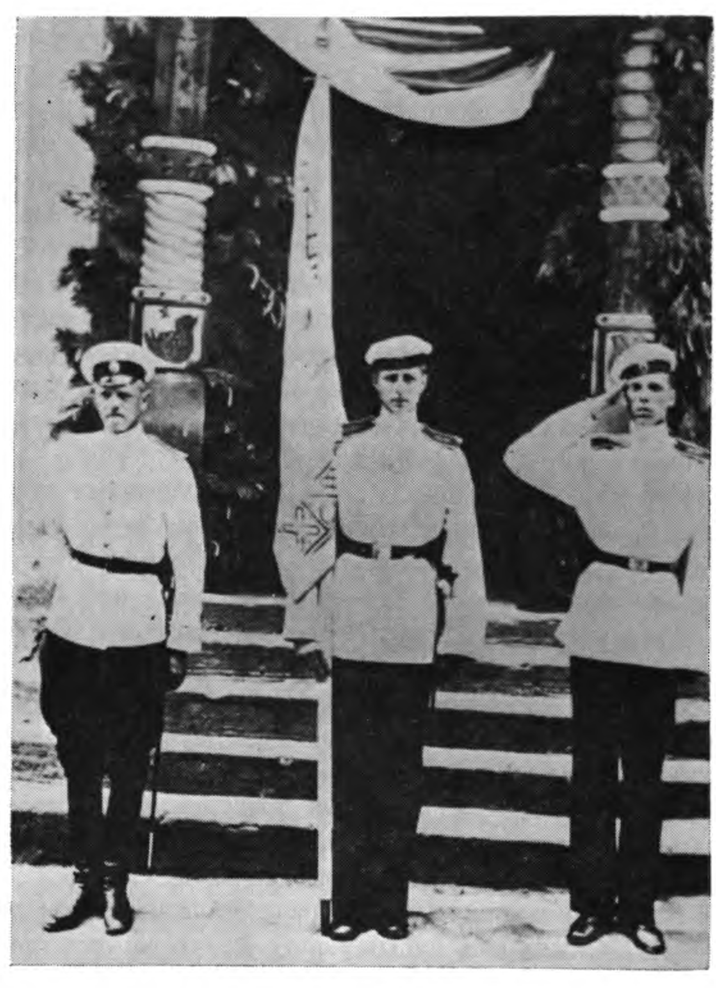
За последние годы лазарет корпуса, расположенный во флигеле, где было размещено общежитие служащих, был прекрасно оборудован. Занимая несколько небольших комнат, с тщательно поддерживаемой чистотой, он был в ведении опытного детского врача д-ра В. А. Дербека, которому помогали в работе и в наблюдении за больными фельдшер и сестра милосердия. Лазарет корпуса мог обслуживать обычные заболевания кадет, но во время серьезных эпидемий, чаще всего скарлатины, кадет отправляли в городскую, общественную больницу.

Пасха в этом году была поздняя — 5-го мая. После заутрени и литургии, в столовой корпуса состоялись обильные розговены. Воспитатели всегда разговлялись со своими отделениями.

В конце мая Белая Церковь и корпус принимали, приехавшего из Праги известного русского историка, профессора Московского Университета А. А. Кизеветтера и профессора Белградского университета А. В. Соловьева. Профессор Кизеветтер посетил несколько уроков в разных классах. Затем он прошел в зал, где был собран весь корпус и там с необычайным блеском и горячей силой убеждения говорил о здоровых ис-

торических силах, строивших нашу великую страну. Вся его блистательная импровизация дышала верой в возрождение России и в ее светлое и мощное будущее. А вечером в тот же день, в театре «Бург» состоялось очень торжественное празднование «Дня русской культуры».

Корпусной праздник, в день свв. Константина и Елены, был украшен в этом году приездом из Белграда поэтесы Е. М. Журавской, прочитавшей кадетам накануне праздника, после всенощной, ряд своих прекрасных стихотворений.

Знамя на последнем параде.

В день праздника, после обедни, состоялся на плацу перед корпусом молебен и обычный эффектный парад корпуса с выносом знамени. Последний раз на чужбине оно прошло по рядам Крымских кадет и развевалось перед их строем. С обычной выправкой, молодцеватостью, под звуки своего прекрасного большого оркестра прошли три роты кадет перед директором корпуса, прибывшими на парад представителями местного гарнизона, многочисленными гостями; русская колония, институт, как всегда любовались своими кадетами. Днем, после обеда, были гимнастические упражнения. Танцевальный вечер — обычно такой веселый, всегда красочный и оживленный, как нигде в эмиграции — состояться не мог ввиду карантина (по поводу заболеваний в младшей роте). Кадеты были в этот день вечером в приехавшем в Белую Церковь интересном цирке с дрессированными зверями.

Матурные испытания девятого выпуска состоялись, как обычно, в июне месяце, при Министерском представителе профессоре С. М. Кульбакине. Во время этих испытаний корпус понес тяжелую утрату в лице скончавшегося 18 июня от туберкулеза бывшего инспектора классов, а затем преподавателя математика, полковника Григория Константиновича Маслова.

Матуру получили 26 кадет 8-го класса, и свидетельство об окончании семи классов — 5 кадет.

Во время летних каникул, после ряда обычных местных экскурсий, вновь большая группа кадет (около 50 человек) под руководством генерала Враского и при двух воспитателях совершила длительную (с 4-го по 26 августа) и очень интересную экскурсию на Адриатическое побережье. Главной целью экскурсии было — дать кадетам хороший отдых на морском побережье в течение трех недель при возможно лучшем питании. Поэтому экскурсия вылилась в дачное пребывание с морским купанием в местечке Игало (в Которской бухте). Оттуда был произведен ряд коротких прогулок в окрестности и объезд на пароходе военно-морского ведомства Которской бухты и посещение прибрежных городов.

В это время в корпус из Белграда стали поступать недобрые вести о ближайшей судьбе корпуса. 3-го августа пришли предварительные предположения о соединении Крымского ка-

детского корпуса и Русского — в один, с расположением в Белой Церкви, на базе сохранения Крымского кадетского корпуса. Однако затем обстановка неожиданно изменилась, и 23 августа 1929 года, временно исполнявший должность директора корпуса генерал Эльснер, объявил следующие распоряжения в приказе по корпусу:

«Объявляю полученные мною предписания г. Заведующего Учебными заведениями от 20 августа за № 59947 и от августа 1-го за № 59988 с. г.

Учебный Совет, в заседании своем от 17 августа 1929 года, во исполнение предложения Державной Комиссии от 23 июня 1929 года, постановил:

1. Ввиду сообщения Военного министерства Державной комиссии о надобности для Военного Ведомства здания, ныне занимаемого Русским корпусом в Сараеве, признать, что существующие в настоящее время три кадетских корпуса, именно — Крымский — в Белой Церкви, Донской Императора Александра III — в Горажде и Русский — в Сараеве, подлежат сведению в два корпуса с местонахождением первого в Белой Церкви и второго в Горажде и с присвоением корпусу в Белой Церкви названия «Первый Русский Кадетский Корпус» и корпусу в Горажде названия «Второй Русский Императора Александра III Донской Кадетский Корпус».

Означенную меру ввести с 1-го сентября с. г.

2. Для кадет Первого Русского Кадетского корпуса в Белой Церкви оставить форму Русского корпуса и для кадет Второго Русского Императора Александра III Донского Кадетского Корпуса в Горажде — прежнюю форму Донского Императора Александра III кадетского корпуса».

День 23 августа 1929 года сохранился в памяти тех 113-ти кадет, которые были в этот день в корпусе, как один из самых тяжелых дней в их жизни. Приказ, распределявший кадет по новым корпусам, прочитан. Медленно расходились кадеты по своим отделениям. Семья Крымских кадет была расколота. Сто тридцать кадет, оставаясь в Белой Церкви, входили в состав Русского кадетского корпуса и сто один кадет должны были уехать в Горажде в Донской кадетский корпус. Трудно сказать кому было тяжелее: тем ли, которые оставаясь в стенах

своего корпуса, уже не были в нем хозяевами, или тем, которые через неделю должны были покинуть родное гнездо. Приводим воспоминание кадета пятого класса о последних днях существования корпуса:

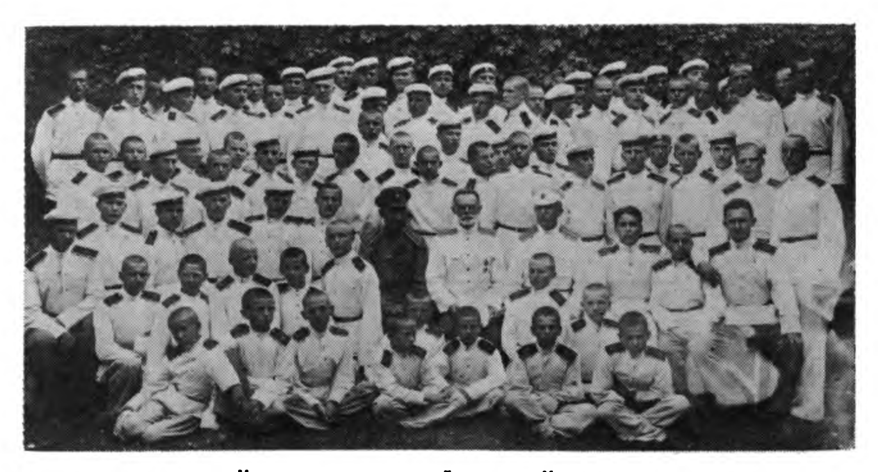
«Приближался день 1-го сентября, когда группа кадет переведенных в Донской корпус должна была покинуть Белую Церковь. Накануне вечером, перед прощальным ужином, выстроились в большом зале все кадеты, проводившие летние каникулы в корпусе. Строй стоял перед портретом генерала Врангеля, написанным во весь рост кадетом Титовым. Раздалась команда «Смирно». Все замерло. В зал вошел ген.-лейт. Эльснер временно исполнявший обязанности директора корпуса, в сопровождении офицеров-воспитателей и тех старших кадет, которые уже окончили корпус, но еще его не покинули. В полной тишине генерал обошел строй кадет, прощаясь с каждым из них за руку. После долгой паузы, с трудом поборов волнение, он обратился к кадетам с прощальным словом. На глазах у него стояли слезы. Кадеты плакали. Он говорил о свершившейся неправде, когда, вопреки здравому смыслу, закрыли тот корпус, который сохранил свое местоположение. Связи оказались выше справедливости. Повернувшись к портрету генерала Врангеля, он добавил: «Если бы наш основатель был жив, он никогда бы этого не допустил». Генерал просил кадет не ронять достоинство Крымского кадета в других корпусах и стойко, как подобает военным, вынести этот удар.

После ужина с крюшоном кадеты долго задержались в зале. Никто не мог спать в эту последнюю ночь. Наступал рассвет, а с ним и последний день жизни корпуса. После раннего завтрака, уезжавшие кадеты были построены с вещами в коридоре второй роты. Полковник Колосовский и капитан Маевский, сопровождавшие кадет в поездке, приняли команду и приказали вице-фельдфебелю Лазареву вести кадет на вокзал, к поезду уходившему из Белой Церкви в 11 ч. 30 мин. дня. Уезжавших провожали почти все остовавшиеся кадеты, офицеры и преподаватели корпуса с семьями, и группа Донских институток. Подойдя к окнам вагона, провожавшие старались облегчить эти последние минуты. Поезд медленно двинулся. Уже

не слышно напутственных пожеланий. Видно только, как широким крестом, по родительски, благословляют кадет их офицеры-воспитатели. А вдали, на горизонте, в зеленой гуще деревьев, еще долго виднелись стены нашего родного корпуса».

Крымцы в составе Первого Русского Корпуса.

Крымцы в составе Донского Корпуса.

К 1 сентября 1929 года Крымский Кадетский Корпус прекращал свою жизнь в эмиграции. Временно исполнявший должность Директора корпуса генерал Эльснер 31 августа 1929 года отдал последний приказ (№ 243) по Крымскому Кадетскому Корпусу и закончил его следующими словами (§ 18):

«Сегодня Крымский Кадетский Корпус прекращает свое существование; прекращает жизнь учреждение, созданное в Крыму волей Генерала Врангеля в последний период героической борьбы белых армий с разрушителями Великой России, учреждение, объединившее в себе остатки разогнанных и разрозненных большевиками русских кадетских корпусов.

За 9 лет своего существования Крымский кадетский корпус выпустил с вполне законченным образованием 616 русских юношей, беззаветно любящих свою многострадальную Родину, гордых сознанием принадлежности к Великому Русскому народу, преданных своему долгу, сильных духом единения и взаимной поддержки, обладающих качествами, отличавшими старую доблестную русскую Армию.

Весь педагогический состав Крымского Кадетского Корпуса с чувством глубокого удовлетворения может оглянуться на результаты своего тяжелого и необычайного по своим условиям труда. А кадеты Крымцы пусть с высоко поднятой головой войдут в родные для них семьи новых Кадетских Корпусов чтобы, нося на плечах новые погоны, в тесном единении со своими новыми товарищами, продолжать подготовку свою к служению своей родной матери-России».

Численный состав корпуса на 23 августа 1929 года был следующим:

	чинов корпуса	Кадет			
		казенно-коштных	свое-коштных	приходящих	прикомандированных
По списку	44	230	20	3	4
В отпуску	7	122	14	2	0
Больных					
в лазарете	0	1	0	1	0
вне корпуса	0	4	0	0	0
На лицо	37	103	6	0	4

Девять лет жизни очень маленький срок для развития учебного заведения при нормальных условиях, а тем более для школы, которой приходилось формироваться и существовать в нечеловеческие годы русской истории. Это были годы, пожалуй единственной в истории цивилизованного мира попытки, прервать течение духовной мысли и традиции всей нации и

привить ей чужеродные идеи путем создания пресловутого «нового» человека. В свете этой борьбы, школа должна была не только дать образование, скитавшейся по бездорожью русской молодежи, но и создать культуру, на почве которой могло бы вырасти интелектуально сильное поколение, способное бороться за духовные ценности своего народа. Крымский кадетский корпус задачу эту успешно выполнил. Он поднял из пепла русской смуты поколение молодежи, внесшей, впоследствии, свой вклад в творчество русского дела за рубежом.

Мы не будем повторять здесь о тех реальных прекрасных результатах его работы, которые были отмечены в только что приведенном последнем приказе по корпусу и которые говорят сами за себя: 616 молодых людей с законченным средним образованием. Более 150 окончили высшие школы и 140 получили военное образование. Более важным является тот факт, что корпус за эти 9 лет стал не безличной школой, дающей образование случайным лицам, а русским военно-учебным заведением, со своим лицом, со своей оригинальной жизнью, и успел приобрести и друзей и врагов, т.-е. жил и делал свое дело по разуму и совести. Персоналу корпуса приходилось иногда противостоять сильному давлению противников системы кадетского воспитания из среды влиятельных руководителей Державной Комиссии, под чьим ведомством находились корпуса. Эта группа лиц стремилась создать из корпусов русские реальные школы. Кадетский корпус, конечно, прежде всего реальная школа с интернатом, но в то же время это непременно и родной дом. Это школа товарищества, благородства, воинского духа, готовящая верных, физически развитых, будущих слуг своей Родины. Идеал этот, видимо был чужд его противникам.

Эти внешние неприятности только усугубляли те необычайные трудности, которые стояли на пути персонала корпуса. Много темного и отрицательного было часто и в кадетской среде: иногда лень, грубость, часто распущенность, проявление своеволия, необоснованная критика и насмешка. Но никогда персонал не забывал того, что корпус собрал в Крыму бездомную молодежь, чтобы спасти ее. А здесь в эмиграции воспитать, не прибегая к легким приемам отсечения всего мало-

мальски тяжелого в воспитательном отношении. То тяжелое время, страшные испытания, пережитые молодежью, бездольная и бездорожная судьба многих, требовали необычайно бережного отношения к нашей молодежи. И прежде всего любви к ней, этой великой воспитательной силы. К счастью для кадет, персонал корпуса, как, впрочем, и большинство старшего поколения обладали этой силой, и относились к молодежи с большой любовью и безграничным терпением.

В жизни и формировании зарубежных корпусов можно отметить три этапа. Каждый со своими задачами и целями, и со своей исторической последовательностью. Процесс становления требовал постепенного развития для правильного разрешения основной задачи, стоявшей перед русской эмиграцией: сохранить национальное лицо и дать образование, по возможности всей русской молодежи. Первый этап это период собирания, который охватил время пребывания корпуса в Крыму и первые годы эмиграции, когда в корпус еще продолжала стекаться молодежь, служившая в остатках Белой Армии в Галлиполи и вдоль югославских и болгарских границ. Второй этап это соединение в одно стройное целое этой массы разнородных частиц. В этой работе принимали участие, как персонал, так в большой мере и сами кадеты. И наконец последний этап, наступивший во второй половине двадцатых годов, когда процесс становления полностью закончился, и корпуса зажили нормальной жизнью военно-учебного заведения. Нельзя не отметить, что слияния корпусов вносили снова антагонизм в установившуюся внутреннюю жизнь и требовалось много усилий, чтобы его изжить. И только время помогло сгладить внутренния расхождения, создав в последнем зарубежном корпусе кадет, впитавших в себя лучшие традиции трех основных кадетских корпусов. Старшие кадеты, окончившие корпуса еще до их слияния, с удовлетворением отмечают, что их усилия по воспитанию своих младших товарищей были не напрасны и последние русские кадеты сохранили традиции и дух российских кадетских корпусов.

Роль югославского народа и его Короля Александра I в истории русской эмиграции, общеизвестна, однако нельзя здесь не отметить, то особое внимание и, поистине отеческую забо-

ту, которую Король-Рыцарь проявил по отношению к русской молодежи. Будучи сам русским кадетом, он лучше многих понимал значение кадетских корпусов и не только разрешил их существование в своей стране, но и оказывал им свою помощь. Его забота о русской молодежи не ограничивалась только средней школой. Он открыл ей широкий доступ в югославское военное училище и, путем стипендий, обеспечил получение высшего образования. Память об этом благородном Короле и тех его сотрудниках, которые сохранили любовь и благодарность к России, навсегда останется в сердцах русских, получивших свое образование в Югославии.

Этот краткий очерк Крымского кадетского корпуса не будет полным, если внутренний уклад кадетской жизни останется не отмеченным. Внутренняя жизнь кадет, в которой они руководствовались рядом правил и обычаев, установленных самими кадетами, играла существенную роль в создании общеизвестного образа кадета, отличавшегося от воспитанников других закрытых учебных заведений не только военной формой, но и всем своим обликом.

Эти правила и обычаи, переходившие от старших к младшим, и признанные кадетами нерушимой основой внутреннего уклада, назывались традициями и почитались наравне, а иногда и выше тех обще-воинских этических правил, которые прививались кадетам воспитательским и педагогическим персоналом. Некоторая часть воспитательного и преподавательского состава была настроена против кадетских традиций, находя в них своего рода самоуправство, граничащее, по их мнению, с нежеланием подчиняться правилам и распоряжениям начальства. Стоя на этой точке зрения, они вели упорную борьбу с любым проявлением «традиционерства», в котором усматривали подрыв собственного авторитета. К счастью для Крымцев, все три директора корпуса понимали необходимость «традиционного» воспитания, не вмешивались во внутренние дела кадет, а за ними, конечно, и весь остальной персонал корпуса. Благодаря такому отношению традиционная жизнь, Полтавцев-Владикавказцев-Крымцев, шла нормальным путем, принося положительные результаты в воспитании кадет, не только в воинском отчетливом виде, но и в их внутреннем содержании,

развивая здоровый русский патриотизм с сознанием необходимости всегда и всюду высоко держать имя России.

Как иллюстрацию положительного воспитания «по традициям» можно привести рассказ очевидца, вице-унт.-оф. 1-го вып. Михаила Каратеева, о первой встрече Крымцев с представителями западного мира.

«На Константинопольский рейд «Хриси» вступила с такой же законной гордостью, с какой тысячу лет назад вступали на него ладьи князя Олега. Т. к. это уже касалось моей прямой специальности, — я постарался: на наших реях, кроме «позывных», развевались сигналы: «терпим голод» и «терпим жажду».

Эти сигналы возымели свое действием, хотя и не такое, как мы ожидали. В простоте нашей русской души, еще не тронутой западной цивилизацией, мы думали, что нас прежде всего накормят. Но вышло иное. Часа пол спустя, после того, как мы бросили якорь, к нам подлетел английский истребитель и остановился в нескольких метрах от «Хриси». На его верхней палубе был установлен киносьемочный аппарат, рядом стоял стол, на котором высилась большая груда нарезанного ломтями белого хлеба, а вокруг толпилось десятка полтора нарядно одетых дам и джентльменов, среди которых мы заметили одного, тоже очень импозантного, русского в форме «земгусара».

«Вы очень голодны?» — осведомился последний. Мы, конечно, ответили утвердительно. «Эти леди о вас позаботятся. Но сначала мы сделаем маленькую сьемочку, — она будет для вас полезна: на ваше положение обратят внимание солидные круги английской общественности».

Не очень довольные таким началом и не понимая — зачем мы понадобились английской общественности, все замерли у брота, ожидая, что нас снимут, а потом будут кормить. Но оказалось, что нас хотят фильмовать не просто, а «со значением». Английские леди с палубы истребителя начали кидать в толпу кадет ломти хлеба. Кое-кто из кадет кинулся-было хватать их, начальство наше растерялось от такого оборота дела, но «генерал» выпуска Л. Лазаревич, сразу же оценив обстановку, крикнул:

— «Не прикасаться к этому хлебу! Не видите, что ли, что эта сволочь хочет снять, чтобы потом показывать «русских дикарей», которые дерутся из-за еды».

Ломти хлеба сыпались на наши головы и плечи, но мы стояли неподвижно, будто не замечая этого. Тогда англичане, видя, что на хлеб русские дети «не клюют», принялись метать в нас сигареты, но и их тоже никто не ловил и не подбирал. Физиономии англичан приняли оскорбленно-негодующее выражение, — наш образ действий казался им явно неприличным.

«Напрасно вы так», — промолвил «земгусар». «Дамы хотят сделать снимки, для вашей же пользы, ну что вам стоит доставить им это удовольствие».

«Скажите своим дамам, что для них будет полезнее, оставить нас в покое», — крикнул Лазаревич.

«Земгусар» что-то сказал по-английски, «общественность» возмущенно залопотала, истребитель дал ход и вскоре скрылся за кормой соседнего транспорта».

Эта первая встреча с западом сыграла свою положительную роль, запечатлев навсегда в кадетах истинный образ бездушной и деловой западной цивилизации. Они поняли, что для сохранения своего духовного облика, нужно было, прежде всего сохранить свою культурную основу.

Реакция традиционного старшего кадета, «генерала» Лазаревича, была вызвана прежде всего сознанием своей ответственности за воспитание младших товарищей в духе традиций, выработанных в российских кадетских корпусах. По той же традиционной этике, младшие должны были исполнить приказание своего старшего кадета.

Кадетские традиции, проникнутые духом товарищеской дисциплины, любви к Родине и родному гнезду, приобрели особое значение в условиях жизни корпуса за рубежом. Младшие кадеты были обязаны своим старшим товарищам не только приобретением кадетской выправки, но и всем своим воспитанием в стенах корпуса. Старшим приходилось принимать на себя обязанности, отсутствовавшей в эмиграции военной среды, а зачастую и родительского дома. Сознание своей ответственности заставляло старших подтягиваться и следить за собой, чтобы быть наглядным примером своим младшим

товарищам. В нормальных дореволюционных условиях жизни воспитание кадет в воинской этике и традициях было облегчено тем, что благодаря ношению военной формы, кадеты были под беспрерывным наблюдением. В корпусе офицеры-воспитатели, а вне корпуса в отпуску юнкера и офицеры, с которыми кадету приходилось встречаться, следили за его поведением и внешним видом. Кадеты невольно подтягивались, хотели подражать взрослым и быстро приобретали военную выправку. В условиях зарубежной школы сохранение воинского воспитания кадет затруднялось обстоятельствами эмигрантской жизни. Персонал корпуса, особенно семейные офицеры и преподаватели, были очень стеснены материально, что часто вызывало небрежность их внешнего вида, а перегруженность в работе — усталость и апатию. Большой численный состав корпуса при ограниченном персонале затруднял ведение правильной воспитательной работы, которая требовала особенного внимания, благодаря наличию в младших ротах кадет давно потерявших связь с домом. В отпуску кадеты были предоставлены самим себе и совершенно ускальзали от наблюдения офицеров-воспитателей. Поведение их зависело от их благоразумия и сознательности. А эти качества в младших кадетах надо было еще развить. Без всякого давления со стороны начальства, эту обязанность взяли на себя старшие кадеты, воспитанные в старых кадетских традициях. Их работе по воспитанию младших кадет, помогло назначение директором корпуса кадет выпускного класса в помощь офицеру-воспитателю во все отделения младших рот, до четвертого класса включительно. Назначаемые на весь учебный год по особому выбору старшие кадеты назывались «дядьками». Они проводили все свое свободное время в помещении опекаемых ими отделений, покидая своих питомцев только для подготовки и посещения уроков. Между «дядьками» и их подопечными устанавливались особые отношения. «Дядьки» с любовью и заботой, а иногда и с отеческой строгостью, создавали из малышей хороших кадет, получая в ответ искреннюю привязанность, часто продолжавшуюся долгие годы после окончания корпуса.

В основу отношений между кадетами была положена традиционная дисциплина. Распоряжения старших кадет должны

были беспрекословно исполняться. За небрежный вид или проступки против дисциплины, младший рисковал получить немедленное взыскание, начиная от выговора и до оставления без отпуска.

В случае неисполнения указаний старших и серьезного нарушения дисциплины или кадетской этики, дело провинившегося рассматривалось выпуском. В этом случае с него могли временно снять погоны, что автоматически влекло за собой лишение отпуска и место на левом фланге строя. Бывали одиночные и действительно очень серьезные случаи, когда виновному предлагали на выбор: или добровольно уйти из корпуса, или подвергнуться телесному наказанию. Выпуском назывался вначале седьмой, а затем восьмой класс, который и был фактическим хозяином корпуса. Возглавляли выпуск старший, два подстарших и два ассистента. Старший именовался генералом выпуска, одному подстаршему вменялась почетная должность «хранителя звериады». Старшинство выпуска, назначаемое предшествовавшим выпуском в конце учебного года, руководило повседневной жизнью корпуса. Однако серьезные вопросы разрешались на собраниях всего выпуска. На корпусной праздник 3-его июня, уходящий выпуск передавал традиции

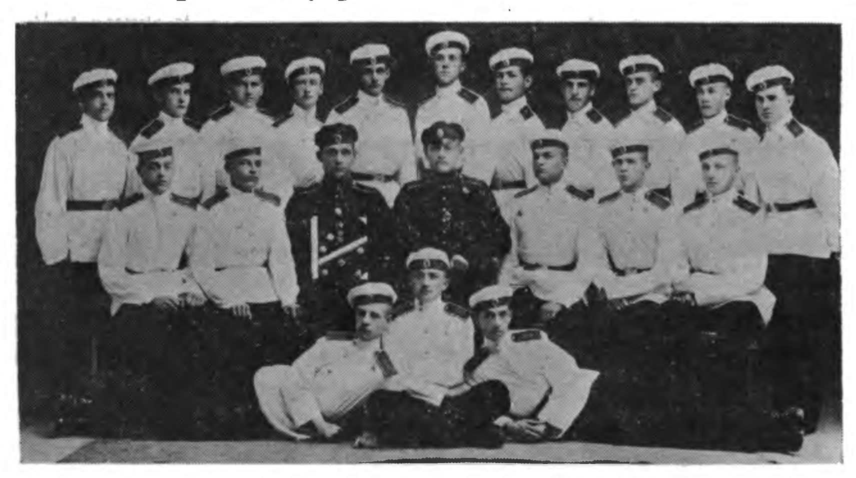

Передача традиций.

следующему за ним классу. В этот день новый выпуск, в торжественной обстановке, одевал на пуговицу левого погона корпусной знак-жетон, и ночным традиционным парадом ознаменовывал свое вступление в управление внутренней жизнью корпуса.

Корпусной знак был выработан в 1926 году. Черный цвет основного креста символизировал траур по России, сияющие лучи между сторонами креста — надежду на ее возрождение. Двуглавый орел с корпусным вензелем, помещенные в середине знака, представляли Россию и родной Корпус. До 1926 года, каждый выпуск сам составлял проект своего жетона.

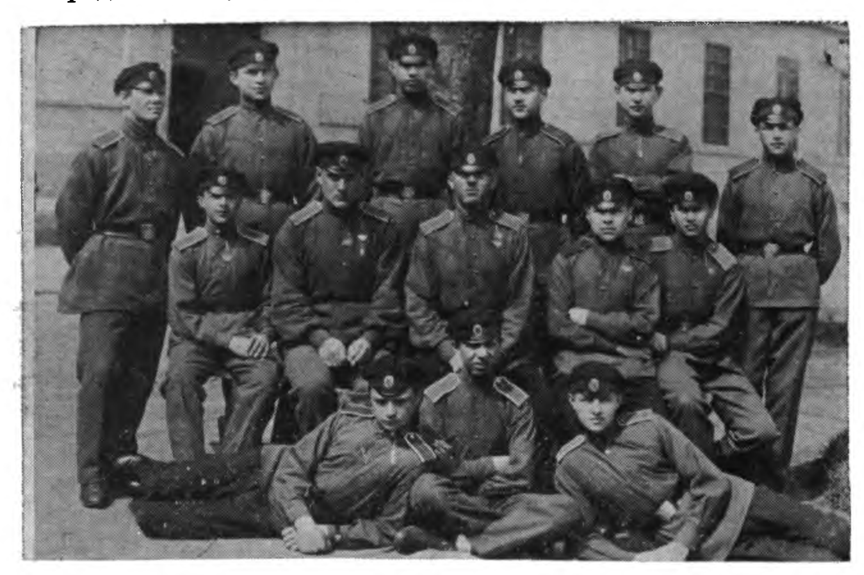
«Звериадой» называлась большая книга, в которую каждый выпуск вписывал установленные традиции, юмористические, а подчас и перчистые характеристики «зверей» (офицеров-воспитателей и преподавателей) и кадет выпуска, написанные в стихах, в ритме и на мотив «журавля». Переплет звериады, сделанный по цвету погона — алый бархат и белый лайковый корешок — украшался выпускными жетонами.

Группа выпускных кадет со Звериадой.

В первые годы своего пребывания за границей Крымский корпус не был монолитным. Полтавцы и владикавказцы составляли основное ядро кадетской массы и продолжали руководствоваться во внутренней жизни своими традициями, очень различными по духу. В то время как полтавцы придерживались

кавалерийского цука, владикавказцы, будучи сравнительно молодым корпусом, не имели устоявшихся традиций. Дух казачей вольности доминировал в их отношениях. Нужно было много усилий, чтобы сгладить эти расхождения. Со временем они были изжиты самими кадетами, принявшими общие для всех Крымцев традиции. Цук был признан не желательным. Товарищеская дисциплина, основанная на уважении старших и их забота о младших, более способствовали развитию кадетского братства, которое кадеты уносили с собой, покидая стены родного гнезда.

Последние Полтавцы в Крымском Корпусе.

Наравне с товарищеской дисциплиной, основными традициями Крымского корпуса были традиции, которые легче всего определить следующими двумя принципами: «Один за всех, и все за одного» и «Кадет не доносчик». Первый принцип считался девизом корпуса и очень верно определял взаимоотношения кадет. Отказаться от части дневной пищи в пользу нуждающегося товарища, живущего вне корпуса; взять сироту-товарища к своим родителям на лето в отпуск; помогать более слабым в науках товарищам, в ущерб своим занятиям; считать общим достоянием посылку из дома и разделить ее с друзьями. Все это было следствием традиционного воспитания ка-

дета. Был недолгий период, когда дежурные офицеры-воспитатели не получали во время своего дежурства довольствия от корпуса. Кадеты старшей роты, по собственному почину, стали приносить, выкроенный из своих порций, завтрак и обед воспитателям. Последние отказывались брать его, но каждого из них трогало это чуткое внимание кадет.

Последний традиционный выпуск Владикавказцев в Крымском Корпусе.

Доносительства в корпусе не было. Доносчик не прожил бы в корпусе ни одного дня, даже если для доклада начальству были веские причины. Никакие следствия или дознания не могли вскрыть виновных в совершенном проступке, если сами кадеты не решали, что виновному надо сознаться. Причем это решение принадлежало не провинившемуся кадету, а общему постановлению. Неоднократно бывало, что отделение, а то и целая рота сидели без отпуска продолжительное время, не разрешая виновному сознаться. Бывали также случаи, когда в проступках «сознавались» не совершившие их кадеты, чтобы покрыть кадета, поведение которого внушало опасения за его будущее.

Кроме принципиальных традиций, были традиции бытовые и шуточные. Ночные парады, похороны химии, постанов-

ление не танцевать модные танцы в форме, царский отбой. Обычно уроки заканчивались, когда горнист играл сигнал «отбой». «Царским отбоем» отмечался конец последнего урока 8-го класса, после которого кадеты навсегда покидали свои парты. Отбой давался небольшим оркестром, после чего кадеты выносили на руках преподавателя последнего урока и пускались в пляс в ротном коридоре, под завистливые взгляды своих младших товарищей, которым предстояли еще две недели скучного учения. Была еще одна традиция, очень дорогая для Крымского кадета. В ночь под Новый год, без четверти двенадцать горнист играл «сбор» и кадеты строились в коридоре первой роты тщательно выравнивая носки ботинок в одну четкую прямую линию. На правом фланге строился оркестр. Ровно в двенадцать часов директор корпуса выходил из своего помещения, принимал рапорт от командира роты и, поздравляя кадет с Новым годом, предлагал им вспомнить Россию. Торжественные звуки русского гимна «Боже, Царя Храни», исполняемого корпусным оркестром, казалось заполняли каждый уголок в сердцах, застывших в строю, кадет. По щекам у многих неудержимо текли слезы. Это был единственный раз в году, когда звуки гимна раздавались под сводами корпусного здания. И надо было ждать другую новогоднюю ночь, чтобы снова его услышать.

Почти четверть века просуществовали русские кадетские корпуса в Югославии. Первоначальные три корпуса, слившиеся к 1933 году в один, воспитали поколения молодежи в духе русской культуры и лучших традиций военно-учебных заведений. Наличие за рубежом русских школ дало возможность эмиграции не только сохранить и укрепить свое национальное существование, но и ознакомить и, даже в какой-то мере, присоединить западный мир к русской культуре. Эти задачи и были выполнены, так называемым «вторым» поколением эмиграции, окончившим русские школы за рубежом и сочетавшим в себе основы западной цивилизации и духовность русской культуры. С чувством глубокой благодарности мы вспоминаем свой корпус за тот светоч, который он зажег в наших сердцах, осветив цели и задачи последующей жизни.

ЗВЕРИАДА КРЫМСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Под шумный рокот волн игривых,
В манящей сени Крымских гор,
Стоит свидетель молчаливый,
Оборотив к России взор.
  Шумит волна, волной прилива,
  Журча стремится с гор поток,
  Омыв водами торопливо
  Горячий берега песок.
Там Ориадны замок шумный
Во дни суровых русских бед,
Когда народ восстал безумный,
Приняв под кров лихих кадет.
  Нас воспитал орел двуглавый,
  Смертельно раненый в бою,
  Покрытый громом вечной славы,
  Он не склонил главу свою.
Погибла мощь былой России,
Пал Крым под натиском врагов
И вот ее сыны лихие
У чуждых Сербских берегов.
  Гремела слава корпусная,
  Внушая всем словенцам страх,
  И от Стрнище до Дуная,
  Во всех столичных городах.
Воспрянь орел, больные крылья,
Пусть отдохнут в чужой земле,
Лишь ты один, звено насилья,
Порвешь в туманной русской мгле.
  Верь в час победы Крымец твердо,
  И помни это много лет,
  Иди служить России гордо.
  Запомни, Крымский ты кадет.
Не забывай же корпус Крымский.
Гордись везде, что ты кадет,
Борись всегда за стяг Российский
Служи Отчизне весь свой век.
  Верховной волей полководца
  Наш корпус Крымским наречен.
  Почтим же память венценосца
  И звериаду пропоем.

Посвящается друзьям-кадетам.

Напомнить вам? Но вы и не забыли!
И, как в альбоме, память сберегла
Картины той давно ушедшей были
Под сенью детства теплого крыла.

Старинный город, маленький и сонный,
Нам стал родным от родины вдали.
И алые кадетские погоны
В нем, как цветы, надолго расцвели.

Был институт. Я помню шаг несмелый
И новой жизни первые часы,
Крахмальный холод пелеринки белой
И черный бант на локонах косы.

Всю жизнь, что нас сперва пугала новью,
Но вскоре забрала нас до конца . . .
И первой целомудренной любовью
Невинно — пламеневшие сердца.

Нам молодость еще и нынче снится,
На все вокруг бросая теплый свет . . .
И был для нас тогда и брат и рыцарь
Наш верный друг и гордость — наш кадет.

Так мы росли. И спрашивать не нужно
(Нам жизнь давно на все дала ответ)
Как с каждым годом крепла наша дружба,
Связав нас всех на много, много лет.

Пускай теперь взрослее мы и суше,
Но позабыть не можем никогда.
И светят нам воспоминаньем в душах
Фиалки на запущенных прудах.

И не найдем мы ни в одном музее,
Лишь в памяти своей — который год!
Картину, где широкая аллея
Каштановыми свечками цветет

И оглянувшись ласково и гордо
На дни былые, полные тепла,
Давайте выпьем за далекий город,
За тот, где наша юность протекла.

За милый корпус, за погонов алость,
За институт, за молодые сны!
Нас изменить не сможет даже старость,
Мы дружбе нашей навсегда верны.

И время, все стирая, без поблажки,
Навек оставит памяти в плену
Задорные кадетские фуражки
И пелеринок наших белизну.

Май 1969 года

Нонна Белавина
Воспитанница Мариинского Донского Института

Здание Мариинского Донского Института в Белой Церкви.

СПИСОК
Кадет Крымцев Георгиевских Кавалеров.

4-ой, 3-ей и 2-ой ст.
Кад. Вовченко Николай

4-ой и 3-ей ст.

Взвод. фейерв.	Скворцов Алексей
Виц. унт. офиц.	Вержбицкий Вячеслав
Кадет	Бунин Владимир
„	Северьянов Николай

4-ой ст.

Вице фельдфебель	Троянов Георгий
„ „	Девин Владимир
Вице унт. офиц.	Есаулов Павел
„ „ „	Козловский Алексей
„ „ „	Петров Константин
„ „ „	Полуян Григорий
„ „ „	Станиславский Владимир
„ „ „	Штранге Борис

Кадет Аландер Борис
„ Брешковский Владимир
„ Беляков Евгений
„ Волков Александр
„ Гирс Георгий
„ Григоров Михаил
„ Даркин Николай
„ Каратеев Михаил
„ Кунаков Евгений
„ Котляревский Петр
„ Липин Борис
„ Лошуков Иосиф
„ Ломаковский Николай
„ Маковкин Иван
„ Микулинский Виктор
„ Орел Георгий

Кадет Павлов Борис
„ Педашев Андрей
„ Перекрестов Георгий
„ Пилипенко Николай
„ Полянский Александр
„ Писарев Дмитрий
„ Роговой Алексей
„ Савинич Петр
„ Скарятин Афанасий
„ Стойчев Владимир
„ Слюсарев Сергей
„ Тесельский Николай
„ Трофимов Михаил
„ Цикаловский Сергей
„ Шокотов Николай
„ Шпренглинг Константин
„ Якимович Сергей

СПИСОК

Кадет окончивших Крымский Кадетский Корпус

1920-21 уч. год (1-ый выпуск)

Курс 7-ми классов

Адоневич Николай
Антонов Дмитрий
Беляев Виктор
Бунаков
Васильев Владимир
Вержбицкий Вячеслав
Верхоустинский Михаил
Виноградов Адриан
Володимеров Алексей
Гаранин Георгий
Гаранин Леонид
Гейден граф Александр
Гейман Евгений
Гершельман Федор
Годунский Иван
Голованов Юрий
Даркин Николай
Жежеленко Александр
Жуков Вадим
Захаров Всеволод
Золотаревский Вадим
Каратеев Михаил
Карвовский Алексей
Келеушев Сергей
Кидалов Алексей
Кодинец Георгий
Коноплев Николай
Корольков Александр
Крушеван
Крыженовский Всеволод
Кудинов Александр
Лаговский Александр
Лазаревич Лонгин
Лейман Константин
Легеза Михаил
Леус Сергей
Львов Николай
Малюга Святослав
Михайлов Николай
Можайский
Назаревский Владимир
Найденов
Нащокин Александр
Негоднов Михаил
Никоненко Даниил
Новицкий
Остелецкий
Петренко Василий
Петров Константин
Погоржельский
Полянский Александр
Попов Ростислав
Потемкин Дмитрий
Рекс Леонид
Савинич Петр
Самойлович Георгий
Сварика Павел
Сердаковский Лев
Сковородов Алексей
Скородумов Олег
Соколов Георгий
Соловьев Георгий

Соломановский Игорь
Стойчев Владимир
Северьянов Андрей
Северьянов Николай
Тимченко Сергей
Трофимов Константин
Трофимов Михаил
Федоров Петр
Флейшер Алексей
Фокин Александр
Химишев кн. Игорь
Цейль Сергей
Шабанов Азамат
Штранге Борис
Яконовский Евгений
Янушковский Анатолий

1921-22 уч. год (2-ой выпуск)

Курс 7-ми классов

Агрызков Михаил
Антонов Аркадий
Армашевский Игорь
Брешко-Брешковский Владимир
Бертельс-Меньшой Андрей
Борисоглебский Валерий
Белов Александр
Белонецкий-Бируля Виталий
Бунин Владимир
Венедиктов Петр
Владимиров Евгений
Волобуев Дмитрий
Гулевич Всеволод
Гарденин Николай
Гидзинский Роман
Денисов Константин
Дорофеев Алексей
Еленев Сергей
Ершов Николай
Есаулов Павел
Жуковский Анатолий
Жунко Николай
Жунко Евгений
Залевский Виктор
Заорский Сигизмунд
Занфиров Михаил
Здзярский Виктор
Зубрицкий Серафим
Измайлов Павел
Канторович Эдуард
Карпов Александр
Кельнер Анатолий
Кейм Игорь
Кирпотенко Вадим
Коняхин Николай
Котельников Андрей
фон-Коссарт Федор
Кудашев кн. Николай
Кулов Александр
Кулов Николай
Кульбицкий Дмитрий
Кунаков Евгений
Кулябко Николай
Куторга Георгий
Лашков Игорь
Липин Борис
Лошунов Иосиф
Мазан Николай
Мартынов Сергей
Микулинский Виктор
Минаков Андрей

Николаев Дмитрий
Оболенский кн. Михаил
Орел Борис
Осташевский Георгий
Перекрестов Георгий
Пилипенко Игорь
Пилипенко Николай
Пионтовский Владимир
Пламеневский Сергей
Плотницкий Ипполит
Поляков Евгений
Проскура Александр
Протопопов Борис
Ржевуцкий Георгий
Роговой Алексей
Савицкий Мирослав
Сальников Павел
Силаев Виктор
Скарятин Афанасий
Снеховский Георгий
Соловьев Виталий
Соловьев Ювеналий
Сретенский Дмитрий
Станиславский Владимир
Стоцкий Владимир
Сулима Борис
Сущинский Георгий
Телепнев Иван
Теплов Николай
Терехов Сергей
Фиалковский Александр
Финне Борис
Флегинский Михаил
Холярово Константин
Цыбульский Игорь
Чаплыгин Дмитрий
Чачко Илья
Чернавин Борис
Черняев Виктор
Чириков Анатолий
Чурашев Николай
Шавров Николай
Шокотов Николай

1922 - 23 уч. год (3-ий выпуск)

Курс 7-ми классов

Акрит Михаил
Балтынь Николай
Банин Владимир
Бирюков Владимир
Богацкой Александр
Бондаренко Михаил
Бордоков Георгий
Бржезицкий Александр
Бурман Владимир
Белонин Николай
Беляев Петр
Васильев Константин
Воробьев Михаил
Гавриков Петр
Гикалов Александр
Гирс Георгий
Годунский Ромуальд
Греков Георгий
Дуброва Сергей
Елагин Михаил
Жарков Павел
Жогин Василий
Жолткевич Борис
Жуков Борис

Забродин Леонид
Задонский Петр
Зеленецкий Николай
Зеленецкий Павел
Иорданов Петр
Кадушкин Федор
Ковалев Георгий
Козлов Владимир
Козловский Алексей
Куц Алексей
Лева Иван
Левин Владимир
Левитес Виктор
Легеза Григорий
Малых Леонид
Матвейчик Александр
Мейер Евгений
Миокович Сергей
Мольнер Иван
Николаев Леонид
Педашев Андрей
Пинпинский Виктор
Пограничный Александр
Полуян Григорий
Потоцкий Александр
Ревишин Мстислав
Сардаров Борис
Сауленко Михаил
Синькевич Александр
Снисаревский Алексей
Суслов Петр
Таубкин Георгий
Таргони Василий
Тесельский Николай
Третьяков Сергей
Троянов Георгий
Феофилов Николай
Фролов Борис
Хижняков Григорий
Чариков Георгий
Чеботарев Николай
Черноусов Алексей
Шабанов Мурат
Щербина Семен
Яковлев Леонид

1923- 24 уч. год (4-ый выпуск)

Курс 8-ми классов

Акрит Михаил
Банин Владимир
Богацкой Александр
Бордоков Георгий
Воробьев Михаил
Гавриков Петр
Гикалов Александр
Годунский Ромуальд
Дуброва Сергей
Жолткевич Борис
Жуков Борис
Зеленский Павел
Лева Иван
Левин Владимир
Легеза Григорий
Мейер Евгений
Пограничный Александр
Полуян Григорий
Синькевич Александр
Снисаревский Алексей
Суслов Петр
Таргони Василий

Третьяков Сергей
Троянов Георгий
Феофилов Николай
Щербина Семен

1924-25 уч. год (5-ый выпуск)

Курс 8-ми классов

Алексеев Алексей
Афанасьев Борис
Андреев Никифор
Андриевич Димитрий
Балабаев Леонид
Борисов Кирилл
Борисоглебский Борис
Бабенко Григорий
Бобошко Сергей
Беляев Иван
Войчунас Николай
Вышинский Борис
Гапеев Григорий
Георгиев Евгений
Герман Михаил
Ергольский Борис
Жабоклицкий Константин
Житецкий Борис
Зайд Владимир
Здор Анатолий
Звержхановский Евгений
Калибаба Николай
Карнеев Петр
Кобелев Вячеслав
Ковтун Виталий
Козловский Алексей
Крумин Николай
Крестини Евгений
Кузьмин Константин
Кузнецов Владимир
Левин Владимир
Левицкий Борис
Леонтьев Александр
Лещенко Дмитрий
Лучко Александр
Лихачев Анатолий
Майоров Александр
Метленко Александр
Мазаев Петр
Масловский Шамиль
Масляников Алексей
Медведев Артемий
Мирошниченко Николай
Нагоров Алексей
Надеждин Александр
Никитин Вадим
Никитин Георгий
Никифоров Михаил
Ольшевский Евгений
Орловский Борис
Ошмянский Сергий
Пограничный Дмитрий
Прмыслов Николай
Рукин Андрей
Рыба Прокофий
Слободянинов Владимир
Соколов Ростислав
Стадницкий-Колендо Всеволод
Тищенко Николай
Упеник Леонард
Филодор Борис
Финогеев Георгий
Хаматьяно Гавриил

Харитонов Михаил
Ходолевич Всеволод
Хорват Александр
Черский Олег
Якимович Сергей
Янушковский Кирилл
Якушев Борис
Эрдели Александр

Курс 7-ми калссов (1924 г.)

Акоев Николай
Аландер Борис
Андросов Иван
Анисочкин Сергей
Апрелев Владимир
Бирюков Федор
Благодарный Виктор
Брижатов Виктор
Бутома Сергей
Белявский Борис
Гаранский Леонид
Гарденин Алексей
Горев Николай
Григорьев Михаил
Гудзенко Сергей
Данилов Владимир
Здановский Виктор
Карпинский Всеволод
Кисель-Загорянский Сергей
Келеушев Константин
Кодинец Владимир
Колков Александр
Котляревский Петр
Криницкий Анатолий
Кулов Константин
Ламанский Николай
Лашков Павел
Лизогуб Петр
Медовщиков Георгий
Осташков Владимир
Парамонов Михаил
Писанский Виктор
Потто Димитрий
Прудков Евгений
Радзивилл Леонид
Ревишин Александр
Розальон-Сошальский Георгий
Сливицкий Михаил
Случанин Николай
Стеллецкий Всеволод
Ступин Александр
Тальковский Анатолий
Тарасевич Всеволод
Третьяков Константин
Турцевич Ярослав
Устименко Георгий
Устименко Николай
Филипченко Алексей
Фоменко Александр
Ходолей Борис
Щербович-Вечор Глеб
Янчевский Генрих
Ярошевич Вир

1925-26 уч. год (6-ой выпуск)

Курс 8-ми классов

Бабаев Анатолий
Бреус Иван
Буссов Константин
Бутович Лев
Верзин Дмитрий
Воинов Сергей
Гаврильченко Алексей
Галунский Владимир
Гончаренко Николай
Губарев Павел
Деконский Николай
Дерипацкий Георгий
Дурново Никита
Жарков Димитрий
Замятин Владимир
Здор Федор
Ильин Сергей
Кальченко Алексей
Карагичев Павел
Келер Николай
Климович Борис
Корф барон Георгий
Коняхин Георгий
Коротюков Борис
Кучеров Михаил
Кульбицкий Георгий
Леркам Евгений
Ложкин Сергей
Марьюшкин Юрий
Мелитонов-Шенец Сергей
Михайлов Сергей
Никифоров Александр
Оленин Николай
Островский Владимир
Павлов Борис
Пивень Николай
Пивоваров Арсений
Пирожков Александр
Плотников Анатолий
Пограничный Анатолий
Рункевич Петр
Симонов Димитрий
Слабов Леонид
Стрекозов Георгий
Субботин Федор
Ткаченко Борис
Троицкий Алексей
Федюшкин Алексей
Федюшкин Андрей
Харитонов Григорий
Чариков Георгий
Чекалов Юрий
Чернозубов Григорий
Чумаков Григорий
Чурашев Иван
Шарий Иван
Шарков Николай
Шелеметьев Валерьян
Шимчук-Залещинский Николай
Эммануэль Павел

Курс 7-ми классов (1925 г.)

Алексеев Борис
Аландер Владимир
Буйницкий Николай
Григорьев Петр
Деев Борис
Зекрач Александр
Колюбакин Димитрий
Любинский Николай
Марков Александр
Ольденборгер Сергей
Пискун Дамиан
Плотников Алексей
Подоба Анатолий
Титов Владимир
Турцевич Лев
Чикалов Григорий
Циколовский Сергей
Эльснер Алексей

1926-27 уч. год (7-ой выпуск)

Курс 8-ми классов

Алексеев Георгий
Антонов Николай
Бибер Димитрий
Бибер Алексей
Бирюков Константин
Богданов Михаил
Бреверн Николай
Бредов Ростислав
Булатов Георгий
Денисенко Алексей
Денисенко Николай
Доронин Валериан
Дьяков Борис
Жеребков Георгий
Зарецкий Николай
Квятковский Игорь
Крылов Борис
Куприянов Игорь
Куц Василий
Левицкий Виктор
Майеранов Георгий
Мацкевич Алексей
Непенин Сергей
Перщенко Георгий
Петровский Борис
Пилашевский Игорь
Писарев Димитрий
Плахов Константин
Потоцкий Николай
Свербилов Илья
Свербилов Димитрий
Смагин Борис
Серобабин Николай
Таргони Владимир
Февр Николай
Харитонов Алексей
Чеботаев Владимир
Чернявский Борис
Щедрин Лев
Яралов Алексей
Ярон Александр
Яссович Юлий

Курс 7-ми классов (1926 г.)

Арцыбашев Николай
Богалдин Лев
Васильев Константин
Ганусовский Борис

Григорьев Павел
Зубов Лев
Конецкий Ростислав
Повалишин Анатолий
Синькевич Сергей
Сташевский Вадим

1927-28 уч. год (8-ой выпуск)

Курс 8-ми классов

Бахметьев Алексей
Борисов Андрей
Борисоглебский Константин
Брешко-Брешковский Леонид
Брешко-Брешковский Сергей
Брокс Борис
Волков Андрей
Волченко Михаил
Глинин Валентин
Демченко Алексей
Дивнич Евгений
Жаглевский Георгий
Иванов Борис
Карпов Павел
Козякин Николай
Кузнецов Георгий
Кузнецов Николай
Курц Вадим
Лахматов Мстислав
Лашков Алексей (Д)
Ливай Валентин
Левшин Федор
Лермонтов Александр
Монин Александр
Осипенко Николай
Пограничный Юрий
Пожидаев Владимир
Радоевич-Церквеняк Панто
Ризен Владимир
Рогальский Игорь
Редькин Александр
Седельников Николай (свид. за 8 кл.)
Скориков Константин
Смицкой Сергей
Соловьев Леонид
Стародубцев Иннокентий
Сушков Димитрий
Тараканов Юрий
Тыррас Сергей
Фишер Владимир (свид. за 8 кл.)
Ходалевич Алексей
Хорват Всеволод
Шамбо Анатолий
Шмидт Николай

Курс 7-ми классов (1927 г.)

Воинов Николай
Гезехус Константин
Генин Петр
Данилов Семен
Журавлев Константин
Лазницкий Владимир

ПРИМЕЧАНИЕ: (Р.) или (Д.) рядом с именем обозначает, что кадет закончил 1-ый Русский или Донской Кадетский Корпус (Г.) — гимназию

Лесников Константин
Меньтюков Константин
Миронич Николай
Рустанович Владимир
Силаев Михаил
Святополк-Мирский кн. Николай
Слюсарев Сергей
Хартулари Николай
Чариков Николай

1928-29 уч. год (9-ый выпуск)

Курс 8-ми классов

Барсуков Ростислав
Богородицкий Алексей
Бурневич Алексей
Генин Петр
Григоров Борис
Гуков Алексей (Д)
Дудников Владимир
Егупов Анатолий
Жигаев Кирилл
Ивановский Юрий
Кормилев Евгений (Д)
Киселев Лев (Д)
Лазарев Евгений
Левшин Алексей
Лесневский В. (Д)
Любимов Георгий
Махновский Юрий
Миргородский Александр (Д)
Мрижинский-Стома Сергей
Панчулидзев Александр
Панфилов Евгений
Побегайло Александр (Д)
Полянский Игорь (Д)
Пстроцкий Георгий
Рагузский Александр
Руссиян Георгий
Сосиев Алексей (Д)
Суслов Петр
Суше-де-ла-Боасьер Алексей
Троицкий Виктор
Чаплинский Георгий
Чернозубов Олег
Чуянов Павел
Шантарович Александр
Шмидт Владимир
Шулепов Николай

Курс 7-ми классов (1928 год).

Вукичевич I Георгий
Вукичевич II Душан
Кузнецов Димитрий
Чухнов Юрий

Курс 7-ми классов (1929 год)

Вотеичкин Петр
Павлодольский Алексей
Самсен Николай
Семынин Сергей
Черненко Анатолий

СПИСОК

кадет крымцев вошедших, после сведения корпусов, в состав других кадетских корпусов.

В состав «Первого Русского Кадетского Корпуса»

8-го класса

Артамонов Иван
Бодиско Владимир
Васильев Алексей
Волков Иван
Данилов Михаил
Дурново Василий
Егупов Константин
Жукевич-Стоша Кирилл
Иванов Владимир
Кадьян Николай
Казанцев Михаил
Кривошей Георгий
Левшин Иван
Медведков Димитрий
Мумм Николай
Политанский Александр
Пущин Александр
Рубанистый Евгений
Сташевский Владимир
Стреха Георгий
Студенцов Игорь
Сушков Георгий
Телятников Георгий
Федоров Вадим
Чаплинский Валентин
Чпизубов Михаил
Шереметов Александр
Широбоков Георгий
Яковлев Николай

7-го класса

Автомонов Игорь
Бурданчиков Владимир
Вербицкий Федор
Гаттенбергер Петр
Гридин Борис
Грицаенко Виктор
Дараган Николай
Денисенко Александр
Докучаев Константин
Жолткевич Константин
Извеков Павел
Изместьев Евгений
Кербицков Николай
Крамарев Иван
Лазарев Лев
Максимов Николай
Морозов Николай
Перекоти Владимир
Петроцкий Анатолий
Скарлато Василий
Скрипник-Стрелецкий Лев
Слезкин Михаил
Соколов Георгий
Сперанский Глеб

Тимофеев Анатолий
Черторижский Николай
Шариков Константин
Явкин Мелентий
Яковлевский Сергей

6-го класса

Багратион-Мухранский кн. Теймураз
Бутлеров Олег
Гирс Евгений
Голицин кн. Димитрий
Гривцов Нестор
Житинский Игорь
Иванов Владимир
Иванчин-Писарев Георгий
Кузнецов Лев
Кузнецов Николай
Лорин Виктор
Лычев Анатолий
Марков Петр
Маслов Анатолий
Новожилов Александр
Попов Владимир
Пущин Михаил
Савельев Борис
Свидерский Игорь
Синькевич Константин
Скрипник-Стрелецкий Михаил
Сладковский Виктор
Старцев Игорь
Томичич Николай
Троицкий Михаил
Чемезов Георгий
Шабельский Игорь
Шевцов Георгий
Юрьев Павел

5-го класса

Анотнович Валентин
Арцыбашев Александр
Жиркович Борис
Захаров Николай
Мельник Георгий
Мирошниченко Константин
Пестриков Михаил
Постников Алексей
Пустовалов Георгий
Ровнев Николай
Савельев Константин
Турчанинов Василий
Унтилов Алексей
Федоровский Владимир
Фененко Иосип
Хлобыстов Иннокентий

4-го класса

Аксюк Сергей
Апухтин Валерьян
Богич Боривой
Волконский кн. Димитрий
Гаврилов Виктор
Гривцов Сергей
Делярю Владимир
Дивнич Георгий
Ечменич Илья
Иванчин-Писарев Олег
Колюбаев Евгений
Коробкин Георгий

Кудрявцев Александр
Ломагин Юрий
Максимов Владимир
Максимов Георгий
Медведев Юрий
Мельников Владимир
Миролюбов Игорь
Неверовский Евгений
Сазонов Владимир
Сильченко Василий
Скворцов Георгий
Сорокин Евгений
Хлодовский Всеволод
Шуневич Игорь
Якоб Владимир

3-го класса

Гаттенбергер Георгий

В состав Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса

8-го класса

Боровский Анатолий
Брешко-Брешковский Александр
Владиславлев Николай
Григоров Владимир
Данилов Александр
Жежель Константин
Зеленщиков Константин
Исаев Владимир
Кейниг Анатолий
Козлов Виктор
Колтовской Глеб
Новосильцев Виктор
фон дер Нонне Владимир
Пронин Николай
Руссиян Анатолий
Сазон Борис
Сакович Михаил
Суков Вадим
Феоктистов Борис
Хартулари Димитрий
Шиманов Иван

7-го класса

Богородицкий Владимир
Борисов Николай
Волков Анатолий
Грибовский Никита
Козлов Иван
Коротюков Георгий
Кох Анатолий
Крылов Владимир
Ластовцев Константин
Милашевич Сергей
Нижницкий Андрей
Пивоваров Анатолий
Попов Сергей
Потапов Димитрий
Ревишин Николай
Савченко Владимир
Савченко Игорь
Самонов Александр
Синицкий Виктор
Страдецкий Николай

Строгов Владимир
Субботин Михаил
Чекальский Константин
Ченчиковский Борис
Чернявский Григорий
Ходаковский Евгений
Штарк Константин

6-го класса

Алексеев Вадим
Бартош Яков
Брешко-Брешковский Анатолий
Боровский Борис
Григорович Николай
Григорьев Михаил
Дурноусов Владимир
Елчанинов Георгий
Иконников Кронид
Квасников Павел
Крылов Анатолий
Кузменко-Гвоздевич Димитрий
Лидзарь Евгений
Москвичев Никита
Повицкий Сергей
Сербин Владимир
Собольщиков Константин
Шмельц Григорий

5-го класса

Гофман Георгий
Григорьев Георгий
Денисенко Борис
Дурноусов Леонид
Котляревский Игорь
Кубеков кн. Николай
Лишенко Леонид
Ломагин Виктор
Новосильцев Александр
Новосильцев Всеволод
Остальский Владимир
Попов Иван
Радак Милета
Рогальский Георгий
Савченко-Бельский Семен
Савченко Олег
Сазон Александр
Скугаревский Николай
Тубольцев Анатолий
Турский Борис
Турский Владимир
Функ Сергей
Шереметов Константин
Шоколи Александр

4-го класса

Гуцаленко Сергей
Дурноусов Евгений
Жолкевич Евгений
Квасников Евгений
Киндей Микодор
Лайбековский Михаил
Монастырев Виталий
Монастырев Николай
Саковнин Михаил
Хрущев Виктор
Шевченко Иван
Шевченко Георгий

СПИСОК

кадет, учившихся в Крымском Кадетском Корпусе и не указанных в выпускных списках.

(список неполный)

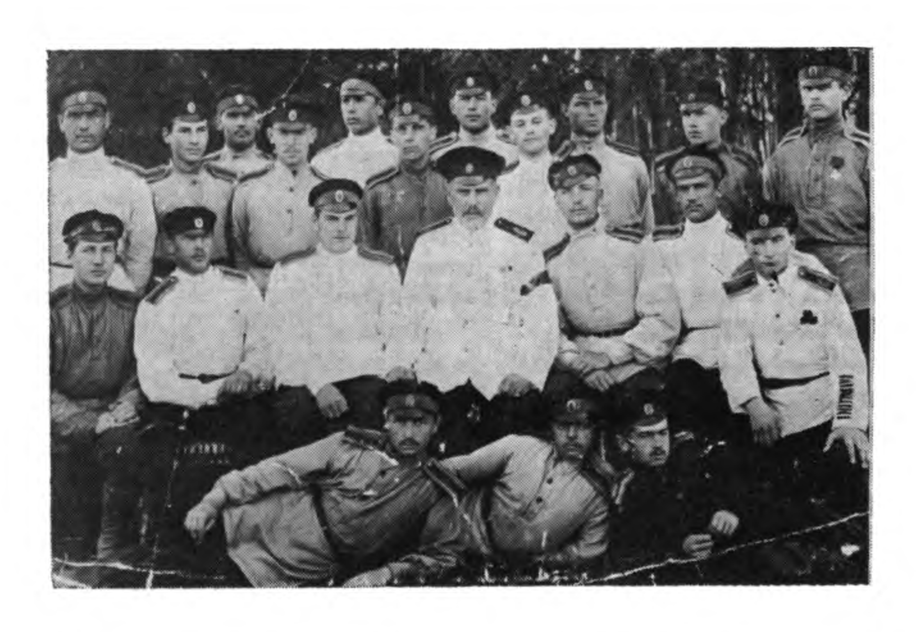
Абашин
Агапов В.
Аджемов Б.
Альфтан
Антонов С.
Андрианов
Апрелев
Артемьев
Арцибашев Д.
Баранцов М.
Бао Б.
Батуговский
Бертье-де-ла-Гард К.
Бибиков С.
Богунов С.
Бойчевский А.
Бойчевский Г.
Борисевич Н.
Бочаров Н.
Брусиловский
Буйнов В.
Бычковский В.
Вартминский Н.
Василенко В.
Виноградов Т.
Вовченко Н.
Воропаев Т.
Вуячич Е.
Гайдаенко
Глушко Н.
Гаркушенко
Гаркушенко Т.
Георгандопуло К.
Гигелло С.
Глумац Б.
Голеевский
Граков А.
Григоросуло В.
Даншин А.
Данилов К.
Дембашевский П.
Джурич Л.
Драголович Н.
Дмитриев Д.
Дуланаки-Скарлато А.
Егоров М.
Д. Ефимьев
Ефимак С.
Загоскин
Иванов М.
Карабовский
Карабчевский
Карнович
Кириллов
Ковалевский Е.
Королев А.
Королев Д.
Колобов Р.
Костенко А.
Краснодемский
Краснодемский
Красносельский А.
Крутиков В.
Крыжановский В.
Кульпин Н.
Кущинский В.
Курц Г.
Курц О.
Ламсдорф Н.
Литвинов А.
Лисовский Ф.
Леваневский Г.
Лермонтов Ю.
Ломаковский Н.
Лосиевский В.
Лукинский Г.
Лягин Р.
Мальчевский А.
Маншилин
Мархинин Г.
Мириманов Г.
Медведев И.
Могилевский Е.
Модрах В.
Мушинский Б.
Навроцкий А.
Найденов В.
Нащекин К.
Олехнович В.
Олехнович Т.
Пагануцци П.
Патронов
Патронов
Пекарский В.
Писарев Г.
Подосинников С.
Поляновский Г.
Померанцев

Померанцев	Тетерин И.	Черкас Л.
Потоцкий М.	Титов Н.	Черноусов А.
Римский-Корсаков П.	Тихобразов	Черняков Г.
Рыбин И.	Тихоцкий Н.	Шавров В.
Рыжков И.	Томичич В.	Шевченко А.
Святополк-Мирский кн. А.	Топорков Г.	Шевченко В.
Сергеев В.	Троцкий И.	Шестаков
Ситарский К.	Унтилов Г.	Ширай С.
Сосиев Б.	Устинов Р.	фон Шмиден Н.
Старицкий Ю.	Федотов В.	Шпаковский П.
Старк	Федякин А.	Шпаковский С.
Степанов В.	Феорковский	Штерлинг
Сыдовт И.	Фертов Н.	Щербачев Н.
Терзич Д.	Флейшер А.	Щербович-Вечор Г.
	Фучуджи	Яковец В.
	Хасанов	Яссович Е.

СПИСОК

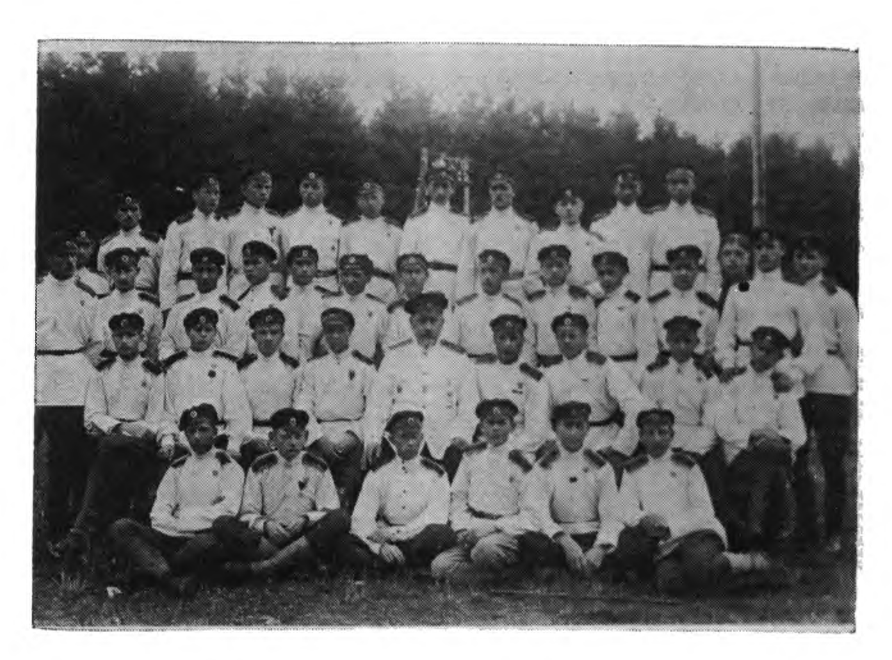
кадет Крымского К. К., записанных на мраморную доску за отличные успехи.

1921 г.	7 кл.	Жуков Вадим
1922 г.	7 кл.	Есаулов Павел
1923 г.	7 кл.	Синькевич Александр
1924 г.	8 кл.	Синькевич Александр
1925 г.	8 кл.	Калибаба Николай
1926 г.	8 кл.	Федюшкин Алексей
1927 г.	8 кл.	Денисенко Николай
1928 г.	8 кл.	Волченко Михаил
1929 г.	8 кл.	Троицкий Виктор

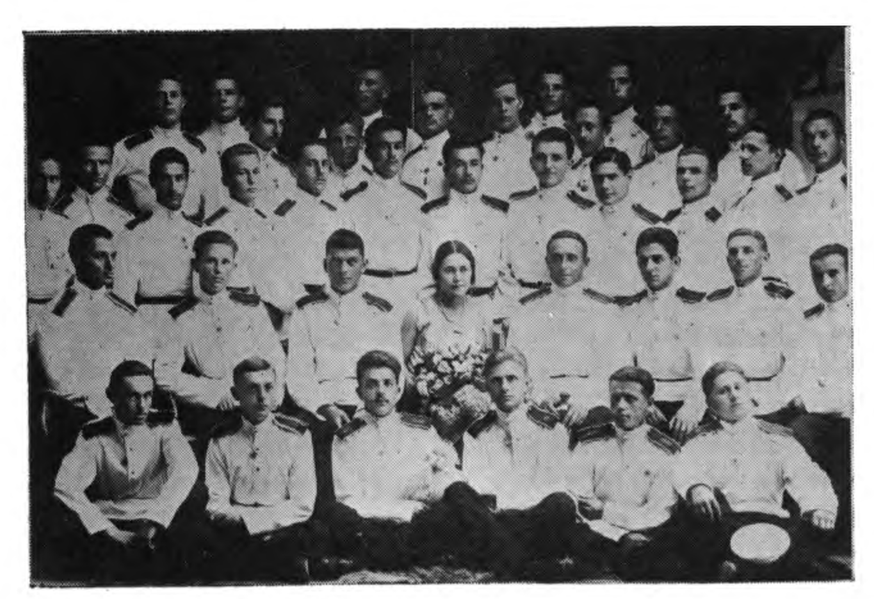
Группы кадет 1-го выпуска — 1921 г.

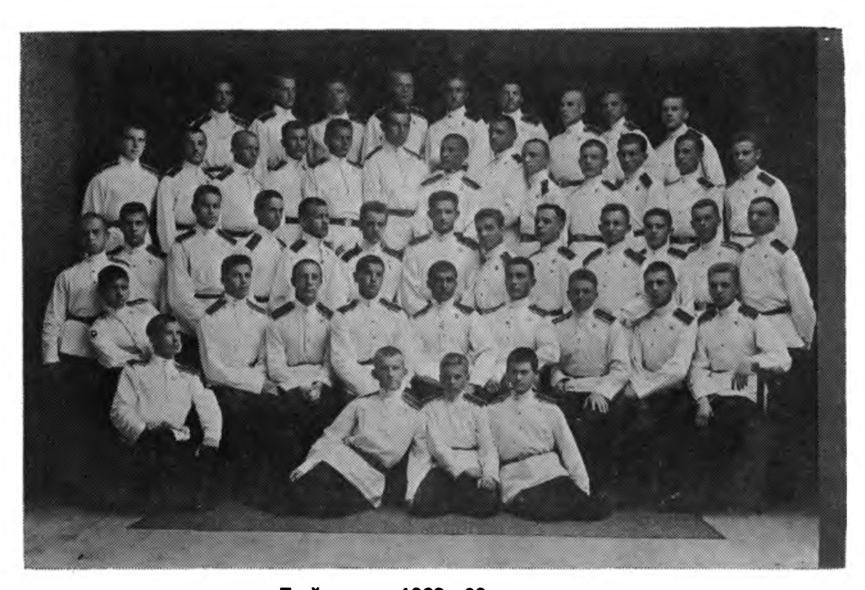
Группа кадет 2-го выпуска — 1922 г.

Крымцы традиционеры выпуска 1926 г.

8-ой выпуск — 1928 г.

7-ой класс 1928 - 29 уч год.

СПИСОК
кадет Крымского Кадетского Корпуса принявших духовный сан.

Архиепископ Антоний Лос-Анжелесский (Александр Синькевич 1924 г.)

Архиепископ Антоний Сан-Францисский (Артемий Медведев 1925 г.)

Архиепископ Виталий Канадский (Ростислав Устинов)

Священник о. Владимир Галунский (1926 г.)

" о. Сергий Семынин (1929)

" о. Димитрий Симонов (1926 г.)

" о. Всеволод Хорват (1928)

Дьякон о. Николай Кадьян (1930)

СПИСОК
кадет крымцев поступивших в Николаевское Кавалерийское Училище в Югославии.

1-го выпуска

Адоневич Николай
Володимеров Алексей
Голованов Юрий
Крыжановский Всеволод
Лаговский Александр
Леус Сергей
Потемкин Димитрий
Рекс Леонид
Савинич Петр
Сварика Павел
Сердаковский Лев
Сковородов Алексей
Скородумов Олег
Солосьев Георгий
Северьянов Николай
Северьянов Андрей
Трофимов Михаил

2-го выпуска

Агрызков Михаил
Антонов Аркадий
Брешко-Брешковский Владимир
Бертельс-Меньшой Андрей
Борисоглебский Валерий
Белоницкий-Бируля Виталий
Бунин Владимир
Гулевич Всевопод
Гидзинский Роман
Денисов Константин
Занфиров Михаил
Измайлов Павел
Кантарович Эдуард
Кельнер Анатолий

Кирпотенко Вадим
Коняхин Николай
фон-Коссарт Федор
Кудашев кн. Николай
Кульбицкий Димитрий
Кулябко Николай
Кунаков Евгений
Куторга Георгий
Липин Борис
Лошунов Иосиф
Мазан Николай
Микулинский Виктор
Оболенский кн. Михаил
Орел Борис
Осташевский Георгий
Перекрестов Георгий
Поляков Евгений
Протопопов Борис
Роговой Алексей
Снеховский Георгий
Соловьев Виталий
Соловьев Ювеналий
Станиславский Владимир
Стоцкий Владимир
Сулима Борис
Телепнев Иван
Терехов Сергей
Фиалковский Александр
Финне Борис
Флегинский Михаил
Цыбульский Игорь
Чаплыгин Димитрий
Черняев Виктор
Чириков Анатолий
Шокотов Николай

СПИСОК

кадет поступивших в Сергиевское Артиллерийское училище в Болгарии.

1-го выпуска

Каратеев Михаил
Кудинов Александр
Флейшер Алексей
Химишев кн. Игорь

СПИСОК

кадет окончивших Югославское Военное или Административное Училище (Война или Административна Академийа)

В 1923 году

Остелецкий

В 1924 году

Еленев Сергей

В 1927 году

Акрит Михаил
Гавриков Петр
Снисаревский Алексей
Таргони Василий
Феофилов Николай

В 1928 году

Алексеев Борис
Андреев Никифор
Григорьев Петр
Георгиев Евгений
Гудзенко Сергей
Звержхановский Евгений
Ламанский Николай
Лещенко Димитрий
Мазаев Петр
Нагоров Алексей
Рыба Порфирий
Случанин Николай
Харитонов Михаил
Якимович Сергей

В 1929 году

Богалдин Лев
Бутович Лев
Воинов Сергей
Гаврильченко Алексей
Гаранский Леонид
Гончаренко Николай
Дурново Никита
Деконский Николай
Жарков Димитрий
Зубов Лев
Карнеев Петр
Климович Борис
Коняхин Георгий
Лашков Павел
Лева Иван
Лихачев Анатолий
Лучко Александр
Медовщиков Георгий
Никифоров Александр
Островский Владимир
Пивень Николай
Пирожков Александр
Ревишин Мстислав
Ревишин Александр
Рукин Андрей
Синькевич Сергей
Слободянинов Владимир
Терзич Душан
Цикаловский Сергей
Чариков Георгий
Черский Олег
Чумаков Григорий
Шариков Николай
Шелеметьев Валериан

В 1930 году

Григорьев Павел

В 1931 году

Брешко-Брешковский Леонид
Вукичевич Георгий
Вукичевич Душан
Курц Вадим
Скориков Константин
Сушков Димитрий
Шпаковский Сергей
Ярон Александр

В 1932 году

Кульпин Николай (Д)
Лазарев Евгений
Махновский Юрий

В 1934 году

Васильев Алексей (Р)
Глумац Бранко (Д)
Денисенко Александр (Р)
Попов Сергей (Д)

В 1935 году

Багратион-Мухранский кн. Теймураз (Р)
Гридин Борис (Р)
Житинский Игорь (Р)

В 1937 году

Иванов Владимир (Р)
Денисенко Борис (Р)
Лычев Анатолий (Р)
Мельников Владимир (Р)
Скворцов Георгий (Р)
Хлобыстов Иннокентий (Р)
Явкин Мелентий (Р)

В 1938 году

Турчанинов Василий (Р.)

В 1939 году

Иванчин-Писарев Олег (Р)
Гаврилов Виктор (Р)
Коробкин Георгий (Р)

ОКОНЧИЛ ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ СЕН-СИР

Соколов Ростислав

ОКОНЧИЛИ РУМЫНСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Крушеван
Стойчев Владимир

СПИСОК

кадет Крымского Кадетского Корпуса окончивших университеты в Белграде, Загребе, Любляне, Брюсселе и Праге.

(список не полный)

Автомонов Игорь (Р.)
Алексеев Алексей
Антонов Николай
Армашевский Игорь
Артамонов Иван (Р.)
Балабаев Леонид
Банин Владимир
Бертельс-Меньшой Андрей
Богородицкий Алексей
Богородицкий Владимир (Д.)
Бодиско Владимир (Р.)
Борисоглебский Валерий
Боровский Анатолий (Д.)
Брешко-Брешковский Сергей
Бреус Иван
Брокс Борис
Булатов Георгий
Белонин Николай
Беляев Виктор
Беляков Владимир
Венедиктов Вячеслав
Верхоустинский Михаил
Волков Иван
Войчунас Николай
Вышинский Борис
Галицын кн. Димитрий
Галунский Владимир
Герман Михаил
Гикалов Александр
Глинин Валентин
Годунский Ромуальд
Граков Александр
Григоров Константин
Гуцаленко Сергей (Д)
Данилов Александр (Д.)
Демченко Алексей
Доронин Валериан
Дорофеев Алексей
Дивнич Юрий (Р.)
Дуброва Сергей
Егупов Константин (Р.)
Ершов Николай
Житецкий Борис
Жолткевич Константин (Р.)
Жуков Борис
Жуков Вадим
Залевский Виктор
Здановский Николай
Здор Анатолий
Зеленский Павел
Зубрицкий Серафим
Иванов Владимир (Р.)
Иванов Юрий (Р.)
Ивановский Юрий
Иванчин-Писарев Георгий (Р.)
Кадьян Николай (Р.)
Казанцев Михаил (Р.)
Калибаба Николай
Кальченко Алексей
Каратеев Михаил
Карпов Александр

Карпов Павел
Келлер Николай
Кербицков Николай (Р.)
Кодинец Георгий
Козякин Николай
Крестини Евгений
Куц Василий
Лахматов Мстислав
Лашков Алексей
Лашков Игорь
Левин Владимир
Левшин Федор
Легеза Григорий
Легеза Михаил
Лейман Константин
Максимов Николай (Р.)
Малюга Святослав
Масловский Шамиль
Масляников Алексей
Миржинский-Стома Сергей
Минаков Андрей
Мирошниченко Николай
Михайлов Николай
Можайский Сергей
Монин Александр
Негоднов Михаил
Нежницкий Андрей (Д.)
Никифоров Михаил
Никитин Вадим
Никитин Георгий
Николенко Даниил
фон-дер-Нонне Владимир (Д.)
Оленин Николай
Ошмянский Сергей
Пагануцци Павел
Панфилов Евгений
Петренко Василий
Пининский Виктор
Пограничный Юрий
Пожидаев Владимир
Полуян Григорий
Потемкин Димитрий
Поляков Евгений
Полянский Александр
Проскура Александр
Пстроцкий Георгий
Пущин Александр (Р.)
Пущин Михаил (Р.)
Ризен Владимир
Руссиян Анатолий (Р.)
Самойлович Георгий
Свидерский Игорь (Р.)
Сербин Владимир (Д.)
Синькевич Александр
Соломоновский Игорь
Сперанский Глеб (Д.)
Субботин Михаил (Д.)
Суслов Петр
Сушков Георгий (Р.)
Сущинский Георгий
Тесельский Николай
Тимофеев Анатолий (Р.)
Ткаченко Борис
Третьяков Сергей
Троицкий Виктор
Троицкий Михаил (Р.)
Троянов Георгий
Трофимов Константин
Тыррас Сергей
Федоров Петр
Федоров Вадим (Р.)
Федюшкин Алексей
Федюшкин Андрей
Флегинский Михаил
Хомотьяно Гавриил

Хартулари Димитрий (Д.)
Ходалевич Алексей
Хорват Александр
Чаплинский Георгий
Чарторижский Николай (Р.)
Ченчиковский Борис (Д.)
Чернавин Борис
Чернявский Борис
Чернявский Григорий
Чурашев Николай
Чуянов Павел
Шавров Николай
Шантарович Александр
Шарий Иван
Школенко Иван (Р.)
Штранге Борис
Щедрин Лев
Яковлев Николай (Р.)
Яковлевский Сергей (Р.)
Яконовский Евгений
Янушковский Анатолий
Эльснер Владимир

СПИСОК

кадет Крымского Кадетского Корпуса, окончивших Художественную Академию в Белграде.

Гершельман Федор
Прудков Евгений
Титов Николай

ОКОНЧИЛ БАЛЕТНУЮ ШКОЛУ

Жуковский Анатолий

СПИСОК

кадет крымцев окончивших Геодезическую школу.

Данилов Михаил
Кривошей Георгий
Крутиков Вячеслав
Лисовский Федор (Г.)

Геодезические Курсы

Алексеев Георгий
Бабенко Григорий
Бахметьев Алексей
Благодарный Виктор
Борисоглебский Борис
Бреверн Николай
Брешко-Брешковский Сергей
Васильев Владимир
Васильев Константин
Владиславлев Николай
Волков Андрей
Гапеев Григорий
Голованов Юрий
Грицаенко Виктор (Р.)
Дьяков Борис

Дуброва Сергей
Жежель Константин
Зарецкий Николай
Захаров Николай
Здановский Владимир
Леваневский Григорий
Майеранов Георгий
Ольшевский Евгений
Пограничный Анатолий
Пограничный Александр
Поляков Евгений
Рагузский Александр
Рогальский Игорь
Руссиан Георгий
Свербилов Дмитрий
Снеховский Георгий
Соловьев Леонид
Стадницкий-Колендо Всеволод
Серобабин Николай
Тараканов Юрий
Таргони Владимир
Телятников Георгий
Троицкий Алексей
Харитонов Григорий
Чеботаев Владимир
Чекалов Юрий
Шамбо Анатолий
Шариков Константин
Явкин Мелентий

СВОДКА

данных о числе кадет окончивших курс Крымского К. К.

Учебный год	Число отделен.	Число кадет	Окончившие VIII к.	VII кл.	Экст.	Всего
$192^0/_1$	20	650	—	78	5	83
$192^1/_2$	21	610	—	94	11	105
$192^2/_3$	20	579	—	43	4	47
$192^3/_4$	19	540	26	53	1	80
$192^4/_5$	16	476	71	18	—	89
$192^5/_6$	14	410	60	10	—	70
$192^6/_7$	13	394	42	18	—	60
$192^7/_8$	11	363	41	4	6	51
$192^8/_9$	9	276	26	5	—	31
		Всего	266	323	27	616

СПИСОК

Служащих, умерших в Белой Церкви

Д. ст. сов. Н. И. Данков .... 17 января 1923 г.
Полк. Н. Д. Казанцев .... 21 октября 1923 г.
Полк. М. К. Измайлов .... 5 декабря 1925 г.
Полк. Г. К. Маслов .... 18 июня 1929 г.
Ген. Шт. Ген.-Лейт. Е. Ф. Эльснер ...... 5 июля 1930 г.

Кадетские могилы в Стрнище и Белой Церкви.

— * —

СПИСОК
Умерших кадет Крымского Кадетского Корпуса

1920 год

III класса Василевич Анатолий .... 23 сентября

1921 год

Пригот. кл.	Альфтан Алексей	12	декабря
VII класса	Струменко Кесарь	8	февраля
VI "	Иллясевич Анатолий	4	мая
VI "	Пылев Анатолий	6	сентября
VII "	Беляков Евгений	15	августа
III "	Албаков Сергей	23	сентября
VI "	Экстен Григорий	14	октября
IV "	Козлов Григорий	14	октября
II "	Смагин Сергей	21	декабря

1922 год

IV класса	Фридман Глеб	18	января
V "	Есаулов Николай	19	января
V "	Ковалевский Николай	15	декабря

1924 год

VI класса	Барышников Венедикт	8	марта
IV "	Шмидт Александр	19	мая
VI "	Молчанов Василий	16	июня
VI "	Гумовский Владимир	16	июня
VII "	Кочановский Павел	1	декабря

1925 год

VIII класса	Щербович Вечор Глеб	3	февраля
VI "	Стршельницкий Всеволод	25	июня
I "	Задонский Сергей	27	октября
VIII "	Третьяков Константин	30	ноября

1927 год

I класса	Крюков Георгий	2	мая
II "	Могилевский Стефан	4	сентября

1928 год

IV класса	Сахаров Борис	27	декабря

1929 год

III класса Сахаров Владимир .... 25 марта

1930 год

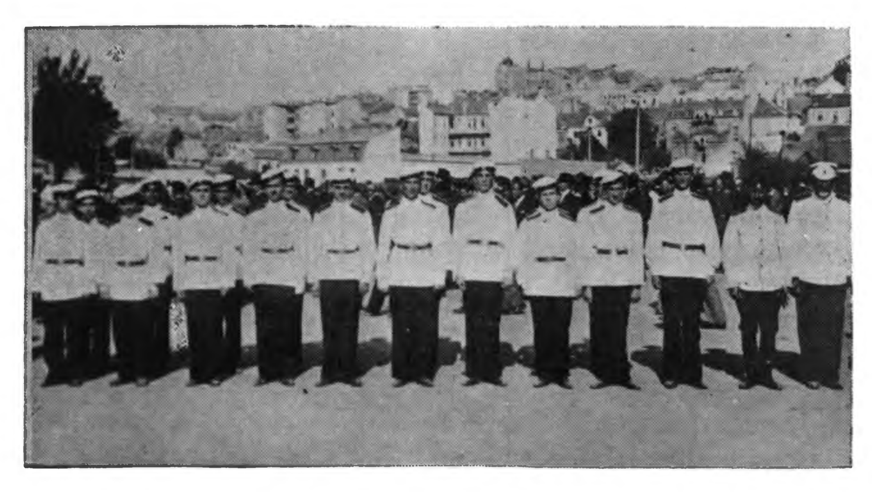
Окончивший VIII кл. Первого Русского Вел. Кн. Константина Константиновича Кадет. Корпуса

Шереметов Александр .... 30 июля

СПИСОК
кадет крымцев погибших в борьбе с коммунизмом на территории Советского Союза до начала 2-ой Мировой войны.

(Список не полный)

Гаранин Георгий
Гаранин Леонид
Колков Александр
Дурново Василий
Северьянов Андрей
Трофимов Михаил

Крымский взвод на погребении праха генерала Врангеля 6-го октября 1929 года в Белграде.

СПИСОК

лиц педагогического, воспитательского и хозяйственно-административного состава Крымского кдаетского корпуса.

Чины, фамиліи, имена и отчества	Должность	Время зачисления на службу	Время оставления службы
Ген.-майор Голеевский	Дир. корп.	13 мая 1920	1 сент. 1920
Ген.-лейт. Римский- Корсаков В. В.	Дир. корп.	1 сент. 20 г.	11 дек. 24-
Ген.-лейт. Промтов М. Н.	Дир. корп.	11 дек. 24 г.	1 сент. 29-
Полк. Маслов Г. К.	инсп. кл.	1 нояб. 20 г.	12 нояб. 25-
Д. с. сов. Абрамцев А. И.	инсп. кл.	12 нояб. 25	1 сент. 29-
Аносов М. А.	штат. преп.	1 сент. 28	1 сент. 29-
Артюхов, подп. А. Г.	офиц. восп.	1 сент. 20-	1 июня 24-
Будкевич, полк. А. С.	прив. преп.	1 янв. 21-	10 окт. 23-
Базаревич, полк. С. И.	прив. преп.	1 нояб. 22-	1 янв. 26-
Блажков, шт.-кап.	преп. слес.	9 мая 23-	1 июля 24-
Боголюбов С. Н.	Штат. преп.	1 сент. 26-	1 сент. 29-
Блюменау М. Л.	штат. преп.	8 дек. 20-	16 апр. 23-
Бощановский, протоиер. о. Василий	прив. преп.	разноврем.	с 20 по 29-
Белянкина Мария Серг.	врач	28 июня 22-	20 апр. 24-
Враский, ген.-м. И. Я.	штат. преп.	20 окт. 22-	1 сент. 29-
Вениамин, епископ	законоуч.	22 фев. 27-	17 окт. 27-
Витковский, пор. В. П.	оф. восп.,	6 окт. 22-	1 сент. 25-
Вербицкий, вахм. П. К.	вахтер	1 дек. 20-	1 сент. 29-
Гейден граф, полк. Д. Ф.	штат. преп.	15 апр. 21-	11 сент. 25-
Гейден, графиня Е. М.	прив. преп.	9 сент. 21-	1 июля 22-
Гончаренко, полк. В. М.	оф.-воспит.	1 сент. 20-	1 сент. 28-
Грещенко, полк. А. К.	оф. воспит.	12 окт. 28-	1 сент. 29-
Герцог, полк. В. Н.	хоз. долж.	1 нояб. 27-	1 сент. 29-
де-Коннор, кол. сов. В. В.	шт. преп. и	1 нояб. 21-	1 сент. 25-
Данков, ст. сов. Н. И.	штат. преп.	22 окт. 20-	6 дек. 22-
Данилов, полк. Д. Д.	штат. преп.	1 сент. 20-	7 сент. 21-
Деркач П. Ф	вахтер	1 сент. 20-	1 сент. 28-

Чины, фамиліи, имена и отчества	Должность	Время зачисления на службу	Время оставления службы
Даннер, полк. Н. Н.	оф. воспит.	14 мая 21-	1 сент. 29-
Джерджевич К. И.	штат. преп.	11 сент. 27-	17 сент. 28-
Делова, Инна Петровна	штат. преп.	1 сент. 20-	1 сент. 29-
Дербек, док. мед. В. А.	врач	1 сент. 20-	1 сент. 29-
Дербек Ольга Влад.	сестра мил.	12 янв. 23-	27 дек. 23-
Думский, свящ. Д. И.	бухгалтер	1 сент. 21-	15 сент. 25-
Егоров, поруч. А. А.	штат. преп.	1 дек. 20-	1 нояб. 21-
Ефимов, о. Александр (Архим. Феодосий)	законоуч и наст. храма	1 окт. 21-	22 февр. 27-
Жаровович, кап. К. Ю.	оф. воспит.	1 сент. 20-	1 окт. 24-
Жаровович, шт. к. Б. Ю.	оф. воспит.	1 сент. 20-	1 окт. 24-
Жиркович, капит. А. А.	электром.	4 апр. 27-	1 мая 28-
Житинский, ст. с. К. Н.	хоз. долж.	1 авг. 24-	1 сент. 29-
Зиолковский, шп-к. Н. В.	ком. роты	1 сент. 20-	1 сент. 29-
Здзярский, плок.	хоз. долж.	1 июня 22-	1 сент. 24-
Ивановский, полк. г.-шт.	оф. воспит.	1 сент. 28-	1 сент. 29-
Иванов, капит. В. П.	оф. воспит.	8 авг. 22-	1 сент. 25-
Измайлов, полк. М. К.	хоз. долж.	1 сент. 24-	4 дек. 25-
Измайлов, полк. А. Н.	хоз. долж.	1 сент. 25-	1 сент. 29-
Иоанн, иеромонах (кн. Дмитр. Шаховской)	прив. преп. наст. храма	22 фев. 27-	1 окт. 28-
Иванович, священник	прив. преп.	1 нояб. 25-	1 сент. 26-
Коптев, полк. Н. Д.	хоз. долж.	1 июля 21-	1 июня 23-
Кубрак, тит. сов. В. И.	зав. обмунд.	25 янв. 21-	1 дек. 24-
Казанцев, полк. Н. Д.	нач. хоз.	1 сент. 20-	24 мая 23-
Кноринг-фон, полк. В. И.	оф. воспит.	1 сент. 28-	1 сент. 29-
Келер, кап. А. О.	штат. преп.	17 фев. 21-	1 сент. 29-
Комаревский, кап. Б. В.	преп. пения	21 авг. 21-	9 нояб. 23-
Карпов, д. ст. сов. К. И.	прив. преп.	1 нояб. 21-	1 сент. 22-
Коссарт-фон, подп. К. Ф.	оф. воспит.	1 сент. 20-	1 сент. 29-
Кузьмин-Караваев, подп.	оф. воспит.	4 июня 21-	1 июля 28-
Кавтарадзе Т. Н.	сестра мил.	27 дек. 23-	1 сент. 29-
Ковтун Н. А.	фельдшер	1 сент. 20-	7 нояб. 27-
Краснодемский, полк.	адм. долж.	2 июня 21-	11 июля 23-
Кучин, подполк. С. Д.	хоз. долж.	1 нояб. 22-	1 янв. 24-

Чины, фамилiи, имена и отчества	Должность	Время зачисления на службу	Время оставления службы
Казанский, ст. с. В. А.	штат. преп.	14 март. 21-	1 сент. 29-
Колоней, ст. с. Ф. М.	штат. преп.	1 сент. 20-	1 сент. 25-
Кошиц, Георгий Павлов.	штат. преп.	25 февр. 23-	1 сент. 29-
Каменев, А. В.	штат. преп.	23 июня 21-	30 сент. 24-
Келер, Лидия Васильев.	прив. преп.	9 сент. 21-	1 авг. 22-
Козырева, Елена Иванов.	прив. преп.	1 сент. 26-	1 сент. 29-
Лешевич Милица	прив. преп.	1 март. 24-	1 сент. 24-
Лавров, капит. П. И.	оф. воспит.	11 март. 25-	1 сент. 29-
Ляшкевич, полк. Н. А.	оф. воспит.	1 сент. 20-	24 март. 23-
Любский, поруч. А. В.	адм. долж.	10 окт. 21-	9 фев. 28-
Лебединская, З. Н.	сестра мил.	1 дек. 20-	12 янв. 23-
Лукинский, К. К.	хоз. долж.	1 июня 22-	1 сент. 29-
Макшеев, ген.-лейт. З. А.	штат. преп.	1 дек. 20-	1 сент. 21-
Молчанов, полк. П. С.	штат. преп.	28 нояб. 21-	1 сент. 29-
Миляшкевич, полк. Ф. И.	штат. преп.	21 март. 22-	1 сент. 24-
Маслов, подполк. П. К.	штат. преп.	1 янв. 21-	2 сент. 26-
Миокович, подп. П. П.	преп. стол.	1 июня 23-	1 сент. 29-
Малахов, профес. Н. М.	штат. преп.	1 дек. 20-	1 окт. 24-
Медведев, ст. сов. С. И.	штат. преп.	11 сент. 21-	1 сент. 25-
Милькович Благоие	прив. преп.	1 янв. 24-	1 авг. 26-
Мирошниченко, к. А. Т.	оф. воспит.	14 март. 21-	1 фев. 25-
Носачевский, подп. В. А.	штат. преп.	11 сент. 21-	1 сент. 25-
Некрашевич, полк. П. М.	оф. воспит.	1 сент. 20-	1 июля 29-
Навроцкий, полк. А. А.	адм. долж.	16 сент. 21-	1 авг. 28-
Олифер, Егор Гаврилов.	хоз. долж.	1 сент. 20-	1 сент. 29-
Постников, подп. Е. Н.	оф. воспит.	14 март. 21-	1 июля 28-
Пожидаев, подп. С. Н.	оф. воспит.	20 июля 21-	1 окт. 28-
Пограничный, подп. А. Н.	оф. воспит.	1 сент. 20-	1 фев. 29-
Петров, подполк. Н. Ф.	зав. обмун.	24 мая 21-	1 сент. 29-
Полторадня, М. К.	фельдшер	7 нояб. 27-	1 сент. 29-
Проскура, полк. К. А.	штат. преп.	1 сент. 20-	1 сент. 26-
Писаревский, н. с. Н. Я.	штат. преп.	14 март. 21-	1 сент. 29-
Половина, Никола С.	прив. преп.	1 нояб. 23-	1 сент. 24-
Попович, Драг. И.	прив. преп.	1 окт. 24-	1 авг. 26-
Ромашкевич, полк. А. Д.	ком. роты	1 сент. 20-	20 сент. 21-

Чины, фамиліи, имена и отчества	Должность	Время зачисления на службу	Время оставления службы
Редин, полк. И. Н.	ком. роты	1 сент. 20-	1 июля 28-
Руссиян, полк. Д. Т.	ком. роты и	8 фев. 21-	1 авг. 28-
Ребров, Сергей Федоров.	оф. воспит.	1 сент. 20-	1 сент. 25-
Ржевуцкий, полк. С. А.	адм. долж.	1 июля 21-	21 апр. 28-
Ребров, Владимир Серг.	адм. долж.	1 дек. 20-	1 окт. 21-
Руссиян, капит. А. М.	хоз. долж.	1 нояб. 26-	1 сент. 29-
Ракитин, полк. Л. С.	штат. преп.	1 дек. 20-	1 сент. 28-
Романов, шт.-кап. С. С.	прив. преп.	1 дек. 21-	15 авг. 24-
Раздольский, к. с. П. М.	штат. преп.	1 янв. 21-	1 нояб. 22-
Савченко, Евгения Степ.	прив. преп.	6 нояб. 23-	1 сент. 28-
Савченко, полк. П. С.	штат. преп.	1 сент. 23-	1 сент. 29-
Салатко-Петрище, ген.-м.	штат. преп.	1 нояб. 21-	1 сент. 24-
Софронов, кол. ас. Г. Д.	штат. преп.	1 сент. 20-	1 сент. 25-
Скрынька, над. сов. А. А.	штат. преп.	1 сент. 20-	1 сент. 28-
Самоцвет, полк. М. Ф.	оф. воспит.	6 нояб. 21-	8 мая 22-
Синькевич, М. Н.	зуб. врач	16 окт. 24-	1 сент. 29-
Стрижевский, полк. В. К.	адм. долж.	1 фев. 22-	1 сент. 27-
Тыррас, полк. П. Ф.	прив. преп.	1 нояб. 22-	1 март. 24-
Тимофеев, к. секр. В. А.	преп. муз.	1 март. 23-	1 сент. 29-
Трофимов, подп. И. П.	преп. рис. и	1 сент. 20-	1 сент. 29-
Тихомиров, подп. В. П.	преп. гимн.	5 июля 21-	14 июня 24-
Томашевич, Алексей	прив. преп.	1 нояб. 22-	1 сент. 25-
Тихомиров, полк. М. П.	оф. воспит.	20 сент. 21-	15 мая 24-
Трусов, капит. Е. В.	оф. воспит.	15 окт. 20-	1 сент. 29-
Транковский, пор. К. Н.	оф. воспит.	27 янв. 21-	22 июня 22-
Фрейман, полк. З. Г.	адм. долж.	1 янв. 29-	1 сент. 29-
Фрейман, подп. Н. Г.	адм. долж.	25 сент. 26-	1 янв. 29-
Ходалевич, Елена Аким.	завед. бел-м.	1 дек. 20-	1 янв. 24-
Худыковский, подп. Е. А.	оф. воспит.	1 сент. 21-	12 окт. 28-
Харитон, архимандрит	законоуч.	1 сент. 28-	1 сент. 29-
Цыбулевский, надв. сов.	преп. муз.	17 янв. 21-	1 март. 23-
Цакич Никола	прив. преп.	1 янв. 24-	1 авг. 26-
Четвериков, прот. Сергий	законоуч. и наст. храма	1 сент. 20-	27 июля 21-
Чудинов, полк. Н. А.	ком. роты	1 сент. 20-	1 сент. 29-

Чины, фамилiи, имена и отчества	Должность	Время зачисления на службу	Время оставления службы
Чердилели, полк. Г. К.	оф. воспит.	1 сент. 20-	1 июля 29-
Чепурковский, пп-к Н. А.	оф. воспит.	1 сент. 20-	10 дек. 21-
Чуенко, полк. Д. И.	адм. долж.	1 апр. 21-	30 апр. 29-
Черняков, подп. Е. К.	элек. мон.	1 нояб. 21-	1 мая 27-
Шаховской, кн., п-к П. П.	ком. роты	14 март. 21-	1 сент. 29-
Шестаков, капит. Б. В.	оф. воспит.	14 март. 21-	1 авг. 28-
Шевцов, капит. П. А.	оф. воспит.	14 март. 21-	1 июля 27-
Шмидт В. Д., капит.	оф. воспит.	6 фев. 21-	15 мая 22-
Шавров, полк. А. Д.	ком. роты	1 сент. 20-	1 сент. 24-
	секр. и казн.	1 сент. 24-	1 сент. 29-
Шепель, капит. Л. И.	эконом	24 мая 21-	1 сент. 29-
Штранге, кап. В. В.	адм. долж.	2 июля 21-	1 сент. 29-
Шустин, подпоруч. В. В.	элек.-мон.	1 мая 27-	4 апр. 28-
Шимчук-Залещинский, н. сов., Ф. К.	бухгалтер	15 сент. 25-	1 сент. 29-
Шликкер, Надежда Ива.	зав. бел-м	31 дек. 23-	1 сент. 29-
Шликкер, кап. Л. Н.	адм. долж.	16 янв. 25-	1 сент. 29-
Швачка, Харитина Степ.	повариха	1 сент. 20-	1 сент. 29-
Швачка, Михаил Серг.	хоз. долж.	1 сент. 20-	1 сент. 29-
Щиголев, флота ген.-м.	элек.-мон.	1 мая 28-	1 сент. 29-
Эльснер, ген. шт. ген.-л.	штат. преп.	23 нояб. 21-	1 сент. 29-
Эрн, ген. шт. ген.-майор	прив. преп.	6 нояб. 23-	1 авг. 24-
Якушев, Михаил Пав.	прив. преп.	1 окт. 21-	7 июля 23-
Янушковский, п-к Г. И.	хоз. долж.	1 июля 21-	1 нояб. 24-

Редактировал Н. В. Козякин
Кад. К.К.К. вып. 1928 г.

при участии

Г. Н. Сперанского, вып. 1931 г.,
по материалам корпусной "Памятки",
изданной в 1934 г. и по воспоминаниям
группы бывших кадет .

ДОНСКОЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКИЙ КОРПУС

1883 - 1920 - 1933

Государь Император Александр III

Основатель и Шеф Корпуса.

Донской Атаман

Ген. Шт. Генерал - Лейтенант А. П. Богаевский.

Директор Корпуса

Генерал-Майор Е. В. Перрет.

Верны заветам старины!

ДОНСКОЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

УХОД КОРПУСА ИЗ НОВОЧЕРКАССКА.

В последние дни декабря 1919 года, накануне Рождества, стало известно, что наш фронт сильно откатился и что Новочеркасску грозит эвакуация. Занятия в корпусе полностью прекратились. Кадеты 1-й сотни были назначены нести постовую службу на перекрестках улиц, особенно на тех, которые прилегали к району корпуса. Их обязанность состояла в проверке документов у прохожих в поздние часы. На 21 декабря была назначена погрузка в поезд кадет младших классов и корпусного имущества из складов. Накануне, когда кадеты возвращались из караула из Хотунка, им еле-еле удалось пробиться сквозь толпу — все дороги были забиты отступавшей, плохо вооруженной пехотой.

21 декабря погрузка не состоялась, а 22-го корпус разделили на две части: мы, малыши, т. е. 3-я и 2-я сотни, частью на подводах, а частью пешком, покинули столицу Области Всевеликого Войска Донского, а 1-ю сотню назначили охранять архивы и склады Войскового Штаба. Этот Штаб, в то время, представлял собой длиннейший обоз, растянувшийся чуть ли не на 10 верст. 22 декабря 1919 года 1-я сотня выстроилась на Соборной площади, перед памятником Ермаку.

Стоял трескучий мороз с сильнейшим ветром. В последний раз, глядя на бронзовую фигуру завоевателя Сибири, дружно пели донцы «Ревела буря, гром гремел . . . ». Нет, никому не думалось в тот морозный день, что до самых седин не увидят они больше дорогой им силуэт, вливавший столько гордости в сердце каждого донца.

«Тот, кто поднес когда-то Иоанну
На блюде кованом плененную Сибирь . . . »

«Правое плечо вперед ! . . » Сотня двинулась пешим строем в направлении станицы Ольгинской; только часть пути, около 20-ти верст, удалось проделать на подводах, но от Мокрого

Луга до самой Ольгинской шли пешком. А в Ольгинской встретили невеселое Рождество, отпраздновали по-голодному, по-холодному, и двинулись дальше, на Кубань, в направлении ст. Екатерининской. По дороге едва избежали возможности боя. В одном месте, опасаясь репрессий со стороны большевиков, кубанцы пытались разоружить сотню; в боевом отношении она была довольно сильной — два отделения 7-го и три 6-го классов, в общем человек сто пятьдесят, да еще прекрасная пулеметная команда. Да и какие офицеры командовали сотней, — боевые, решительные: командиром сотни был старый ген.-майор Федор Иванович Леонтьев, офицеры — полк. Леонид Петрович Кутырев и войск. старшины Шерстюков, Наумов и Арт. Фед. Какурин. И вот, когда кубанцы ударили в набат и начали сбегаться с оружием, инициативу сразу же взял в руки энергичный в. ст. Наумов. Кубанцы двинулись вперед, но увидели, что сотня ощетинилась и готова к бою; кубанцам ничего не оставалось, как пойти на переговоры. Выяснилось, что они намерены держать нейтралитет, что боятся репрессий и поэтому просят кадет покинуть их станицу как можно скорее. Эта просьба была исполнена, сотня двинулась дальше на Павловскую, где сосредотачивались тогда донские части. В Павловской кадеты простояли с месяц. В то время пришел приказ Донского Атамана, по которому все семиклассники были откомандированы, вместе со своими офицерами, в Атаманское военное училище. А кадет 6-го класса погрузили в поезд и отправили в Екатеринодар. Там пробыли около двух недель; в эти дни, в одном из Екатеринодарских госпиталей, скончался донской герой, ген. Мамонтов.

Еще по дороге к Екатеринодару среди кадет начал свирепствовать тиф, который косил направо и налево. Переболело около 50%, многих похоронили, в одном Екатеринодаре оставили шесть могил. И вот тут-то до кадет дошли слухи об эвакуации. Тяжело было смириться с мыслью, что придется покинуть Родину. Тяжело было видеть, сколько народу гибнет в неравной борьбе с красными. И не пожелали кадеты уходить отсюда и спасать свою шкуру. Собрали Круг и решили, если только слухи окажутся верными, просить Войскового Атамана, через корпусное начальство, об отмене приказа об эвакуа-

ции; просили ген. Леонтьева устроить так, чтобы их отправили на фронт драться с большевиками. Генерал сейчас же довел об этом до сведения Атамана и ген. Богаевский не замедлил приехать к кадетам. Он был очень взволнован и растроган просьбой молодежи. В прочувствованной речи он указал на то, что в мировой истории на 14 лет войны приходится в среднем один год мира и что, следовательно, в будущем кадетам несомненно представится возможность воевать за Родину. Далее он говорил о том, что будущей России понадобятся образованные люди и что он считает своим святым долгом сохранить молодежь и не посылать ее на убой. Атаман не скрывал от кадет тяжелого положения на фронте и поделился с ними всеми сведениями, которыми сам располагал.

Мой однокашник, автор этой части воспоминаний, очень скуп на жалобы. Он добавляет в письме: ... «все тяготы нашего похода я тут, конечно, отбрасываю. Ну, что там говорить: без денег, без походной кухни, не раздеваясь, обмерзшие, голодные, сплошь больные, с натертыми ногами ... Да, трудновато поверить, что все это смогли выдержать! Только, пожалуй, молодость и может это перебороть. А самое ужасное из всего — это ВОШЬ. Она бродила по нас целыми табунами...»

А теперь, оставим кадет 6-го класса в Екатеринодаре, 7-го класса в Атаманском училище и вернемся на некоторое время назад, чтобы, хотя бы вкратце, проследить путь малышей к Новороссийску, где все донцы встретятся вместе и вместе же покинут свою дорогую Родину.

Итак, как было сказано, 2-я и 3-я сотни выступили походным порядком из Новочеркасска. Часть пути между Ростовом и Кущевкой месили грязь, а часть проделали на подводах. Малышам подвезло, в общем начальство о них позаботилось. Но не позаботилась погода. Холода стояли невообразимые, а грязь непролазная. Где-то в пути нас догнал Атаман, обратился с речью, сказал о безвыходном положении отступающих институток. Это касалось смолянок — о Донском Мариинском позаботились. Девочкам приходилось шагать по грязи и наш Атаман просил нас уступить им часть подвод. Уступили и зашагали, вернее пустились вплавь. Кое-где проваливались, теряли сапоги — увязала нога и где уж тут ее вытащить с са-

погом! Чуть с дороги сошел и все тут — да и видишь ли ее, дорогу-то? Иногда малышам чуть ли не по пояс было! Не помню, сколько прошли тогда, но на каком-то отрезке пути один из малышей, Володя Скопиченко, оступился и угодил в обочину, сначала по колени, а потом по пояс. Перепугался, бедняга, да и было ему не больше одиннадцати, если не десять лет. Сначала улыбался, потом захныкал. За нами шли «старики», кадеты 2-й сотни. Они не только помогли малышу, но и пристыдили и обругали нас как следует, за то, что не догадались его вытащить. Кое кому и по затылку попало.

В первой половине февраля 1920 г. кадеты 6 класса 1-й сотни прибыли в Новороссийск и, таким образом, соединились с нами, со 2-й и 3-й сотнями. Разместили нас в здании Городской Управы. Мы, малыши, спали в каком-то, похожем на казарму, помещении. Почти все стекла в окнах были выбиты и внутри разгуливал новороссийский норд-ост. А кто его не изведал, тот не изведал ничего! Это милый ветерочек, который, если разозлится, способен согнать с горы в море подводу с лошадью и с возницей вместе. Это «зефир», при дуновении которого на голову могут упасть замерзшие на лету птицы. Одним словом, это вовсе не то, о чем поется: «Ветерочек чуть-чуть дышит . . . » Напротив, чуть-чуть дышит здесь каждое живое существо, с норд-остом встретившееся. А если к этому прибавить еще то, что среди нас, тут же, вповалку лежали еще и заболевающие тифом, выздоравливающие от него и те, кто под сомнением, то картина будет довольно ясной. Прибавим еще, для полноты этой картины, что на всю эту казармищу печка была одна и что дров там бывало не густо.

Но в тяжелые моменты жизни появляются иногда этакие «шестикрылые серафимы», хоть на миг озаряющие существование. Таким ангелом в нашей новороссийской эпопее, для малышей явился «полковник» Гребенников. Чуть ли не в день похорон нашего любимого директора, генерала Чеботарева, умершего от тифа, в нашем склепе было особенно холодно. Все жались под одеялами и шинелями, согревались кто как мог. К тому же, все были подавлены смертью директора. Это был талантливый педагог, командир и отец — он заменял нам все! Как человек, говоривший на нескольких языках, он

особенно был нам нужен в это время, когда приходилось вести переговоры с иностранцами. Первая сотня отдала последний салют из винтовок и мы с ним расстались. Лежали, жевали «шрапнель», старались не унывать, но уж больно прижимал нас холод. Случилось так, что среди малышей почему-то появился кадет 1-й сотни Гребенников. Малыши его любили. Мы сразу толпой окружили его, жалуясь на нестерпимый холод. Долго не раздумывая, Гребенников взял с собой несколько человек из 1-й сотни, достал подводу и отправился на ближайший дровяной склад. А там восседал один из тех «беззаветно преданных службе не во время» служак, которые попадались в интендантском ведомстве. Не учитывая момента, они берегли добро и не задумывались, к кому оно попадет. Вот и случалось, что добро доставалось потом красным, а свои ходили разутыми и раздетыми. Я должен оговориться, — Гребенников и вообще выглядел гораздо старше своих лет, а в этот день он был небритым, со внушительной щетиной на подбородке. Это были дни, когда мало у кого из офицеров оставались еще настоящие золотые или серебряные погоны, многие рисовали их на шинелях чернильными карандашами, а некоторые обходились и без этого. Увидев «пожилого» военного, очевидно офицера и с ним взвод с винтовками, интендант сделался мягче обыкновенного. Он конечно, спорил, говорил что-то о ведомости, но тон Гребенникова был безапелляционным: «Запишите все на полковника Гребенникова и все тут!» — небрежно приказал он интенданту, а кадетам дал знак погрузить дрова на подводу. С того дня и до окончания корпуса, иначе как «полковником» никто Гребенникова и не называл. А малыши в тот день, в первый раз, даже несмотря на выбитые стекла, согрелись по-настоящему.

В Новороссийске пришлось пережить военную тревогу. Однажды на город налетели «зеленые»; целью их нападения была, как потом выяснилось, городская тюрьма, где сидели их сотоварищи. Комендант города вынужден был просить помощи у кадет 1-й сотни. Сотня вышла «на линию», многие кадеты еле держались на ногах после тифа, но все же решили лучше идти в бой, чем попасть в руки неприятеля. Все, однако, обошлось благополучно; правда, «зеленым» удалось ос-

вободить своих из тюрьмы, но с нашей стороны никаких жертв не было. Часов в восемь утра продрогшие кадеты возвратились к себе.

Эвакуация, несмотря на ходившие до тех пор слухи, началась в общем неожиданно. 22 февраля (по ст. ст.) было приказано выстроиться, быть в полной боевой готовности и со всеми вещами. На грузовики были погружены склад, цейхгауз и денежный ящик с нарядом кадет и под командой ген.-майора Леонтьева. Остальные, в пешем строю, должны были двигаться в неизвестном направлении. Выздоравливающие после тифа тоже кое-как плелись вместе со строем. В результате, привели на набережную, где приказано было всем раздеться, оставить свои вещи и идти принимать горячий душ в портовой бане. Этой операцией пришлось заниматься при всем честном народе, которого в тот день на набережной было очень много; все это проделывалось просто на улице. Сразу же после душа было приказано пригонять новое английское обмундирование. Душ оказался чертовски холодным, а погода стояла совсем не теплая и читатель может себе представить, что это была за пригонка обмундирования; надевали что попало и как попало, лишь бы спастись от страшного холода. После этого все должны были пройти английскую медицинскую комиссию. Многие из кадет боялись показать комиссии свои, истощенные голодом и сыпняком физиономии и, надеясь на кадетское братство, просто стояли за углом и комиссии не показывались. Как ни странно, этот номер прошел благополучно.

Описывать пристань и погрузку не стану — более опытные перья делали это до меня десятки раз. В общем, столпотворение, рвутся к пароходам, а они по шею в воде, перегружены. Давка, ругань, чьи-то вопли, резкие команды . . . Кадетам повезло, все-таки школа; кое кто и на фронте побывал, а иным и носы вытирать надо. О кадетах подумали прежде всего и возьмут на борт без всяких разсуждений. Пароход «Саратов» с утра разводит пары. Наспех прививка против чего-то, пригонка английского обмундирования; ловчилы стараются сохранить кадетские мундиры и не переодеваться. Мелькают желтые краги и френч депутата Государственной Думы Аладьина, которого А. И. Деникин увековечил в «Очерках Русской

Смуты» под именем «сэра Аладьина» за его англизированность; вместе они сидели в Быхове, вместе и выбрались. С Аладьиным — английские офицеры, он им что-то объясняет. Англичанин-фотограф выхватывает троих малышей из толпы. Все уже в английском, а этим удалось отделаться, они в мундирах родных корпусов: два оренбуржца-неплюевца и один донец. Щелкает аппарат, уже куда-то тянут, раздается команда. Это генерал Киз, главный представитель Британского Командования на Юге России обходит ряды кадет. А где-то здесь, совсем рядом, идет грызня — с парохода вопят, что там уже вдвое больше, чем полагается, а тут еще столько кадет надо погрузить . . .

Кадеты по сходням поднимаются на «Саратов». Сбоку стоит наш новый директор, генерал Черячукин, в прошлом начальник штаба при генерале Гилленшмидте, командире 4 кавал. корпуса на Юго-Западном фронте. Кадеты грузятся в полном порядке, а вокруг шум и суматоха. Женщины, дети, старики, раненые офицеры на костылях . . . Со стороны Геленджика доносится стрельба: «зеленые» — проносится по толпе. А дальше на рейде, английский крейсер наводит орудия в сторону гор. Ухают выстрелы . . . На набережной толпы народа, грузятся и на соседние пароходы. Пожилой офицер, нагруженный вещами, быстро крестится и прыгает в воду у самого борта соседнего парохода. Тело сразу скрывается под водой. «Больше не принимают!» — кричит кто-то. Надвигаются сумерки. Вокруг идет разговор о том, что повезут в Крым, а другие уверяют, что на Принцевы острова. Кто-то объясняет, где эти острова и кто их населяет, в общем вдохновенно фантазирует. «Саратов» медленно отшвартовывается... все дальше уходит в Черное море. Кончается февраль 1920 года.

Передо мной телеграмма. Пожелтевший листок, сохраненный временем и заботливыми женскими руками. Небольшой человеческий документ. Привезла мне его Елизавета Дмитриевна Богаевская, вдова мученически убитого «Донского Баяна и Златоуста» Митрофана Петровича. Это подлинник телеграммы, отправленной в 1915 году командиром полка, полковником Кельчевским, своему сыну-кадету. Позднее генерал Кель-

чевский станет начальником штаба Донской армии в годы гражданской войны: Этот документ полностью отражает тот дух, в котором все мы, кадеты, воспитывались тогда и, поэтому, я считаю своим долгом поделиться им с читателями:

«Родной мой мальчик, посылаю тебе немецкую защитную каску с убитого немецкого солдата 222 полка. Посылаю также немецкую винтовку. Храни их и помни, что это один из многочисленных трофеев, взятых тем славным и геройским полком, который командует твой папа. Полк этот заслужил для всей бригады название «Стальная» и получил именную благодарность Верховного Главнокомандующего за геройскую службу, а твой папа представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени. Будь умницей, учись хорошенько и слушайся маму. Твой папа».

Низкий поклон Елизавете Дмитриевне за то, что этим вкладом обогатила нашу кадетскую памятку!

НА "САРАТОВЕ".

На «Саратове» яблоку негде упасть. Кадеты и беженцы — старики, женщины, дети, раненые и больные, заполнили все уголки. Кормят коряво. Галеты червивые. Малыши с завистью поглядывают на «богачей», у которых какими-то судьбами завелись вдруг большие банки австралийских консервов с зайчатиной, хочется есть. Ходят слухи о том, что команда парохода настроена большевистски и будто не желает вести судно в Константинополь. Поговаривают, будто взводу кадет, во главе с энергичным генералом Черячукиным, удалось «переубедить» команду. Новые впечатления, море, многими дотоле невиданное, общее состояние возбужденности и слухи, слухи, слухи . . . И вши, вши, вши . . . Куда везут? Так говорили же тебе — на Принцевы! А где они, эти твои Принцевы? Толком никто не знает. А в общем — не все ли равно? Ведь на короткое время только, так стоит ли и задумываться? Все равно, домой скоро . . . Погоди, погоди, а разве Белая армия не эвакуируется? То-есть в общем, эвакуируется, но . . . не вся же. Остались части, которые . . . И снова слухи, слухи и слухи. А малышам, пожалуй, раздолье, хотя и голодно ма-

лость. Присмотра почти никакого, да и какой тут может быть присмотр? Чуть ли не половина персонала в постели, больны. Кроме того, за каждым не усмотреть. Ведь это только вначале думали, что спать будем по классам, да не вышло. Произошли перемещения. Беженцы почему-то оказались в нашем трюме, а некоторые малыши уже перебрались на палубу и спят в самых невозможных местах, как напр. в спасательных шлюпках, откуда их гонят, но они, как ваньки-встаньки, снова оказываются там, как будто ни в чем не бывало. Морская болезнь, в добавление ко всему, уложила многих в постель, так что не до того, чтобы за кем-то еще присматривать — самого наизнанку выворачивает. А на малышей морская болезнь как будто и не действует, им нипочем! Даже, пожалуй, выгоднее выходило: то тут, то там, смотришь, и подкормился. То какую-то даму выматывает: «Ах, возьмите, кадет, не до еды мне, право . . . Да не стесняйтесь!» А он и не стесняется и уплетает за обе щеки. Или же чиновника гражданского ведомства море донимает и он с умирающим видом предлагает: «Не хотите ли, кадет? Неплохие консервы . . . » — «Покорнейше благодарю, ваше превосходительство!» И кадетику неплохо, и чиновнику лестно, что он в «ваше превосходительство» попал.

По палубе бродят четверо: братья Ляховы, дети Астраханского Атамана, оренбуржец Павлик Крепаков и один донец. И всегда-то они были голодны, никак их не насытишь, а уж теперь и в особенности! Где-то набрели на огромнейшую бочку с капустой. Одного из кадет, самого маленького, спустили за ноги в бочку и он оттуда пригоршнями подавал капусту наверх, не забывая наполнять и свои карманы. Туда же вскоре отправился и «плохо» где-то лежавший сахар, все было тщательно перемешано и съедено. Что же касается вида, в который была приведена одежда, об этом уже не будем говорить! Читатель может спросить — а где же хваленые кадетские дисциплина, устои и пр.? Но не будем забывать, что это 1920 год, полный тифозных вшей, трупов и голода. Это год страшной эвакуации и перед нами изголодавшиеся подростки, многие из них почти дети. Мы уже и думать позабыли о корпусных «дядьках», неделями не имели возможности раздеться, выкупаться, не было ни смены белья, ни простынь, укрывались

шинелями и тоненькими одеялами, спали где придется. И в то же время — сколько помощи оказывали эти голодные юноши, мальчики, почти что дети, старикам и старухам, ехавшим с ними! То и дело видишь, как заботливо поддерживают под руки какую-нибудь даму или старичка, как ведут в трюм или из трюма, переносят куда-то их вещи, бегают по их просьбе за той тепленькой, всеми цветами радуги переливающейся жидкостью, которая в те дни называлась водой. Сколько раз они уступали больным или просто старым людям свои насиженные, налаженные местечки! И не песня ли кадетская, то грустная, то заливисто-веселая, помогала изгнанникам легче переносить все тяготы пути?

«Поехал казак на чужбину далеку
На добром коне он своем вороном» . . .

Наворачивались слезы, а потом высыхали они и улыбка озаряла лица, когда сапоги только что выздоровевших от сыпняка кадет чеканили по палубе ритм разудалой казачьей пляски :

«Раздушка-казак молодой,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мне?»

В ПУТИ.

Вскоре вокруг стали говорить о том, что мы уже недалеко от Босфора. У тех, кто все еще думал, что нас повезут в Крым — исчезла и последняя надежда. Значит, всякая связь с Родиной пока что прервана. «Саратов» отчаянно пыхтит, скрипит, ползет.

Я у борта. Рядом со мной прехорошенькая девушка, лет восемнадцати. На ней элегантная меховая шубка. Щечки у нее раскраснелись, она о чем-то весело мне говорит, но я не могу разобрать о чем. Чему-то смеется, невольно смеюсь и я. Хорошо мне с ней. Потом она со счастливой улыбкой всплескивает руками и перебрасывается через поручни в воду.

«Человек за бортом!» Машины постепенно стопорят, дается задний ход. Матросы бросают девушке спасательный круг, он шлепается почти рядом с ней, но она не делает попытки его

взять. Он ей не нужен, ей так хорошо сейчас, она счастливо смеется, а шубка отлично держит ее на воде, она еще не набухла. Вот, наконец, прыгает в воду матрос и вытаскивает девушку. «Да кто же ее выпустил, чорт подери!» Кто-то рядом рассказывает, что она убежала из лазарета, что у нее уже второй день бред и вот санитары не досмотрели . . . Ну, что ж, бывает.

Приближается берег. Вскоре проплывают мимо живописные городки в зелени. Босфор. Кто-то бывалый объясняет — вот летняя резиденция русского посольства, Буюк-Дере, а вот там дальше — Еды-кей. Это так называемый Семибашенный замок; там когда-то сидел в цепях русский посол, Толстой. А сам замок выстроен в виде начальной буквы любимой жены султана. Высятся, упираются в небо десятки, сотни минаретов, а вокруг нас уже чуть ли не тысячи судов. Вот это и есть Стамбул! Беготня по палубам, суматоха. «Сейчас в город поедем!» — «Как, по классам, что ли, отпускать будут?»

Но вот на «Саратове» взвился желтый карантинный флаг. Слишком уж много у нас больных, этак всю Турцию перезаразим. Ну, а что теперь? А там видно будет. У борта вода кишит лодками. «Кардаш!» — кричат фески, надрываются. Это торговцы хлебом, фруктами, сластями. Мы спускаем им деньги на веревочке. Керенки почти не идут, а «колокольчики» и царские в почете. Правда, много у «кардаша» не получишь. Сотни рублей уходят на плитку шоколада, какую-нибудь связку винных ягод и пачку сигарет.

Сколько мы там стоим — не помню. Помню, что на берег спускают только директора корпуса и его переводчика, хорунжего Чеботарева, он же и адъютант. Тут же выясняется, что это сын покойного директора, ген. лейт. П. Г. Чеботарева, скончавшегося от тифа в Новороссийске, о чем говорилось выше.

А ночью проходим Дарданеллы. Я стою у борта, силюсь рассмотреть, что они собой представляют, но ничего не видно, темень. А так хотелось бы — вспоминаю из книги: древний Геллеспонт, лорд Байрон . . . Как будто он этот самый Геллеспонт где-то здесь и переплывал. Жаль, не видать! Из душного трюма наша «непромокаемая» четверка перебралась в спаса-

тельную шлюпку. Дважды уже гнали, но не помогает, махнули на нас рукой. Все равно на борту втрое больше, чем полагается, где уж тут на это обращать внимание.

А потом чудное солнечное утро. Давно пройдены Принцевы острова. Мы уже стоим около острова Кипра. На нас смотрят средневековые башни Фамагусты. Рыцари-тамплиеры, арабы, греки, турки, венецианцы — кто только тут не побывал! И в довершение всех бед, в ворота города стучится теперь обовшивевшая толпа голодных русских. Но желтый флаг — плохая визитная карточка, с ней не пускают никуда. Гостеприимные жители швыряют на борт апельсины, размером в добрую дыню. О таких до сих пор и не слыхивали. Одно плохо — слишком толстая кожура, под ней апельсин оказывается не таким уже громадным. Бросали также рожки, еще какие-то фрукты. Все это для нас такое лакомство! Юг, благословенный юг! После страшных норд-остов, как ласково ты встретил нас — солнцем и фруктами. Если бы еще нас пустили сюда, хоть немного пожить, отогреться. Набираем воду, уголь, еще какие-то припасы. Вдруг распространяется слух, что губернатор острова решил нас разоружить. Старшие кадеты возмущаются — «не отдадим оружие, с ним пробивались!» Некоторые с возмущением и руганью бросают винтовки и шашки в воду. В это самое время кто-то кричит, что англичане оружие отбирать не будут, но кадеты успели бросить три шашки и пять винтовок.

«Саратов» снимается с якоря, мы снова в открытом море. И совсем скоро перед нами вырисовываются очертания белого города. Штыками минареты и все ослепительно белое, и море, и океан песка, куда ни посмотришь. Это Александрия. Но нет, оказывается, и здесь нас просто так принять не могут, сначала повезут куда-то дальше. И вот тут-то оружие пригодилось. Старшие кадеты караулят поезд с вещами. Поговаривают о том, что предполагается нападение арабов с целью грабежа. Остальных везут, как прокаженных, в какой-то лагерь недалеко от города. Это местечко Сиди-Бишр. Здесь обычно держат в карантине грязных арабов, богомольцев из Мекки. А теперь извольте сбрасывать с себя все обмундирование и все вещи сдавать в дезинфекцию. Совершенно позабыв, что в кармане у меня целое богатство («Вот тут несколько десятков

тысяч царскими, не потеряй, побереги до встречи, слышишь?..) я сдал все вещи. Ну, а потом — да стоит ли рассказывать? Все богатства «развеялись прахом» — дословно. Превратились в труху.

Мы бродили в больничных белых халатах из барака в барак. Мечтали о том, как нас, наконец, отпустят в город, в Александрию. Кто-то уверял, что покажут сожженную Александрийскую библиотеку. Малыши верили. Вербное Воскресенье. Лагерь посетил сам патриарх Александрийский. Торжественная служба под открытым небом. Прекрасно поет кадетский хор, греки с изумлением слушают. Патриарх лично оделял всех пальмовыми ветвями — как необычно после наших вербочек! А потом вспоминаешь, что ведь так и должно быть: «и ваиями, и ветвьми . . . » Я с благоговением держу веточку в руке, даю себе обещание сохранить ее на веки вечные в какой-нибудь книге, что ли. И вдруг вспомнилось: «Верба хлест, бей до слез!» И я исправно отстегал прехорошенькую девчурку, бегавшую поблизости. Странно было встретить ее лет через двадцать и любоваться ею в четверке Королевского балета в Белграде. Маленькая фея превратилась в королеву, как и полагается в сказке, даже и в беженской, и была она теперь настолько хороша, что рука моя на нее теперь уже не поднялась бы.

Не помню, сколько времени мы пробыли здесь, в Сиди-Бишре. Помню туманное утро, пробивающиеся лучи солнца, поезд. Погрузка в вагоны. «Господин есаул, куда везут?» — «В Высокое Солнце, кадеты!» — весело объявляет есаул. Недоуменные рожицы. «А это — с арабского. Местечко так называется — Тэль-эль-Кебир . . . »

ТЭЛЬ-ЭЛЬ-КЕБИР.

«Высокое Солнце». Солнце жестокое, немилосердное. Наш лагерь в Ливийской пустыне. Мы размещаемся в палатках. Мы одни, беженцев с нами уже нет. Солнце палит нещадно, а я стою «на штрафу»; в чем-то провинился. Не один, со мной еще парочка таких же, «отпетых» хулиганов. Сбоку, на складном стульчике воспитатель, почитывает книгу. Стоять трудно,

мухи мешают, лезут в глаза, а почесаться — ни-ни! Но хуже всего это солнце. Проходит полковник Филин. Слышим, как тихо говорит воспитателю: — «Что же это вы, есаул, на этакой-то жаре, а?» Тихо говорит, чтобы мы не слыхали, а у нас ушки на макушке. Вытягиваемся еще более в струнку, на рожах изображаем страдание. «Ну, что ж!, — захлопывая книгу, говорит есаул, — на сегодня, пожалуй, довольно. Можете идти, кадеты!» Мы рады-радешеньки, но все же, уходя, скашиваем глаза на старшего кадета, который стоит поодаль «в боевой», т. е. под ружьем. Эх, вот бы нам этак, по-настоящему, с винтовкой постоять!

Помню еще — заросли тростника вдоль какого-то арыка. Я только что отдал свою порцию сахара односуму, а тот поклялся, что за сахар мы получим царское угощение. Сквозь заросли вижу, как он на пальцах и жестами, «без акцента» договаривается о чем-то с высоченным арабом в грязном халате и чалме. А вот он уже возвращается и торжественно вручает мне настоящее куриное яйцо. Я с благоговением разглядываю его, как диковину. Да это и есть диковина — ведь я не видел куриных яиц уже больше трех лет. Правда, я не совсем уверен теперь, что же с ним делать, но односум всезнающ. Он ловко просверливает в яйце крошечное отверстие и приказывает сосать. Прикладываюсь, втягиваю в себя содержимое и искренно верю товарищу, что выше этого наслаждения в мире ничего нет. А он с недоумением посматривает на меня: «Тю, да ты что — аль яиц сырых никогда раньше не пробовал? Куриных или грачиных . . . » Стыдно сознаться, что в сыром виде — никогда, но что-то надо ответить, и я, облизываясь, заверяю его: — «Ну как же . . . сколько раз! Только я думал — мы их жарить будем».

Через несколько дней весь корпус выстроен. Офицеры зорким глазом оглядывают ряды. «Сулацков, выше голову! Аникин, живот втянуть!» Кто-то пускает шепотом слух, что сам египетский фараон будет делать нам смотр. Часть малышей с восторгом верит, а кое-кто неуверенно шепчет, что все это глупости, что здесь теперь хедив, а фараонов англичане уже давно выгнали. «А ну-ка, разговорчики в строю-ю-ю ! » — гремит командир сотни. «На штраф захотелось?» «Корпус

смирно!» — доносится растянутая кавалерийская команда. «Глаза на-право!» С правого фланга приближается группа. Англичане. Впереди небольшого роста генерал, за ним адъютанты, наш директор, а с ним хорунжий Чеботарев, Григорий Порфирьевич. Обходят по фронту, здороваются. Генерал, как видно, доволен, на лице улыбка, что-то говорит своим адъютантам, потом горячо пожимает руки генералу Черячукину и хорунжему Чеботареву. Все улыбаются. Только из книги профессора Принстонского университета Чеботарева — «Россия — моя родина», выпущенной в США на английском, я узнал, что именно этому посещению Главнокомандующего Британскими вооруженными силами в Египте, ген.-лейт. Сэра Уолтера Норрис Конгрив, мы обязаны были тем, что из малоприветливого оазиса в Ливийской пустыне нас вскоре перевели в благодатный край на берега Суэцкого канала, поблизости от города Измаилии. Об Измаилии столько говорилось не так давно в связи с событиями в Израиле. И еще кое-что мне удалось узнать также сравнительно недавно. Евгения Анатольевна Селенс-Маркова, дочь кадета, николаевца, офицера и писателя, подарила мне как-то первый номер журнала «На чужбине». Этот журнал начало издавать в Сиди-Бишре Русское культурно-просветительное общество в 1921 году. Из журнала я узнал, что председательницей общества была Лэди Сесилия, жена ген. Конгрив, что она всемерно помогала нашим соотечественникам, приискивая им работу и всячески облегчая их участь. Тогда, в июле 1921 года, в Египте насчитывалось более трех тысяч русских беженцев.

ИЗМАИЛИЯ.

В Измаилию, вернее в лагерь Ферри-пост, что означает «паромная станция» мы прибыли под вечер, уже темнело. Переспали кое-как в палатках, просто шинель под голову, накрывайся чем знаешь. Проснувшись, увидел вокруг стройные ряды палаток. С удивлением узнал, что с сегодняшнего дня каждый будет счастливым обладателем двух одеял и подушки. Осознал, что на мне нет вшей, что ярко светит солнышко и что вообще жизнь — неплохая штука, даже и в двенадцать лет. Завтрак был непривычно-обильный: оказалось, что теперь мы

получаем полное довольствие английского солдата. Неплохой кусок бекона, достаточно хлеба, варенье, чай — живем!

Палатки были расположены по сотням, по классам. Лагерь — почти правильный квадрат, лежащий на берегу Лэйк-Тимсах (Крокодильего озера). Никаких крокодилов в наше время не водилось. В пяти минутах ходьбы — Суэцкий канал, разрезающий Крокодилье озеро на две части. В одной половине лагеря, за палатками 1-ой сотни — тростниковые бараки. Там кухня, столовые, библиотека, портняжная, учебные бараки, церковь, дальше большой штабной барак, в нем же английский склад обмундирования. Дальше — палатки персонала, палатка-госпиталь и примыкающая к нему палатка адъютанта корпуса, хор. Чеботарева. Вдоль лагеря и озера вьется шоссе, одним концом упирающееся в паромную станцию на канале. Здесь, возвышаясь над каналом, стоит красивое здание во французском колониальном стиле — французский госпиталь, обслуживавшийся сестрами-монашками. Говорили, что здание построено было Наполеоном для Жозефины, так ли это или нет — не знаю. Другим концом шоссе упиралось в чудный, буквально утопавший в зелени парков и садов, со множеством оросительных канальчиков, городок Измаилию. Строили его во времена Фердинанда де Лессепса, а назвали Измаилией в честь тогдашнего хедива Измаила. Вдоль шоссе, почти сразу же за лагерем, по ту сторону искусственного канала, шли лагеря британских полков. Там стояли полки Суррийский и Мидльсекский. В первые же дни непосредственно к нашему лагерю примыкал еще лагерь индусов и бурмийцев. Интересно было слушать по ночам окрики часовых: «Гач хабудариан!» и немного погодя русское: «Стой! Кто идет?»

Вечером следующего же дня мы, компания малышей, по собственному наитию решили отправиться в гости к соседям-индусам. Любопытно было разглядывать их безулыбочные бронзовые лица, их тюрбаны и слушать их гортанную речь — прародительницу наших языков. Отправились мы туда не с пустыми руками, несли сахар, сыр, еще что-то, надеясь разжиться табачком. Наши продукты индусам не были особенно нужны, но они, вероятно, больше из вежливости взяли. Мы получили и табак и сигареты, а меня и приятеля еще и по-

хлебкой своей угостили индусы, да так, что и посейчас горит в горле. Уж не знаю, кто в кулинарном отношении злостнее — венгры ли со своей паприкой, мексиканцы ли с перцем, или же же индусы со своими специями. Жестокая штука, запомнилась на всю жизнь.

В лагере все пока шло хорошо. Были сыты, одеты, обуты. Нос в табаке был только в старшей сотне, малышам, конечно, не выдавали, а посему нам приходилось прибегать к курению эвкалиптовых листьев — Боже, что это за пакость! Вскоре должны были нам выдать и новое тропическое обмундирование. Казалось бы, всем мы должны были быть довольны, но . . . было еще и «не». И оно заключалось в том, что не было кроватей. Все было, а кроватей не было, не сообразили англичане привезти. А каждый вечер копаться в песке, чтобы добраться до более теплого, за день нагретого слоя, скучно было. Но казачки народ хозяйственный и вот через несколько дней почти во всех палатках у малышей появились кровати, зато у англичан исчезло целое стрельбище. Малыши по прибытии успели все обшарить вокруг лагеря и нашли в пустыне, километрах в двух, странное сооружение — какие-то мешки с песком и металлические листы, а рядом еще куча пустых баков, из-под бензина, кажется. Мы, мелюзга, ни на каком стрельбище в своей жизни не бывали, а потому сочли сооружение никчемным и немедленно подлежащим разорению. А разорили до тла. Ведь ежели такой лист да положить на такие баки — что это за кровать получается! В каких-нибудь два часа от стрельбища остался курган, напоминающий о древних кочевниках. В палатках кишело, как в муравейнике. Теперь уж бояться скорпионов и прочей нечисти не придется. Но, увы, радость была кратковременной. На следующее утро, насвистывая песенку (которую мы вскоре и сами пели, перевирая слова на нижегородский манер: ицелонг вэй), лупя в барабаны, английская рота приблизилась к тому месту, на котором . . . сами понимаете! А стрельбище — как корова языком слизала! На беду листы были тяжеловатые, приходилось тащить их по образцу предков, древних славян, — волоком. Следовательно все улики были налицо — следы «волокитства» вели прямехонько в наш лагерь и даже точно указывали в какую палатку волокли.

Ну, что ж, пришлось «волокти» листы обратно и на следующий же день помогать англичанам восстанавливать стрельбище. Но нет худа без добра — вскоре были привезены кровати.

Чтобы кадеты обратили большее внимание на порядок в палатках, генерал Черячукин применил остроумный метод — ввел переходный русский флаг; его получала самая чистая и аккуратная палатка. Обладатели его ходили с задранными носами. И теперь кадеты буквально лезли из кожи вон, чтобы флаг заработать, заслужить. Порядочек стал не хуже, чем в наших спальнях в Новочеркасске.

Выдали новое обмундирование песочного цвета, Теперь, кроме фуражки, нас «возглавлял» еще и тропический шлем с замысловато свитым на нем красивым шарфом (так я и не научился его складывать!), далее — упомянутая фуражка с дырочками по бокам (пустые головы проветривать), рубашка с галстуком, френч, белье, брюки, длинные-парадные и трусики. Для медных пуговиц с британским львом специальный прибор для надраивания. Далее — обмотки, ботинки. Одним словом — полный комплект обмундирования английского солдата в Египте.

Вначале все шло хорошо, но . . . поблизости вертелся-крутился лукавый во образе араба-скупщика. Лукавый нашептывал в уши всякую мерзость, заманчиво позвякивал в кармане халата монетами. В воображении рисовались горы лакомых вещей: шоколад, финики, апельсины, арбузы, сигареты, всего не перечислить. Велик был соблазн, и вот постепенно, по частям, исподволь, френчи и ботинки, брюки и шлемы, все это начало перекочевывать в тот квартал Измаилии, в котором главным образом проживали скупщики. Кроме того, будучи народом нетерпеливым, лукавые начали и сами подкрадывать в складе, пользуясь доверчивостью английского сержанта. В результате жители названного квартала, к изумлению англичан, начали щеголять в самых невозможных комбинациях англо-арабской одежды. Они напяливали, напр., элегантный френч на свой длинный грязный халат и считали это особым шиком. Или же кокарда с гербом Его Британского Величества украшала голову какого-нибудь босоногого грузчика. Директор корпуса попробовал действовать через местную араб-

скую полицию, но эти попытки не привели ни к чему — рука руку моет, а ребятки свои же арабы. Тогда энергичный генерал отправился со взводом кадет, вооруженных винтовками, в упомянутый уже квартал, — здесь я ссылаюсь всецело на воспоминания проф. Чеботарева — и произвел набег, отнял краденое и скупленное и наказал лукавых. Они были жестоко избиты, а их тележки выброшены в канал. Англичане оказались шокированы; в этот период их отношения с египетской администрацией были особенно натянутыми. Зато ген. Черячукину вся французская колония Измаилии рукоплескала. Надо сказать, что администрация Суэцкого канала состояла по большей части из французов, с небольшой примесью итальянцев. Среди них наш директор сделался героем дня. По их словам — вот именно только такой язык и понятен арабам, а другого языка они не желают понимать.

Помню также, как однажды под вечер около самого лагеря двое арабов, один из них с бляхой полицейского вокруг шеи, намеревались облапошить малышей при купле-продаже. Моментально явились старшие кадеты прилепили арабов к пальмам и разделали под орех. В тот же вечер помню огни на шоссе — это приезжали английские офицеры разбирать инцидент. Чем он окончился — не знаю. Но помню, что обоих арабов отправили в тюремный госпиталь. Предполагаю, что у нашего генерала могли тогда быть крупные неприятности с англичанами.

Чуть ли не на следущий же день по прибытии в измаильский лагерь, несмотря на всякие проволочки, вроде выдачи обмундирования, устройства палаток и проч., мы уже кое-как начали заниматься. А немного погодя занятия вошли в нормальную колею. Одним из пионеров дела просвещения был упомянутый уже мной хорун. Чеботарев. Ему удалось упросить капитана «Саратова» уступить корпусу громадные рулоны типографской бумаги, почему-то сложенные в трюмах. Из этого были нарезаны и сшиты тетрадки и блокноты. Но еще в самом начале, когда никаких тетрадок не было и в помине, Чеботарев стал обучать нас английскому по своему, довольно странному, но, как оказалось, эффективному методу. Он рассадил нас вдоль корпусной линейки с палочками в руках. Да, да, с

самыми обыкновенными прутиками и палочками, а у кого не было — тот работал пятерней. Он диктовал нам английские слова, мы записывали их на песке и заучивали с ним произношение этих слов. Когда это было уже достаточно вбито в наши головы, мы должны были разровнять песок и писать на нем новые слова, и т. д., и т. д. Так постепенно мы продвигались вперед и ни на что не жаловались. С гордостью вспоминаю, что от своего учителя я получил тогда маленькую книжечку в синем коленкоровом переплете — Евангелие на английском. На первой странице стояла надпись: «Юному инструктору . . .» А весь мой инструктаж заключался в том, что, получив зачатки английского из дому, я как-то старался помочь соседям, вот и все. Конечно, это была незаслуженная награда в то время, но именно благодаря ей, я особенноириналег на язык, стараясь его усвоить. Запоздалое спасибо ему, в то время юному хорунжему Донской гвардейской батареи, а теперь заслуженному профессору в пенсии и ученому консультанту нескольких университетов — спасибо за его искреннее рвение!

Через некоторое время мы распрощались с нашим «университетом под открытым небом», и занятия продолжались уже в тростниковых бараках. Наши занятия носили случайный характер, так как нам зачастую преподавали люди лишь из доброго желания помочь молодежи, но вовсе не по профессии. Стройная педагогическая система Новочеркасска была в корень развалена — гражданская война и тиф покосили часть педагогического персонала.

За палатками 3-й сотни в конце лагеря простиралось обширное поле, где раньше стояли не то сипаи, не то гурки. Нам оно послужило футбольным полем, плацем для строевых занятий и для гимнастических упражнений, в частности для вольных движений, бега и т. д. Рядом с полем были установлены снаряды: турники, шведская лестница и параллельные брусья. Были ли там кольца — не помню. А в центре лагеря воздвигли громадную палатку-маркизу, которую нам пожертвовали американцы; там устраивались различные игры в меньшем масштабе, как напр. настольный теннис (пинг-понг), там же висели пробковые щиты для метания стрел, набрасывания кольца на крючки, и всякие другие игры.

Утром пела труба: «Это вам не дома, это вам не дома! Да, вставай, вставай!» и мы бежали в строю на Суэцкий канал купаться. После этого обычно бег по плацу и купанье в душевой. Душевая была устроена в длинном тростниковом бараке между шоссе и второй сотней.

Сейчас же после этого, вне строя, шли в столовую на завтрак. Через полчаса после завтрака — утренние занятия и затем обычные уроки. Не могу сказать, чтобы жара особенно способствовала настроению учиться. Опять тянуло купаться, а Суэцкий канал был так близко!.. Трудно было иногда устоять перед искушением и сознаюсь в том, что мы проделывали в тростнике дырку в районе «камчатки» и благополучно подчас улепетывали на канал. А там было раздолье. Нигде больше не пришлось мне видеть такой чистый зернистый песок и такую голубую прозрачную воду — даже Адриатика в Сплите не то. А сколько переживаний, когда показывается впереди океанский пароход, и ты плывешь в его направлении, а затем вдоль борта — только гляди в оба, чтобы под винт не затянуло! С палубы нарядная публика, от вида которой мы в беженской жизни уже поотвыкли, швыряет в воду монетки в полной уверенности, что мы — арабчата. Экзотика, одним словом. А мы эту экзотику и даем им на все сто процентов. Небольшая подробность, может быть, и смущала несколько дам на палубах, но мы об этом тогда не думали. Дело в том, что в комплект военного обмундирования никакие трусики для купания не входили, так что купались мы нагишом. Но кто с арабчат спросит? Весело было и страшновато немного — а вдруг под винт все же затянет? Любовались летучей рыбой и, конечно, милыми дельфинами, сопровождавшими каждое судно. Или же, переплыв канал, мы брели куда-то к каким-то старым траншеям, где находили старые гильзы. Как потом выяснилось, здесь происходили бои в восьмидесятых годах, в период знаменитого восстания Махди и Араби-паши. Если небо ясное, можно было полюбоваться возвышающимся вдали Синаем. Но надо спешить на следующий урок или же, может быть, уже на обед или ужин. У каждого в палатке был свой столовый прибор — миска, нож, ложка, вилка. В столовой ты их не оставляешь, моешь и забираешь с собой в палатку. Чудаки вроде меня мы-

ли не водой, а песком и уверяли, что так чище, а на самом деле лень было бежать к кранам. В столовой, в голове каждого стола — старший, наблюдающий за порядком. Обед сытный, хотя, пожалуй, и слишком однообразный. Повар дальше котлет не шел, да и был ли он поваром раньше? Зато котлеты были в добрую тарелку — размера устрашающего! Перед этим, конечно, суп, а к котлетам либо рис, либо картофель. К столу подавались также «пикули», т. е. разные маринады, в горчице или в уксусе. Хлеба достаточно, а к ужину давали еще довольно большой треугольник сыра и порядочную порцию варенья. Но разве можно было нас насытить? После недоедания, да и вследствие возраста, никогда ничего не хватало. Помню, даже и после такого угощения, малыши все равно рыщут в поисках пищи — нельзя ли где-нибудь, чем-нибудь поживиться. Логика подсказывает — если лазейку в тростниковом бараке можно проделать изнутри, чтобы «драпать» на канал, следовательно, можно и снаружи внутрь. А раз продуктовый склад из тростника — то в чем же дело? Совесть подсказывает, что это нехорошо, воровство, а желудок иногда побеждает, да и много ли, в сущности, нам нужно? Ну, мучицы там горсточки три-четыре, сахарку . . . Лепешки ведь будем делать? Сала у нас хватает, ну и айда, ребятки, в пустыню, подальше от лагеря. Раскладывается костер, появились уже откуда-то и таганок, и сковородочка — эх, все у казачков найдется, абы здоровье было! И какой-нибудь Федька Басакин, или Чернов, такие вам не то пышки, не то оладьи спроворит, что диву даешься!

А пустыня заманивает и без пышек и костра. Много в ней интересного. Ты вот смотришь — песок да песок, и нет, кажется, в ней больше ничего. А ты погляди хотя бы какие камешки в этом песке можно отыскать — многие составляли себе коллекции невиданных мной дотоле камней — разноцветных, самой причудливой формы, просто загляденье! Тут же и раковины морские — значит, когда-то здесь море было.

А если на рассвете выбраться на соседнюю с лагерем дюну, прилечь смирненько и следить за всем, что делается вокруг — обязательно увидишь шакалиху-мать — как она из норы вылезает и за пищей для своих детенышей куда-то тя-

пется. Это ведь она сегодня ночью завывала, не то смеялась, не то плакала, вроде гиены. Ты только нишкни, не торопись, дай ей подальше отойти. А тогда — не зевай, бегом к норе и — шасть туда рукой. И обязательно шакаленка вытянешь, если не растяпа и не трус. А теперь в лагерь и где-нибудь раздобудь молочка сгущенного. Сгущенное молоко если разбавить — так это для них самая распрекрасная пища. А подрастет, привыкнет — чем тебе не собака? И жили так у нас в палатках — где щенята, а где шакалята. А потом вместе, дружной семьей, лаяли и подвывали на своих же и не своих, а те — выстраивались под луной на ближней дюне и задавали концерты.

Вечерком, после того, как трубач протрубит зорю и дежурные кадеты, а за ними и дежурный офицер обойдут лагерь, приговаривая: «Тушить огни, прекращать разговоры!» — так приятно бывает собраться тесным кружком где-нибудь у приятелей, у Кирюшки Ляхова или у Павлика Крипакова, и слушать чей-то рассказ о мумии фараона, явившейся ученому во сне: « . . . Отдай мне мою руку!» замогильным голосом хрипит рассказчик. Интересно и жутковато немного. Мы уже вылезли из палатки и, завернувшись в одеяла, слегка дрожим от холода — ночи-то холодные. Вот теперь надо отбросить верхний слой песка и врыться поглубже, — там за день прогрелось, как на русской печке. Вот ведь и холодновато, как будто, а уходить не хочется — рассказ о руке будет продолжаться еще долго . . .

Или перед вечерней зарей собираемся группой, и кто-нибудь заводит старую «служивскую», еще суворовских времен:

«Ой да взвеселитесь, храбрыи донцы-казаки!
Ой ды честью-славой . . . Славою своей, да ой, покажитя
Всем друзьям примеры — как из ружев бьем своих врагов!
Бьем своих врагов . . . да ой, бьем-разим, свой не портим порядок...
Только слушаим один приказ.
Ой да куды скажуть наши отцы-командеры, ой да мы туда же
Идем-рубим-бьем . . . Ой да донцы с пиками служить умеют!
Ой да кавалерия с ружея бьеть, ой братцы, пехота на штыки валяеть
Ой да антилерия — она ждеть к себе да поджидаеть,
А мы — скачем — кричим — гичим!»

«Ведет» Голубинцев, наш лагерный «соловей». Вторит,

может быть, Павлик Крипаков, Федька дает баса — ох, и хорошо же, славно поют степные волчата! А в глазах, не по-детски серьезных, пролегла грусть. Вспоминают они, когда песню «играют», и Тихий свой Дон, и Кубань вольную-раздольную, и Терек бурный, и степи Оренбургские, и вообще все далекие теперь казачьи земли . . . Вот это-то и есть исконная Русская песня! Не поднемеченная, не подфранцуженная, непричесанная, неприглаженная . . . Какой принес ее беглец в степи, в Поле Дикое, такой ее степь и сохранила, никакому чужаку и притронуться не позволила. Вот тут и ищи старых песен, напевов и древних, что не только при батюшке Александре Васильевиче Суворове, а бери поглубже — может и при царе Алексее Михайловиче Русь певала . . . Да и сама степь — разве же она молчала? Отозвалась и она гулким эхом, и из груди ее полились ее собственные напевы, вскормленные вольными ветрами и Свободой. И нужно было несколько веков, чтобы разлилась эта песня по всему миру, чтобы заполнила души басурманские, чтобы расплавила медные сердца суровых тевтонов, чтобы начала вырывать слезу за слезой из глаз невозмутимых англо-саксов . . .

Или вот забредет к «сугубцам» их вице-урядник. Старше их он лет на семь, на восемь. Заглядывает просто так, «для порядку», а там и останется с ними надолго; начнет рассказывать — почему, напр. мы гордиться должны своим именем казачьим. И пойдет, и пойдет . . . И Туретчина тебе тут, и Азов, и «тот погибельный Капказ», и о чем ни заговорит, тут и песней поясняет, ежели сам голосистый, и словно картину пишет. А волчата учатся да подтягивают несмело. А сверху на них смотрит то же небо, что и дома, тот же Ковш перевернутый, тот же Батыев Шлях. Они, может, и ярче здесь даже. А все не то. Степи-то — далеко-далеко отсюда!

Вспоминаются густые лиловые сумерки. На линейке необычное оживление. С одной стороны — кадеты 1-й сотни, там 2-я, а мы отдельно, еще дальше. Было это по случаю приезда каких-то высоких гостей. Идет соревнование в пении между сотнями. Мы пыжимся изо всех сил, помогает нам и кто-то из наших вице-урядников, кажется — С. Похлебин, что ли. Потом вступает 2-я сотня, а все завершает мощный хор первой. Много

пели, и грустных, и залихватских. В конце «Много лет Войску Донскому» переходит в бурное «Славьтесь, славьтесь, казаки-удальцы природы!» В тот вечер и мы заработали немало горячих аплодисментов и «утешительный» приз — груду апельсинов. Ну где же нам было тягаться со старшими! Но веселые и возбужденные мы расходились по палаткам и в этот вечер долго не могли уснуть. Песни оживили воспоминания, всюду были слышны рассказы о родных хуторах и станицах, и никто не пытался гасить это пламя сухим приказанием: «Тушить огни, прекращать разговоры!» Чуткое было у нас начальство — небось и самих разобрало!

За время пребывания в Египте, большая часть кадет побывала в Каире. Покатались на верблюдах, снимались группой в горделивых позах на пирамидах и около сфинкса. В Каире осматривали знаменитый музей с десятками мумий и также громадный Эль-Азхар, мусульманский университет.

Ездили и в Палестину, в Иерусалим. В этой поездке принимал участие главным образом кадетский хор. Им управлял, прозванный впоследствии «Сарацином», Н. Верушкин, способный, серьезный регент. Хору выпала редкая честь — петь литургию в Храме Гроба Господня. По приезде малышей разместили, насколько помню, в женском монастыре на Елеонской горе. Перед отъездом, почти каждый из них получил от русских монашек по подарку, главным образом, вышитые гладью самими монашками думки. Для монашек это было большое событие — снова услышать родную русскую речь. Не помню, где размещались старшие кадеты. На литургию хор несколько опоздал и должен был начинать с «Херувимской». А до прихода кадет на левом клиросе отчаянно завывали греки. Служил сам патриарх Иерусалимский в сослужении с несколькими митрополитами и архиепископами. Кадетский хор был уже готов вступить с «Херувимской», но снова взвыли греки на левом. И вот тогда, в полной тишине, нарушаемой только их воплями, раздался громкий полушепот, как говорили, самого патриарха, обращенный к левому клиросу, и почему-то на английском: «Шат ап!», т. е. «Заткнитесь!» Наш хор запел Херувимскую. После службы патриарх отколол от Гроба Господня кусочек специальным золотым молоточком и преподнес это предста-

вителю нашего корпуса с тем, чтобы это было вложено в основание иконы. Впоследствии этот образ Воскресения Христова был передан 2-му Донскому кадетскому корпусу, перенявшему и наше шефство, и всегда находился в центре храма на аналое.

Помню, как по какому-то случаю в лагере была устроена выставка предметов кадетского «производства». Тут были и мастерски исполненные географические карты, и шахматы, вытесанные из местного мелового камня, и много рисунков, картин, деревянной посуды — чего тут только не было! Особенно, помню, отличалась тогда 2-я сотня.

Работал и театральный кружок, созданный старшими кадетами. Особенно запомнилась постановка «Романтиков» Ростана. Как странно, что многие из нас, малышей, жадно впитывали, хватали на лету и на всю жизнь запомнили многие строки этой пьесы.

И в тот же самый вечер в театральном бараке — чтение стихов. При гробовом молчании кадет, в длинном тростниковом бараке, под небом сирийской пустыни, полились звучные рифмы и чеканный русский язык: Лермонтов, Пушкин, Тютчев. А потом перешли к современному, к тому, что теперь мы называем Серебряным веком русской поэзии: Блок, Ахматова... Но среди блесток и жемчужин вдруг резким диссонансом, дошедшим до нас, несмышленышей, ворвалось брюсовское:

«Каменщик, каменщик в фартуке белом . . . »

Во время чтения этих стихов кадетом, раздались недовольные замечания, потом шиканье, свистки и, наконец, требование прекратить эту «пропаганду». Кричали с мест: «Долой декадентщину — мы из-за нее здесь сидим!» и еще что-то в этом роде. Этим, кажется, вечер и закончился. Негодование вылилось не только на автора, но и на кадета, читавшего эти стихи, совсем уж незаслуженно. Я вот упомянул о диссонансе, «дошедшем и до малышей». Да, несмотря на возраст, даже мы распознали в этих строках что-то похожее на то, что каждый почти слыхал где-то из уст агитаторов. Мы не знали, конечно, ни кто такой Брюсов, ни того, что этот Брюсов — член ВКПБ с 1919 года и не могли предполагать, что через 2 года его пя-

тидесятилетие будет отмечено вручением ему грамоты от «рабоче-крестьянского» правительства. Но вот нюх и тогда был безошибочный, и я с гордостью вспоминаю это теперь, смотря на девиз нашего корпуса: «Верны заветам старины!»

Почти все свободное от занятий и купанья время кадеты занимались спортом. Вспоминается мне один из наших гимнастических праздников. Его устраивали на футбольном поле. Съехалось много гостей — англичане, французы, итальянцы и греки. Надо заметить, что администрация Суэцкого канала почти сплошь состояла из французов, и только отчасти из итальянцев. Вот они-то и посетили теперь наш праздник. Стоявшие поблизости полки прислали делегации, а шотландцы — свой оркестр волынщиков. Был и у нас свой хор трубачей, особенно обогатившийся духовыми инструментами, полученными в подарок от Морского корпуса, который приблизительно в это время был расформирован. Шотландцы перед началом празднества прошли по полю церемониальным маршем. Не забыть величественного тамбур-мажора в леопардовой шкуре с раззолоченным жезлом, белые гетры и юбочки, непривычные для уха звуки волынки и непревзойденных виртуозов-барабанщиков. Как ловко они подбрасывали палочки высоко в воздух и ловили их, в тот же момент опуская их градом на кожу барабана и рассылая в воздух пулеметные очереди... Незабываемое зрелище! Затем следовали кадетские вольные движения всем корпусом, а потом только старшими кадетами — как все это было красиво и четко! Вольные движения выполнялись под наш оркестр, и я до сих пор помню мелодию — да разве можно забыть все то, что связано с жизнью родного корпуса? Затем последовала работа кадет на снарядах — мускулы, казалось, не участвовали в ней, настолько она была плавная и невесомая. Здесь же около снарядов гости стреножили своих коней или же дали малышам подержать их, и какое это было для маленьких степняков счастье! Степняки жались к коням и интересовались ими, пожалуй, больше, чем тем, что происходило на поле.

Самым популярным видом спорта у нас был футбол. «Гоняли» мяч буквально все и чуть ли не всегда, даже идя в класс. Самые крохотные (был у нас и приготовительный класс из Дон-

ского пансиона) гоняли всякое подобие мяча, сооружая его из тряпок. А приехали кадеты, имея довольно слабое понятие о футболе. Дело в том, что в Новочеркасске хотя и играли, но мало. В общем, скажем — приехали неучами. Первыми учителями оказались игроки из бурмийского полка и еще какие-то индусы. Те никаких «бутсов» не признавали и босиком били мяч зверски, страшно становилось. Постепенно с ними и на них тренировались наши кадеты. Вначале, конечно, учителя избивали наших футболистов как хотели, гол за голом, позор за позором. Но время шло и подошел, наконец, момент, когда ученики почувствовали в себе силенки. А в это время случилось так, что английский суперинтендант лагеря, мистер Крэгг начал спорить с кадетами, что им никогда не победить бурмийцев. Держали пари на хороший обед, чуть ли не с шампанским, и наши выиграли. А выиграть было нелегко. Нападение бурмийцев было стремительным, они вырывались вдруг вперед с дикими криками: «Бурма!» и никакая натренированная пасовка вначале не помогала. Как жаль их было потом: они плакали как дети. Мистер Крэгг сдержал слово и угостил нашу команду обедом, а бурмийцам, с чисто британской колониальной снисходительностью, выдал по плитке шоколада. После этого наша команда начала играть со всеми командами в округе и, как ни странно, лупить их. Задранные было носы, однако, пришлось потом опустить, когда приехала команда английских королевских летчиков — те всыпали 11-0. Это не умерило пыл у наших, и они потом ездили сражаться со всеми арабскими хорошими командами в Каире. Результатов не помню. Официальных команд у нас было три. Первая в фуфайках георгиевских цветов, остальных не помню. Была еще команда, составленная, между прочим, из очень неплохих игроков — они называли себя «командой непризнанных талантов». В первой команде были «звезды». Орлом летал правый край Тулаев, чуть ли не перепрыгивавший с разгона через голову летящего на него противника. В форвардах классически-спокойно водили мяч Мацкевич и красавец Коля Ляшенко. Зверски, жестоко, хотя и наружно-спокойно бил мяч Герштенцвейг. Изящно играл «Вячка» Алимов.

С футболом у всех нас связано и неприятное воспомина-

ние, закончившееся почти трагично. Как-то в шутку наш директор решил сколотить команду из воспитателей. Забавно, что служащих военно-учебного персонала у нас всегда называли «зверьми», или «лавочкой». Итак, «звери» решили выступить против кадет. Голкипером стал сам директор. Все шло хорошо и весело, смеху было достаточно. Помню, что один из «беков», в защите, стоял неповоротливый с виду и очень полный войск. старшина Хмарин, проявивший неожиданную легкость и проворство в игре. И вот случилось так, что мяч попал к одному из наших «опасных» игроков, и тот, позабывшись и не рассчитав силы удара, влепил невероятно сильный мяч прямо в живот директору. Генерал упал, его сразу же увезли в госпиталь. Не помню уже, оперировали ли его или нет, во всяком случае, ему пришлось долго пролежать в госпитале. Больше уже «звери» с кадетами в футбол не играли. А что должен был переживать тот кадет, который случайно позабыл с кем играет!

Помню еще один случай в связи с футболом. Это было недоразумение на почве нашего слабого знания языка. В то время мы, конечно, были убеждены в своей правоте и в том, что противник нас старается надуть. Дело в том, что по воскресным дням мы часто ходили в Измаилию, на футбольное поле, где состязались греческие, французские и арабские команды. В один прекрасный день подошел к нам какой-то грек и предложил, чтобы в следующее воскресенье наши «бойс» сыграли против греческих «бойс». Мы это поняли по словарику — т. е. как предложение нашим мальчикам, малышам сыграть против греческих малышей. В следующее воскресенье мы выставили на поле команду чуть ли не моего класса и спокойно ждали появления таких же карапузов. Каково же было наше изумление, когда на поле прибыли здоровые парни с версту ростом и почти бородачи! Откуда мы могли знать тогда, что слово «бойс» означает также и «парней», «ребят»? Возмущению нашему не было тогда границ. Мы волновались, орали и обвиняли бедных греков в том, что они хотели нас обмануть. Помню, как кто-то особенно бесновался и, не думая понимают ли его греки или нет, вопил: «Сказано было бойс, значит и должны были прислать своих бойсов»! Со свистом и улюлюканием

греки были изгнаны малышами с поля. Теперь, оглядываясь на прошлое, стыдно, что мы так осрамились в отношении знания языка.

Всем, или почти всем, пришлось переболеть в Египте «куриной слепотой» или чем-то вроде этого. Поговаривали, что это — отголосок самума, бушевавшего где-то далеко, в Сахаре, и принесшего сюда, как пулю на излете, поток песку, поражающего на некоторое время зрение. Не знаю — правда это или же фантазия. Во всяком случае, с наступлением темноты мы теряли способность различать окружавшие нас предметы, натыкались на колышки палаток, расквашивали себе носы и лбы и вообще выходили из строя до утра. Ночью глаза сильно гноились, так что утром приходилось их промывать какой-то пакостью. После этого долгое время мы носили специальные очки с темными стеклами и частой сеткой сбоку, защищавшей глаз. А потом зрение становилось нормальным и никогда больше эта болезнь к нам не возвращалась.

Донимали москиты — ой, как донимали! Но нам выдали потом особые сетки, закрывавшие пологом всю кровать и подвешивавшиеся к потолку палатки. Теперь я их часто вижу в африканских фильмах и невольно вспоминаю Египет.

Вспоминается один случай, закончившийся трагически для одного из наших кадет. Изредка кадеты приглашались в дома служащих Компании Суэцкого канала. Мне, малышу, удалось только два раза побывать в одном из этих домов, и только как певчему. Старшие же кадеты приглашались конечно чаще. Это были обычно вечеринки, на которых выступали и хозяева и гости, всякий, кто обладал каким-нибудь талантом. Пели, танцевали, играли на рояле. Слуги-арабы в бурнусах и чалмах разносили среди гостей прохладительные напитки. Кадетам перепадало и виски с содой, а нам, малышам, лимонады да шербеты. Нужно сказать, что вообще с алкоголем мы познакомились гораздо позже, уже в Югославии. А тут не давали даже пива, и воспитатели за этим строго следили. Правда, мы сами делали что-то вроде настойки на финиках, запечатывали бутылки и зарывали их в песок. Получалось что-то вроде ситро, только крепче. А иногда забудешь о бутылке, или же не найдешь ее, так как песок затягивает; а потом будит

тебя ночью выстрел — это бутылке надоело в песке сидеть, она и вылезет, а пробка — в потолок! Но, как правило, с алкоголем мы не были знакомы. Итак, возвращаюсь к вечеринкам. На одной из них кадет Костя Греков влюбился в красивую итальянку. Костя всерьез принял весь арсенал женского кокетства — и потупленные глазки, и улыбки, и кто знает, может быть, и поцелуй украдкой. И Костя решил жениться. Но сердце его «симпатии», как называли тогда, было не то отдано другому, не то просто ей было совершенно ясно, что брак с безвестным русским беженцем ничего хорошего ей сулить не может. Во всяком случае, Косте было отказано, и он решил покончить с собой. В этом отношении в семье вообще было что-то неблагополучное, так как и его брат и еще кто-то из членов семьи также покончили жизнь самоубийством. Чтобы привести план в исполнение Косте надо было заполучить винтовку с боевыми патронами, а это было не просто — нужно было быть в карауле или же наказанным, в боевой. Насколько помню, Костя добился именно последнего и таким образом получил доступ к винтовке. Случилось так, что в то злосчастное утро я вышел раньше из столовой, нес чай кому-то из оставшихся в сотне. Выстрела я не слышал, как ни странно. Я видел только как из караульной палатки выбежал кто-то, упал на песок возле часового и как кровь выходила из горла, перемешиваясь с песком и снова, вдыхаемая, возвращалась в горло. Костя крикнул что-то вроде: «Больно, больно!», но другие потом утверждали, что он крикнул: «Коля, Коля!», зовя своего брата, который еще раньше в России покончил с собой. Выяснилось, что он снял ботинок и пальцем ноги нажал на спуск. Через короткое время Костя был мертв. Мертвецкой у нас не было и тело положили по соседству с нашим классом, где происходил урок. Я помню как на переменке мы влезали на скамейки, и через стенку тростникового барака с ужасом разглядывали Костю. Хор трубачей и кадеты провожали несчастного друга на городское кладбище. За гробом, вся в черном, шла женская фигура — невольная виновница его смерти.

Вспоминается и еще одна печальная история, закончившаяся смертью моего же однокашника Артеменкова. Мы дразнили его «Мартышкой», — как-то весь заросший волосами,

узколобый и длиннорукий, он и впрямь напоминал мартышку. Отличался он быстротой бега. Помню, однажды гонялись за шакалом, забредшим в расположение лагеря, — так «Мартышка» был единственным, кто не только догнал его, но некоторое время даже бежал наравне с ним. Тут-то прозвище окончательно укрепилось за ним. Как-то ночью лагерь 3-й сотни был разбужен дикими воплями. Всполошились, выбежали из палаток. Из одной выбежал кадетик с окровавленной головой. На расспросы отвечал, что на него, кажется, напал с ножом араб. Раненого отправили в госпитальную палатку. Рана не похожа была на ножевую, была неглубокая и по форме напоминала треугольник. Генерал Черячукин приказал старшим кадетам залечь в следующие ночи с винтовками сразу за лагерем, близ 3-й сотни. Караулы высылались каждую ночь, но все было спокойно, и вскоре караулы сняли. А когда сняли — повторилось то же самое, в другой палатке. Теперь малыш уверял, что его укусило какое-то животное. Одним из раненых оказался наш «Мартышка», а другим кадет Крюков из 3-го класса. Еще прошло некоторое время, и нападение повторилось снова. Третий кадет уверял также, что это какое-то животное. По лагерю поползли слухи о бешеной гиене. Казалось странным, что животное в состоянии бешенства может хитрить, увиливать и что до сих пор никому не удалось его увидеть. Этот слух имел некоторые основания, в чем я убедился недавно, получив письмо от своего друга, инженера Филина, бывшего в то время кадетом 2-й сотни. По выезде из Египта, Аркадий Филин встретился с каким-то русским, долгие годы прожившим в Египте, и тот ему рассказал следующее: в определенное время года гиены часто рыщут, отыскивая своих пропавших, заблудившихся детенышей. Делают это они по ночам, и поэтому вполне возможно, что к нам тогда забрела гиена. Даже не будучи бешеной, она могла разносить на своих зубах бациллы бешенства. Как бы то ни было, и пострадавших и санитаров, обмывавших им раны, всех скопом отправили в Каир, в клинику для получения серии профилактических уколов. Но кому охота, чтобы ему в тело вгоняли иглу? В результате только часть кадет прошла через все танталовы муки, другие частично отбоярились, а «Мартышка» умудрился отделаться, кажется, тре-

ми укслами. Он очень этим гордился. В описываемый мной день я был дневальным и обходил палатки прежде, чем идти на ужин. Увидел «Мартышку» — тот свернулся калачиком, его трясло. Я предложил ему принести ужин. Он сказал, что непрочь, если там есть что-нибудь вкусное, а от чаю отказался наотрез, даже с гадливостью поморщился. Через час его увезли в лазарет. Часов в восемь я пошел проведать его. Не знаю, узнал ли он меня, только силился что-то сказать. На губах у него была пена. Я вытирал ему пену, налил воды в стакан, поднес к его губам, но он оттолкнул мою руку, страдальчески поморщился и все время твердил: «Хрс . . . Хрс . . . » Почему-то я решил, что он просит дать ему крест и, сняв свой с шеи, протянул ему. Он снова оттолкнул мою руку. А к 5-ти час. утра «Мартышки» уже не стало.

С давних пор в кадетских корпусах уже не существовало порки и вообще телесного наказания. Это кануло в вечность. Нас, малышей, наказывали тем, что ставили «на штраф», а старших кадет «в боевую», т. е. под винтовку. Кроме того и одних и других могли заставить выполнять какой-нибудь «наряд», работу или же, скажем, оставить без купанья. Последнее было особенно ощутительным — поплавать в канале было для нас большой радостью. Других мер наказания я не помню. Но . . . был один случай, когда по решению директора корпуса дело закончилось «всенародной» экзекуцией, поркой. Все это произошло в присутствии выстроенных сотен и с чтением официального приказа. «Эшафота» не было — сняв штаны, ложись прямо на песок. Должность «палача» выполнял один из старших кадет. Вот об этом печальном случае я и расскажу сейчас.

На пищу пожаловаться было трудно, хотя способ ее приготовления изысканностью и разнообразием не отличался. Всего было вдоволь, а если мы и рыскали в поисках пищи, так это потому, что в этом возрасте ты вечно голоден. Но был серьезный пробел в питании — не было свежих фруктов, витаминов. Пища была, главным образом консервированная. Красный Крест добавил нам потом чашку какао с булочкой, но фруктов мы так и не получили. Правда, перед самым лагерем, на шоссе, стояла тележка «контрактора», продавца разной

снеди, включая и фрукты, но для этого требовались деньги, а их не было. Недалеко от лагеря были и две рощи, апельсиновая и финиковая, но они хорошо охранялись.

Здесь расхаживали суданские негры-гиганты, с кривыми ножами у пояса и со зверскими рожами. А после того, как один из малышей вернулся в лагерь с прорезанной чуть ли не насквозь ладонью — всякая охота производить набеги на рощи пропала.

Читатель поймет, какие чувства испытали малыши, узрев однажды на горизонте караван верблюдов груженных мешками с апельсинами. Слово «апельсины» взбудоражило всех и кто-то из Разиных подал команду: «Сарынь на кичку! Строй лаву, пики к бою!» Лава понеслась навстречу каравану. Погонщики не успели сообразить в чем дело, а верблюдам было наплевать, даже еще лучше, если груза будет поменьше. Разины вернулись с богатым «дуваном». Наконец, вожаки каравана подняли вой и сейчас же пожаловались корпусным властям.

Директор наш был человеком решительным, половинных мер не признавал и казачьей стариной интересовался по книгам. Достопамятным результатом нашего удалого набега и была упомянутая экзекуция. Так как пороть человек сорок было бы просто не под силу, директор решил выпороть четырех, — имена же их, Ты, Господи, веси — и так как желающих на должность палача не было, назначил своей директорской властью. Экзекуция была жестокой. Порка была как следует, но к чести Пугачевых надо сказать, что никто не издал ни звука. Вспоминаю, что старшие кадеты, а в особенности корпусное «традиционное» начальство, т. е. выбранный кадетами «атаман» Шляхтин — были крайне возмущены примененной к малышам мерой наказания. Главным образом все были обозлены на участие в порке старшего кадета, вице-урядника К. Среди малышей потом ходили слухи, что «атаман» устроил К. жесточайший разнос, вызвав его за лагерь в расположение кухни. Так закончился наш не совсем удачный набег, и в нашем отношении к директору появилась тогда некоторая трещина. Нам казалось, что с нами поступлено было слишком строго. Мы могли ожидать чего угодно — штрафа, ареста, нарядов, дне-

вальств-дежурств, но никак не телесного наказания, унижающего человеческое достоинство. Да мы и не сознавали всей тяжести проступка, приравнивая это к обычным набегам на домашние бахчи и огороды у себя дома. Надеюсь, что следующие поколения, прочитав эти строки, примут во внимание все обстоятельства и условия жизни, в которых проходило наше . . . не скажу «детство» — потому что нас обворовала Судьба, лишив нас нашего детства. Пусть не судят нас слишком строго за наш поступок.

С арабским населением контакта у нас не было, если не считать Айята. С любовью вспоминаю этого араба-христианина лет шестнадцати, который доверчиво тянулся к нам, кадетам. Он чуть не каждый день появлялся вблизи лагеря, усаживался на берегу Крокодильего озера, вынимал из халата засаленное Евангелие на арабском языке и пытался разговаривать с кадетами на религиозные темы. Он немного лопотал по-английски, а мы пересыпали свою речь арабскими и английскими словами, и, как ни странно, как-то объяснялись, и Айят оставался доволен.

Вообще же арабы избегали появляться около лагеря, в особенности после того, как наш генерал так решительно разделался с целым кварталом скупщиков краденного. Невдалеке от лагеря, по ту сторону небольшого искусственного канальчика, впадавшего в Крокодилье озеро, стоял какой-то завод. Арабы, работавшие там, не могли позабыть того, что приключилось с их собратьями, а может быть даже и родственниками. При встрече с кадетами они бросали злобные взгляды, а малышей осыпали отборными ругательствами, в которых и мы от них не отставали, в совершенстве постигнув эту науку на трех языках. Перебранка бывала виртуозной. К чести малышей надо сказать, что они никогда в долгу не оставались, и если желаешь драться, — то пожалуйста! Малыши в таком случае отступали на дюну, что лежала за лагерем и начинался бой. Со стороны арабов летели гайки, которых около завода было великое множество, а казачата возвращали эти же гайки по назначению. Противник почти всегда отходил с уроном, несмотря на значительный перевес в силах и, главное, в возрасте. Однажды «сражение» затянулось настолько, что вся третья

сотня не явилась на ужин, и тогда пришлось послать старших кадет на подмогу, и на разгон своих же.

Больше всего контакт поддерживался с местной французской колонией — служащими администрации канала. Милейшая пара — супруги Лашиш вызвались добровольно преподавать французский язык, и их предложение было принято с глубокой благодарностью. Госпожа Лашиш преподавала французский до самого нашего отъезда и пользовалась большим уважением и любовью в среде кадет. Слабый контакт был и с местной греческой колонией. Это выразилось в взаимном посещении церквей — мы несколько раз пели в греческой церкви и, кроме этого, бывали на их празднествах. Для этого наш хор специально разучил тогдашний греческий гимн.

Изредка ходили в городское кино. Шли строем, должны были быть одетыми по форме, надраивали до блеска пуговицы мундиров. Картины были фактически одной и той же серией, под названием «Сэ ла ви э сэ ла мор». Кроме того что-нибудь сильно-комическое и затем неизменный Шарпантье. И в то время это увлекало и нравилось.

Хочется отметить и маневры, устраиваемые по инициативе нашего директора. В общем это были так наз. военные игры, но мы, малыши, любили называть это маневрами, это больше импонировало. Особенно запомнились одни такие «маневры», в которых и мы принимали участие. Они начались рано утром и закончились поздно вечером. На командном пункте вместе с ген. Черячукиным, хор. Чеботаревым и другими корпусными офицерами, были и английские офицеры из соседних полков. В тот день директор был на прекрасном коне в сопровождении двух вестовых, красавцев-индусов в великолепных тюрбанах. Я могу рассказать только о том, в чем мы принимали участие. Задачей 3-й сотне было поставлено — захватить лагерь противника, т. е. наш собственный. Малыши предлагали просто налететь лавой, но высшее командование на наше лихое предложение внимания не обратило. Предварительно все сотни были выведены из лагеря, и 1-я сотня заняла «позиции» в сторону предполагаемого противника. Нами командовали вице-урядники Данилов и Похлебин — мы были разбиты на два отряда. Прежде чем захватить лагерь надо было «взорвать железную

дорогу», что и было, конечно, «блестяще выполнено», а потом, когда уже смеркалось., мы под командой Похлебина направились в обход, чтобы захватить лагерь не с той стороны, откуда нас ожидали, а с противоположной. Для этого наш командир повел нас через искусственный канальчик и затем вброд через Крокодилье озеро. Переходили при лунном свете. Возбуждение среди малышей было предельное — мы переживали эти маневры, как настоящую войну. Перейдя озеро, пришлось по песчаной косе пробираться к берегу, и затем мы победоносно ворвались в пустой лагерь. Нам не хотелось верить, что все это заранее известно и предопределено командованием — слишком горды мы были своей победой. Весь «успех» мы приписывали необычайной сметке нашего лихого вице-урядника Похлебина. Пережитого за день возбуждения было более, чем достаточно, и нас отправили на боковую в то время, как старшие сотни остались на разборе задания и его выполнения.

Часто я задавал себе вопрос — а любили ли мы нашего директора? Твердо знаю что прежнего — генерала Чеботарева, умершего от тифа в Новороссийске, мы искренно любили. В случае же ген. Черячукина. я на этот вопрос сразу, пожалуй, даже ответить не могу. Чувство было довольно сложного порядка. Прежде всего мы, малыши, его побаивались, и старались избегать с ним встречи, так как за малейшую провинность он имел обычай угрожать нам своей суковатой палкой, крича что разделается с нами «историческим костылем». Упоминание этого «костыля» без фактического его применения наводит на мысль, что эта угроза была скорее шутливого характера. Как относились к нему наши старшие кадеты — не знаю. Но, все мы безусловно восхищались его неукротимой энергией и решительностью. Он всегда помнил, что он офицер русской армии и требовал по отношению к себе уважения. Случалось, что он намеренно подчеркивал свое звание в присутствии иностранных офицеров, которые уже были непрочь относиться к русским изгнанникам с известной снисходительностью. Этого генерал не прощал и всегда ставил таких господ на свое место. Особенно это было заметно в последние дни нашего пребывания в Египте, когда уже становилось ясным, что англичане не желают больше содержать корпус. Заметно это было и ранее,

когда ему на голову сажали какое-то гражданское полуначальство, в виде разных «суперинтендантов» и заведующих. Об этом я расскажу позже — и на этот раз не то, что известно мне лично, а на основании рассказа лично посвященного в эти дела адъютанта корпуса, хор. Чеботарева. Он служил и переводчиком, и кому как не ему знать об этом во всех подробностях, а их он изложил в своей книге «Россия — моя Родина», чем я, с его любезного разрешения, и воспользуюсь. Теперь же, следуя эпиграфу «Не помня зла, за благо воздадим», вернусь к нашему директору. Был он безусловно строг; может быть, в случае нашей «экзекуции» и перегнул палку, но знаем также, что искренно заботился о нас, а о своих личных выгодах думал мало, что и доказал своим поведением до самой смерти.

Из воспоминаний проф. Чеботарева следует, что ген. Конгрив, Командующий британскими войсками в Египте, очень благосклонно относившийся к русским, находился, тем не менее, в крайне затруднительном положении — с одной стороны ему не хотелось ставить русского генерала в неудобное положение при разных конфликтах с местными и английскими властями, т. к. все эти лица, и гражданские и военные, были младше ген. Черячукина по положению и званию. С другой стороны, британские войска стояли в Египте уже только одной ногой, переложив значительную часть административных дел на египетскую администрацию. В то же время они все еще несли ответственность за все поступки нашего корпусного начальства. Поэтому разбор жалоб, поступавших в связи с энергичными мерами нашего генерала, как напр. в случае со скупщиками обмундибования, был для ген. Конгрив очень щекотливым делом. И тут, на перепутье, ему явился шестикрылый серафим во образе английского пастора и представителя Англо-русского Красного Креста г. Роланда Крэгга. Ген. Конгрив убедил Крэгга обосноваться в нашем лагере, переняв на себя ответственность за корпус с тем, однако, чтобы не вмешиваться во внутренние дела корпуса. Крэгг, очень интересовавшийся русским вопросом и когда-то ездивший в Россию в составе духовной миссии по вопросу соединения англиканской и русской православной Церквей, согласился на это предложение и переехал в наш лагерь, открыв в нем свою канцелярию. Наш ла-

герь был переименован в Русский школьный лагерь, а мистер Крэгг взял на себя обязанности суперинтенданта. В очень скором времени между ним и ген. Черячукиным начались трения. Хорунжий Чеботарев старался уладить это и предлагал компромиссные решения, но обе стороны, как говорится, лезли на рожон и отклоняли его предложения. Дошло до того, что, в конце концов, хорунжий сложил с себя звание адъютанта, согласившись остаться только переводчиком и преподавателем английского языка.

Вскоре положение осложнилось с прибытием нового действующего лица — священника и представителя Общества христианской молодежи, американца Артура Симмонса. Судя по словам проф. Чеботарева, именно благодаря стараниям Симмонса и его жены, мы получили ту громадную палатку для комнатных спортивных игр, о которой я рассказывал. Кадеты от этой «маркизы» были в восторге и проводили там много свободного времени, играя в пинг-понг и другие игры. Этот подарок сыграл большую роль в популярности супругов Симмонс среди кадет, и в то же время это расхолодило отношения Симмонса с Крэггом. Тот чувствовал в этом большое несоответствие — то, что давалось англичанами каждый день, т. е. довольствие, обмундирование, палатки, содержание всего огромного лагеря (было нас около 450-ти человек) — все это, казалось, не вызывало такого энтузиазма среди кадет, как злосчастная маркиза, сразу завоевавшая их сердца. Обмен мнениями между Симмонсом и Крэггом был не особенно дружеским, вследствие чего Симмонс решил покинуть лагерь и вернуться в США.

Но еще до его отъезда произошел любопытный случай. Через Симмонса время от времени приглашались в лагерь профессора и лекторы, которых посылало Общество христианской молодежи в Каире. Среди них оказался и баптистский проповедник, только что возвратившийся из Китая, фанатик своего дела. В самом начале лекции Симмонс чувствовал себя крайне неловко, опасаясь, что баптист может нехотя оскорбить религиозные чувства русской молодежи. Но к счастью лекция проводилась на английском языке, а единственными кто знал этот язык были: сам Симмонс, полк. Невядомский и хор. Че-

ботарев. Переводчик, хор. Чеботарев заверил Симмонса, что сделает все от него зависящее, чтобы лекция прошла гладко. И он остался верным своему обещанию. Баптист рассказывал между прочим о русской девушке, которая с готовностью отказалась от своей веры, как только услыхала проповеди баптистов. Симмонс уже поднимался со своего места, чтобы прервать лектора и предотвратить неминуемый скандал. Но полк. Невядомский удержал его за рукав и предложил выслушать перевод речи. А хорунжий спокойно перевел — «Несмотря на все ухищрения проповедников, русская девушка не отреклась от своей православной веры . . .» Кадеты бешено рукоплескали, директор улыбался а проповедник был счастлив — наконец-то где-то его слова достигали своей цели . . . Закончил он свою проповедь словами: — «Отбросьте веру отцов, присоединяйтесь к нам!» Не моргнув глазом, хорунжий перевел: «Будьте стойки — никогда и ни за что не изменяйте вере своих отцов!» Гремели рукоплескания — такого успеха проповедник, конечно, не мог ожидать. После лекции полк. Невядомский объяснил мистеру Симмонсу, что вся эта комедия была совершенно необходима. Не будь этого — в лучшем случае проповедник был бы препровожден за черту лагеря под усиленным конвоем — донцы бы его поколотили, и как! Выслушав доводы полковника, Симмонс был вынужден признать, что переводчик сумел найти блестящий выход из крайне затруднительного положения и от всей души поблагодарил хорунжего за эту услугу.

Рокочет, разливается песня над лагерем, доносясь из расположения первой сотни —

«Ах ты батюшка наш, славный тихий Дон!
Ты кормилец наш Дон Иванович!
О тебе лежит слава добрая — да эй!
Слава добрая, речь пригожая . . .»

Как странно слышать это на берегу Крокодильего озера и в ста метрах от Суэцкого канала . . .

«Что ж теперь, ты наш Дон, не быстер текешь?
Помутился Дон сверху до низу . . .
Помутился Дон да все до устьица,
Да до города до Черкасского . . .»

А над ухом бубнит кто-то из соседней палатки: «Слышь, Колька, ты во время просыпайся, а то без тебя уйдем!» Это «рыбачья ватага» в дело собирается, а вставать придется чуть ли не в половине четвертого, когда сон самый сладкий! И снова гудит-течет, смешиваясь с плеском чужих, равнодушных волн:

«Возмутился Тихай Дон да донской казак,
Свет Игнатьюшка да Иванович . . .
Уж он пишеть скорую грамотку —
Не пером он ведеть, не чернилою,
Жгеть Некраса слязою горючею
К князю-графу да Долгорукому . . . »

«А ну, туши огни, прекращай разговоры!» и лагерь понемногу погружается в сон. Только равномерные удары по воде — это арабский рыбак глушит рыбу. Ну, нам не помешает — мы в канальчике будем ловить, гораздо правее отсюда. И вот, кажется, не успел ты сомкнуть глаз, а бисова дитина Чернов уже будит. Еще светит луна, а мы — человек двадцать — вот это по старинке и есть «ватага» — шагаем из лагеря. Располагаемся вдоль канальчика. Мне самая что ни на есть последняя роль — бегать от одного к другому, подхватывать да насаживать рыбу на кукан. А то ведь — городское дитя — ну где ж ему поручишь что-либо путное делать! Авось хоть это-то сумеешь! Сумел, насаживаю. А настоящие степнячки — те в этом деле с самого детства поднаторели. Дергают себе раз за разом, только принимай!

Помнится, как-то на одной из перемен между уроками, из портняжной мастерской, что была расположена около нашего классного барака, вышел урядник Персидсков и позвал малышей помочь ему разложить на песке для проветривания старое обмундирование. Он вынимал его из громадных продолговатых ящиков и передавал его нам, а мы несли к кухне, где и раскладывали его. Сначала мы это делали с неохотой. Оказалось, что это какие-то чекмени и мундиры. А через несколько минут нас буквально нельзя было от этой работы оторвать. Рассмотрев обмундирование, мы вдруг увидели, что оно времен Отечественной войны 1812 года. На подкладках чекменей и мундиров зачастую можно было прочесть фамилии их владельцев. Многие из них носили на себе следы пуль и прорезы шаш-

кой, а иногда и ржавые пятна от запекшейся крови, которые время пощадило. Мы так увлеклись этим, что даже опоздали на урок, а на следующей переменке снова понеслись к чекменям. Ведь перед нашими глазами неожиданно встала сама история, — слава наших же прапрадедов. Предполагаю, что это была часть, если не все экспонаты музея Л. Гв. Казачьего полка, которые впоследствии отыскали себе путь в Париж, где они сейчас и находятся. На нас это произвело очень сильное впечатление.

Настоятелем нашего корпусного храма и законоучителем сначала был оренбургский казак — в памяти не сохранилось его имени и фамилии, — ведь когда же это было! Именно этому священнику мы были обязаны тем, что была организована поездка в Иерусалим и приглашен талантливый регент Н. Верушкин. Это был исключительно энергичный человек и с большим чувством юмора — кадеты его очень любили и почитали. Впоследствии он почему-то уехал в Европу, и на его место приехал о. Петр Голубятников. Ко двору он не пришелся. Малыши его не взлюбили, а старшие кадеты также не смогли найти в нем духовного отца по целому ряду причин, но о них теперь распространяться в подробностях не стоит.

Во время маневров, проводимых британскими войсками, был на них приглашен в качестве почетного гостя и наш директор. Бывший наместник Египта, лорд Алленби, по окончании маневров, во время прохождения войск церемониальным маршем стоял с женой генерала Черячукина, а ген. Черячукин стоял с женой лорда Алленби. Вскоре после этого был устроен парад нашего корпуса в присутствии бригадного генерала, командира Измаильской бригады. Помню, что у него не было руки и вместо этого висел стальной крючок, которым он ловко оперировал. Ему почему-то понравился один из малышей, кадет Зуев (говоривший между прочим без акцента по-арабски, да и вообще проявлявший исключительные способности к языкам) и генерал по окончании парада прихватил Зуева своим крюком, притянул и увез его на обед.

Вспомнился день, когда корпусу было приказано выстроиться на берегу Суэцкого канала, при впадении его в Крокодилье озеро. В этот день встречали высокого гостя — принца

Уэльского, который должен был проследовать на военном судне. Все британские войска были построены шпалерами вдоль канала, в парадных формах и со своими оркестрами. Мы стояли на правом фланге Измаильской бригады, за нами — бурмийцы, сипаи, гурки и английские полки — Мидльсекский и Суррийский. На нашем правом фланге — кадетский хор трубачей . . . Для того, кто имел возможность тогда наблюдать сверху, с высокой насыпи у французского госпиталя — это представляло действительно красивое зрелище. В особенности эффектны были шотландцы и индусы в своих высоких тюрбанах. Ждать, в общем пришлось не долго, вскоре громадный дредноут «Император Индии», кажется тот самый, что стоял в новороссийской гавани, показался из-за поворота. На берегу послышались отрывистые команды командиров английских частей, гремели оркестры. А через пять минут огромное тело дредноута выросло перед донскими кадетами. Казалось странным, как он может пройти через такой узкий канал. Не помню уже, что именно играли наши трубачи, но хорошо помню поистине громовую команду генерала Черячукина, раскатившуюся над каналом и заглушившую, казалось, все трубы и волынки англичан. На капитанском мостике виднелась группа английских морских офицеров и среди них можно было легко разглядеть принца — в будущем короля Англии. Он сначала рассматривал нас в бинокль, а потом вытянулся и отдал честь. В это время сотни молодых глоток кадет Донского Императора Александра III Кадетского корпуса — корпуса названного в честь его же двоюродного дяди — разнесли над каналом громовое русское «ура».

«Так проходит слава мира» — и даже название дредноута «Император Индии» звучит теперь неправдоподобно и как бы насмешкой.

Вскоре после этого наше существование омрачила еще одна смерть: погиб под грузовиком общий любимец, кадет Полковников. Для получения продуктов изредка отряжался наряд из кадет на склад, находившийся где-то около Измаилии. Иногда при возвращении, желая выиграть время, кадеты на ходу спрыгивали с грузовика и прямо бежали в свою сотню — у всякого есть свои дела и заботы. Так было и в этот раз, но

бедному Полковникову не повезло: вместо прыжка в сторону и вперед, он попробовал слезть с задней части грузовика, сползая постепенно в сторону колеса. В результате ногу затянуло под колесо, которое и разорвало его в паху. До смерти, кажется, не забуду страшного вопля, разнесшегося над пустыней.

Итак, кроме него мы потеряли еще «Мартышку» Артеменкова, о чем я уже рассказывал, Костю Грекова, покончившего самоубийством (см. ранее) и одного офицера — полк. Артамонова. Ни имени-отчества, ни функций, им выполнявшихся — не помню. Полк. Артамонов скончался вскоре после нашего прибытия в Измаилию от какой-то болезни. Брат его занимал в Белграде пост Российского военного агента.

Всему приходит конец, пришел он и нашему пребыванию в Египте. Английское правительство решило не тратить больше денег на русских беженцев. Кроме того, приблизительно в это время образовался Отдел Лиги Наций по делам беженцев и начальником его стал известный полярный исследователь Фритьоф Нансен, по имени которого стали позже называться и беженские паспорта для переезда в другие страны. Можно было бы здесь указать на то, что небогатые страны вроде Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев приняли, однако, к себе громадное число русских беженцев. Могли бы это сделать и англичане, но . . . не сделали, несмотря на очень близкое родство британского короля с русским отрекшимся императором. Но — низложенные мало кого интересуют. Они интересуют только тех, в ком не угасает чувство родства или же благодарности. И вот король маленького королевства не задумался, а исполненный благодарности к когда-то великой, а теперь поверженной России, принял под свое покровительство русских. Как бы то ни было. — англичане от нас отделались, и наш отъезд из Египта был уже предрешен заранее. А так как содержать 450 кадет и значительное число обслуживающего персонала довольно хлопотно и накладно, то и решено было вообще расформировать корпус. Часть кадет (младшие классы) было решено передать английской школе в Турции, а старших отправить в Болгарию, откуда потом часть их попала в Чехословакию. Итак, опять все было свалено на славянские страны. Последние дни были очень грустными. Нам не хотелось расста-

ваться с насиженным местом, с благодатным климатом, с ласковым солнцем и пальмами, с Суэцким каналом и Крокодильим озером. Но от судьбы не убежишь. Грустно за день до нашего отъезда звучала, доносившаяся из расположения 1-й сотни, песня юнкеров сотни Николаевского кавалерийского училища:

«Серый день едва мерцает,
Скоро ночь придет . . .
Офицерство начинает
Свой ночной обход . . .
Впереди полковник бравый,
С ним хорунжих ряд.
Жаждой подвига и славы
Очи их горят.
Блещут шашки боевые,
Шпоры чуть звенят,
На погонах золотые
Звездочки горят.

Раздаются песен звуки
Храбрых казаков
Про великие заслуги
Дедов и отцов.
Про Азовское сиденье,
Вечную войну,
Про Сибири покоренье
Про тоску в плену.
Русь! Гляди какую силу
Казаки таят!
За тебя сойти в могилу
Каждый будет рад . . . »

Само собою разумеется, мы ничего не знали о том, что корпусу грозит расформирование. Возможно, что директор корпуса об этом и знал, но что он мог поделать? Впоследствии мы узнали, что он всеми силами старался предотвратить эту катастрофу и вывезти корпус целиком в одну из славянских стран, как например в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где в это время находились казачьи воинские части. Но плетью обуха не перешибешь.

Настал день, когда пришлось покидать Измаилию. Мы выстроились на линейке и затем «левое плечо вперед» двинулись по шоссе, по направлению к железнодорожной станции. Хор трубачей заиграл «Билибеевский марш», а потом перешел на «Прощай, японская война», причем, подпевая, кадеты заменили «японочку» — «арабочкой». Мы еще не сознавали вполне, что еще немного, и мы все расстанемся. Марш подбадривал, и мы почти весело печатали шаг, расставаясь с Измаилией.

Погрузили нас на английский пароход «Сити оф Оксфорд», чьим комендантом была отвратительная личность, сразу не взлюбившая кадет — английский лейтенант Хоккей. Он презрительно относился ко всем и за людей нас не считал. Случи-

лось как-то, что ящик с историческими чекменями и мундирами 1812 года развалился, надо было сколачивать. Так как вывалившиеся мундиры лежали на пути следования этого субъекта, он, не стесняясь, разбрасывал ногами «какие-то тряпки», которые везли эти русские полудикари и вообще позволял себе очень много лишнего. Поговаривали, что его выбросят за борт, но, слава Богу, обошлось. Нас также сопровождал неизменный суперинтендант, мистер Крэгг, который уже знал заранее, что сдаст младшие классы по приходе в Константинополь в английскую школу; школа эта была создана на частные средства религиозного благотворительного общества в Англии, и ей грозило также расформирование из-за недостаточного числа учеников — следовательно надо было им помочь и сдать живой груз, который позволил бы им существовать и далее. Все были обозлены на мистера Крэгга, прежде всего потому, что он англичанин, что он — начальство и, очевидно, каким-то образом причастен к нашему отъезду из Измаилии и Египта. Когда он захотел поговорить с кадетами и попросил выстроить их на палубе, его просьба была исполнена ген. Черячукиным, и Крэгг в своей полувоенной форме появился перед строем. Прежде всего он, подражая нашему начальству, громко поздоровался со строем по-русски, но ничего, кроме конфуза, из этого не вышло. Ответом ему было гробовое молчание, и затем громкий выкрик одного кадета, Колесникова: «Здравия желаем, господин суперинтендант!» И это все. Ему стало ясно, что кадеты не желают его видеть. Он перешел на английский, что-то кричал и доказывал, но кадеты, позабыв всякую дисциплину, покинули строй и разошлись. Теперь уже открыто поговаривали о том, что корпус будет по вине англичан расформирован. Какое впечатление эта весть произвела на кадет, на нашу большую сплоченную семью — говорить не стоит. Это был самый жестокий и подлый удар, который был нам нанесен из-за угла. Если принять во внимание еще и безобразнейшее поведение коменданта парохода — можно себе представить, в каком состоянии мы тогда находились. Директор корпуса, между прочим, написал жалобу на коменданта наместнику Египта, лорду Алленби, и, по слухам, лейтенант был куда-то переведен. Говорили, что он был послан в Палестину, где его убили арабы.

По сведениям, которыми со мной поделился Св. Похлебин, при расформировании корпуса английское правительство передало нас в ведение Лиги Наций и ассигновало на нашу перевозку из Египта и на содержание кадет пятьдесят фунтов стерлингов — по теперешним понятиям сумма смехотворная, но тогда это были деньги. Младшие классы были спущены на берег в Константинополе, оттуда их перевезли в здание летней резиденции Русского посольства в местечке Буюк-Дере, что означает «Большой ручей», на самом берегу Босфора. Остальные же были перевезены в Варну (Болгария), что стоило 21 фунт. На эти же деньги, переданные Русскому Красному Кресту, кадет некоторое время и содержали в Болгарии. На обед они получали суп, на ужин также суп, изредка что-то добавлялось, но в общем жили впроголодь. Оттуда часть отправилась в Шуменскую гимназию, а другая часть, постарше, в Чехословакию, в город Моравско Трщебовле, где также была русская гимназия. Седьмой же и восьмой классы были отправлены в Атаманское казачье училище. Таким образом Донской Императора Александра III кадетский корпус перестал существовать. Однако, шефство и полное наименование были сейчас же, приказом Войскового Атамана, ген.-лейт. Богаевского, переданы так наз. 2-му Донскому кадетскому корпусу, о зарождении которого мы и расскажем в следующих главах. А пока, давайте спустимся по сходням за кадетами 1, 2, 3 классов и вместе с ними войдем в тяжелые чугунные ворота с громадным двуглавым орлом над ними — это и есть летняя резиденция русского посольства. Давайте не оставлять малышей одних, проследим хотя бы коротко, какова будет их судьба на новом месте и под новым начальством. Представим себе только, в каком состоянии находятся они после расформирования родного корпуса — душа дыбом и недоверие к окружающему . . .

ДОНСКИЕ КАДЕТЫ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ В БУЮК-ДЕРЕ.

Начиная от выхода из Босфора в Черное море, до самого Золотого Рога и Константинополя, справа и слева по берегам среди густой зелени разбросаны живописные городишки и местечки. Дворцы богачей-турок и иностранцев, фонтаны, пар-

ки. Вилла Круппа. Бывшее немецкое посольство, Еды-Кей — Семибашенный замок, построенный в виде начальной буквы имени любимой жены султана, Румели-Хиссари, Кавак, Терапия — их и не перечесть! Среди них и местечко Буюк-Дере, что означает «большой ручей», а в центре его — летняя резиденция русского посольства, раскинувшаяся на самом берегу. Двух-этажное здание желтого цвета с белыми колоннами, с палисадником, чугунной решеткой и воротами с двуглавым орлом. Перед воротами стоит старый посольский сторож. За домом — обширная территория посольского парка, в нем разбросаны отдельные здания.

Ворота открылись, чтобы впустить толпу подростков с насупленными лицами. Только что развалили их большую дружную семью — расформировали корпус. На ступенях посольского дома стояли суперинтендант Британской школы, английский пастор Базиль Черчуорд, директор школы, бывший секретарь английского посольства в Петербурге, мистер Сэмсон, и с ними интересная молодая дама, оказавшаяся полуполькой, полурусской. Это была София Александровна Каминская, ставшая вскоре женой Черчуорда. После короткого приветствия и объявления о том, что отныне мы являемся британскими школьниками, нас сразу провели в гигантский вестибюль посольства, где, за недостатком кроватей, мы должны были провести первую ночь на каменном полу, подослав одеяла.

Первое, что нас особенно поразило, было не прием, не приветствие, и, пожалуй, не красавец-Босфор, нет, не это. Мы глазели с изумлением как на какое-то чудо, на черную землю клумб в палисаднике. Почти чернозем! После Египта, где мы с утра до вечера видели перед глазами только и только песок, эти обычные комья черной земли произвели на нас особенное впечатление. Дошло до сознания, что отсюда, пожалуй, и до Родины не так далеко. Ведь только там мы видели такую землю, а весь остальной мир представлялся нам погруженным в песок. Значит, почти уже дома. Темнело, когда нас повели в столовую, шли по каким-то переходам, дворикам. На столе уже ожидал ужин. Мы насмешливо переглянулись. Ужин готовился очевидно для младенцев, что ли, — по два крошечных би-

точка, по куску хлеба и немного гарнира (помню, это была свекла). После двуспальных корпусных котлет и пайка английского солдата, а в особенности для нас, проголодавшихся на пароходе, эта порция походила на насмешку. Надо отдать справедливость — приготовлено было все очень вкусно, но нам подавай количество, а не качество! И мы, в несколько секунд проглотив содержимое тарелок, вопросительно поглядывали на обслуживавших нас милых и кокетливо одетых официанток. Поглядывали и на нашего воспитателя, который высадился вместе с нами. Обслуживавшие на троглодитов не рассчитывали, но забегали, засуетились, принесли еще хлеба, а котлет и бурачков больше не было. Наши нервы, взвинченные в те дни расформированием корпуса, необходимостью снять военную форму и стать несчастными «шпаками», настоящими или же воображаемыми кознями англичан против нашего директора, персонала и вообще против всех нас — не выдержали. Им недоставало вот только этой мелочи, этой незначительной детали, чтобы взорваться, взлететь и разразиться несусветной злобой против всего мира. И, как по команде, всего лишь через полчаса по прибытии в Британскую школу, разразился кадетский «бенефис». Правда, он продолжался недолго, но мы орали, лупили вилками и ножами по тарелкам — вообще вели себя не совсем подобающим образом, крича что мы голодны. Бенефис кому? Обслуживающему персоналу? А они причем? Начальству школы? А откуда оно могло знать, что наши желудки бездонны? Нет, это был бенефис, скажем, злой Судьбе, самой Жизни, которая с нами в те дни поступила так жестоко. Цели мы своим шумом, конечно, не достигли, кухня ограничилась лишней выдачей хлеба, и нас отвели обратно в вестибюль, где вскоре, усталые, улеглись спать на голом полу. Итак, начальству сразу же стало ясно — с кем они имеют дело, и что с нами будет очень трудновато. Однако, если бы начальство сумело проявить больше чуткости и понимания, разобраться во всех сложных чувствах обиды, огорчения и протеста в кадетских душах — многое было бы иначе. Если бы эти милые и, очевидно, искренне желавшие помочь обездоленным юношам, люди смогли хотя бы отдаленно почувствовать что означало для кадета — снять погоны родного корпуса и превра-

титься против желания в обычного школьника! Если бы они могли проследить за всем сложным процессом взаимоотношений между генералом русской армии и представителями благотворительно-равнодушной английской общественности! А это все предшествовало распылению нашего корпуса. И, наконец, если бы они поняли то, чем мы, безусые юнцы, были тогда больны — т. е. что означает потеря Родины — не дошло бы до антагонизма и до многих инцидентов. Они же пока что убедились в одном — что мы недисциплинированная, распущенная орава, продукт революции, и что эту ораву следует приструнить, не считаясь со средствами.

В ближайшие дни нас распределили по трем домам на территории парка: в самом здании посольства (это называлось «посольский дом»), в здании, примыкавшем к церкви (мы его окрестили «церковным» домом) и в «школьном доме», для которого другого названия не могли придумать. В школьном доме проживал также и директор с семьей и суперинтендант. Разочарованием было то, что вода в Босфоре оказалась чрезвычайно холодной после теплой воды Суэцкого канала и вовсе не тянуло купаться. Плюсом же было то, что при посольстве имелись лодки (три или четыре) и излюбленным видом спорта теперь стала гребля. Несчастные «шпаки» до нашего приезда не сообразили использовать площадки возле Церковного дома для футбольной игры, просто об этом не успело, очевидно, подумать начальство. Кадеты быстро устроили футбольное поле, а также и озаботились об установлении гимнастических снарядов. На гимнастику в этой школе особенно не нажимали. Русские мальчики, с которыми мы здесь столкнулись, оказались милыми ребятами. С гордостью могу сказать, что не помню случая, когда кадеты показывали бы свое превосходство в чем-либо, напротив не «выпячивали» своего «кадетства», держались скромно и старались быть хорошими товарищами. В первые же дни познакомился я с Толей Штейгером — это тот самый Анатолий Штейгер, который впоследствии стал известным поэтом (парижская эмиграция) и другом Марины Цветаевой. Тогда это был бледный как смерть, благовоспитанный мальчик. Я подозревал, что у него чахотка, от чего он в действительности и умер впоследствии. Такой же бледной была

и его мать, приезжавшая дважды посетить сына. Помню еще К. Померанцева, редактора школьного журнала, в котором начал писать и я, и сильно подозреваю, что автором многих статей, появляющихся изредка в нашей зарубежной прессе является именно тот, наш Померанцев.

Итак, мы были распределены по трем домам. Во всех трех были назначены старшие, по образцу английских интернатов называвшиеся «префектами». В качестве старших они несли ответственность за порядок в наших комнатах и поведение каждого из нас. Сразу же начались и занятия, прерванные в школе по случаю нашего приезда. Занятия проводились в северном крыле посольского здания. Очень незначительная часть наших корпусных воспитателей и преподавателей была принята в состав педагогического персонала школы. В свободное от занятий время мы бродили по громадному посольскому парку, любуясь гигантами-кедрами и чудным видом, открывавшимся на Босфор и прилегающие городки с вершины холма, которым заканчивались владения посольства. Старожилы рассказывали, что до покупки русским правительством этого участка здесь, на самой вершине, был греческий монастырь, и что лет сто тому назад турки перерезали всех монахов, а монастырь разрушили. Подтверждением этому служили развалины каких-то зданий, которые при нас еще оставались. Потом, постепенно это место начали расчищать — думаю, что теперь никаких следов пребывания там монастыря не осталось. В связи с монастырем, среди учеников ходили рассказы о монахе с перерезанным горлом, который якобы бродит по парку. Этим пугали малышей. Кроме монаха «бродила» по парку также и «Дама в черном», с которой однажды пришлось повстречаться и мне. После всенощной, когда мы небольшой компанией еще оставались около церкви, и уже наступали сумерки — кто-то из нас указал на парк, и мы увидели одинокую женскую фигуру в черном, спускавшуюся по направлению к нам с холма. Так как в этот поздний час было странно видеть кого-либо, а в особенности, женщину, свободно разгуливавшую по полутемному парку, по каменистым неровным тропинкам, мы что называется «передрейфили». Так как очертания ее фигуры не напоминали нам никого из наших школьных дам, мы не на

шутку струсили. А тут еще кто-то шепнул: «Дама в черном»! Сознаюсь, что мы уже были готовы «отдать концы», когда привидение, приблизившись к нам, на чистом русском языке попросило нас показать как можно пройти к посольскому дому. У нас отлегло от сердца . . .

Отрадно было то, что здесь имелась православная церковь. Дело в том, что в каждом из нас сидело упорное подозрение, что англичане обязательно хотят нас «обангличанить» и «окатоличить», а о том, что наше начальство вовсе и не католики, а англикане — об этом мы и не раздумывали, все они для нас были «католики». Многие из нас вступили в церковный хор, которым управлял талантливый молодой регент, Алексей Васильевич Гринков. Многие белградцы помнят его, так как он управлял хором в Вознесенской церкви. Гринкову мы были обязаны многим. Он первый начал серьезно знакомить нас с теорией музыки и спевками днем не ограничивался. Собирались мы и по вечерам — то в школьном доме, то у него дома. Он же старался привить нам любовь к русской народной песне. «Вдоль по камушкам быстра реченька течет . . . », «Стонет сизый голубочек», и другие народные и псевдо-народные песни все еще звучат в ушах. Певшиеся нашими дедами и прадедами песни загремели под сводами вестибюля посольства в далекой Турции. Он же не дал угаснуть среди нас и старинному обычаю — «христославить», когда подошло православное Рождество. На нашу спевку, проводимую тогда на квартире Гринкова, явились и два старых казака, работавших ранее при посольстве. Это были древние деды с иконными бородами. Мы обратили внимание, что один из них во время пения кондака «Дева днесь», когда доходил до слов: «и земля вертеп Неприступному приносит . . . » пел, как будто, что-то свое, лишь отдаленно напоминавшее текст. Выяснилось, что по его мнению текст мы поем неправильный, и что надо петь: «и земля вертить — не приступисси . . . » Наши остряки уверяли потом, что он пел: «вертить хвостом — ажно не приступисси...»

Мы обходили, славя Христа, со звездой, которую клеили и мастерили под руководством того же самого Гринкова и его милейшей супруги, все три дома — школьный, посольский и церковный, а заканчивали квартирой англичанина-директора.

Тут пели еще и старинную песню: «Здравствуй, хозяин пригожий, здравствуй, хозяин хороший, мы пришли тебя поздравлять, твоих гостей забавлять. Что же ты, хозяин, не весел? Что же ты головушку повесил? Ну-ка, скорее шевелись, сам ты за рюмочку берись! Выпей с нами, воевода, выпей с нами в непогоду. Полные чары наливай, нам хоть по рюмочке дай!» Заканчивалась песня бесконечными «дай-дай-дай» и чопорный англичанин вынужден был позабыть о школьных правилах и «выдать» нам по рюмочке какой-то слабой наливки. Как правило, оделяли нас сладостями, орехами и прочей снедью. Англичанам этот обычай пришелся очень по душе, хотя они и удивлялись размерам нашего мешка, куда мы укладывали все полученное. Встречи в доме Гринкова нас очень радовали, а его гостеприимная жена всегда находила для каждого ласковое слово и умела угостить хотя бы чашкой чаю в теплой семейной обстановке.

Но . . . не все и не всегда шло гладко и спокойно. Я возвращаюсь к той же наболевшей теме — расформированию нашего корпуса, которое очень сильно на нас всех отразилось. Результаты сказались и довольно скоро. Я даже не могу сейчас восстановить в памяти последовательность и причину неожиданных событий. Помню только, что наше нервное состояние вылилось в чем-то, похожем на бунт. Но англичане действовали решительно. Прежде всего они приступили к порке тех, которых почему-то посчитали зачинщиками. Пороли жестоко. Порол чопорный англичанин, отец двоих очаровательных детей (за дочерью Стэллой ухаживали и «воздыхали» все), добрый мистер Сэмсон. Но не один. Помогал ему пороть, вернее перенял на себя почти всю работу, бывший ученик этой же Школы. Фамилия его как бы выскочила из произведений не то Лескова, не то Салтыкова-Щедрина — Авситидийский. Мы его звали за глаза «Митридатом», почему — не знаю. Поговаривали, что он садист. Позже Авситидийский уехал в Советский Союз. Поркой дело не закончилось. Нас собрали в парке, и мистер Черчуорд громил нас в своей речи и обещал послать в какой-то Тузлов, очевидно место, где были колонии для малолетних, или же тюрьмы. Часть кадет исключили — их отправили не то во

Францию, не то в Болгарию, точно не помню. Мы же, оставшиеся, «согнули выю», как ни стыдно в этом сознаться.

Я же согнул выю вдвое — слег в лазарет, заболел тифом. Когда я «умер», мне не было ничуть не страшно и не было жаль ушедшей жизни, настолько был истощен организм в результате болезни. Я все понимал и все видел — попрежнему нагло лез в мое окно гигантский олеандр, светило солнце, откуда-то слышался разговор. Крышка гроба стояла тут же, неподалеку от кровати. А потом вошел санитар и сказал: «Ну что, очнулся, наконец?» Я был уверен, что он разговаривает с кем-то в коридоре, но его глаза были устремлены на меня. Только тогда я понял, что я вовсе не умер. Да, но крышка гроба ? .. И, слабо шевеля губами, я спросил его о ней. Это был мой собственный голос, хотя и очень слабый. Санитар ответил, что в соседней палате скончался мой однокашник, также бывший кадет Костя Кленкин, и вот, думая, что я все еще без сознания, крышку гроба перенесли в мою комнату.

А потом вскоре приехал профессор Алексинский, светило медицинской науки, живший потом в Париже; он обложил меня льдом, а я до тех пор никакого жара и не чувствовал. Ну, а потом наступило медленное выздоровление, прерванное возвратным тифом — добряк санитар, сжалился на мои мольбы и дал мне ночью несколько глотков воды. Но возвратный долго меня не мучил, я быстро поправлялся. В первый раз я встал с постели, когда все ринулись к окнам — в школу приехал архиепископ Кентерберийский. Я ожидал увидеть что-либо похожее на одеяние наших священнослужителей, и конечно уж окладистую почтенную бороду, а вместо этого узрел маленького сухонького старичка совершенно безусого и безбородого, в шотландской юбочке и маленькой шапочке. Все мы покатывались с хохоту и повторяли только: «Ваше преосвященство . . . »

Приблизительно тогда же Школу посетил и Заведующий Отделом по делам русских беженцев в Лиге Наций, прославленный исследователь Арктики, Фритиоф Нансен. Я еще раньше читал о нем и в шесть с половиной лет даже сочинил сногсшибательный роман на полутора страницах, который сам же и иллюстрировал и в котором главную роль играл Нансен,

а я, конечно, был его помощником. Поэтому я был очень взволнован, когда он сам, своей собственной персоной появился у моей кровати. В ответ на его участливый вопрос о здоровье, я, скромно умалчивая о своих похождениях вместе с ним, выпалил: «А что с вашим «Фрамом»?» Эффект был неожиданный. Нансен посмотрел на меня и вдруг уселся в моих ногах. В глазах его стояли слезы. Потом он обратился к сопровождавшему его школьному начальству и сказал: «Знаете, я никогда не плачу. А вот этот русский мальчуган сумел выжать из меня слезы. Ведь буквально для всех я — представитель Лиги Наций господин Нансен, а о другом Нансене, Нансене с далекого севера все как будто и позабыли . . . А он вот и о моем «Фраме» вспомнил . . . » Он погладил меня по голове и рассказал о судьбе «Фрама». Но, к стыду своему, я не слышал и не слушал. Нервы подточенного болезнью организма сдали и я также плакал и думал только об исследователе Арктики и северных морей и очень, очень жалел его тогда. Так я и не узнал, что приключилось с «Фрамом». А вскоре после болезни я покинул английскую школу и уехал из Турции.

Так в далекой «турецкой стороне» (как пелось в старинной песне на Дону) жили Донские кадеты в чужой им, «штатской» обстановке. Ни на минуту, казалось, не забывали они о своем родном корпусе, который волей злой судьбы на сороковом году прекратил свое существование. И если были среди них взрывы негодования против англичан, так это было именно по этой причине и из-за несправедливого отношения тех же самых англичан к директору, генералу Черячукину, тому самому, кто когда-то угрожал малышам «историческим костылем» и никакой видимой нежности к ним не проявлял. А вот теперь, без него, почувствовали малыши, что потеряли чуть ли не отца родного. И порка из-за удалого набега позабылась.

Но красносургучный вензель Императора, украшавший синий погон донского кадета не канул в вечность и не расплавился — время еще не подошло. Приказом Донского Атамана, генерала Африкана Петровича Богаевского, вензель был перенесен на погоны кадет так наз. 2-го Донского кадетского корпуса.

Н. Воробьев.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ 2-го ДОНСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

Из предыдущего изложения уже известно, что многие кадеты не смогли выехать на «Саратове» — тифозная вошь уложила многих в новороссийские госпиталя. Были среди них и чины персонала корпуса. Оказался в числе больных и ген.-майор Иван Иванович Рыковский. Это был на редкость добрый человек, горячо любивший кадет и любимый ими. Оправившись от сыпняка, он собрал полтора десятка выздоравливающих кадет и полубольных преподавателей и воспитателей, и собранная им группа, с благословения Донского Атамана ген. Богаевского, была названа 2-м Донским кадетским корпусом. Следует признать замысел о создании 2-го корпуса поистине блестящим — в персональном порядке ни кадеты, ни чины персонала не выбрались бы из Новороссийска, а таким образом, как «корпус» они были перевезены в Крым. В Крыму Второй Донской, в составе 15 кадет и около 20 человек персонала, был помещен в одном доме на Суворовской улице (в так наз. «Новом Городе») в г. Симферополе. В качестве военно-учебного заведения, корпус получал из Донского казначейства денежные средства, а персонал — жалованье, соответствущее его чинам и положению. Когда летом 1920 года все Донские тыловые организации, как напр., интендантство, лазареты, швальни и проч., были сосредоточены в г. Евпатории, туда же был переведен и корпус. Разместился корпус на 5-ой Продольной ул. в вилле знаменитого сахарозаводчика Терещенко. Вилла представляла собой роскошный трехэтажный особняк с флигелями и полузанесенным песком садом с фонтанами. Все это пустовало.

Летом 1920 года ген. Врангель издал приказ об отчислении из рядов Русской армии всех несовершеннолетних, не кончивших средне-учебные заведения. Несколько позднее, подобные же приказы были изданы Донским, Кубанским и Терским

атаманами. Удаляемых из Донской армии мальцов направляли в Евпаторию «в распоряжение директора 2-го Донского кадетского корпуса», ген.-майора Рыковского. При корпусе был создан, руководимый полковником Фицхелауровым, Донской Пансион, куда попадали неграмотные вояки лет 8-10. Среди пансионеров была большая прослойка калмыков. Было достаточно калмыков и среди кадет: Цуглинов, Тепшинов, Алексеев и др. За вояками посылался от корпуса в боевые части трубач Лисицын, привозивший плачущих и упирающихся «бойцов». Были и групповые зачисления, как напр., когда из Атаманского военного училища были отчислены в корпус юнкера: Иван Матвеевич Фастунов, Николай Букин, Сема Бегинин, Николай Басов. Трое из них попали в третий класс, а Басов в четвертый. После выхода армии в Сев. Таврию, в корпус прибыл кадет Киевского кад. корпуса Захаржевский; тому не повезло — он попал сначала в плен к махновцам и с трудом ему удалось оттуда удрать к белым. Я лично попал в корпус вместе с сыном генерала Готуа. До того я некоторое время был в команде огородников 7-го Запасного батальона, которым ген. Готуа командовал. 6 авг. 1920 г. я был зачислен на все виды довольствия и получил порядковый номер 106. Из этого следует, что за это время корпус успел достаточно вырости.

Занятия — облегченные и укороченные. Ни учебников, ни пособий, не было. Помню, писали мы диктовку на листках бумаги огрызками карандашей. Преподаватель обходил, указывал ошибки, затем тщательно резинкой стирал написанное, чтобы использовать эту же бумагу в другом классе. «Чекамас» и «Ну-те», т. е. математик и историк, преподавали по памяти. Кроме того, занимались мы, конечно, и строевыми занятиями, и войск. стар. Попков гонял нас, как строевую смену в манеже, меняя аллюры до намета включительно. Этот вид обучения назывался «пеший по конному».

Пока было тепло (в августе и сентябре) купались три раза в день. Это — официально, а неофициально и чаще.

Форма одежды, питание, ночлег. Вначале ходили все в «своем», кто что имел, то и носил. Позднее, из Донского интендантства мы стали получать светло-серые рубашки и такие же брюки из «чертовой кожи»; материал был действительно чер-

товской прочности, но все расползалось, так как сшито было слабо. Форму дополняли белые парусиновые ботинки и английские фуражки с донской кокардой (у кого она была). Основу питания составляла «шрапнель» (перловая каша) и «ссечка» — дробленая пшеница, сильно напоминавшая плохо проваренный клейстер. Иногда баловали нас ржавой комсой — мелкой, густо засоленной рыбешкой, или же сушеными бычками; последние отличались обилием песка. Столовой у нас не было. Во дворе были врыты столбы и на них лежали плохо оструганные доски. А когда захолодало, каждый класс ел в своем помещении — там же спали и занимались. Летом все спали под открытым небом. Каждому выдали по одеялу и подушке, а спальня — по вкусу: хочешь на веранде, а хочешь под деревцом в саду. В дополнение к питанию, утром и вечером нам давали «чай». Пишу в кавычках, так как сам Дмитрий Иванович Менделеев не смог бы точно определить его состав. «Чай» этот, конечно, был без сахара. Позднее выдали по два фунта сахару на нос — прямо на руки, и большинство свой сахар сейчас же благополучно «загнало». Деньги пошли на добавочный хлеб, а «чай» пили с сахарином. Было дополнение и к обмундированию: выдавали нижнее белье, из какого-то материала вроде бязи. А в день эвакуации выдали недубленые полушубки и высокие папахи черной смушки — так в Евпатории, через семь столетий после исчезновения, снова возродилось племя «черных клобуков». Добавим кое-что и говоря о ночлеге. Когда сильно захолодало, выдали нам набитые соломой матрацы — вернее просто большие мешки — по три мешка на двоих! Матрацы укладывались в ряд на полу, и на них, один к одному, ложились кадеты. Не было ни электричества, ни даже карбидных ламп. Взамен этого на каждую спальню выдавался один «каганец» (несмотря на древнюю Евпаторию, это был вовсе не греческий светильник, а коптилка с подсолнечным маслом) — было очень весело, так как сажа от этого каганца заполняла воздух на манер паутины во время бабьего лета, оседала на лица спящих и забиралась в носы. Вставали африканцами. К тому же умывание стало «буржуазным атавизмом» и мы очень напоминали собой негритят. Бани не было и в помине, и отечественная вошь плодилась и размно-

жалась, никем не тревожимая. Уборной служила вырытая в саду канавка с бревном.

По воскресеньям весь корпус водили в местную греческую православную церковь. В корпусе же богослужений не совершалось. Да даже и священника вначале вообще не было. Два раза в неделю весь корпус «справа по шести» шел на прогулку в город. По дороге пели. Пели хорошо. Пели и по вечерам, когда собирались либо на веранде, а когда захолодало — в спальне 4-го класса. Регентом был человек с абсолютным слухом, Сима Родионов, бывший семинарист. Пели казачьи песни, пели и добровольческие: «Вспоили вы нас и вскормили», «Слышали деды — война началася», «На берег Дона и Кубани», «Пусть свищут пули, льется кровь», и многие другие.

Книг для чтения не было. Правда, в городе была общественная библиотека, но она была закрыта. Зато рассказы о боевом прошлом с успехом заменяли книги. Каждый повидал достаточно и «хлебнул горячего до слез». Были и мастера-рассказчики, целыми вечерами передававшие своими словами содержание когда-то ими прочитанных книг. Одним из таких мастеров был Сема Бегинин (быв. гимназист из Новочеркасска, бывший юнкер-Атаманец, а в 1920 — кадет 3 класса). Он в течение двух недель рассказывал «Графа Монтекристо», передавая в общем правильно содержание книги. Скажем короче: живое устное слово вытеснило печатные труды.

Картина наших досугов была бы неполной, если не упомянуть о всеобщем увлечении шашками. Все столы и скамьи были расчерчены как шашечные доски, белые и черные камушки заменили шашки, и турниры велись во все свободное время.

Зима 1920 года была исключительно суровой — Сиваши (Гнилое море у Перекопа) замерзли, что случалось раз в тридцать лет. К концу октября по городу поползли тревожные слухи: фронт откатился к Перекопу. Потери велики. Красные жмут, а задержать их некому. Кадеты заволновались — каждый хорошо понимал что его ожидает, если он живьем попадется в лапы РККА. Ген. Рыковский собрал всех кадет и, подтвердив, что положение на фронте угрожающее, пообещал, что корпус пойдет походным порядком на Севастополь, где будет

погружен на пароходы. Однако, этот поход не состоялся: 1 ноября стало известно, что для эвакуации казачьего населения Евпатории прибудет целая флотилия, которая вывезет всех желающих. На следующий день, 2 ноября, нас разбудили задолго до рассвета, накормили «шрапнелью», выдали полушубки и папахи и повели в порт. Евпаторийский порт — мелководный. Прибывшие для эвакуации суда стояли на внешнем рейде, а у молов суетились рыбачьи парусные баркасы, перевозившие людей и вещи на пароходы на рейде. Дошла очередь грузиться на баркас и мне. Вместе со мной были там и калмыки из пансиона. Как и подобает истым степнякам, они уже на пути к рейду стали «кормить рыбку». Баркас причалил к высокому серому борту с надписью «Добыча». Между прочим, краткая история «Добычи» такова: военный транспорт в 8 тонн водоизмещения, из-за устарелости был продан Турции; во время Великой войны взят нашим флотом в качестве военного трофея, а по приходе в 1918 г. немцев в Крым снова возвращен Турции. Но когда союзники заняли Константинополь, они вернули «Добычу» России. Так вот эта самая «Добыча» была флагманским кораблем лихой евпаторийской флотилии. Скорость ее — 4 узла! Под командой «Добычи» находились суда: колесный донской пароход «Румянцев», донской речной пароход, чуть ли не парамоновского флота, «Эльпидифор» и какие-то посудины «212» и «214», тоже по-моему из донского пароходства. Для охраны эвакуации прибыло два «балиндера» — самоходные баржи с двумя восьмидюймовками типа «Канэ» и на дизель-моторах. А горючего для них не было. И в результате, когда погрузка на пароходы была закончена, военные катера «Язов» и «Работник» вынуждены были затопить балиндеры с помощью своих «гочкисов».

Последнее, что я видел в Евпатории и вообще в России было: вытянувшаяся вдоль берега белая панорама города, освещенная зимним солнцем, свинцовое, штилевое море. И это последнее видение сопровождалось гулкими взрывами на балиндерах. Один из них «свиньей» пошел ко дну, а другой загорелся и стал уходить в море. На «Добыче» заскрежетали якоря, и она двинулась в неизвестное. За ней в кильватерной колонне поплелась и вся евпаторийская флотилия. К моменту

ухода появилась в качестве охраны французская канонерка. По пути в Константинополь, а шли мы трое суток, нам два раза выдавали корн-биф с немолотым овсом и по три чашки воды. И это все. К счастью погода была штилевая.

Медленно вползла наша старушка «Добыча» в бухту Золотого Рога и заняла свое место в плавучем городе «врангелевцев». Кораблей была уйма: от сверх-дредноута «Генерал Алексеев» (бывший «Александр III») до портовой землечерпалки, не говоря уже о различных парусниках. И на всех судах развевались желтые карантинные флаги и флаги с требованием воды и хлеба. Англичане широко откликнулись и стали развозить суп из сушеных овощей (который мы называли «английским борщом») с картошкой «в мундире» и морские галеты. Есть это пойло никто не мог — вылавливали картошку и галеты, а все остальное выливали за борт. Около кораблей сновали каяки «кардашей» — торговцев-турок. За золотые часы давали два кило хлеба, связку инжира и литр воды. За наган — тоже давали столько же, плюс полкило халвы. Тут для корпуса начались бесконечные перегрузки, а надо сказать, что к моменту эвакуации нас было уже свыше двухсот человек — следовательно перегрузки были делом довольно сложным. Пришлось побывать на разных судах, покуда не попали на «Великого князя Владимира». А до того перебрасывали нас, сначала на «Витим», потом на плавучие мастерские «Кронштадт», «Шилку» и «Саратов». На «Владимире» находился и Крымский кадетский корпус, составленный тогда гл. обр. из кадет Полтавского и Владикавказского корпусов. «Владимир» взял курс на Сербию, шел не торопясь, и только через десять дней мы прибыли в Бакар (Порт Рэ) — самый северный порт на Адриатическом море, принадлежавший Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев. А всего мы пробыли на кораблях ровно месяц. Помню, как священник, о. Василий Бощановский, отслужил по этому случаю молебен.

В Бакаре нас накормили белым хлебом и вареным мясом и, после дезинфекции, на следующий день отправили на железнодорожную станцию. Но сначала — о дезинфекции: она производилась в железных вагонетках, где был налит раствор сулемы. Вещи сдавали в вошебойку. Я сдуру сдал свой

кожух — получил обратно хорошо зажаренный «шнитцель». Итак, на следующий день мы пошли за пять километров на станцию. Сутки в пути. Остановка в Загребе. Там благотворительная женская организация, покормила нас салом и хлебом, и мы поехали дальше. Рано утром поезд остановился на полустанке «Св. Лаврентий на Дравском поле» — около бывшего лагеря для военнопленных — «Стрнище при Птуи». Бесконечные аллеи саженого соснового леса, глубокий — по колени — снег и щелистые бараки. Заботу о нашем пропитании взяли на себя католические монахини — мы их сейчас же прозвали «аэропланами» за головные уборы. Монахини готовили также и для беженцев из Истрии, тоже размещенных в лагере. Питание было: мамалыга, суп из пареной репы, жидкая фасоль и чай. Прости им, Господи, но чай они почему-то варили как суп: он имел вкус разваренного веника, а сверху плавал густой слой жира, так как мытьем котлов они себя не утруждали и все варили в тех же котлах. Короче говоря, было и мало и скверно. А есть очень хотелось. Ведь во время нашего мореплавания мы получали кило хлеба на четверых и фунт корнбифа на восемь человек. Малокровие, развившееся на почве недоедания, давало о себе знать довольно долго; почти все мучились от фурункулов, и потребовались месяцы правильного питания, пока от этого отделались. Кухня перешла в наше ведение, и главным поваром стал есаул Телухин, или, как все мы его называли, «дядя Вася». К нему были приставлены помощники — «отцы старики» — донцы, приставшие к корпусу, во время наших скитаний по морям. Готовили они добротно, как уж это повелось исстари на Дону. И вот тогда все наши болячки стали проходить.

Кое-как все постепенно утряслось: бараки были слегка зашпаклеваны, созданы классы и началось обучение. Но тут начались и новые волнения. Дело в том, что ген.-майор И. И. Рыковский был отстранен от директорства, а вместо него директором был назначен ген.-майор Бабкин. О нем я могу сказать очень мало. Знаю, что он был адъютантом Войскового Атамана и, когда ген. Богаевский в сентябре 1920 года объезжал Донские части и попал в засаду, Бабкин перестрелял наиболее наседавших на автомобиль буденновцев и, таким образом,

Атаман был спасен. По своему внешнему виду генерал Бабкин был строевым щеголеватым офицером, умел импонировать, а с кадетами всегда здоровался, называя их «Донскими орлятами». Это подкупало. Он очень заботился и о внешнем виде кадет, доставая, откуда только можно было, обмундирование. Помню, как-то зашел у нас разговор с директором о том, что «крымцы» одеты лучше нас. Кто-то вставил: «Ну что ж, что плохо одеты. Зато мы — Донцы!» На это ген. Бабкин ответил: «Быть Донцом — хорошо. Но надо, чтобы и внешний вид соответствовал казачьей сметке . . . »

Короче говоря — Бабкин был очень неплохим директором, но вся беда в том, что отчисленного ген. Рыковского и тех воспитателей, которые были отчислены от корпуса вместе с ним, кадеты очень любили и никак не могли примириться с мыслью об их уходе.

Я говорил выше о том, что ген. Бабкин доставал обмундирование, как только мог. Укажу некоторые источники, откуда он его доставал. В г. Мариборе, в тридцати километрах от Стрнище, на австрийской границе стоял австро-венгерский кадетский корпус, который вскоре был расформирован. В 1921 году в нем оставались кадеты 6 и 7 классов. На Пасхальной неделе 1921 года выпускники-мариборцы приехали в гости к русским кадетам в Стрнище. Был парад обоих корпусов — Донского и Крымского — а вечером общий бал. Вскоре после этого визита все обмундирование младших классов австро-венгерского корпуса было передано донским кадетам. Мундиры, правда, нам не подошли, но светло-синие брюки и голубые рубашки стали парадным обмундированием 2-й сотни. Летом 1921 г. ген. Бабкин получил откуда-то пижамы, и, как бы забавно это ни звучало, пижамы стали повседневным обмундированием. Наконец, осенью 1921 г. было получено американское военное обмундирование: френчи, галифе, шинели и краги из парусины.

В течение лета 1921 г. преподаватели составили учебники по своим предметам, а кадеты на шапирографах их размножили. Тем же летом, взамен уволенных воспитателей, в корпус прибыли: ген.-лейтенант А. М. Сутулов, ген.-майор Кучеров и полк. Еманов. Наш, 3-й класс принял полк. А. Ф. Золотов, по

образованию военный юрист; Сутулов стал командиром 1-й сотни, Кучеров и Еманов — воспитателями старших, 5 и 6 классов. Инспектором классов, взамен бывшего в Евпатории инспектором генерал-майора Ерофеева, стал полк. Чернокнижников.

Летом 1921 г. дошли до нас сведения о сильном голоде в Поволжье и было получено воззвание митрополита Антония о сборе помощи голодающим. Донцы решили — голодать один день, а деньги, сэкономленные на этом, выслать на помощь голодающим. Мы честно голодали весь день, а наши соседи не выдержали и, не получая ничего с кухни, «обнесли» все огороды местных жителей-словенцев. В результате, пришлось им заплатить чуть ли не вдвое того, что было корпусом сэкономлено на кухне.

С соседями Крымцами у нас были в общем, как и полагается, добрососедские отношения, но в особенности с владикавказцами — там было много кубанцев и терцев, так что «кунацкие» отношения наладились сразу по «сродству душ». Если что-либо нас разделяло с полтавцами, так это, пожалуй, наличие у них «цука» — против этого восставала казачья натура.

В ноябре 1921 г. Донской кадетский корпус было решено перевести из Словении в Герцеговину. Оказалось, что там нашлись подходящие помещения и что корпус будет размещен в старой австрийской крепости «Билек» вблизи городка Билече. И вот, в том же месяце, в составе трех сотен, корпус был погружен в вагоны и отправлен на юг, в Герцеговину. В Сараево нас дружески встретили кадеты-одесситы, полочане и киевляне, объединенные в Русском кадетском корпусе, который впоследствии был назван Первым Русским Великого Князя Константина Константиновича кад. корпусом. Из Сараево нас повезли в городок Требинье, где кончалась железная дорога и откуда нужно было идти пешком в Билече. Итак, начинался новый период жизни 2-го Донского кадетского корпуса, в невероятной глуши, на границе Черногории и Герцеговины.

ДОНСКИЕ КАДЕТЫ В БИЛЕЧЕ.

Первое время нашего пребывания в Билече пошло на внутреннее устройство лагеря. Были сооружены примитивные парты, починен водопровод, были сделаны попытки наладить электро-подачу и созданы мастерские — швальная, сапожная и столярная. В это время я был кадетом 2-й сотни и поэтому все то, что происходило в 1-й сотне — мне толком было неизвестно. Знали мы, что там не все в порядке, что происходят какие-то трения с директором корпуса, ген. Бабкиным, что впоследствии вылилось даже и в бенефис ему. В общем, в результате этих неладов, директору пришлось уйти и уступить место генерал-майору Евгению Васильевичу Перрет, в прошлом офицеру гвардейской артиллерии. Евгений Васильевич Перрет был лично известен Донскому Атаману, так как ген. Богаевский был женат на сестре ген. Перрет. Понемногу жизнь корпуса налаживалась, все входило в нормальное академическое русло. Кадеты и офицеры продолжали работы по благоустроению лагеря — ими были сооружены корпусная церковь, в которой иконы были написаны Гришей Самойловым, и театральный зал. Были приобретены гимнастические снаряды: турник, параллельные брусья, кобыла и козел. Гимнастическое дело сразу взял в свои руки полк. Ган, который организовал группу соколов. Затем был создан хор трубачей. Вначале капельмейстером был есаул Скачков, а потом полк. Мигузов. Были налажены хлебопекарня и кухня. Продукты корпус получал от сербского военного интендантства в г. Требинье. Также сразу был организован лазарет, старшим и единственным врачом в котором стал доктор Попов. Фельдшером же и делопроизводителем в лазарете стал кубанский казак Шаповалов.

Начались учебные занятия, а помимо этого кадеты были заняты и ручным трудом, проходя наглядное обучение в различных мастерских.

Вскоре появилась еще одна мастерская — переплетная. Помню, что столярной мастерской руководил полк. Рещиков, Владимир Николаевич, одновременно и воспитатель 36-го выпуска. Короче говоря, корпус не ограничивался академически-

ми знаниями, но и старался приучить кадета «на всякий случай» к ручному труду — кто мог предположить, что его ожидает в будущем? Кроме этого в такой работе вырабатывался навык к труду, что в жизни бывает крайне важным.

С местным населением особых связей не было. Правда, в корпусе стали учиться несколько местных жителей-черногорцев и герцеговинцев (впоследствии ставших офицерами югославской армии), а кроме того местные учителя-сербы начали преподавать у нас сербскую историю, язык, литературу и географию страны — все на сербском языке. Бытовых же связей не было. Корпус жил своей обособленной жизнью, и кадеты только время от времени встречались с местным населением. Еще были попытки устраивать общие вечера с представлениями на сербском языке, но это дело как-то заглохло.

В сентябре 1922 года, произошло событие, имевшее для корпуса большое значение — 2-й Донской кадетский корпус приказом Войскового Атамана получил Державное шефство, вензель на погоны и наименование «Донской Императора Алек сандра III кад. корпус». В это время старый корпус прекратил свое существование.

Несколько позже Первая сотня получила наименование «Атаманской» и, уже неофициально, кадеты Атаманской сотни стали носить на левом плече т. наз. «атаманские» погончики — голубого цвета с белым кантом — т. е. цветов Л. гв. Атаманского полка и Атаманского училища в Новочеркасске.

Кадеты гордились полученным шефством, но всем было несказанно обидно за старый корпус, который волей судеб должен был прекратить свое существование.

М. Н. Залесский.

Первая Сотня в Билече в 1924 году.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ЮГОСЛАВИИ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

Билече, по-австрийски «Билек», — крохотное местечко в 30-ти километрах от железнодорожной станции и городка Требинье. Все местечко состоит из трех улиц, обежать его можно буквально за пять минут. Два-три «отеля» с громкими названиями и примитивным устройством и меблировкой, три-четыре «кафаны» — кофейни, где можно также выпить и вина. Десятки домов местных жителей, окруженных, как крепости, высокими стенами и с турецкими окнами (а то, не дай Бог, кто-нибудь увидит жену или дочь!), небольшая казарма, где стоит взвод жандармов, мечеть, православная церковь, кладбище, и это все. Отсутствие всякого общества, невероятная скука и дичь. Вокруг — плешивые горы, рядом — черногорская граница. Растительности почти никакой, только изредка попадаются кусты и деревья, похожие на кизил. В горах — пастушки пасут овец и коз. В руках у них — пряжа, лицо наполовину закрыто, как у мусульманок. Если ты попытаешься заговорить с ними — труд не только напрасный, но и зело опасный. Даже если ты просто спрашиваешь их — который час, очень возможно, что вместо ответа в тебя полетит увесистый камень. Дичь, какой не найдешь на земном шаре...

Недалеко от города, в какой-нибудь миле от него, стоит старая австрийская крепость. Форты, бастионы, амбразуры, бойницы, зубчатые стены — ни дать-ни взять, замок средневековый. И вот в этой крепости и расположился Донской кадетский корпус. Крепость представляет собой почти квадрат, с высокой башней посередине. Четыре ряда солидно построенных зданий. В крепости комплекс зданий вдоль стен и, кроме того, разделяющих крепость. В них, в верхних казармах живут кадеты. Как будто для нас и строили три громадных двухэтажных здания. Дальше, рядом с ними — театр, гимнастический зал. Перед зданиями — большой двор, снова ряд зданий, на этот раз двойной. В тех, что лицом к казармам — свинюшник, бывшие стойла для мулов (а лошади — там были, где наш театр), а за этим частные квартиры персонала. Там, между

прочим, жил и будущий Атаман, ген. Татаркин, рядом — военный чиновник Дмитриев с женой и дочерью Зоей, ген. Готуа, госпожа Лазарева с детьми, морской офицер Хрущев с сестрами, есаул Леонов и другие. Далее снова шел ряд зданий, в них — лазарет и квартира доктора Попова, квартира полк. Поссевина и другие службы. В нижнем ряду, прилегающем к стенам, также располагались чины персонала со своими семьями, а направо от ворот — церковь, штаб, квартиры директора и некоторых преподавателей и воспитателей. Выше, идя обратно к казармам — кухня. Крепость почти нависала над пропастью — а там в долине, где можно было, наконец, увидеть кусты и деревья, извивалась и бурлила речка Требишница, которую мы почему-то прозвали Требинкой. Требишница вырывалась, как очумелая, из горы, на который расположился городок Билече. Вырывалась и неслась по камням несколько километров, и только тогда успокаивалась и принимала более величественный вид, расширялась и текла далее к самому Требинье. А по скалам гнездились «поскоки» — вид медянки, чрезвычайно ядовитой, прозванной так потому, что она была в состоянии нападать сверху, буквально скача, прыгая по камням. В общем, местечко было не веселое. И за что эта кара постигла донских кадет?

Климат тоже тяжелый. Летом — жара, а зимой — невероятные холода и морозы. Снега наваливало достаточно. По вечерам, если выглянешь в окошко, можешь увидеть золотые точки волчьих глаз. Волки собирались стаями к человечьему жилью, надеясь чем-нибудь поживиться.

Развлечения по праздникам заключались в лазании по горам, расцарапывании себе рук и ног, швырянье огромных камней-валунов в пропасти и долины и бесконечном чтении книг. Тем, кто уезжал на лето в отпуск, приходилось идти пешком на железнодорожную станцию Требинье, а это было всего тридцать километров. Но молодые ноги выдерживали все. Кто-нибудь из компании затягивал: «Один верблюд идет . . . другой верблюд идет . . . » и с припевом «Ах, как мне жаль весь караван верблюд!» весело доходили до Требинье. Единственный отдых, который мы себе позволяли — это короткая остановка у «Москвы» (кафана на середине пути между Билече и Тре-

бинье) — там мы ложились и задирали ноги вверх — лучший способ отдохнуть. А потом снова затягивали своих «верблюдов» и так доходили до самой станции. Однажды компания кадет, шедших в Требинье, повстречалась с какими-то местными жителями. Пошли вместе угощались взаимно табачком, мило разговаривали. Потом выяснилось, что с нами идет знаменитый разбойник Майо Вуйович и его «ребятки». Но «руссов», как там называли русских, Майо не трогал; наоборот, он очень любил русских и нападал главным образом на мусульман, это были его заклятые враги.

Ген. Врангель с кадетами 1-ой Сотни в Билече.

КОРПУСНЫЕ БАЛЫ И ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ В БИЛЕЧЕ.

В наши, семидесятые годы 20-го века, когда юбочки и девичий стыд приведены к так наз. «мини», т. е. к минимуму, а мальчиков и девочек с малых лет просвещает сама школа, посвящая их в то, о чем раньше или совсем не говорилось, или же говорилось шепотом, то, о чем буду писать — может показаться смешным. Но из песни слова не выкинешь и мне хочется эту песню об ушедшем кадетском мире довести целиком до конца, рассказав об отношении кадета к барышне в те, как будто далекие 20-ые и 30-ые годы. Барышня в кадетском представлении, это было нечто высокое и чистое. Это было то, чему можно было поклоняться, писать неуклюжие стихи и приносить

букетики фиалок. За ними ухаживали, с ними танцевали, переписывались и окружали их атмосферой такого обожания и уважения, которым, — в этом я твердо уверен, не окружают теперь даже королев. Да они, наши институтки, и чувствовали себя в обществе кадет настоящими королевами. Что же, неужели в нас мертвым сном спали человеческие чувства, инстинкты, природа? Конечно, нет: мы были обуреваемы теми же, общечеловеческими страстями и желаниями, те же инстинкты были и в нас. Мы грешили. Мы грешили так, как и другие юнцы нашего возраста, но по неписанному кодексу чести, завещанному нам поколениями старших кадет, мы проводили грань и за эту грань не переступали. Мы знали, с кем, где и когда можно дать волю своим человеческим инстинктам. Но наша барышня была для нас священна. Если бы кто-нибудь из нас посягнул на барышню, переступил бы эту грань, результат для него был бы крайне плачевным.

. . . Среди старших кадет оживление. Начались каникулы и в корпус, к родителям, приехали «наши» институтки. Возбуждение почти общее. «Ухажеры», а их сонм, приглаживают непокорные чубы и проборы, достают брюки из глажки. О нет, совсем не то, что можно подумать; не только прачешной или заведения, где гладят костюмы, формы и проч., но у нас не было даже утюга. Еще вчера вечером, сняв брюки, аккуратно складывали их, намечали складку и обильно смачивали ее водой. Затем укладывали их на доски кровати под матрас и спокойно укладывались на нем спать. Завтра утром брюки оказывались безукоризненно выглаженными.

Сегодня воскресенье и все мы отдыхаем, свободны. Вскоре, веселая молодежь гурьбой высыпает из ворот крепости. Тенистая аллея. По ней медленно движется толпа, человек двадцать пять, тридцать. Это Зоя, она же «мать-атаманша», т. есть дама выпуска, а вокруг нее — кадеты, «ее» кадеты. Слева от нее — пять человек, столько же справа (большая ширина аллеи и не вместит), а сзади — полчища! И еще кто-то забежал спереди и, оживленно жестикулируя, рассказывает Зое что-то веселое. А она смеется заразительным смехом, она счастлива. А поздним вечером, когда Зоя уже уляжется спать и когда весь лагерь погрузится в сон, «Пик» Иванов и я, два

закоренелых мечтателя, выберутся незаметно из сотни и пойдут бродить по спящему лагерю. Луна. Мечтатели усядутся на скамейку в тени большого дерева, на той же самой аллее, шагах в ста от Зоиных окон. И начнут молоть всякую чепуху. «Пик» станет уверять, что стоит только сосредоточиться, сконцентрировать всю свою волю и мысли и вот можно, мол, заставить Зоечку встать и подойти к окну. И тогда, не шевелясь и не выдавая ничем своего присутствия, ты можешь хоть с минутку полюбоваться ее неясным силуэтом. И наивный мечтатель, устремляя «пронзительный» взор в темный провал окна, думает-думает . . . А Пик в это время находит вбитый кем-то в дерево гвоздь и советует усесться так, чтобы гвоздь пришелся в затылок: «Ты вдавливай, вдавливай», говорит он, «так легче сосредоточиться». Сам автор этому верит (да чему не поверишь в те прекрасные годы мечтаний!) и вдавливает, и вдавливает . . . «Я помогу тебе думать», шепчет Пик, «я тоже буду думать . . . » Два молодых мечтателя думают, но никакие гвозди, никакая концентрация не помогают. Приятели бредут дальше и вслух декламируют Пушкина.

А завтра — бал. Не вечер в какой-нибудь сотне, «только» для кадет сотни и приглашенных. Нет, это общий, корпусной бал. И верные «три пажа» поднесут Женечке по крошечному букетику фиалок. Женечка старше их и около нее кавалеры из старших классов. Но вот и для этих косноязычных, что-то лепечущих ей и глядящих на нее с немым обожанием «пажей» или «мушкетеров», в Женечкином сердечке находится уголок, и нежные слова благодарности вознаграждают героев. А герои — они сегодня по таким скалам карабкались, что там и голову можно сломать, а все для того, чтобы у «нашей» Женечки сегодня на балу были свежие фиалки.

Громадное здание. Чтобы превратить эту бывшую конюшню в бальный зал — немало потрудились кадеты. Немало тачек земли навезли сюда, утрамбовали, обшивали досками, белили стены, и вот — танцевальный зал и зал для театральных представлений. Сцена. На занавесе — новочеркасский памятник Ермаку, рисовал Гриша Самойлов. Тот самый Гриша, который впоследствии станет одним из самых прославленных архитекторов Югославии и чей проект самого большого

храма в столице получит первую премию. А пока — Гриша разрисовывает програмки для дам, рисует пейзажи в альбомы и без устали пляшет на балах. На сцене — хор трубачей-кадет. Вдоль стен — скамейки, кой-где стулья, для директора и его дам — кресла (одно из них — бутафорский трон царя Феодора Иоанновича, но ничего, сойдет). На стенах — большие портреты. Державный шеф корпуса, Государь и Государыня, Наследник в форме Лейб-Казачьего полка, Войсковые Атаманы — А. М. Каледин, А. П. Богаевский и другие. Пол — из строганых досок, но, уверяю вас, и по ним будет скользить веселая молодежь. У дверей распорядители-кадеты. Пышные голубые банты. Не всегда на левой стороне груди — обычно на левом плече. На банте — «атаманский» погончик с белым кантом. У входа столик, на нем програмки. Их не печатают, а рисуют кадеты. Иногда это настоящее произведение искусства. Рисуют многие, у кого есть способности к рисованию — ведь програмок надо много наделать, так чтобы у каждой дамы, да и у некоторых офицеров было по програмке. Но это количество, а вот о качестве — тут уже не переплюнуть таких, как Гриша Самойлов или Киреев, а впоследствии Ваня Дубровный или Виктор Иванов — это настоящие художники.

Скоро начнут «съезжаться» гости. По образу пешего хождения. «В этом городе пыльном» бывали балы, но «не было просто приличных карет», да и вообще перевозочных средств, кроме несчастненького фордика не было. Ходили наши воспитатели и преподаватели, независимо от возраста, на «своих двоих» и не знали что такое склероз или сердечные заболевания. Итак, начинали сходиться. Но . . . прежде чем прибудет директор корпуса и вообще персонал — должно прибыть «самое почетное» начальство — «мать-атаманша», дама выпуска. Почему до прихода остальных? Потому что «зверям», «лавочке», одним словом персоналу, незачем знать о том, что при ее входе (а войдет она, окруженная традиционным «начальством», т. е. атаманом выпуска, его адъютантом, есаулами и проч.) хор трубачей грянет со сцены встречный «Атаманский» марш, и кадеты вытянутся в струнку. Она же не пройдет, а «прошествует» к своему почетному месту (стул, конечно, а не скамья!) и останется там, окруженная своим выпуском, до прибытия

настоящего начальства. Начальство же сделает вид, что ничего об этом не знает, однако, с особой почтительностью будет ее приветствовать, отлично понимая, что негласной хозяйкой бала в глазах кадет является именно она. И первым будет с ней танцевать «Атаман», а не кто-либо другой, если только Атаман не смилостивится и не прикажет сделать это своему «адъютанту». Случилось однажды, что один из кадет позволил себе не совсем уважительно отозваться о даме выпуска. Это было его концом. Выпуск поставил его на так наз. «красное положение» (как видите, красный цвет, исключая лампас и околыша, у нас особенной любовью не пользовался), попросту, его бойкотировали, и в результате пришлось ему перевестись в другой корпус. Да, честь барышни — великое дело!

Оркестр Корпуса в 1924 г.

Но вот сходится начальство. Пониже рангом — пораньше, последним — директор со своими дамами. Встречные марши приветствуют и командиров сотен и директора. Его встречают маршем гвардейской артиллерии или же Преображенским. Носятся по залу кадеты-распорядители, развеваются голубые банты. Распорядители никогда не ходят обычным шагом, они именно носятся или скользят. Они проверяют — у всех ли дам

есть программы, т. е. расписание танцев. Трубачи играют вальс. Кадет дирижирует танцами. Вальс обычный, вальс с фигурами. А затем па-де-катр, па-д'эспань, хиавата, цыганочка, полька-бабочка, па-де-патинер — все это утонуло и находится где-то далеко, чуть ли не по соседству с древне-греческими плясками.

Мне пришлось бывать не раз на современных вечеринках — следовать за сынишкой, начиная с возраста «клопа» и кончая университетом. Балами я все эти вечеринки не назову, несмотря на их внешнее, подчас, великолепие и блеск, несмотря на удобство и комфорт мебели и помещений. А вот у нас, в нашей бывшей конюшне австрийской крепости, на строганных досках, были настоящие балы. В нынешнее время, кавалер приводит с собой даму и танцует с ней одной весь вечер, ревниво оберегая ее от посягательств соседей протанцевать с ней хотя бы один танец. А в наше, несколько смешное, старомодное время, считалось не совсем приличным непрестанно, «без отрыву», танцевать с одной дамой. И выражение «она пользовалась успехом» понималось в то время иначе: тогда, даже тот, кто тайно или явно «воздыхал» по даме сердца, был счастлив, если и другие наперебой приглашали ее на танцы. Вот это и означало «пользоваться успехом».

А сколько раз рыцарское отношение кадета подчеркивалось его манерой танцевать. Как приятно было смотреть, когда кадет, намеренно отдалив от себя даму, не в мыслях, а физически — держа ее чуть ли не полметра от себя, ловко вальсировал по строганным доскам пола. И в душе каждого кадета не было ничего, кроме наслаждения самим танцем и глубокого уважения к той, кого он подчеркнуто далеко держал в своих крепких руках.

Носятся в вальсе наши институтки, но они не одни. Приглашали на вечера и некоторых сербок из города. Правда, их было мало. Носятся и жены воспитателей и преподавателей, ведь и они в ту пору по большей части были так молоды! Танцевали в то время и кадеты с кадетами, «шерочка с машерочкой». Танцевали весело и непринужденно.

По бокам, ближе к выходу, подпирая стены, в позе Печориных стоят нетанцующие. Некоторые не умеют, а другие не

желают уметь, и все тут! Но и им страшно интересно наблюдать за происходящим, хотя некоторые из них и строят презрительные мины или напяливают маску равнодушия.

А потом, где-то в середине бала рявкнет вдруг оркестр «Казачка». Мелькнут алые лампасы, и синь шароваров пойдет стлаться по доскам, а потом в «колесе» пройдутся руки по полу, застучит пулеметной дробью подкованный каблук Коли Басова или Бориса Кундрюцкова. Тут и из толпы нетанцующих вырвется кто-нибудь, не сдержится и начнет чесать по-станичному. Тут иной раз и малыши не стерпят. Выскочит вьюном черномазый, как цыганенок, Митя Мерзликин и «докажет свое» (а в будущем пуля красного партизана уложит его в конной атаке. А брата его Петю свалят болезни где-то в сибирской тайге, после многих лет концлагеря. И не Коле ли Букину отобьют румынские «сикуранцы» почки и ребра при переходе границы?)

А затем, после грома рукоплесканий заунывно запоет Лезгинка. Начнет с «молитвы Шамиля» —

«Горе нам, визирь к нам с войском стремится...
Где бы нам, как бы нам от него укрыться?..
Мы в лес, мы в горы — русские за нами,
Бьют нас и режут, и колют штыками»...

И вылетит из толпы Шура Беломестнов в белой черкеске и, едва касаясь пола чувяками, кошачьей, неслышной поступью заскользит по полу. Все чаще, все воинственнее ритм... А за Шурой — резиновыми ногами стелется по земле ладно скроенный Петя Вертепов. Как там у него ноги приклеены, один Бог ведает, но выделывает он ими такие чудеса, что диву даешься. И время от времени слышится из толпы одобрительное «Ас-с-с-с...» и восклицания «Урсач!» и «Аджа!»

Вот кончен бал и гаснут свечи... Нет, свечи не гаснут, гаснут карбидные и керосиновые лампы, и расходится веселая публика. Кадеты провожают своих дам до дому. В то смешное время, каждая мама могла бы отпустить свою любимую дочь в любой час ночи с кадетом. Этого не случалось — мамы и всякие другие шапероны и шаперонши не отставали ни на шаг. Но если бы их и не было — уверяю вас, что более надежной защиты для барышни в позднее время, чем кадета, нельзя было бы сыскать.

В этом же здании давались и театральные представления. Режиссером, вдохновителем, постановщиком, одним словом — душой кадетского театра, был регент хора и талантливый артист, Яков Иванович Шпилевой, кубанский казак, в кадетском просторечии «Яшка». Тогда ему, пожалуй, не было и сорока лет. Начали со скромного, с одноактных пьесок, но потом дело пошло быстрыми шагами и взялись за Островского. Из последнего было переиграно, кажется, все. Женские роли исполнялись женами воспитателей и преподавателей. В редких случаях женские роли поручались кадетам. Выявились понемногу и таланты. Помню, как изумил всех мой новочеркасский командир сотни, ген.-майор А. И. Васильев, — он оказался прирожденным комиком. Его «Аркаша» в сочетании с блестящей игрой преподавателя русского, А. Н. Перцева, был незабываемым театральным дуэтом — мы буквально покатывались с хохоту. В женских ролях необходимо отметить прежде всего очень пожилую даму, фамилия которой выскочила у меня из памяти. Помню, что звали ее почему-то княжной Джавахой. По-моему она была кавказского происхождения. Она была особенно хороша в ролях трагических старух, как напр., в «Грозе», где она зловеще говорит, обращаясь к Катерине, стоящей у омута: «Вот она, красота-то, куда ведет!» До сих пор не забыть, мурашки тогда пробегали по коже, так естественно она играла. А Катериной, царицей Ириной и т. д., всех ролей не перечтешь, была талантливая Виктория Васильевна Рещикова, жена воспитателя, полк. Владимира Николаевича Рещикова, в прошлом изюмского гусара. Много в ней было чуткости, неподдельного чувства в игре. Очень редко выступала в ролях старух и ее мать, Надежда Палладиевна. Играли Белкина, Поссевина, Листратова-мать, играли многие. Скажем так — мало кто не играл. А среди кадет хочется отметить прежде всего ныне покойного, быв. сибиряка-омича Сережу Семынина. Это был Богом данный талант. Хорош он был и в роли кн. Вяземского и князя Серебряного. В добавление к врожденному таланту, он обладал еще и красивой и видной фигурой и был очень хорош собой. Он искренно увлекался театром. Помню, как мы вместе с ним писали письмо Мозжухину, который облил нас ушатом холодной воды, и спасибо покойному, что

удержал нас от этого шага — идти на сцену. Впоследствии Сережа стал священником и умер не так давно на Восточном побережье США. Знаю, что и на этом поприще его уважали и горячо любили.

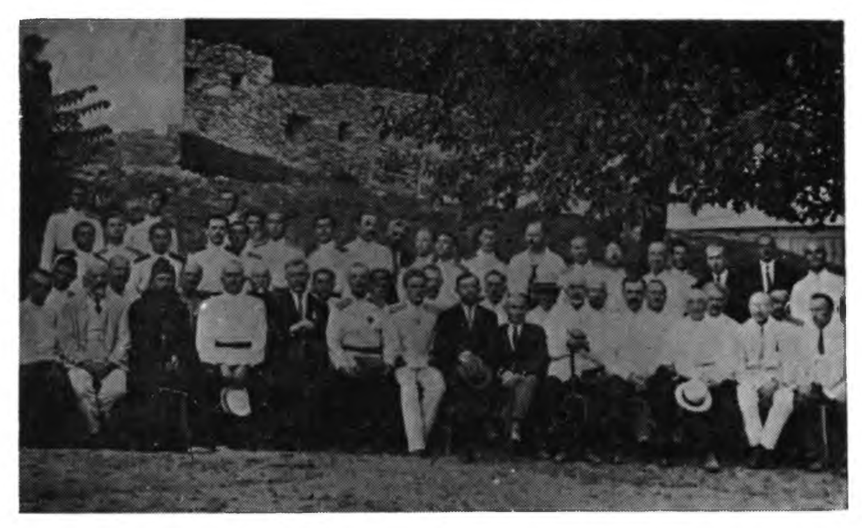
Одно время шли разговоры среди персонала — а не слишком ли вредит увлечение театром академическому делу? Победило то течение, которое высказывалось за театр. Главную роль в нем играл уже упомянутый мной преподаватель русского языка и словесности, А. Н. Перцев. Не будь его — знали ли бы мы столько? Он и на уроках вливал в нас столько любви к русскому языку и литературе, делая свои уроки поистине живыми и увлекательными. Мы еще в младших классах, как только вырывались от «Солохи» (препод. Солошенко, очень неплохой и знающий свой предмет, но несколько сухой) и попадали в руки Перцева, начинали чувствовать за спиной у себя крылья. Он не только преподавал по расписанию и развивал нас, но и заставлял действовать совершенно самостоятельно. Мы должны были разрабатывать рефераты по русской и иностранной литературе, иногда заданные им, а иногда по свободному выбору и читать их перед классом. Эти рефераты ни в каком расписании не предвиделись. Вот тут то и вырастали наши крылья. Перцев также учил нас, как надо писать. Указывал, что нужно избегать всяких «красивостей», не углубляться в вылизанные описания природы, не опошлять стиль разными «изумрудными травами» и тому подобными штампами. Где бы он ни был — низкий ему поклон! Так это именно он настоял тогда на том, чтобы театр и далее развивался, а это столько дало всем в изучении русской литературы. Это уже выходило из рамок обычных ученических спектаклей, здесь и масштаб, и отношение к делу, были шире и глубже.

Ставился и «Феодор Иоаннович», весь, без купюр, и «Смерть Иоанна Грозного», и «Князь Серебряный». Читатель вправе улыбнуться и сказать: н-да . . . а все же — как с постановкой, откуда декорации, костюмы и проч.? Поговорим об этом. Чтобы создать декорации — тут особенного труда не требовалось. Нужны были краски, материал и художники. Все это имелось, кроме времени, конечно, и здесь приходится снять шапку перед жертвенностью кадет-художников, которые на

это тратили часы своего вечернего, а то и ночного отдыха. В первые годы Гриша Самойлов, затем сибиряк, по-моему кадет Омского корпуса, Ваня Дубровный, также талантливый художник; вот они набирали себе армию охотников и писали декорации. А костюмы!.. Ведь надо же иметь в реквизите столько-то боярских, столько-то для рынд, столько-то для боярынь и боярышень, а там еще князья и, в конце концов, царское одеяние! Нужно только захотеть... А «хотение» было у нас сильное, и вот перед публикой появлялись на сцене — то терем, то царские хоромы, где на троне восседал Грозный в самой настоящей шапке Мономаха, в одежде сверкавшей каменьями, в бармах и оплечье, с золоченым посохом в руке. А за ним в белоснежном одеянии с топориками на плечах стояли царские рынды. И все на сцене искрилось и переливалось. Или же врывались шуты-скоморохи в пестрых одеждах и ходуном ходила сцена. А публика замирала. Или — целый сонм бояр в «великолепных» костюмах, «брады своя уставя в земь» сидел на резных стульях за длинным столом, обсуждая дела Московской Руси.

Нужно только захотеть... Из мешковины, из самой обыкновенной дерюги, кроили наши дамы одежды, в дело пускались клеевые краски и бутафорские «самоцветы», и все это делалось чуть ли не по ночам, и вот создавалась феерия, производившая со сцены незабываемое впечатление. Не все мы, конечно играли, как то подобает настоящим артистам. Не все у нас выходило гладко, да и не могло — число участвующих бывало слишком велико — никакой режиссер не мог бы за этим усмотреть. Театр приблизил нас к русской литературе. А с драматических произведений увлечение перекинулось и на остальное. Боже, сколько мы читали! Где угодно, когда угодно и как угодно. Сколько раз после вечернего обхода дежурным офицером спален, какой-нибудь «одержимый» забирался под кровать. «Занавесившись» одеялом с обеих сторон, он «возжигал свечу воску ярого» и в этом полусклепе, с опасностью быть пойманным и наказанным и постоянно водя свечой из стороны в сторону — чтобы не прожечь доски, в таком положении предавался чтению. Часами, до изнеможения, покуда оставался «воск ярый». Было ли наше чтение всегда серьез-

ным и полезным? Да нет, читали не только классиков, увлекались и Луи Буссенаром, Майн-Ридом. Одним словом, всем, что было в этом возрасте по душе. Все, что попадается под руку.

Персонал Корпуса с кадетами.

ПОСТАНОВКА УЧЕБНОГО ДЕЛА И НАШИ ЗАКОНОУЧИТЕЛИ И ДУХОВНИКИ.

Первым законоучителем 2-го Донского кад. корпуса во время его эвакуации из Евпатории и, затем, в Стрнище, в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, был о. Василий Бощановский. По прибытии корпуса, он отслужил торжественный благодарственный молебен, а через некоторое время панихиду по безвременно погибшему от большевистских рук Донском Златоусте, Митрофане Петровиче Богаевском, Товарище Войскового Атамана генерала Каледина. Передо мной на столе — подлинник его проповеди по этому случаю, написанный его рукой и переданный вдове покойного, Елизавете Дмитриевне. От нее я его и получил и жалею, что, за недостатком места, не имею возможности привести эту проповедь целиком. Привожу выписки из нее.

« . . . умер он, хотя и имел возможность избежать смерти. Умер, веря в честь и достоинство души человеческой. Умер от

гнусной руки большевизма, но не случайно, а по роковой необходимости. В царстве торжествующего Хама все честное и доброе русское может только терпеть, страдать и умирать. Помните это вы, юноши и дети! Вернуться теперь — означает вернуться к Ленину и Троцкому, к гнусным палачам Матери-Родины. Вернуться — значит покориться предателям, признать их право на издевательство над тем, что должно быть святыней каждого русского! Слушающий — да разумеет!»

Протопресвитер Бощановский родился в 1872 году в селе Самбек Екатеринославской губ. Он окончил Киевскую духовную академию и в 1897 г. рукоположен в священники. С 1899 года состоял законоучителем в различных учебных заведениях в России и заграницей. В октябре 1949 г. он стал настоятелем Александро-Невской церкви в г. Лейквуде, около Нью-Йорка. Решением Архиерейского Синода Русской православной церкви о. Василий был возведен в сан протопресвитера в 1956 году.

После него, законоучителем в корпусе стал о. Иоанн Трофимов, донской казак, отец кадета. Оба были высокого роста, косая сажень в плечах. Служил благолепно, требовал от нас знание Закона Божия и лепил колы, когда мы этого заслуживали. У меня нашел в парте стихотворения Пушкина, да не те, какие нужно. Взял за плечи, повел к форту. Долго поучал, старался объяснить, что это Александр Сергеевич написал в самые ранние, юношеские годы, а что потом и сам стыдился того, что написал и друзей просил ему об этом не напоминать, сердился, когда об этом заговаривали. И вот о. Иоанн заставил меня вырвать по листочкам (а жаль было, так как это было старое, редкое издание — откуда оно попало ко мне, я уж теперь и не помню) и, разорвав на мельчайшие кусочки, развеивать по ветру. Сам помогал в этом.

Долгое время нашим духовным окормителем был никто иной, как сам епископ Вениамин, духовный глава Белой Армии. Этот период оставил, я думаю, одно из самых ярких воспоминаний в душе кадет, в особенности младших классов. Епископ Вениамин своим искренним словом увлекал за собой молящихся — проповеди его были исполнены глубокой верой и каждое его слово проникало в самую душу. Оглядываясь на

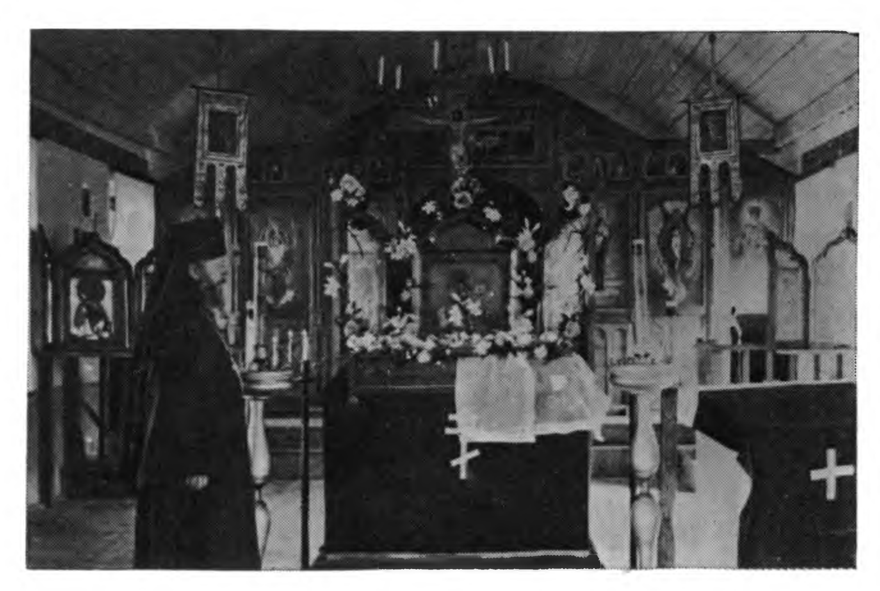
Митрополит Антоний среди кадет.

прошедшее, я ясно отдаю себе отчет в том, что он сделал для нас, для нашего духовного обогащения и какой переворот произвел в юных сердцах. До него, да и после него, — что греха таить, подросток-кадет особой набожностью никогда не отличался, за очень редкими исключениями. Вспомним, говоря об этих исключениях, пример Бориса Петровича Богаевского, который с малых лет, казалось, посвятил себя на служение Богу. Частенько любили мы удрать и всякими правдами и неправдами избежать долгого стояния в церкви. Это не имело ничего общего с верой или неверием мальчишки. Просто в этом возрасте не вдумываешься глубоко во многие вопросы. Но это избегание не касалось тех из нас, что пели в хоре — те были считанные, да и любили церковные службы. А булочки певчим в воскресенье — да разве рискнешь потерять такую вкусную сдобную булочку!

Но с приездом епископа Вениамина влилась в нашу жизнь новая струя. Даже «теплохладных» сумел он заразить своим горением и привлечь к алтарю. Его Богослужения были прежде всего интересны. Я задумался было: уместно ли воспользоваться этим словом для определения и решил, что это точнее всего определяет характер того, что он делал. Прежде всего, он в подробностях знакомил нас со смыслом Богослужения, объяснял в классе все детали и, может быть не совсем понятные выражения в тексте Богослужнеия. А мы-то думали,

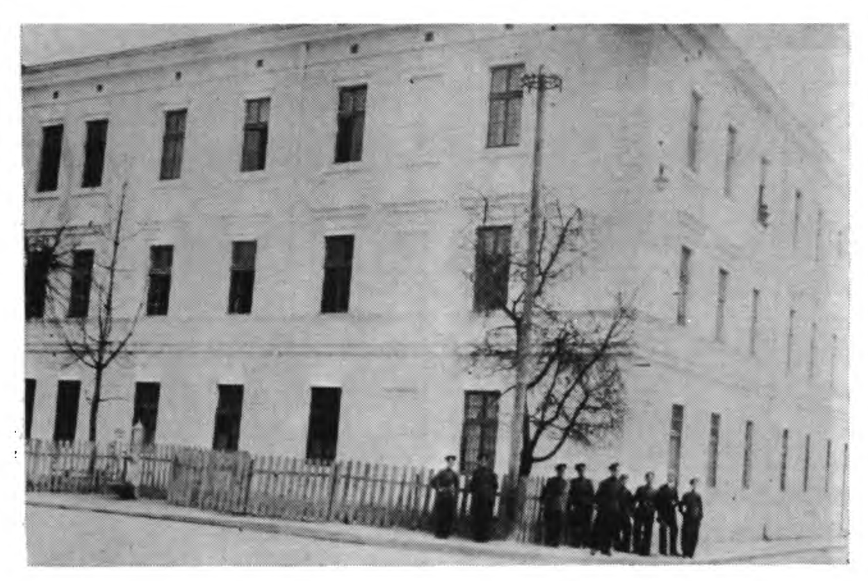
что с церковной службой знакомы с самого детства! Оказалось много нового, что только теперь открывалось в его проникновенных объяснениях. Поэтому особенно внимательно мы следили теперь за всем, что совершается во время службы. Изредка он знакомил нас с теми обрядами, которые редко соблюдаются в нашей церкви, как это было, например, с обрядом омовения ног 12 апостолам. В качестве «апостолов» были выбраны кадеты, и для обряда был сооружен особый помост, обшитый белыми простынями. Этот обряд своей исключительной красотой и внутренним смыслом произвел на нас сильное впечатление. Епископ Вениамин сумел привлечь к Церкви много «теплохладных» и огрубелых сердец. Помню, что многие из тех, что непрочь были ранее отлынивать от воскресной службы, вставали теперь часа на два раньше и бежали к ранней. Готовы были, кажется, пожертвовать и завтраком, если надо. Очень многих, в том числе и меня, епископ заставил задуматься о том, что у нас до тех пор лежало под спудом. Его отъезд был для нас ударом. Тяжело было расставаться, и его автомобиль несли на руках так же, ка в свое время и автомобиль Главнокомандующего. При епископе, нам удалось не раз слушать всероссийскую знаменитость — прославленного протодиакона о. Вербицкого, пластинки которого ныне уже фонографическая редкость. А тогда, в течение долгого времени, он жил и служил при корпусе.

Вслед за тем, нашим законоучителем стал архимандрит Иоасаф, впоследствии архиепископ Буэнос-Айресский и Аргентинский. Владыка родился — согласно выписке из журнала «Православная Русь» — в 1888 году в Новгородской губ., в семье сельского священника. Духовное училище и семинарию окончил в Новгороде, а Духовную академию в С. Петербурге в 1912 г. В том же году принял монашество и стал инспектором Духовного училища в г. Яранске, Вятской губ. Позднее инспектором Духовного училища был переведен в Полтаву, где и жил до революции. После эвакуации из Крыма он прибыл в Югославию и в течение пяти лет был законоучителем в Донском Императора Александра III кадетском корпусе. В 1927 г. православные в Монреале пригласили его настоятелем новооткрытого прихода. Архимандрит Иоасаф пробыл в Канаде 6 ме-

сяцев, а затем вернулся в Югославию, где в октябре 1930 г. был хиротонисан в сан епископа. Вернувшись в Канаду, Владыка сумел наладить жизнь епархии и создал в Канаде 2 монастыря и ряд православных приходов. В результате его двадцатилетних трудов, там возникли 2 отдельных епархии. В 1951 году он был назначен правящим архиереем в молодую Аргентинскую епархию, где создал много новых приходов. Скончался Владыка 26 ноября 1956 года в Буэнос-Айресе.

Постараюсь описать его, каким помню — аскетической внешности, небольшого роста, с прямыми волосами, с большими горящими глазами, — он, надо сознаться, не привлекал к себе сердца кадет в той степени, в какой это удавалось всегда делать епископу Вениамину. К архимандриту Иоасафу относились с глубоким почтением, но не бывало того импульса, чтобы вдруг, по внутреннему наитию, подбежать к нему под благословение и с искренней радостью поцеловать его благословляющую руку, как это случалось с нами при епископе Вениамине. Чувствовалась какая-то сдержанность, некоторая сухость. Я очень боюсь ошибиться в своем анализе, он очень субъективен, но передаю то, что чувствовал и наблюдал сам. Думаю, однако, что он был лишен сухости, что в нем было много внутреннего огня, только другого свойства.

Здание Корпуса в Горажде.

ПЕРЕВОД КОРПУСА В ГОРАЖДЕ.

В 1926 году наш корпус был переведен в Боснию, в маленький городок Горажде, на берегу Дрины. Этот перевод произошел вследствие того, что Военному министерству понадобились казармы в крепости Билече, для размещения там Школы офицеров запаса.

Несмотря на то, что Горажде считалось захолустьем, однако, разница между этим городком и Билече, где ранее проживал корпус, была громадная. Из диких мест мы неожиданно переехали в какой-то, казалось нам, оазис, настолько разница была разительна. Во-первых, сам городок был больше, во-вторых пути сообщения были под рукой, в городе был хоть какой-то «букет» очаровательных девиц (правда, их можно было легко пересчитать, но в Билече и считать-то не приходилось), было много зелени, не было «поскоков» — змей, которых мы опасались в Билече, не так далеко было до крупного центра — города Сараево, куда можно было при желании съездить, и куда мы так никогда и не ездили. В общем, здесь было гораздо приветливее и лучше, а климат был гораздо мягче.

Корпус занимал большой комплекс зданий, среди которых

одно было главным: там помещались классы, штаб, а на верхнем этаже спальни некоторых выпусков. Остальные выпуски помещались в удобных бараках неподалеку. Далее была церковь, в таком же бараке; квартиры чинов персонала, театр (переделанный из конюшни) и корпусной лазарет. На берегу Дрины стояло еще одно довольно большое здание, в котором жил директор корпуса и некоторые воспитатели с семьями.

Река Дрина очень бурная, и вода в ней холодная, так что купаться можно было в очень редкие, особенно жаркие дни.

Над корпусом с одной стороны и над городом с другой нависали горы. Нависавшая над корпусом гора прозвана была «Горой самоубийцы». Дело в том, что на ней покончил с собой один казак, как раз перед нашим приездом в Горажде.

Под горой располагалась наша кухня. Работал в ней Петрович, как его фамилия — понятия не имею, мы все его звали просто Петровичем. Говор его был цветистый и выразительный, я любил его слушать, а рассказывать он был большой мастер. Запомнилась мне одна его фраза. Мы стояли где-то возле кухни, а мимо проходила одна русская дама, очень корпулентная. Петрович поглядел ей вслед и заметил: «Вот это — дама и душевне спокойственная и на ногах утепистая . . . » Точность определений его была поразительна.

С чувством глубокого удовлетворения, отбросив всякий «местный патриотизм» и сознавая ответственность за свои слова, могу засвидетельствовать, что учебное дело в нашем корпусе в Югославии было на должной высоте. Из описания жизни корпуса в Египте читатель вероятно уяснил себе, что там дело преподавания довольно-таки хромало, чему и не следует удивляться: корпус потерял слишком большой процент чинов военно-педагогического персонала во время гражданской войны — уход на фронт в партизанские и регулярные отряды, тиф, смертные случаи и т. д. За дело преподавания часто брались люди, мало общего с предметом имевшие; брались из самых чистых побуждений — хоть чем-нибудь помочь молодежи. Вот почему хороших преподавателей можно было пересчитать по пальцам. В Югославии же условия стали более нормальными, было больше возможности подобрать подходящий учительский состав и для этого имелся резервуар несравненно большего объ-

ема, чем это представляли собой беженские лагери в Египте. Напоминаю, что в Египте в первое время у нас не было даже врача.

Донцы и в Югославии поддержали старую традицию: особенно процветали у нас точные науки. Донцы всегда были хорошими математиками, а тут еще и преподаватели попались на редкость хорошие. С самого начала и до конца в корпусе преподавал математику старый Чекамасов. Это был преданный своему делу, очень высоких познаний преподаватель. Тот кто хотел — мог получить от него очень много. Несколько позже в корпус приехал, вырвавшись из СССР через Польшу, новый математик, некто Богоявленский. Оба они представляли собой полный контраст в методах преподавания. Чекамасов был годен для преподавания на высшем уровне, в университете, где имеешь дело со зрелыми и серьезными студентами. Он священнодействовал у доски, испещряя ее всю формулами и редко поворачивая седую голову к слушателям, бросал отрывистые замечания еле слышным голосом, сразу же стирал написанное и снова принимался заполнять доску новыми формулами. Итак, кто хоетл, научился многому. А таких у нас было немало. Такие — понимали, записывали, умели расшифровывать и его замечания шепотком, и его иероглифы. Полную противоположность ему представлял собой Богоявленский. Также прекрасный математик и профессор университета, он отдавал себе,

однако, отчет в том, кого он имеет перед собой и, сообразуясь с этим, думал прежде всего о методике и о том, как преподнести предмет. Он не хотел заинтересовывать только меньшинство, «посвященных», наиболее способных. Его цель была — вовлечь в игру каждого. На его уроках процент успеваемости взлетал ракетой вверх; от него нельзя было просто так отмахнуться, он донимал вас, покуда вы не начинали кое-как барахтаться в математическом море. Не удовольствовавшись обычной системой отметок, он ввел еще новую отметку — нотабену. Так мы его и прозвали с тех пор: «Нотабеной», сменив прежнюю, незаслуженную им кличку «Красный». «Красным» прозвали его только потому, что он приехал позже нас из России, большевиков же он не переваривал так же, как и мы. Каждому известно, что «нотабена» — это просто знак, чтобы на что-то обратить внимание позже. Но у Богоявленского это стало отметкой, чем-то ниже нуля или вроде нуля.

Профессор Абрамцев, историк. Помню его еще по Новочеркасску. Из-за его привычки почти каждую фразу начинать с «ну-с», или же «нуте-с», кадеты прозвали его «Нусом». Рано полысевший, он напоминал головой Сократа. Его метод преподавания не ограничивался «от» и «до». Он раскидывал перед слушателями широкую панораму, и происходившие в тот или иной период события и участники этих событий вставали перед нами, как живые. Он дополнял учебник красочными деталями и требовал от нас не только заданного по учебнику, но и того, о чем он сам рассказывал нам. Обычным методом средней школы он не ограничивался. Приведу пример. Обычно на вопрос о причинах Первой мировой войны, кадет скороговоркой и без запинки отвечал: «Убийство в Сараеве австрийского эрцгерцога . . . » и т. д. По книге это было как будто правильно. Но не для Абрамцева. Он начинал излагать экономические причины, борьбу Англии и Германии за мировые рынки и знаменитое «мэйд ин Джермани» — клеймо на германских изделиях, брошенное, как вызов английской промышленности. «Вот это и есть причины войны, а то, о чем вы говорите, это только повод к ней. Ну-с, назовем их, если хотите, непосредственные причины . . . » говаривал он. Одним учебником Александр Иванович, наш милый «Нус» не ограничивал-

ся. Он приносил часто несколько учебников, давал их читать нам или же просто цитировал, и мы должны были их сравнивать и находить разницу в подходе и освещении событий. Тут были и Ключевский, и Платонов, и Иловайский, и кого только не было: «все побывали тут».

По переезде в Горажде Абрамцев, к сожалению, ушел из корпуса и перевелся в Крымский кадетский корпус.

Хочется напомнить и о том, что «Нус» дал нам многое по истории Дона, его рассказы о донской старине были неисчерпаемы и всегда очень интересны.

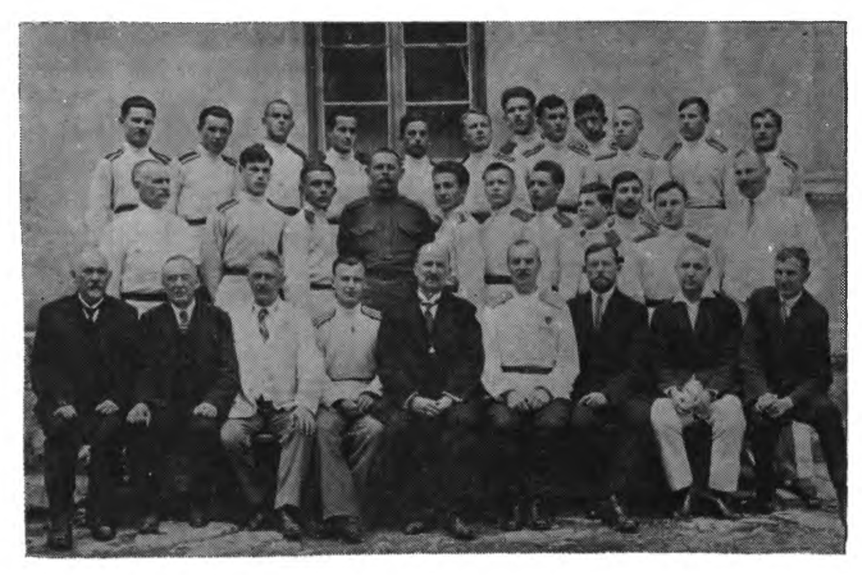
Впоследствии приехал читать лекции, главным образом, по военной истории, и на долгое время остался у нас преподавать полковник ген. штаба Борис Николаевич Сергеевский. Всегда подтянутый, прекрасно одетый, в ловко подогнанном кителе, он уже своим внешним видом производил на кадет хорошее впечатление. Нужно ли говорить, что лекции полковника Сергеевского были исключительно интересны. Они иллюстрировались обычно с помощью карт и его собственных чертежей на доске. Думаю, что нелегко ему было снижать свои лекции с генштабного уровня на уровень понимания и знаний мальчишек-кадет, но он это делал блестяще, и текст его лекций всегда полностью доходил до нашего сознания.

Преподаватель химии и физики, проф. полковник Христианович. Звали мы его «Тараканом» за огромные рыжие усища, которыми он, как таракан, иногда поводил из стороны в сторону, ища жертву. Был очень требователен и строг — не знать урока у «Таракана» просто было нельзя. Всякие «извините, господин полковник, я сегодня не успел . . . » пресекалось усами, грозным взглядом, распеканием перед классом и каллиграфической единицей — почерк у него был изумительный! На одних «бор встречается в природе в виде борной кислоты и, сгорая в кислороде, дает бурые пары» — отыграться было невозможно. Крупным недостатком в изучении физики и химии была крайняя ограниченность в количестве прикладных пособий. Лаборатории, как ранее в Новочеркасске, и в помине не было. Однако, благодаря его настояниям и хлопотам, а отчасти и его труду, у нас появились кое-какие пособия, позволившие оборудовать незатейливую лабораторию по физике

и химии. Большая же часть наук проходилась по книгам и его запискам. Когда «Таракан» отходил от класса на достаточное расстояние, кто-либо, тщательно спрятавшись («Таракан» — гроза!) затягивал что-то о романтически настроенном юнкере, который вышел на крыльцо подышать свежим воздухом, а кадеты вполголоса подхватывали:

«Химия, химия, сугубая химия ! . . . »

Как обидно, что обстоятельства не позволяют подробно остановиться на каждом из наших педагогов и воздать им должное. Скажу только, что плохих, неумелых — просто не помню, у нас их не было. То, что было заложено в кадет в корпусе, помогло донским орлятам позже расправить крылья. Блестяще поставленная математика выразилась в целой плеяде питомцев корпуса, преуспевших в университетах. Достаточно одного примера — Белоусов. Уже на первом курсе профессор, раскусив его и его знания как следует, предложил ему *совместно* писать труд по высшей математике!

Самыми легкими предметами всегда считались в корпусах Закон Божий и рисование. Так, как будто даже и учить не приходится, в особенности рисование. Легче легкого. А ведь все зависит от учителя, сумеет ли он вызвать в учениках инте-

рес или не сумеет. И вот вспоминается рисование. Сначала — старенький, участник Русско-турецкой, Японской и Первой мировой войн, ген.лейт. Карпов. Израненный, кавалер многих орденов, личный друг П. Н. Краснова. А ко всему этому еще и прекрасный рисовальщик. Преподавал спокойно, не нажимая, не гоняя, но к тем, кто проявлял интерес — был требователен. И это подгоняло и давало результаты положительные. При нем больших успехов достиг напр., Макевнин. Помню прекрасный портрет карандашом или углем А. М. Каледина, работы Макевнина. Да не только помню, а и сейчас имею удовольствие видеть его перед собой; мы пересняли рисунок, и каким-то чудом он у меня сохранился, стоит на письменном столе.

После ген. Карпова, ушедшего на покой, рисование преподавал Михаил Михайлович Хрисогонов, настоящий, законченный художник. Работать под его руководством было приятно и интересно. А теперь М. М. Хрисогонов пользуется широкой известностью в Южной Америке. 27 октября прошлого года в столице Венецуэлы, Каракасе была устроена выставка его картин в одном из лучших зал столицы «Арте декоративо» — как приятно было донским кадетам прочитать о своем старом преподавателе!

Образцово было поставлено спортивное дело. И только благодаря одному человеку — преподавателю гимнастики и спорта полковнику Гану. Правда, ни в Билече, ни в Горажде не увлекались и почти совсем не играли в футбол — так что никакого сравнения с Египтом в этом отношении быть не может. Зато работа на снарядах и фехтование были поставлены первоклассно. Полковник Ган был сам отличным фехтовальщиком, не раз бравшим призы на гвардейских состязаниях. В старших классах многие кадеты отдавали буквально все свое свободное от занятий время — гимнастике, работе на снарядах. Главное же, что полк. Ган, несмотря на то, что имел семью, отдавал столько своего времени кадетам, занимаясь с ними и по вечерам и после обеда. Результаты этой тренировки сказались позже, когда кадетские группы начали участвовать в различных гимнастических празднествах и соревнованиях в Югославии. Благодаря этому кадетам удалось участвовать в Сокольском слете в Белграде, а также быть и на главном сокольском пра-

зднестве — в Праге, в Чехословакии. Отличились и те, что работали на снарядах, отличилась и фехтовальная группа. У нас увлекались не рапирами, а главным образом эспадронами, что по крайней мере хоть напоминало казачью шашку своими ударами.

Вспоминаю своего командира сотни в Новочеркасске, стало быть 3-й сотни тогда. Александр Иванович, генерал-майор Васильев. А звали мы его «Воронье гнездо», так как, обходя спальни он часто бывал недоволен тем, как застланы кровати и кричал: «Это же не кровать, а воронье гнездо». С тех пор кличка и пошла. После Новочеркасска я увидел его снова только в Горажде, так как в Новороссийске он заболел тифом и от корпуса отстал. Ген. Васильев приехал устраиваться в корпус, но из этого, в общем, ничего не вышло путного. Никакой штатной должности он не получил, но ему выделили квартиру, вернее комнатку по соседству с полк. Поссевиным.

Если не ошибаюсь, в 1927 году корпус неожиданно посетил Король Югославии Александр. К сожалению, его приезд пришелся на каникулярное время, когда в корпусе было слишком мало кадет, а в тот именно день большинство разбрелось кто куда. Король нагрянул совершенно неожиданно, никого не предупредив. Потом выяснилось, что по дороге из Сараево кто-то из свиты сказал Королю, что вот где-то поблизости в маленьком городишке Горажде есть еще один русский кадетский корпус. Король сейчас же приказал отправиться туда. Власти в Горажде переполошились, когда королевский автомобиль показался на улицах городка. Засуетились, забегали, но Король не удостоил их посещением. Его автомобиль остановился прямо перед главным корпусным зданием. Одним из первых у дверей Короля встретил дьякон. Он выпучил глаза, как будто видел перед собой привидение. Король протянул ему руку и заговорил по-русски, а дьякон все еще не мог прийти в себя от изумления. Затем Король обошел помещения — классы и спальни, а в это время подоспело и корпусное начальство, никак уж не ожидавшее такого приятного сюрприза. Король пробыл в корпусе очень короткое время и проследовал дальше.

Возвращаясь на минутку к теме о кадетском театре, я

должен упомянуть, что и в Горажде кадетам пришлось поработать-таки порядком над устройством театра. Снова пришлось из конюшни делать дворец. Дворец не дворец, а в результате нечеловеческих усилий кадетам удалось привести здание в полный порядок, засыпать все «запахи» и уничтожить воспоминание о конюшне. Я не буду повторяться, говоря о театральных представлениях. Я хочу только вспомнить о нескольких счастливых днях, проведенных в этом здании. Именно там, в течение нескольких вечеров, волновал и вызывал в нас лучшие чувства заезжий русский поэт, представитель нашего «Серебряного века», расцвета поэзии в двадцатом столетии. К стыду своему, я должен сознаться, что не уверен в том, что правильно назову фамилию этого поэта, но мне кажется, что это — Оленин. Во всяком случае, это был автор стихов, положенных потом на музыку вещей, которые распевались по всей России-матушке: «Спите орлы боевые» и «Спи моя девочка, спи, моя милая». В течение этих нескольких вечеров он без устали читал нам свои стихи и стихи других поэтов этого периода: Блока, Ахматовой, Гумилева, Волошина и других. «Конюшня» сотрясалась от кадетского восторга, и его выносили на руках. Помню, в один из этих вечеров он закончил своим стихотворением, которое в конце увенчивалось такими строчками :

... Но главные причины нашей «Великой безкровной»
Вот :
Хождение в народ, непротивление злому и
Любовь ко всему чужому!

Я почти не спал и написал какие-то немощные вирши, которые на следующий день робко вручил ему. Через день был его последний вечер, и он прочитал свое стихотворение, посвященное донским кадетам. Оригинал он передал мне, написав очень лестное посвящение, начинавшееся со слов: «Юному поэту ... » и т. д. Я запомнил кое-что из этих стихов:

... « Я отдохнул среди кадет.
Из них мне мил и дорог каждый.
Здесь самый ... (?), здесь самый цвет,
Здесь Русь цветет в садах Горажды.
Погоны ваши ... Вензеля ...

Когда наступит день отрады, —
Леса родные и поля
Как им безумно будут рады!»

Но этим, к сожалению, обрывки моей памяти и кончаются . . .

Вспоминаются еще дни, значительные для кадет, полные надежд и устремленности сердец к далекой порабощенной Родине . . . Это были дни, когда корпус посетил последний Главнокомандующий Российской армии, генерал Врангель. Мы были выстроены на нижнем дворе, а перед строем, держась одной рукой за рукоятку кинжала, стоял Врангель. Хриплым, привычным к выступлениям перед необозримыми рядами войск, голосом он вливал в нас надежду и призывал к терпению.

Сотни молодых завороженных глаз глядели на него влюбленно, не отрываясь и впитывая в себя каждую деталь, каждую черточку его высокой фигуры, затянутой в скромную черкеску. Неподвижным изваянием возле него стоял его адъютант, лейб-казак есаул Ляхов, в мятой английской фуражке. Не думаю, что во времена австрийцев эти стены и бастионы могли оглашаться такими неистовыми кликами восторга, какими донские кадеты встречали и провожали генерала Врангеля. Пожалуй, проводы были еще более бурными. Кадеты подняли на руки автомобиль Главнокомандующего и понесли его на руках по шоссе, ведущему из Билече в Требинье. Несли и несли, пока он сам не приказал им опустить автомобиль на землю.

В истории Донского корпуса перевернулась еще одна яркая, полная глубокого внутреннего значения, страница. И не чаяли кадеты, что в 1929 г. их фанфара, с платом синего бархата и вензелем Императора Александра III, будет встречать на железнодорожной станции столицы и провожать до места последнего упокоения в скромной русской церкви прах этого самого человека. Четыре фанфариста, хор трубачей и взвод кадет от Донского кадетского корпуса выполнили эту печальную миссию. Казалось, еще так недавно, чуть ли не вчера — а это было в 1925 году — мы встречали его в Билече. Когда гроб Главнокомандующего, покрытый русским флагом, вынесли из поезда, привезшего его из далекого Брюсселя, многие из нас вспомнили то солнечное утро в австрийской крепости, а главное — те лучи веры и надежды, которыми освещал он нам тогда будущее и вливал силы в молодые сердца. Твердо верили мы тогда, что действительно близок час освобождения нашей Родины и любимого Дона.

Донцы на погребении праха ген. Врангеля 6 - X - 29.

О ТРАДИЦИЯХ.

Останься мы на Родине, и почти с уверенностью можно сказать, что в соблюдении кадетских традиций (я говорю о ритуалах, о «звериаде», о «похоронах анатомии и всех наук» и прочем) главным элементом была бы милая озорная шутка, быть может иногда и не совсем цензурная.

Так было, вероятно, в те времена, когда «традиции» только зарождались в военно-учебных заведениях. Очень возможно, что это были «лермонтовские времена», так как именно ему и его однокашникам в Школе гвардейских подпрапорщиков приписывается введение многих традиционных ритуалов. Не имея под рукой солидных исторических материалов, трудно говорить об этом безапелляционно. Можно только высказывать предположения и излагать то, чему сам был свидетелем. Но рассказать об этом нужно, хотя бы уже по одной причине: пусть об этом знают грядущие поколения в будущей свободной России, на возрождение которой политический эмигрант не имеет права терять надежды.

Очевидно, источники зарождения традиций двоякого вида: заимствование и самобытность. Вряд ли будет ошибкой предположить, что большая часть всяких ритуалов была заимствована у иностранцев — из полков, военных училищ и кадетских корпусов Пруссии, Саксонии, Австрии и т. д. Немалую роль, как это ни странно, могли сыграть и военизированные немецкие «бурши» — члены студенческих корпораций и «ферейнов». Но это только часть, да и та, вероятно, при пересадке на родную почву, претерпела достаточно изменений. Помимо заимствований, многое в наших традициях являлось результатом «коллективного творчества», многое было создано вдохновением и изобретательностью неизвестных «авторов».

ЗВЕРИАДА. Традиционная кадетская песня, на определенный мотив и определенного стихотворного размера, в которой обычно высмеивается корпусное начальство и вообще весь учебно-педагогический персонал данного корпуса. В своих общих чертах «звериады» всех кадетских корпусов сходились; почти всегда у них было одинаковое, или почти одинаковое, начало, да и многие куплеты также были идентичны. Текст за-

частую был мало цензурным, озорным. Происхождение самого слова становится ясным при разделении его на два слова «звери ада». В нашем кропусе на книге, которая также, как и песня, называется звериадой, название писалось через тире: «Звери-ада». Возникает, конечно, вопрос: а о каких же «зверях» идет речь? Ведь почти во всех кадетских корпусах «зверьми» или «зверями» называли младших, в особенности кадет 3-й роты, т. е., «сугубцев». Кадета 2-й роты «зверем» уже не называли бы, хотя он и продолжал оставаться «сугубцем» для

кадет 1-й роты. А в «Звериаде» описывается и высмеивается прежде всего персонал корпуса. В чем же дело? Обратим внимание на то, что в Донском Императора Александра III кад. корпусе название «звери» исстари применялось только к директору, воспитателям и преподавателям корпуса, но никак не к младшим кадетам. Те назывались просто «сугубцами». Итак, очевидно, «звери ада» — это все корпусное начальство и со «зверями пушистыми, хвостатыми и рогатыми» в остальных корпусах это не имеет общего. Кроме того, я вспоминаю пояснения своего дядьки, кадета Николаевского корпуса в Санкт-Петербурге, от которого я впервые узнал о «звериаде» и услыхал ее текст, за что дядька был с позором отлучен от дома на целый месяц моей строгой бабушкой. Вместо привычных мне теперь строк:

«Споемте, братцы, Звериаду!
Собрались звери все гурьбой —
Бессмысленных баранов стадо.
Подтянет их кадет лихой!»

дядька мой пел иначе:

«Так спойте ж песню, звери ада,
Вы здесь собрались все гурьбой,
Бессмысленных баранов стадо —
Подтянет вас кадет лихой!»

Обратим внимание на винительный падеж «звериаду» в новом варианте и третью строку «стадо», т. е. с неполной рифмой. В его толковании эта песня представляла собой описание всех провинностей «зверей ада» перед кадетами. Позднее от кого-то я слышал другое объяснение: это, мол, старшие кадеты поют перед младшими, таким образом их знакомя с корпусными традициями. Думаю все же, что «звери ада» относится к начальству. Ему, между прочим, приклеили в эмиграции еще одну кличку «лавочка».

Итак, продолжаем о Звериаде. Как видите, мы уже ее и склоняем, как обычное имя существительное. Все стихи-куплеты Звериады были вписаны в книгу, огромную книгу на застежках и с серебряными украшениями на бархатной обложке. Каждый выпуск считал своим долгом внести и свою лепту и

вписать в Звериаду свои собственные куплеты. По какой-то причине некоторые выпуски этого не делали — очевидно, были бедны лермонтовыми и давыдовыми. «Звери» часто меняются, уходят на покой, кое-кто умирает, а на их место приходят новые, «ад» пополняется, и это необходимо отметить в Звериаде, «пригвоздить всех к позорному столбу». Что сталось с нашей новочеркасской Звериадой, — не знаю. В мое время «звериад» было две: одна старая и вторая, созданная уже трудами 39 и 40 выпусков. «Старая» вовсе не была старой — ее старшинство восходило всего лишь к 35 выпуску, т. е. к классу, кончившему корпус в 1923-1924 учебном году, если не ошибаюсь. Выпуск 34-й, несмотря на прекрасный по духу и способностям состав, не имел большого влияния на жизнь корпуса. Это тот выпуск, где были: Левушка Греков (впоследствии протодиакон собора в Сан-Франциско, там же и скончался), Костя Долуханов (инженер, скончался в Белграде или Загребе в прошлом году), Женя Марков (в сов. концлагере), Ваня Лобачев (судьба неизв.) и другие. Твердые основания традициям заложил лихой-непромокаемый выпуск 35-й: это Александр Беломестов, Борис Кундрюцков, Александр Ротов, Григорий Самойлов, Жорж Сысоев, Макар Софронов, Александр Туроверов (статьи которого мы часто читаем в зарубежной прессе) и многие другие. Помимо корпусного значка (жетона) были тогда введены и выпускные жетоны. У ушедшего 34-го вместо значка было кольцо. Значок 35-го (проект Григория Самойлова) представлял собой круглый щит, вверху которого была голова Ермака в шеломе, а волосы бороды его как бы растекались по щиту, главным образом, по ободу. На щите стояла надпись — девиз корпуса: «Верны заветам старины».

В то же приблизительно время создавалась и первая заграницей Звериада. Вернее она была начата 35-м выпуском, а окончательное оформление ее и сооружение синего бархатного переплета было делом рук кадет 37-го выпуска. Влетело это в копеечку — триста с лишним динар, что по тогдашним временам сумма была немалая. Кадеты Атаманской сотни получали, правда, по 10 динар в месяц, и это все шло на Звериаду. Пришлось также частично продавать крестьянам порции хлеба (герцеговинцы — народ бедный), а кадетам — «богачам»,

(у кого и из дому водились деньжонки) пирожки и котлеты. Таким же путем оплачивались и выпускные жетоны. В мое время, первая книга уже была заполнена, и надо было заказывать вторую. Размер первой книги: двадцать на пятнадцать дюймов, вторая была чуть поменьше, но зато потолще. На темно-синей бархатной обложке были серебряные (фактически из белого металла) украшения, застежки. Наверху стоял год основания корпуса «1883», над этим — были прикреплены выпускные жетоны разных выпусков, ниже крупными буквами надпись: «Звери-ада». Бумага в обеих книгах была веленевая высшего сорта и достаточной плотности. Страницы были затейливо украшены инициалами и заставками, что уже представляло собой художественный интерес, как хорошая орнаментальная композиция. Рисовали неплохие художники. Во второй, новейшей Звериаде был интересный фронтиспис: портрет Державного Шефа, окруженный замысловатым орнаментом. В текстах Звериады выпусков 39 и 40 уже мало места уделялось шутливому высмеиванию начальства, «зверей». Характер текста изменился — больше писалось о России, о родном Доне Ивановиче и о старых традициях.

Хранителем Звериады всегда был старший (в отношении традиционном) — 7-й класс. Хотя в эмиграции число классов возросло до восьми, кадеты не пожелали нарушать традиций и попрежнему считали хранителем Звериады семиклассников. При переходе в восьмой класс, кадеты 7-го в торжественной обстановке (см. ниже) передавали Звериаду вчерашним шестиклассникам. Фактическим хранителем ее являлся адъютант Атамана.

ТРАДИЦИОННОЕ НАЧАЛЬСТВО. Кроме Звериады, которая имела генеральский чин и официально называлась «Ее превосходительство Звериада», а следовательно и пользовалась всеми ее чину полагающимися почестями — отданием чести, подачей команды «Смирно» при ее «появлении» и т. д. — существовало еще и традиционное корпусное «начальство». Это была выборная старшина и состояла она из: а) выборного Атамана выпуска, который в то же время назывался «корпусным атаманом», б) Товарища атамана, в) «войскового писаря» (это выборное звание было необязательным для вы-

пуска, и иногда никаких писарей выпуск не выбирал, г) адъютанта атамана и д) господ есаулов, а то и войсковых старшин. Подобно Войсковым регалиям или клейнодам, в корпусе также имелись свои регалии. Это прежде всего была Звериада, выносившаяся в особо торжественных случаях, на парадах и т. д., булава атамана, как знак его власти, бунчук, т. е. трость металлическая с конским хвостом, что было знаком власти Товарища атамана. Также была еще и «войсковая печать», на ней — «олень пронзен стрелой» и надпись вокруг: «Атаман Донского Императора Александра III кадетского корпуса». Ею и своей подписью атаман скреплял официальные бумаги, как напр., в переписке с традиционным начальством других корпусов — генералами выпусков. Традиционным начальством была также (поскольку была в данном выпуске выбираема) и дама выпуска, которая у нас называлась «Атаманшей».

Кроме традиционного начальства в старшем выпуске, таковое же было выбираемо и в 6-м классе — их уже понемногу старались ознакомить с традициями. В последние годы и в младших классах появились атаманы (это уже делалось самотеком) по образцу старших классов.

Атаман имел право созыва общего собрания всех кадет стар. выпуска, которое называлось у нас:

ВОЙСКОВОЙ КРУГ. В исключительных случаях Атаман мог потребовать созыва и общего Круга, т. е. и других выпусков, стольких, сколько ему казалось нужным.

Заседания Круга проводились с должной серьезностью и в торжественной обстановке. В назначенное время все должны были быть на своих местах в означенном месте и ждать прихода «начальства». Подавалась команда «смирно» и входил атаман, окруженный традиционным начальством и со своими символами власти, булавой и бунчуком. Затем, если это требовалось, вносилась «Ее превосходительство Звериада» и все становились смирно. Атаман приглашал всех сесть, а адъютант читал протокол последнего заседания Круга, после чего объявлял повестку дня на сегодня. Различные вопросы решались по казачьему «обыкновению» или «обыку» — общим «присудом», голосованием. Если надо — вопрос подвергался обсуждению. На мелочах не задерживались и глупостями не

занимались. Все проходило необычайно чинно и благопристойно. Никаких хамских выпадов не бывало, доказывали и спорили вежливо и пристойно. Причины к созыву Кругов бывали разные: заказ выпускного жетона, устройство бала или вечеринки, неблаговидный поступок какого-нибудь кадета или несправедливое отношение преподавателя или воспитателя, и тогда: в первом случае объявление просто выговора, или строгого выговора наедине, или же с вызовом провинившегося в заседание Круга, объявление его «на красном положении», т. е. объявление бойкота (частичного, временного и полного), решение устроить «темную» или же за особо неблаговидный поступок — «всыпать плетей перед Кругом». В последнем случае придерживались старинного обычая: «маненько поучить плетюганом», что производилось обычно в станичном правлении по приговору стариков. По тому же обычаю, провинившийся потом вставал и, кланяясь на все четыре стороны, благодарил их за то, что «поучили уму-разуму». У нас такая мера наказания была применена только один раз за все время в эмиграции и причиной тому послужило крайне дрезкое неповиновение решению большинства. В случае же несправедливого отношения начальства, устраивалась разного рода «обструкция», вплоть до так наз. «бенефиса». Далее, на Круге могли разбираться такие вопросы, как предстоящие выборы традиционного начальства, или же дамы выпуска, «атаманши», сбор пожертвований в пользу какого-нибудь особенно нуждающегося русского эмигранта и тому подобные вопросы. Кадет, выбранный атаманом, становился невольно еще более подтянутым, следил за собой, за своим внешним видом и за общей дисциплиной и в своем выпуске, и в младших классах. А за ним тянулись все.

«ПОХОРОНЫ». Таковые проводились дважды — в первый раз «хоронили» анатомию, во второй раз «все науки». Бедную анатомию, насколько еще помню, мы хоронили по окончании 6-го класса. В гроб, сколоченный из досок, клалось несколько учебников анатомии и сверху — вырваный из учебника же скелет, т. е. рисунок со всеми мышцами, органами и костями. «Хоронили», конечно, тайком от начальства, которое об этом было осведомлено, так как в свое время и само

хоронило анатомию. Около полуночи выбирались из казарм в назначенное место (у нас это производилось на горе, над зданиями корпуса) откуда нас не могло быть слышно и видно. Последнее было также важно, так как в руках у нас были зажженные свечи, а кроме того еще раскладывался костер. Но мой выпуск перестарался. Вместо того, чтобы потихоньку взобраться на гору, минуя все дороги и городские улицы, мы решили «шикнуть» и в белых простынях, с зажженными свечами и гробом впереди, прошли через город. «Главы и очи понурив долу» четыре кадета на высоко поднятых руках несли «гроб», а в гробу лежала несчастная старушка-анатомия. Время от времени я всхлипывал и вопил: «Сик транзит глориа мунди!» По дороге попались — стражник и двое солдат-сербов. Они тотчас же вытянулись во фронт и лихо отдали честь, а кадеты едва могли сдержать смех. Слава Богу, никто не прыснул. На горе ожидал разложенный костер («могила» была выкопана заранее). Тут мы предали анафеме директора корпуса и безобидного старичка-профессора, а затем, под вопли и стенания, предали несчастную старушку погребению. Этим церемония и закончилась.

Приблизительно таким же образом хоронили мы и все науки. В этом случае сожжению предавались учебники по разным отраслям наук. Помню, что в нашем выпуске, из-за недостатка учебников, мы воздержались от сожжения всех и просто символически бросили в костер три-четыре книги. По окончании похорон, был устроен «ночной смотр», или как его еще называли «шванц-парад». Само название указывает на заимствование традиции у немцев или австрийцев. Выпуск прошел церемониальным маршем мимо атамана, причем форма одежды была такова: 1) фуражка, 2) сапоги, 3) пояс и 4) адамов костюм. Не надеть пояса считалось неприличным. Так как звуки духового оркестра могли бы указать на наше местопребывание, марш напевался всеми вполголоса.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать о случае, приключившемся, правда, не у нас, а в соседнем Русском кадетском корпусе в г. Сараево. Хоронили анатомию. Не в меру рьяный дежурный офицер перестарался и, усмотрев в похоронах безобразие и отклонение от дисциплины, занес этот

"Прощание с науками" после окончания уроков в 8 классе.

факт в журнал дежурств. Было ясно, что офицер никогда не учился в кадетском корпусе и традиции ему были глубоко чужды. Утром журнал, как всегда, вместе с устным рапортом, был подан директору, генералу Адамовичу. Тот прочитал: «Кадеты такого-то выпуска хоронили анатомию». Не сморгнув глазом, генерал наложил резолюцию: «И вечная ей память!»

ТРАДИЦИОННЫЕ ПАРАДЫ. Последние бывали в высокоторжественные дни, начиная с корпусного праздника, в день 6 декабря. В них могли участвовать не только кадеты старшего выпуска и следующего за ним, но и вообще все классы. Они устраивались после официального корпусного парада. При этом также старались соблюдать тайну, но, так как в этом принимал участие и хор трубачей, то, конечно, это было секретом полишинеля. Когда кадеты уже были выстроены, появлялось традиционное начальство с атаманом во главе. Трубачи играли Атаманский встречный. Парады проходили в очень серьезной атмосфере, а речи атамана и Товарища атамана были исполнены призывов хранить кадетские традиции и любить Родину. Все заканчивалось прохождением церемониальным маршем перед атаманом и традиционным начальством.

Рядом с атаманом находилась «Ее превосходительство Звериада», которой после отдельно кричали «ура». Иногда парады этим не заканчивались. После команды «Вольно, разойтись!» кадеты окружали своего атамана и начиналось пение песен — традиционной Звериады, «Журавля» (пелись бесчисленные куплеты «Журавля», но нашим, донским «Журавлем» был один куплет: «А как выпить-закусить — у донских кадет спросить»), старых и новых казачьих песен и песен Добровольческой армии. Обычно начинали с традиционной:

«Братья, все в одно моленье души русские сольем!
Ныне день поминовенья павших в поле боевом.
Но не вздохами печали память храбрых мы почтим:
На нетленные скрижали имена их начертим».

А потом переходили на наше любимое:

«Тише, тише, все заботы прочь в эту ночь!
В добрый час спите, Бог не спит за вас» . . .

И обычный припев:

«Может, завтра после боя нас на пиках понесут
И зеленую рубаху кровью алою зальют . . .
Так наливай, брат, наливай, наливай полнее!
Выпивай, брат, выпивай, выпивай живее!»

Приносили сюда и бутыли с «искрящимся» и нехитрую закуску, чокались и пили за многое, что дорого было кадету. Кто-нибудь заводил нашу вторую традиционную:

«Мы лихие Донские кадеты, дорог нам темносиний погон.
Старой Родины чтим мы заветы: любим Русь и широкий наш Дон.
На скалистых утесах Билече, средь развалин угрюмых фортов,
Мы приняли на юные плечи тяжесть прежних российских грехов.
Мы лелеем в душе беззаботной завещанья великих отцов,
И за Край наш Отчизны свободной мы умрем средь казачьих полков...»

Одна за другой лились песни . . . Одна другой дороже и сердцу ближе. Кто-нибудь рявкал: «А ну, ребята, корниловскую!» и Шурка Шевченко (мир праху его!) или Павлик Крипаков, или Коля Богаевский, заводили:

«Пусть вокруг одно глумленье, клевета и гнет.
Нас, Корниловцев, презренье черни не уймет
Вперед, на бой! На бой, кровавый бой!»

Много было куплетов, всех здесь и не передать. Интересна, между прочим, история этой песни. Был в Корниловском полку один донской казак, прапорщик А. П. Кривошеев. Пописывал стишки. Написал это стихотворение, и офицеры рассказали об этом ген. Корнилову. «А ну-ка, прапорщик, покажите, что вы там написали ...» Прапорщик переписал начисто, на каком-то скромном листочке, — ведь и бумаги-то не было — передал генералу. Тот прочел, очень одобрил и сунул в карман тужурки, буркнув: «Это я себе ...» С этой бумажкой Корнилов не расставался до самой смерти. Измятую и пожелтевшую бумажонку со стихами нашли на его теле. Так, вдохновеньем и кровью, вписывались в историю нашей Родины одни из самых жертвенных ее страниц:

«Верим мы: близка развязка с чарами врага.
Упадет с очей повязка у России, да!»

Этот эпизод с происхождением песни был записан в июле 1918 года и напечатан в журнале «Донская волна», № 5, от 8 июля.

Не забывали, конечно, и песню Студенческого партизанского батальона на Дону: «Вспоили вы нас и вскормили, Отчизны родные поля ...» Песня не забылась, а вот, что пели ее и сочинили впервые в Студенческом батальоне — это уже многими позабылось.

Но молодость берет свое, и долго минорное настроение среди нас не задерживалось — улетучивалось, а тут еще винцо помогало ... Переходили на веселое, а заканчивали, по старому обычаю, лихой казачьей пляской.

ЗВАНИЯ. Все кадеты старшего выпуска считались «господами хорунжими», а «есаулами» были те, что остались на второй год. Так как автор этих строк оставался не одиножды, а дважды, будучи не в ладах с математикой, то и закончил он корпус «господином войсковым старшиной». В оправдание добавлю, что в Египте со мной вместе на второй год осталось больше половины класса — мы предпочитали купанье в Суэцком канале — математике. Такова жизнь! Право «еса-

ула» было, помимо старшинства и всеобщего уважения (а сам старался говорить басом!) еще и носить выпускной жетон не там, где все смертные носят (на пуговице левого погона), а свешивающимся с третьей пуговицы на груди мундира-гимнастерки. Грудь при этом, конечно, выпячивалась — елико возможно.

ПЕРЕДАЧА ТРАДИЦИЙ И РЕГАЛИЙ. ПРОИЗВОДСТВО. Особенно торжественно была обставлена передача 8-м классом седьмому всех регалий. В этот день старшим традиционным классом становился седьмой, атаман передавал свою булаву новому атаману, товарищ атамана передавал бунчук новому товарищу атамана, а главное — вручалась Звериада. Оба выпуска выстраивались друг перед другом, атаманы — перед фронтом. Читался приказ уходящего атамана. Он сопровождался речью о значении традиций в нашей кадетской жизни, в особенности за рубежом. Атаман подчеркивал, что традиции не побрякушки и не шутки подростков, а что они олицетворяют для нас связь с далекой Родиной, что мы обязаны донести их нетронутыми до того дня, когда Россия и Дон станут свободными от большевистского ига. Далее он говорил, что необходимо поддерживать строгую воинскую дисциплину среди младших кадет, воспитывать их в духе традиций и оказывать им посильную помощь и в академическом и во всех других отношениях. В конце речи он поздравлял младший выпуск с производством в господа хорунжие. После этого, уходящий атаман брал из рук своего адъютанта «Ее превосходительство Звериаду» и торжественно передавал ее новому атаману, а тот своему адъютанту. Товарищ атамана передавал свой бунчук новому товарищу атамана, а в конце, уходящий атаман под звуки «Атаманского марша» передавал свою булаву. Новый атаман обычно держал ответную речь, обещая хранить традиции.

После этого старый, уходящий выпуск проходил церемониальным маршем перед младшим — они теперь являлись старшими традиционерами.

Этим, собственно говоря, можно было бы и закончить наше повествование о традициях родного корпуса, но я должен упомянуть еще об одном факте, который также относится к

традициям. Это «цук». Именно по традиции у нас не было, да и не могло быть речи о каком бы то ни было цуке. Эта традиция красной нитью протягивалась в стены корпуса из сотни Николаевского кавалерийского училища, где отношение к цуку было крайне отрицательным. Делаю выписку из книги «Кадеты и юнкера» талантливого автора многих книг и очерков из военной жизни А. Маркова: « . . . Казачья сотня показалась мне народом солидным, хотя, благодаря казенному обмундированию, и не имевшим столь щеголеватого вида, как наши «корнеты». Эти последние в столовой почти ничего не ели, а продолжали, как и в помещении эскадрона, «работу» над нами, строго следя за тем, чтобы «молодые» во время еды не нарушали хорошего тона и поминутно делали нам замечания по всякому поводу. Дежурный офицер во время завтрака прогуливался между арками, сам не ел, а вел себя вообще как бы посторонним человеком, не обращая внимания на цук, имевший место в столовой. Как я после узнал, это происходило лишь в те дни, когда по Школе дежурили офицеры эскадрона. Казачьи же офицеры НИКАКОГО БЕСПОРЯДКА В ЗАЛЕ НЕ ДОПУСКАЛИ» (стр. 175-6). Вот это-то и было заложено в сотне Николаевского кавалерийского училища и позднее перешло в наш корпус — органическое отталкивание от цука. Что бы мне ни доказывали его сторонники, выставляя «воспитательную сторону» цука, уверяя, что именно таким методом выковывается и закаляется настоящий материал для офицерского состава — я буду стоять на своем. Как бы остроумны и забавны ни были некоторые приемы цука, но я усматриваю в нем, прежде всего, недостаток уважения к человеческой личности и некоторую ненужную издевку. Но спорить по этому поводу — бесполезно, друг друга мы убедить не сможем, а потому я и ограничиваюсь лишь указанием на существование в нашем корпусе этой традиции — никакого цука!

Знаю, что эта глава несколько затянулась, но нельзя уйти, не указав на одну интересную черту, проявившуюся в соблюдении традиций заграницей. Вспомним, что начинал я главу фразой: «Останься мы на Родине, и главным элементом в соблюдении традиций была бы милая озорная шутка». Теперь это требует некоторого анализа. Прежде всего, каждому,

я уверен, ясно, что я имел ввиду ритуальную, так сказать, сторону традиций: всякие похороны, шванц-парады и проч. Но это только одна сторона вопроса, причем наименее важная. Важен самый дух традиций. Отношение к ним заграницей неожиданно стало гораздо более вдумчивым и серьезным. Да, конечно, мы и дурака валяли, и озорничали, и «хоронили» науки, и устраивали подчас «бенефисы», но это все не то.

Кадеты со звериадой после традиционного парада.

Потеряв свою Родину-Россию и свой самый дорогой в мире Край — казачьи области, пройдя сквозь огонь гражданской войны, перешагнув через холод и голод, аресты близких, надругательства над товарищами и через тысячи смертей вокруг — мы иначе стали относиться к соблюдению кадетских традиций. Теперь мы смотрели на это уже не как на мальчишеские выходки и веселую игру. Нет, это было для нас чем-то священным, чуть ли не олицетворявшим для нас далекую порабощенную Родину. В особенности это было заметно на заседаниях наших «Кругов», а также и в составлении Звериады. Само собой разумеется, мы пели, как это делалось и до нас, старые куплеты:

«Директор спичками торгует,
Инспектор ваксу продает,
А пекарь просфоры ворует,
За это денежки гребет».

Однако, каждый из нас, безусых мальчишек, отлично сознавал, что ни директора, ни инспектора, ни в каких подобных грехах в наше время упрекнуть нельзя. В прошлом это были большей частью доблестные на войне офицеры, уважаемые люди. Однако, песня не рождается «просто так». Где-то, что-то, когда-то, может быть в незапамятные николаевские времена случилось; были какие-то, скажем, злоупотребления, и вот родилась на эту тему песенка. Ведь недаром до наших дней докатилось твердое убеждение в том, что «ежели эконом — значит обязательно жулик». Родилась песенка из-за одного единичного случая, а была подхвачена всеми, и пошло. Дыму без огня не бывает. Во всяком случае кадеты в зарубежье, присмотревшись к своему начальству, убедились в том, что в наше время это поется просто так, по традиции.

Это более серьезное отношение отразилось и на текстах звериад. Элемент шутки становился все меньше и меньше, а если она и была, то уж во всяком случае без злостного намека на неблаговидное поведение. Вот почему в последней «Звериаде» появился даже портрет Державного Шефа на фронтисписе — иначе ему не было бы места в книге, наполненной полуцензурными остротами. Теперь больше всего писалось о России, о Доне-Ивановиче, о военной службе, о казачьих традициях.

Именно этот элемент я и имел ввиду и хотел особенно подчеркнуть — шутка переставала быть шуткой. К традициям относились с благоговением. Сыграло здесь роль и еще одно обстоятельство. В Югославии эмигрантскими делами занималось специальное учреждение — Государственная комиссия по делам русских беженцев. Чиновники, ведавшие отделом образования, русские по происхождению, настаивали на устранении «воинского духа» в корпусах. Очень возможно, что они руководствовались чисто практическими соображениями и действовали из наилучших побуждений: а вдруг юношам, мечтающим только о военной карьере, и не удастся по окончании корпуса попасть на югославскую военную службу? Что тогда? Каково им будет в гражданской жизни, если система их воспитания не совсем соответствует условиям беженского существования? Но жизнь показала, что их опасения были напра-

сными — каждый постепенно нашел себя, свое призвание и свое место в этой жизни. Вот эти их попытки «обуздать нашу воинственность» натыкались на кадетское сопротивление, да и на сопротивление нашего корпусного начальства, начиная с директора корпуса. Это заставляло нас крепче, более цепко держаться наших традиций и помнить наш девиз:

ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ.

ПОСЕЩЕНИЕ КОРПУСА ВОЙСКОВЫМ АТАМАНОМ.

Если не ошибаюсь, это было в 1927-8 гг., когда корпус уже проживал в Боснии, в Горажде. Войсковому Атаману была устроена торжественная встреча, был корпусной парад, закончившийся речью Атамана. После этой официальной части, генерал Богаевский не раз обходил классы, сидел во время уроков и интересовался тем, как поставлено дело преподавания. Кроме того, он любил бродить в неурочное время между казармами, заговаривая с кадетами-одиночками и целыми группами кадет, которых он встречал на пути. В личном контакте с Африканом Петровичем — невольно как-то забывался его высокий пост и генеральское звание, кадеты тянулись к нему, как к родному отцу. В нем была особая теплота и доброта, и буквально через пять минут кадет чувствовал себя с ним, как с отцом, дядей, старшим братом. Часто он брал мольберт и папку с рисовальной бумагой, усаживался то на берегу Дрины, то во дворике главного здания корпуса и делал наброски. Рисовал он прекрасно. Кадеты, сначала робко, а потом посме-

лей, обступали его и, не прекращая рисовать, он вступал с ними в непринужденный разговор о кадетском житье-бытье. Рассказывал нам о Доне, уговаривал не терять надежды снова увидеть родные степи, рассказывал как живут казаки во Франции, и каковы их чаяния и надежды.

Африкану Петровичу было известно, что я пишу стихи, и он как-то попросил меня прочитать ему что-нибудь. Это было под деревьями, в полуденный зной, когда он с группой кадет уселся на траву и что-то всем нам рассказывал. Помню, тогда же мы еще и снимались с ним. Я был на седьмом небе от гордости и, выпятив грудь, отбарабанил свои полудетские стихи, в которых попалась такая неуклюжая (чего я тогда никак не сознавал) строфа:

... «Но уже иссякли силы,
И казак и Атаман
Предпочли глуби могилы
Эмигрантский чемодан ...
Но не дремлют, не скучают
За российским рубежом ...»

и еще какая-то чушь в этом роде. В то время, и когда я это писал, я совсем не отдавал себе отчета в том, что мои слова «предпочли глуби могилы» и проч. звучат не совсем одобрительно. Африкан Петрович похлопал в ладоши, обнял меня и затем, попрощавшись с кадетами, предложил мне пройтись погулять. Я решил, что это — высшая награда поэту и что ему чрезвычайно приятно и далее послушать мои блестящие вирши. Оказалось, это было просто маневром с его стороны — отвести меня в сторону и втолковать, что писать таким образом не совсем уместно и т. д. и т. д. Сделал он это удивительно мягко и кротко, и я на всю жизнь запомнил всю эту «лекцию» по истории гражданской войны на Дону и на Юге России. В казарму я возвращался совершенно очарованный им. Атаман прожил в Горажде по моему около полутора недель — ему страшно понравилось это местечко; он часто говорил: «Да ведь это же рай после Парижа!» Мне хочется еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что пок. Атаман был не только Войсковым Атаманом, но и просто чудным и добрым человеком, к которому кадетская душа тянулась, как тянется к своему родному отцу.

ПАМЯТИ РУССКИХ ВОИНОВ.

В палисадничке перед главным зданием корпуса и сейчас стоит небольшой скромный памятник. Время стерло в моей памяти то, что там написано, но общий смысл написанного таков: «В память трех русских солдат, расстрелянных австрийцами за отказ грузить снаряды на русский фронт в 1916 году». Кто-то из приехавших из Югославии рассказывал мне не так давно, что по приходе советских войск он сам видел советских солдат, стоявших в раздумье перед этим памятником.

В 1916 году большая партия военнопленных была пригнана на станцию Устипрача, километрах в двадцати от Горажде. Грузили какие-то ящики, не зная что в них, пока кто-то из русских, разбиравшихся немного в немецком, не прочитал надписи: «на восточный фронт!» А когда один из ящиков упал и разбился, выяснилось, что там — снаряды. Среди пленных вспыхнуло недовольство, они бросили работу. Наконец, австрийцы поняли в чем дело и приказали сейчас же возобновить работу, в противном случае — растрел. Пленные вернулись. Все, кроме трех. Те остались твердыми в своем решении. Расстреляли их тут же и зарыли по соседству, на земельном участке, принадлежащем какому-то мусульманину-босанцу. Кончилась война. Босанец посадил здесь сливовые деревья и не мог нарадоваться прекрасному урожаю с них. Суеверный босанец приписывал это тому, что на его земле закопали трупы. Много позже, после нашего отъезда оттуда, я как-то перелистывал какой-то немецкий справочник и нашел сведения о том, что босанская слива котируется выше всего на международном сельскохозяйственном рынке и что на первом месте стоит крошечный городок Горажде. В дни пребывания нашего корпуса там, босанец разболтал о случившемся когда-то и эти слухи дошли до русских. Генерал Перрет сразу же поставил об этом в известность русского военного агента, полк. Базаревича и русского посла Штрандмана. Надо сказать, что Югославия была чуть ли не единственной страной, не желавшей признавать СССР. В свое время король и сам был кадетом и считал себя во всем обязанным России-матушке. По этой причине, в наше время еще были русский посол и военный агент.

Началось расследование и, наконец, переговоры с собственником участка, где находились могилы. Он не желал уступать даром то, что ему приносит такой богатый урожай. Сошлись на какой-то цене и тела, вернее то, что там еще оставалось, т. е. скелеты, фляжки и сапоги, да еще пуговицы с двуглавым орлом — все это было извлечено и доставлено в корпус для погребения. Это было обставлено очень торжественно — вдоль пути следования погребального шествия, с обеих сторон дороги были выстроены шпалерами кадеты с зажженными свечами в руках. Из столицы в тот день прибыли посол и военный агент, представители югославского правительства и короля, генералитет, представители иностранных держав. При приближении к корпусу, кадеты сняли гроб с катафалка и понесли его на руках. Корпусной хор трубачей играл похоронный марш Шопена, а кадетский хор время от времени исполнял «Вечную память» и «Со святыми упокой». Гроб был поставлен в корпусной церкви и там служились панихиды. Возле гроба стоял почетный караул — кадеты с шашками наголо. На следующий день гроб с отданием воинских почестей был опущен в могилу, вырытую невдалеке от церкви, у подножья горы. Были произнесены прочувственные речи, и русские воины нашли, наконец, место последнего упокоения, зарытые родными русскими руками. Впоследствии, корпусные власти воздвигли тот скромный памятник, о котором я говорил в самом начале. Этот памятник в далеком босанском городишке — это, в общем, и все, что может еще напоминать о пребывании там Донского Императора Александра III кадетского корпуса.

Н. Воробьев.

ДОНСКИЕ КАДЕТЫ В ЮГОСЛАВИИ.

(из воспоминаний)

Донской Имп. Александра III кад. корпус, накануне Рождества 1919 г., вместе с отступавшими частями Донской и Добровольческой армий, был вынужден покинуть Новочеркасск и ушел походным порядком в Новороссийск, откуда был эвакуирован англичанами в Египет. Ген. Рыковский, инспек-

тор классов корпуса, собрал отставших и больных кадет и с ними тоже добрался до Новороссийска, откуда им удалось вскоре попасть в Крым.

В Симферополе, ген. Рыковский получил для своих питомцев, которых было 12 человек, дачу на Суворовской улице, где во время большевиков помещалась Чека; затем, он выхлопотал у Гл. Командования разрешение на формирование кад. корпуса, названного Вторым Донским, причем он сам был назначен его первым директором.

Число кадет и персонала беспрерывно возрастало настолько, что в очень скором времени помещение сделалось слишком малым и корпус был перевезен в Евпаторию, на дачу купца Терещенко, где было несколько зданий, расположенных в саду, на берегу моря с прекрасным пляжем. По приказу ген. Врангеля, молодые люди с незаконченным средним образованием направлялись из армии в кад. корпуса и воен. училища; такие же приказы были отданы Войсковыми Атаманами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, на основании которых казачью молодежь из частей Русской Армии стали направлять во Второй Донской корпус, для продолжения образования. К августу 1920 г. корпус насчитывал около 120 кадет и их жизнь и занятия постепенно налаживались по выработанной программе, в которую входили лекции, прогулки, гимнастические игры и купанье в море. Кадет иногда отпускали в отпуск, в город; некоторые старшие кадеты пытались снова убегать на фронт, но их вскоре возвращали этапным порядком в корпус.

Во время эвакуации Русской Армии из Крыма, в начале ноября 1920 г., корпус был вывезен в полном составе на пароходе «Добыча». Пароход был старый грузовой, небольшой, лишь с одним действовавшим котлом и с несовсем исправными машинами. Принадлежал он раньше к турецкому флоту и был захвачен русскими во время войны. Переход на нем через Черное море был связан с громадным риском и закончился благополучно только благодаря исключительно хорошей погоде.

При погрузке на пароход, кадеты получили дневной паек, который сразу же был съеден, а других запасов продовольствия

не было. В течение всего перехода кадеты буквально голодали и страдали от жажды, т. к. пресной воды тоже не было, а опреснитель работал неисправно. У инспектора классов, ген. Евсеева, оказался мешок сухарей; по просьбе директора, он раздал их кадетам, но этого, конечно, было недостаточно, чтобы насытиться. Ночью, в одной из спасательных лодок, посчастливилось обнаружить мешки с мукой и, под прикрытием ночи, кадеты организовали «раздачу» этой муки. Смешав ее с морской водой, стали делать тесто и на паровых трубах пекли лепешки.

Пароход держал курс на Босфор. По прибытии, стали на рейде около яхты «Лукулл», на которой находился ген. Врангель. Меняя несколько раз пароходы, корпус пробыл у берегов Босфора около трех недель. За все это время горячую пищу получили только один раз, да и то суп был с червями. В остальное же время, кадет кормили очень плохо какими-то консервами. Последний пароход, на который переселили кадетский корпус, был «Владимир», большой грузовой, с многоэтажными трюмами. Расположили корпус в носовой части, в нижнем трюме. На «Владимире» уже находился Сводный Полтавско-Владикавказский (Крымский) корпус. Пароход стоял на якоре около Собачьих островов, ожидая согласия одной из союзных держав принять кадетские корпуса. Положение было трагическое, никто не торопился, никому мы не были нужны и никто нами не занимался.

Наконец была получена радостная весть: Королевич Александр — Регент Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, быв. воспитанник Пажеского корпуса, принимает корпуса к себе в страну.

Пароход снялся с якоря и взял курс на север Адриатического моря. После долгого и утомительного перехода, мы прибыли в бухту Бакар, находившуюся на границе Королевства СХС и Италии, где пароход бросил якорь и стал в карантин 27 дек. 1920 г. Всем очень хотелось сойти на берег, но никого не выпускали. Наконец, желанный момент настал и нам объявили, что на следующее утро будет разгрузка парохода. Рано утром, на следующий день, раздался сигнал утренней повестки Второго Донского корпуса, все кадеты собрали свой не-

большой «багаж», поднялись на палубу и построились на молитву; трубачи заиграли зорю, пропели молитву и директор корпуса, ген. Рыковский, вышел перед строем, поздоровался и объявил, что корпус будет выгружен и перевезен на север Словении, где нас временно поместят в бараках в лагере, но что до отправки мы должны пройти некоторые формальности на берегу.

Все с нетерпением ожидали момента выгрузки; наконец раздалась команда «Справа по одному, шагом марш!» и кадеты, вытянувшись в цепочку, стали сходить по трапу с парохода. Странное ощущение на берегу! Казалось, что земля под ногами качается . . . слегка кружилась голова. С пристани нас повели к каким-то зданиям, расположенным недалеко. Это оказался старый, заброшенный цементный завод, разбитый во время войны, оставались только стены, крыши не было. Нас ввели в одно из зданий. Там находилась группа людей, штатских и военных, в русской и сербской форме. В стороне стояла группа сестер милосердия. Наш скромный «багаж» забрали и нас построили; офицер в сербской форме нас приветствовал и поздравил с прибытием в Королевство. Затем нас разбили на группы для медицинского осмотра, купанья и дезинфекции нашего обмундирования.

Каждая группа, под командой воспитателя, уходила в другое помещение, где нам было приказано раздеться и завязать вещи в узелок, оставив его на скамье. После беглого медицинского осмотра, направляли в баню, причем медицинский персонал приходил в восторг от вида и физического состояния молодежи. Импровизированная баня была устроена в длинном помещении, ввиде широкого коридора, с высокими кирпичными стенами, бетонным полом и без крыши. Посреди, по всей длине, тянулся ряд вагонеток, на небольшом расстоянии друг от друга, наполненных водой, по которой плавали темные пятна лизоля, очевидно предназначенного для дезинфекции. Под ними пылали костры, а рядом стояли жестяные банки, вероятно заменявшие шайки. Дым и пар поднимались к небу, кадеты по 5-6 человек окружали вагонетки и никто не решался начать обряд купания. Но вот один из группы, из озорства, зачерпнув черной воды из «ванны», плеснул ее на

соседа. Этого было достаточно, чтобы началось общее купанье. Поднялся страшный визг, крики и свист, и на фоне зарева костров, дыма и пара, между высокими кирпичными стенами, под открытым небом, голые люди начали выплясывать дикий танец, поливая друг друга водой.

Картина была потрясающая своей необычайностью. Это веселое купанье продолжалось минут 15-20; раздалась команда «строиться!» Все купальщики стали в одну шеренгу и направились к выходу. Мало кому удалось избежать купанья и остаться сухим и чистым, большинство были мокрые и вымазанные лизолем. Вытереться было нечем. Вернувшись в нашу «раздевалку», мы не нашли нашей одежды, ее еще не вернули из дезинфекции. В ожидании, чтобы не замерзнуть, одни стали бегать, другие скакали на месте, размахивая руками. К всеобщей радости, в скором времени одежду принесли. Она оказалась вся перепутана и была так измята, точно ее жевали коровы. С ужасом обнаружили, что все кожаные пояса перегорели, лопались и не держали брюк. Счастливцами оказались обладатели матерчатых поясов. С трудом натянув на себя обмундирование и поддерживая руками брюки, чтобы их не потерять, мы перешли в новое помещение, где вкусно пахло хлебом и супом. Там стояли походные кухни и столы с кусками белого хлеба, суетились сестры милосердия, приготовляясь нас кормить, и в первый раз за все время нашего странствования нас накормили вкусным, горячим супом с мясом и свежим, пушистым белым хлебом.

На следующий день, переспав ночь на бетонном полу завода, корпус погрузился в теплушки товарного поезда и нас повезли на север Словении, к городу Птуи. Для больных и для женщин были предоставлены пассажирские вагоны. Нас разместили в лагере «Стрнище», бывшем австрийском лагере военнопленных, состоявшем из деревянных бараков на опушке леса. Весь лагерь был занесен снегом и снег этот был также и в бараках. Корпусу отвели два барака, стоявшие в стороне от других; в них разместились вместе с кадетами, директор и холостые воспитатели и преподаватели. Директора кадеты очень любили и называли его «папашей».

Корпус стал получать от государства денежные средства

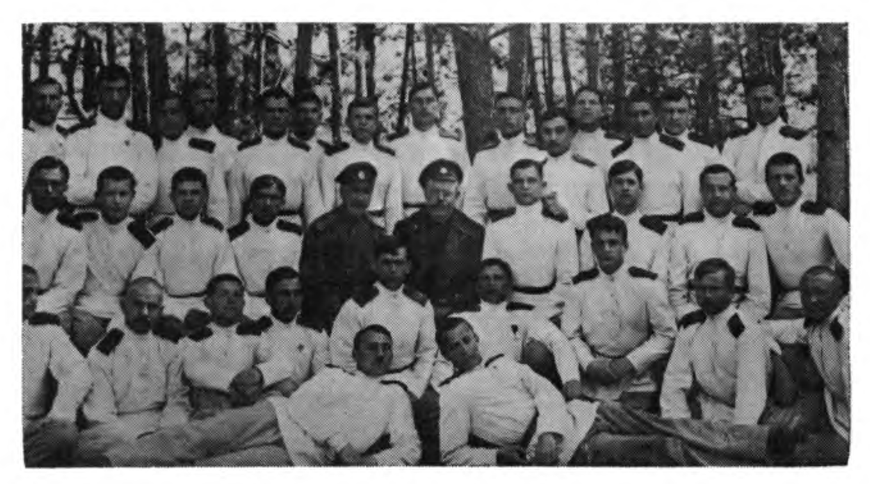
и жизнь стала постепенно налаживаться. Наше начальство старалось занять кадет и привести их в более или менее нормальное состояние. В корпус стали прибывать кадеты, гимназисты и реалисты, желавшие продолжать образование; после поверхностных испытаний, их определяли в соответствующие классы. В младший и старший приготовительные классы стали принимать малышей. Классные занятия были организованы в очень примитивных условиях; помещений нехватало и в хорошую погоду иногда занимались в лесу, на поляне. Устраивались экскурсии, военные прогулки, гимнастические игры, были созданы футбольные команды и происходили состязания. Кадетский хор давал концерты. Кадеты жили дружной семьей, возглавляемые своим любимым директором, ген. Рыковским.

Неожиданно для всех произошла смена директора. Новым был назначен ген. Бабкин, а ген. Рыковскому предложили должность инспектора классов, но он от нее отказался и покинул корпус. Все кадеты и некоторые воспитатели и преподаватели были возмущены этим происшествием и новому директору была объявлена война, которая приняла очень резкие формы. После первого бурного заседания педагогического совета, несколько чинов персонала подали в отставку и уехали из корпуса. Были также исключены несколько кадет, но их всех принял ген. Адамович в свой корпус, в Сараево, и они все прекрасно его кончили. Но крутые дисциплинарные меры, принятые ген. Бабкиным не усмирили кадет, а еще больше озлобили.

Новый директор выхлопотал перевод корпуса в бывшую австрийскую крепость в горах Герцеговины, на границе с Черногорией, около маленького городка Билече, в 30 килм. от железной дороги. Поздней осенью 1921 г. корпус был туда перевезен и расквартирован в помещениях крепости.

К этому времени корпус состоял из 6-ти классов и двух приготовительных; некоторые классы имели по два отделения. Корпус был в составе трех сотен и каждая размещалась в двухэтажном здании казармы: на первом этаже классы, на втором спальни. Холостые командиры сотен и воспитатели тоже разместились в отдельных комнатах казарм, а остальной

персонал занял бывшие офицерские квартиры гарнизона. Жизнь корпуса в Билече подробно описана в предыдущих очерках и остается лишь сказать, что она постепенно входила в нормальные рамки. Первый выпуск был с аттестатом за 7 классов, но после этого, начиная с 1922 г., был введен 8-й класс, с выдачей аттестатов зрелости, т. н. «большая матура».

Группа выпускных кадет.

«Война» с директором не прекращалась и ему не могли простить его вторжения в жизнь корпуса и отстранение любимого всеми ген. Рыковского. Демонстрации принимали все более крупные размеры и, очевидно для успокоения кадет, вышло распоряжение об увольнении ген. Бабкина и о назначении директором ген. майора Евгения Васильевича Перрета, бывшего до этого инспектором классов. Перемена эта внесла успокоение в нашу жизнь и все волнения полностью прекратились.

Ввиду расформирования англичанами Донского корпуса в Египте, приказом Донского Атамана от 25 сент. 1922 г., наш корпус был переименован в Донской Имп. Алкесандра III кад. корпус и ему были присвоены прежние погоны, синие с красным кантом и с красным вензелем Августейшего Шефа. В 1924 г. осенью, к нам в корпус прибыли из Шанхая спасшиеся кадеты Омского и Хабаровского корпусов со своим персоналом. Другая часть их была влита в Русский кад. корпус в

Сараево, а остальные были устроены на военный завод в Крагуевац. В сентябре 1926 г. корпус был переведен в г. Горажде, в Боснии, где и оставался до августа 1933 г., когда был расформирован и закрыт. Остававшиеся кадеты и часть персонала были переведены в г. Белая Церковь, в Банате, в Первый Русский Вел. Князя Константина Константиновича кад. корпус; наш директор, ген. Перрет, вышел в отставку и переехал в Белград. Там он имел на окраине города киоск, где занимался продажей газет, журналов, табака, папирос и спичек. Он никогда не жаловался на свою судьбу и был всегда очень рад встречам со своими бывшими воспитанниками, которым с улыбкой, шутя говорил: «Ну что же, голубчик, получилось по Звериаде — «Директор спичками торгует!..» Скончался он два или три года спустя после расформирования корпуса и был похоронен в Белграде.

В. С. Данилов,
вице-урядник 35-го выпуска.

Военная прогулка.

Список чинов персонала Донского Имп. Александра III кад. корпуса в Египте.

(Список, возможно, не полный, т. к. составлен по воспоминаниям).

Директор корпуса —	при выходе из Новочеркасска, ген.-лейтенант Порфирий Григорьевич Чеботарев, скончался от тифа в Новороссийске. После него, ген.-лейт. Александр Васильевич Черячукин, в прошлом ком. 17 Донского каз. п. в дивизии ген. Краснова, затем нач. штаба 4 кон. корпуса на Ю.-Зап. фронте; после революции зам. атамана Зимовой станции ВВД на Украине и, позднее, член посольства, отправленного с герцогом Лейхтенбергским к Имп. Вильгельму.
Адъютант корпуса —	хор. Г. П. Чеботарев с 5/III 1920 г. по 9/VI 1921 г., после этого пор. Барановский.
Инспектор классов —	полк. П. В. Суровецкий.
Командир 1 сотни —	ген. майор Ф. И. Леонтьев.
Командир 2 сотни —	сначала полк. Артамонов, скончавшийся в Измаилии. После него, полк. Г. Ф. Филин (быв. до этого казначеем).
Командир 3 сотни —	полк. Греков, одно время был воспитателем, а также преподававший математику в некоторых классах.

Воспитатели (некоторые из них были одновременно и преподавателями):

полк. Катарский, ес. Бирюков, полк. А. М. Низовкин, полк. Д. М. Кутырев, войск. ст. П. Д. Хмарин, пор. Карнажицкий, ес. Соковников, ес. Крюков, полк. В. Н. Биркин.

Преподаватели (некоторые из них имели одновременно и другие должности):

хор. Г. П. Чеботарев, полк. П. Р. Невядомский, г-жа Лашиш (француженка), полк. Кумшацкий, полк. Фофанов, полковник Н. В. Суровецкий, полк. Г. Ф. Филин, г-жа Щепкина-Куперник, Рая (эстонец) и др.

Обслуживающий персонал — писарь при штабе Маноцков, до него был Попов.

Эконом — полк. Г. Ф. Филин, потом Маноцков.

Портной — Мельников, одновременно и кашевар.

Повар для персонала — Степан, фамилия забылась.

Лазарет — сначала врача не было, потом был приглашен док. Александров; сестры милос. — Ольга Павловна и Дора, фамилии не сохранились.

При штабе, без определенных функций — ген.-майор Фицхелауров.

Директор Донского пансиона (пригот. классов) — ген. Свечников, а его помощником — полковник Еманов.

Законоучитель и настоятель корпусной церкви — о. Петр Голубятников; до него был другой священник, но имя и фамилия его забылись.

Список чинов персонала 2-го Донского кад. корпуса в Евпатории (Крым), а также в Югославии.

Директора корпуса — ген.-майор Иван Иванович Рыковский, после него ген.-майор Бабкин, при котором корпус переехал в Билече. Третьим и последним директором был ген.-майор Евгений Васильевич Перрет,

бывший до этого инспектором классов.

Директор Донского пансиона (пригот. классов) — полк. Фицхелауров, он же позднее командир 3-й сотни.

Инспектор классов — ген.-майор Ерофеев, затем ген.-майор Е. В. Перрет, а потом до конца существования корпуса — полк. А. Е. Чернокнижников.

Адъютант корпуса — войск. ст. Г. Я. Пахомов, позднее полк. В. В. Чепурковский.

Командир 1 сотни — войск. ст. А. П. Какурин, после него ген.-лейт. А. М. Сутулов.

Командир 2 сотни — некоторое время полк. Наумов, потом полк. Г. Ф. Филин.

Командир 3 сотни — войск. ст. А. П. Какурин, ранее командир 1-й сотни.

Воспитатели (некоторые были и преподавателями или имели другие должности):

ес. Кирсанов, войск. ст. Попков, полк. В. Н. Рещиков, полк. А. Ф. Золотов, полк. Агеев, полк. И. И. Павский, полк. Бобров, полк. Я. Н. Рещиков, войск. ст. Б. В. Суровецкий, полк. Астахов, полк. С. В. Болдырев, ген.-майор Н. Н. Кучеров, полк. П. Еманов, полк. Низовкин, полк. Н. Соколовский и др.

Преподаватели — А. И. Абрамцев, Чикамасов, А. И. Богоявленский, полк. А. А. Христианович, А. Н. Перцев, Солошенко, пор. Савин, Казнаков, г-жа Л. Шатковская, В. В. Пфеффер, Красовский, полк. Б. Н. Сергиевский, кап. II ранга Э. Берендс, Вранешевич, войск. ст. Семилетов, ген. лейт. Н. П. Карпов, М. М. Хрисогонов, Я. Шпилевой, Н. Верушкин; музыка и одновременно капельмейстер хора трубачей — ес. Скачков, потом полк. Мигузов.

Законоучители — меняли́сь несколько раз: прот. о. Вас. Бощановский, прот. о. Ив. Трофимов, епископ Вениамин, архим. о. Иоасаф, затем о. Иоанн, фамилия забылась. Дьяконом корп. церкви был о. Петр Цуканов, а после его смерти о. Кушнарев.

Обслуживающий персонал — врач док. М. С. Попов, фельдшер Шаповалов, потом Огурцов.

Завед. хозяйством — ген. майор А. И. Васильев, а в Горажде полк. Гвахария.

Завед. вещевым складом — полк. Лукьянов и полк. Посевин.

Эконом в Билече — полк. Магденко ; завед. освещением сотник Назаркин.

Служащий штаба — воен. чин. Дмитриев; завед. мастерскими полк. В. Н. Рещиков и есаул В. А. Леонов. Трубач в Стрнище — Лисицын, гл. повар в Стрнище — есаул В. Телухин.

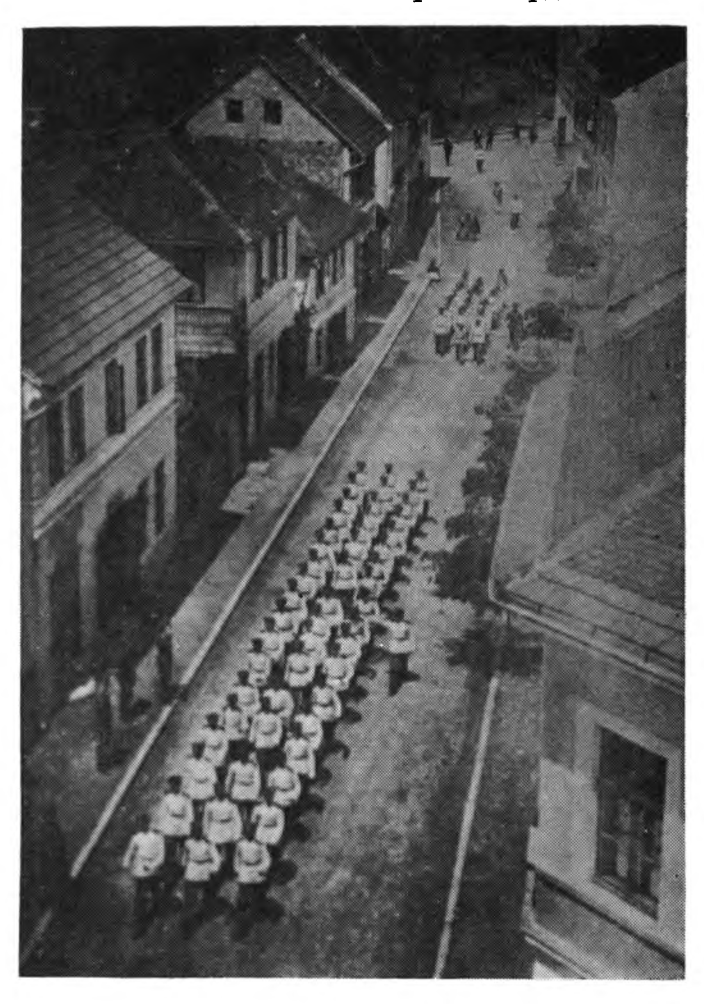
Без должностей проживали при корпусе в Билече ген. Таткин и ген. Готуа.

* * *

Последний директор Донского Имп. Александра III кад. корпуса, ген. майор Евгений Васильевич Перрет, родился в Полтаве, в 1875 г. По окончании кадетского корпуса и Михайловского Артиллер. Училища, был выпущен подпоручиком в Л. Гв. 2-ю артиллер. бригаду, в которой и прошла почти вся его служба. Окончил по 1-му разряду Михайловскую Артиллерийскую Академию. На войну 1914-17 г.г. с Германией вышел в чине полковника, командиром батареи в своей бригаде. За боевые отличия был произведен в чин ген.-майора и был назначен командиром дивизиона Л. Гв. Стрелковой Артиллер. Бригады. В 1916 г. был ранен в голову и в ногу. В начале 1917 г. был назначен Инспектором Артиллерии 1-го Гвардейского корпуса и на этой должности оставался до окончательного развала армии.

В конце 1918 года пробрался на Дон и все время находился при Штабе Донского Атамана. После эвакуации из Крыма, приказом Донского Атамана был назначен инспектором классов Донского кад. корпуса в Стрнище при Птуи, а после ухода ген. Бабкина, был назначен на его место директором того же корпуса, оставаясь на этой должности вплоть до расформирования корпуса в Горажде, в 1933 году. Скончался 19 июля 1940 г. в Белграде, где и был похоронен.

Генерал Перрет имел орден св. Георгия 4-й ст. и Георгиевское оружие, кроме того ордена св. Владимира 4-й и 3-й ст. и св. Анны 4, 3 и 2 ст., а также и сербский орден Белого Орла.

* * *

В заключение хочется прибавить еще нечто сугубо личное. В 1950 году, в день корпусного праздника, собрались у меня на квартире бывшие кадеты и нашего, и других корпусов. В тот вечер я прочитал собравшимся свое стихотворение, буквально вылившееся у меня за день до того, в самый канун праздника. Позднее оно было напечатано в сборнике Анатолия Маркова «Кадеты и юнкера». Тем не менее, мне хотелось бы поместить его в этой книге потому, что — как мне кажется, оно наиболее полно выражает наши общие чувства и верования. Да простят мне донцы — оно посвящено не только нашему корпусу в данный момент. Но разве не сказал кто-то, где-то: «Мы отличались только цветом погон и кантов . . .» А я добавлю — душой мы были воедино.

Поэтому, я и осмеливаюсь поместить его здесь и этим закончить свой труд.

КАДЕТУ.

Здравствуй, мальчик мой вихрастый, непокорный!
Долго не видались мы с тобой,
Сотни верст исколесив дороги торной
По чужой, нерусской мостовой.
    Помню я тебя совсем мальчишкой, —
    Утра раннего кристальную росу . . .
    Ты шагал в суконной шинелишке
    И с пятном чернильным на носу.
Годы шли обычной чередою . . .
Ты мужал и, полный вешних сил,
Легкий пух над верхнею губою,
Как гусарский ус, ты теребил.
    Много было вас в стране далекой,
    Малышей с душой богатыря;
    Вас в одно вязал девиз высокий:
    За Отечество, за Веру, за Царя!
Стены корпуса — в Хабаровске-ль, в Полтаве,
В Петербурге-ли, в Тифлисе-ль, на Дону —
Говорили вам о старой русской славе
И о том, как чтить седую старину.

Как лелеять прадедов заветы,
Шелест ветхих боевых знамен,
Имя гордое: «Российские кадеты»
И с сургучным вензелем погон.

А потом тебя встречал я в ночи черной,
Что страну покрыла пеленой . . .
Милый мальчик мой, вихрастый, непокорный!
Первым рвался ты в неравный бой.

В небе заревном пылающей Каховки
Помню твой дрожащий силуэт:
С настоящей папиной винтовкой
Ты шагал тогда в тринадцать лет.

И скрывая свой фальцет высокий,
Ты нарочно басом говорил.
Ты тогда боялся: ненароком,
Не попасть бы с фронта к маме, в тыл.

В сапожищах ноги детские шагали
И дорожная на них ложилась пыль . . .
Перекоп, Ростов тебя видали,
Степи Сальской укрывал ковыль.

О семье ты ведал понаслышке,
Или слабо помнил . . . До того-ль?
И все в той же черной шинелишке
Ты шагал, тая печаль и боль.

Не твои ли слышали мы стоны,
Твой недетский леденящий крик?
Не тебе-ль кокарду и погоны
Вырезал в Ростове большевик?

Ты, как белое святое дело
Твердо нес на худеньких плечах,
Чье замерзшее и скрюченное тело
Видел я в окопах и во рвах!

И сегодня, в вечер встречи нашей,
Мне тебя хотелось помянуть
Добрым словом и заздравной чашей,
Передать, что так теснило грудь,

И сказать: мой мальчик беспокойный!
Долго не видались мы с тобой,
Сотни верст пройдя дорогой торной
По чужой, нерусской мостовой.

Помню я тебя совсем мальчишкой,
Но ведь сколько лет-то с той поры!
На тебе нет черной шинеляшки,
Серебром усыпаны вихры.

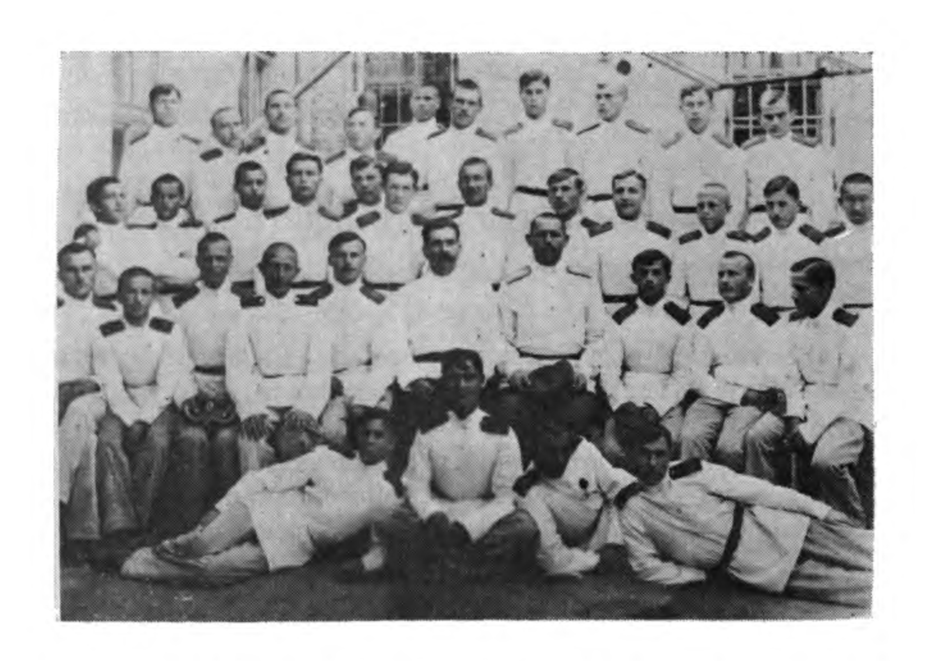
Лишь глаза, как встарь, горят задором . . .
И коль в эти загляну глаза,
На плечах мне чудятся погоны,
Молодые слышу голоса.

Снова в прошлое мне приоткрыта дверца,
Мы с тобой опять в краю родном,
И кадетское, как раньше, бьется сердце
Под обычным штатским сюртуком.

Н. Воробьев, Пебл Бич, Калиф. США.

В канун 6-го дек. 1950 г.

Группы кадет после выпускных экзаменов.

НАС БЫЛО ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ.

Весною 1924 года 8-ой класс в составе 36 кадет, из них вице-вахмистр и 12 вице-урядников, закончили свой учебный год с очень хорошим средним баллом. Начались экзамены на аттестат зрелости, состоявшие из писменных и устных. Из Министерства Просвещения Югославии был прислан для инспекции представитель, профессор Чичин, начальник учебного округа.

Первыми экзаменами были письменные по всем предметам. После оценки работ и просмотра годовых успехов кадет, экзаменационная комиссия освободила 18 из них от устных экзаменов на основании правил Министерства Просвещения Югославии; учащиеся средних школ, имевшие в году и получившие на письменных экзаменах отметки не менее «очень хорошо», т. е. 9 баллов по 12-ти бальной системе, освобождались от устных экзаменов.

Этот список был представлен на утверждение профессору Чичину.

Профессор Чичин был поражен высокими отметками и невероятно большим процентом освобожденных от устных экзаменов и очевидно выразил сомнение по этому поводу.

Директор корпуса, генерал Перрет, желая убедить профессора Чичина в правильности оценки знаний кадет, предложил ему из представленного списка вызвать кого он пожелает и проэкзаменовать лично. Назвав наугад три фамилии, он сам их проэкзаменовал в присутствии экзаменационной комиссии. На задаваемые по всем предметам вопросы, он получал блестящие ответы от всех, им выбранных, кадет, и был поражен превосходным знанием предметов и тронут до глубины души по-

ведением отвечающих кадет. «За всю мою долголетнюю работу с молодежью, я впервые встречаю юношей, так прекрасно воспитанных и с такими отличными знаниями», — сказал он и утвердил список.

Все остальные кадеты выдержали устные экзамены.

После окончания экзаменов и заседания Педагогического Совета, кадетам в торжественной обстановке были вручены аттестаты зрелости.

Директор корпуса устроил прощальный обед ВЫПУСКУ, на котором присутствовали воспитатели и преподаватели.

Поздравляли кадет с окончанием и желали им устроить свою жизнь, с таким же успехом, какой был проявлен ими в корпусе. Кадеты со своей стороны благодарили всех за все заботы, проявленные к ним в корпусе. Кадеты выражали также свое удивление, как удалось воспитателям и преподавателям заставить их сесть снова за парты, после всего ими пережитого, и заняться науками, от которых они были так далеки за последние мятежные годы, ведь 28 кадет из выпуска были участниками Гражданской войны, проведя несколько лет на фронте в различных частях Белой Армии. Были среди кадет «Чернецовцы», «Корниловцы», «Бредовцы», участники «Степного Похода» . . . ДЕВЯТЬ Георгиевских Кавалеров; ШЕСТЬ из них награжденных Георгиевскими Крестами, а ТРИ — медалями, были унтер-офицеры, урядники и один был хорунжий.

Велика была заслуга воспитателей и преподавателей вернуть «Вояк Пятиклассников» на рельсы нормальной жизни, но и сами кадеты сознавали необходимость взяться за ум и стать «кузнецами своего счастья». У большинства кадет не было ни отцов, ни матерей, которые могли бы позаботиться о их будущем и, покинув Родину, оказались они на чужбине, предоставленные самим себе.

И так Выпуск раставался с Родным корпусом. Разъезжались кадеты, кто куда хотел. Открывалась новая страница жизни, что готовила судьба свободным от опеки юношам?

Многие решили продолжать образование и уехали в Белград и Загреб, а некоторые в Чехию, поступать в Университеты.

Двадцать три из них получили Университетские Дипломы по различным специальностям;

3 — архитектора,
14 — инженеров (гражданские, геодеты, механики, электрики, металурги, горные).
2 — агронома
3 — химика
1 — доктор медицины
1 — окончил Югославскую Военную Академию

При дальнейшей работе в научной области получили звание :

1 — доктора технических наук,
1 — доктора химии
3 — состоят профессорами в Университетах
2 — профессора Средне-Технической Школы
1 — директор Средне-Технической Школы
1 — советник Технического Института

Среди кадет Выпуска были: поэты, журналисты, художники.

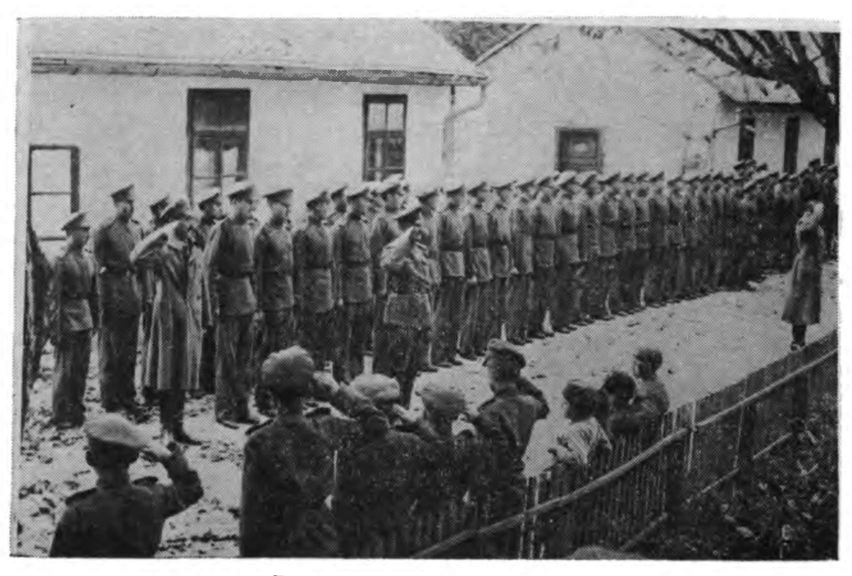
И вот теперь, после 46 лет, если бы профессор Чичин, мог бы увидеть этот список, он был бы наверно тоже поражен, но не выразил бы сомнения тому успеху, с каким был выдержан «Экзамен жизни» кадетами 35 выпуска.

Вице-урядник 35 выпуска
В. Данилов
Архитектор

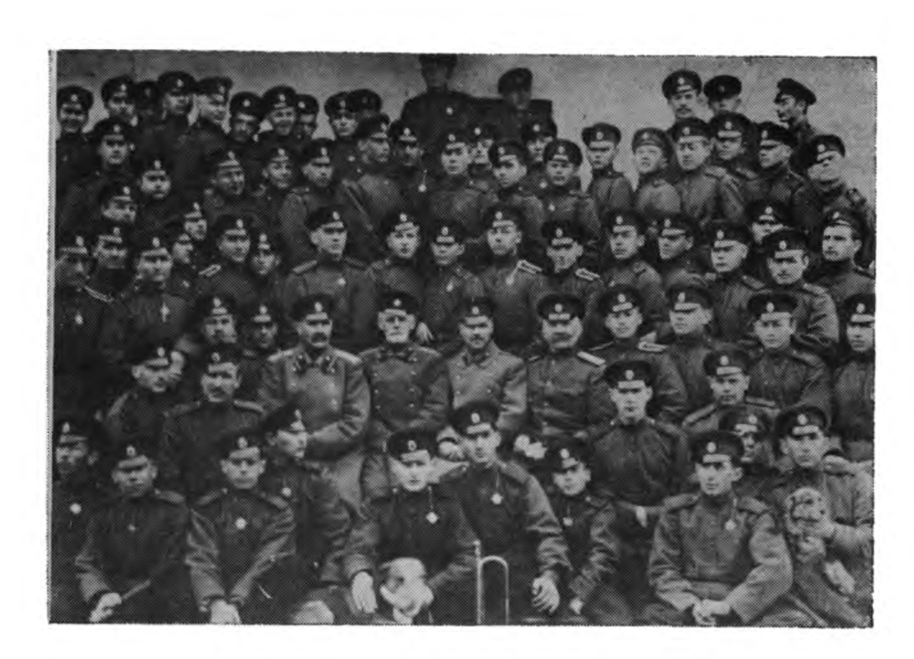
Сан Франциско
Май 1970 г.

Военная прогулка. Привал 1-ой сотни.

Первая сотня 1929 - 1930 г.

Первая сотня 1929 - 1930 г.

Первая сотня 1930 - 1931. г.

7 класс 1930 - 31 г.

Вторая сотня 1930 год.

Духовой оркестр 1932 год.

7 класс 1932 - 33 уч. год.

Плащаница в храме.

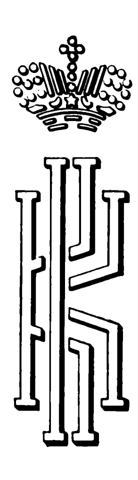
Розговены кадет.

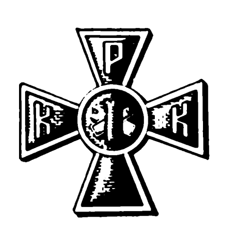
Футбольная команда Корпуса.

Гимназисты I Рус.-Серб. Гимназии в гостях у кадет.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА КАДЕТСКИЙ КОРПУС

1920 - 1945

Встреча Корпуса

НАШ ПОЛК.

Наш полк. Заветное чарующее слово
Для тех, кто с молоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою.
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою.

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,

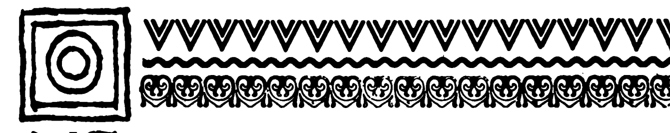
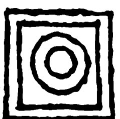
Лихая удаль, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере православной
В едином слове том сливается: наш полк.

К. Р.

Красное Село,
31 мая 1899 г.

Его Императорское Высочество Великий Князь
Константин Константинович
Шеф Корпуса.

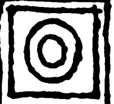

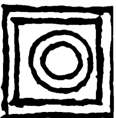
Боже Правде, Ти што спасе
Од пропасти до сад нас,
Чуј и одсад наше гласе
И одсад нам буди спас.

Лепа наша Домовина,
Ој јуначка земљо мила,
Старе славе дедовина
Да би вазда сретна била

Напреј заставе Славе
На бој јуначки кри
За благор Очетњаве
Нај пушка говори.

Боже спаси, Боже храни
Нашег Краља и наш род.
Краља Петра Боже храни
Моли Ти се сав наш род.

Его Величество Король Петр II.

Директор Корпуса.

Генерал - Лейтенант Б. В. Адамович.

1920 - 1936.

Директор Корпуса.

Генерал - Майор А. Г. Попов.

1936 - 1945.

ПЕСНЯ КАДЕТ НА ЧУЖБИНЕ.

Вдали от Родины своей,
Мечтой о ней согреты,
Сомкнемся крепче и дружней,
Плечом к плечу, кадеты.

Храня заветы старины
И доблести преданья,
Несем мы крест, родной страны
В годины испытаний.

Но крепок дух, не сломят нас
Лишенья и невзгоды,
Огонь, ведь, правды не угас,
Придут иные годы.

И верим мы: взойдет заря,
Заблещет над Москвою,
Любовью к Родине горя,
Пойдем родной тропою.

Пока ж, храня свои мечты,
Мечтой одной согреты,
Родного Корпуса ряды
Сомкнем дружней, кадеты.

П. Барышев.

ЭВАКУАЦИЯ ОДЕССЫ.

Ко дню эвакуации Одессы, 25 янв. ст. ст. 1920 г., в здании кадетского корпуса размещались не только Одесские кадеты, но и 2-я рота Полоцкого корпуса, а также и Киевский корпус, вывезенный в Одессу после занятия Киева красными. Киевляне были размещены на третьем этаже корпусного здания, сохранив свой офицерский и преподавательский персонал, который покинул Киев вместе с ними. Они жили обособленно своей жизнью; исполняющим должность директора был полк. Линдеман, а в Одесском корпусе директором был полк. Бернадский, военный юрист по образованию.

С начала января уже начали ползти тревожные слухи о приближении фронта к Одессе; 22 января ген. Шиллинг отдал приказ об эвакуации. Трудно сейчас судить, было ли что-нибудь предусмотрено для вывоза корпуса, или нет. Одни говорят, что полк. Бернадский не проявил настойчивости и упустил все возможности и сроки, другие думают, что в порту не было никаких судов для корпуса и что его судьбой никто не занимался. Так или иначе, в нервном и бесцельном ожидании прошли и 23-е, и 24-е января и только с утра 25-го были отправлены в порт подводы с личными вещами кадет и персонала, под охраной двух взводов 1-й роты Одесского корпуса и кадет полочан, под общей командой полк. М. Ф. Самоцвета, командира 1-й роты. С ними ушли несколько младших кадет и часть персонала с семьями. Немного позже, по приказу полк. Кадьяна, были посланы в порт самостоятельно кадеты 1-й роты Киевского корпуса, в числе 20 чел., без офицеров. Обе части добрались до порта с большим трудом, т. к. в городе уже шла стрельба и нападения на отряды белых, проходившие через Одессу. Кадеты и все скопившиеся в порту, подверглись жестокому пулеметному обстрелу со стороны Воронцовского дворца; были ранены кадеты киевляне Полянский и Левицкий, а также дочь офицера Киевского корпуса Аничка Порай-Ко-

шиц. Был убит один кадет киевлянин, но фамилию его установить не удалось.

Все кадеты и чины персонала обоих корпусов были подобраны английским крейсером «Церес», но все привезенное имущество пришлось бросить на молу, где оно было разграблено. Позже, на тот же «Церес» было погружено и Сергиевское Артил. Училище; имеются сведения, что накануне эвакуации, начальник Училища присылал в корпус предложение идти в порт вместе с юнкерами и под их охраной, но полк. Бернадский отклонил это предложение по неведомым причинам. Еще раньше посадки кадет на «Церес», туда же были приняты младшие кадеты киевляне, сразу же пересаженные оттуда на баржу, но об этом будет рассказано ниже.

После отхода «Цереса» из порта, все кадеты и чины персонала были пересажены в открытом море на пароход «Рио Негро», который и довез всех до Салоников, откуда поездом они были отправлены в Югославию и, через Белград, доставлены в Панчево. По дороге, на узловых станциях, какие-то организации, в том числе и русские, кормили кадет. В Панчево все были размещены в здании школы, где во дворе находились русские солдаты, возвращавшиеся в Россию. В скором времени, кадет киевлян (взвод 1-й роты) перевезли в Сисак, вблизи от Загреба. При проезде через Белград, они встретились со своими младшими кадетами, привезенными из Болгарии, и все вместе были доставлены в Сисак, а одесские и полоцкие кадеты остались в Панчево.

В тот день, 25 января, в здании Одесского корпуса остались еще 1-й и 3-й взводы 1-й роты и почти все младшие кадеты, числом около 350 человек, вместе с большинством офицеров и преподавателей с их семьями. Они должны были двинуться в порт позже; осталось совершенно непонятным, для чего нужно было делить корпус на две неравные части и подвергать оставшихся риску быть отрезанными от порта, что как раз и случилось. Судьба их описана ниже в отдельном очерке. Но никто не знал, что на верхнем этаже здания находятся забытые и оставленные всеми младшие кадеты Киевского корпуса, в количестве около 130 чел. от 1-го до 5-го класса. Они были, буквально, забыты и с ними не оставалось никого из вос-

питателей. Почему так получилось, выяснить невозможно, как и многие другие события этого дня, полного трагических ошибок и упущенных возможностей.

Утром 25 января, два кадета 5-го класса, Василий Гончаров, коренной аракчеевец, и Иван Латышев, киевлянин, видя такое положение, по своей инициативе собрали всех оставшихся в здании кадет киевлян и построили их для выхода в порт. Эта сборная рота вышла из здания корпуса около 10 ч. утра; проходя мимо Сергиевского Артил. Училища, Гончаров и Латышев решили вооружить более рослых и крепких кадет и, с этой целью, повернули строй в здание Училища, где достали винтовки и продолжали свой путь в порт. Чтобы маленькие кадеты не отставали и не терялись, Гончаров и Латышев поочереди менялись местами, один шел впереди строя, другой позади.

По улицам уже шла стрельба и бродили группы «струковцев», банды атамана Струка, и шайки местных большевиков и уголовных элементов. Брат И. Латышева, Сергей, описавший эти события, бывший тогда в составе пулеметной команды, проходившей специальный курс стрельбы из английских пулеметов Викерс и Льюис, увидел эту группу кадет уже в порту, строем в одну цепочку, уже при погрузке на тот же английский крейсер «Церес». Его брат, в кадетской фуражке и в полушубке, стоял с винтовкой у трапа, пропуская мимо себя сначала малышей, потом тех, кто был старше.

Пропустив последнего, И. Латышев тоже двинулся, чтобы пройти на крейсер, но был остановлен английским матросом, видимо решившим, что он не кадет, а просто сопровождающий солдат. Настало короткое препирательство и матрос толкнул его пинком в грудь. И. Латышев немедленно дал сдачи и настолько успешно, что матрос отлетел на несколько шагов и тогда Латышев спокойно прошел на крейсер. Его брат с пулеметчиками, воспользовались этой заминкой и тоже поднялись на «Церес». Матрос всех пропустил, явно не желая повторения того, что с ним только что случилось, а войдя сам на палубу, втянул на нее сходни. Кадеты с «Цереса» сразу же сошли на баржу, стоявшую у его правого борта, а маленькая

группа пулеметчиков осталась на крейсере, в ожидании решения своей дальнейшей судьбы.

Вскоре начался обстрел порта и пули стали щелкать по броне крейсера. Простояв еще некоторое время, «Церес» отошел на внешний рейд. К ночи, пулеметчики были выгружены на маленький катерок, который бросало на волнах как мячик, так что они едва могли на него сойти. Погода все более свежела, поднялось сильное волнение и катер пошел в море искать транспорт «Анатолий Молчанов». Промерзнув и буквально заледенев от холода, они через час нашли транспорт и, прыгая на сильной волне у борта на своей скорлупе, после долгих криков, ругательств и угроз, добились того, что им был спущен трап, по которому они вскарабкались на высокий борт транспорта. На утро увидели, что к ним подходит большой черный пароход: это был английский угольщик «Вотан».

Скоро загрохотали цепи лебедок и началась погрузка угля. Во время этой работы, совершенно случайно, С. Латышев обнаружил, что его брат и вся группа кадет киевлян находятся на «Вотане»; было сразу же решено, чтобы ему перебраться к ним. Оба судна разделяли 5-6 метров пропасти, через которую был переброшен трап. Сначала перекинули вещевой мешок, но английский матрос бросил его обратно, что-то процедив сквозь зубы. Тогда решили выждать темноты; мостки оставили на ночь, т. к. погрузка угля была незакончена. И с наступлением темноты, благополучно, хоть и с риском слететь в море, Латышев перебежал по качавшимся мосткам и присоединился к брату и к кадетам.

Скатившись в трюм, он нашел в угольной яме своих товарищей кадет, отогревавших руки у электрических лампочек. Большой люк был открыт и ледяной ветер гулял по трюму. Кадеты кучками, греясь друг о друга, лежали прямо на железном полу или подгребали под себя уголь, все были вымазаны, голодны и крепко мерзли. С ними не было никого из воспитателей корпуса, никто не знал куда их повезут и где выгрузят. Тут же в углу трюма, в английской шинели и кое как прикрытый кадетскими одеялами, лежал офицер, которого кадеты единодушно признавали своим начальником и относились к нему с большим уважением и заботой. Это был много

раз раненый и еще не оправившийся от ран офицер-доброволец, почти не встававший со своего жесткого ложа. Кое как проведя ночь в угле и на железе, утром увидели, что подходят к какому то пароходу, выглядевшему по сравнению с угольщиком, как нарядная яхта для прогулок. Это был болгарский пароход «Царь Фердинанд»; перебросив трапы, англичане сразу же перевели на него кадет.

Здесь их поместили тоже в трюме, но в болгарском сене, куда все с удовольствием зарылись. Здесь уже находились чины Граждан. Управления Одесского Воен. Округа, судебные власти и др. Все они были уютно устроены, с запасами галет, консервов и прочих богатств. Тут кадетам пришлось проявить самоуправство и завладеть несколькими ящиками с галетами и консервами, т. к. никто не подумал поделиться с ними едой. Так прошли еще двое суток; в море разыгрался шторм и пароход сильно качало. Лишь на третьи сутки, к полудню, вошли в порт города Варны и с нетерпением стали ожидать высадки. Но, вместо этого, им объявили карантин и вывесили желтый флаг.

На следующий день на молу появился русский полковник, одетый в форму мирного времени. Он обратился к кадетам стоявшим у борта, и сказал что он был в Киевском корпусе помощником инспектора классов, что он займется ими и что скоро их выгрузят. И, действительно, не прошло и двух дней, как кадеты строем, с песнями, промаршировали к их новому становищу, школе «Св. Лаврентия». Там они устроили свое жилье, сдвинув в углы школьные парты и расстелив солому. Из этой школы их водили разгружать консервы и они ежедневно строем, с пением «Соловья» и с подсвистом, шагали в народную столовую и приучались к балканской пище с фасолью. Полк. Протопопов, как звали их неожиданного попечителя, продолжал заниматься их судьбой.

В Варне они пробыли около двух месяцев и, наконец, их погрузили в поезд и повезли через Софию в Белград. Там они прожили некоторое время в оставленных санитарных бараках за военным госпиталем. Затем их снова погрузили в поезд, соединив со старшими кадетами киевлянами, привезенными из Панчево, и повезли в Хорватию, в г. Сисак, в 40 кил. от За-

греба, где разместили в военных казармах. Постепенно туда стали прибывать другие кадеты, воспитатели и преподаватели, стали медленно налаживаться порядок и дисциплина. С назначением ген. Адамовича директором Сводного Русского кад. корпуса, остатки всех трех корпусов в Сисаке и в Панчево стали кадрами одного военно-учебного заведения, которое в июне 1920 года было объединено и устроено в Сараево.

Одесские и полоцкие кадеты, оставшиеся в Панчево, в помещении школы, жили в примитивных условиях, лишенные каких-либо удобств: места было мало, комнаты были переполнены, кровати стояли даже в коридорах, помещения скудно освещались карбидом, есть приходилось из котелков, сидя на кроватях. У входа в школу каждое утро появлялись разносчики и кадеты покупали у них молоко, маленькие булочки «кифли» и другую еду. Кое какие деньги у многих водились, т. к. ухитрялись продавать остатки белья и одежды. При помощи нашего Военного Агента, ген. Артамонова, были получены гимнастерки и брюки, обмотки и серые шинели солдатского сукна. Ежедневно делались занятия, но не было ни книг, ни тетрадей. Но несмотря на бедность во всем и даже в питании, в младшие классы были приняты новички, а также прибыло несколько кадет других корпусов, в том числе три серба, бывшие кадетами в России: Сумского корпуса Др. Живкович и Р. Адамович, и Нижегородского — Вл. Петкович. Один из новичков, Клемантович, скоро утонул, купаясь в Тамише, и тело его нашли только через несколько дней. Эта первая смерть маленького кадета на чужбине очень всех опечалила и ее долго не могли забыть.

После всего пережитого, после почти поголовного участия в гражданской войне, кадетская среда переживала глубокий нравственный кризис, который выразился, к сожалению, в упадке дисциплины и в неспособности быстро втянуться в размеренную жизнь и в занятия, даже в тех скромных размерах, которые существовали в Панчево. Поэтому, когда в Панчево прибыл ген. Адамович, назначенный 10 марта 1920 г. директором корпуса, и когда с первых же дней он начал применять резкие и суровые меры, в кадетской среде родилась такая же резкая реакция, которая выразилась в ряде очень прискорбных

событий. Ген. Адамович ответил на них исключением из корпуса «генерала выпуска» и этим еще больше накалил атмосферу.

После целого ряда событий, 23 кадета 1-й роты заявили о своем желании быть отправленными в Крым, на что разрешения не последовало. В Панчево приезжал Военный Агент, ген. Артамонов, и долго беседовал с кадетами, уговаривая их отказаться от желания уехать, но они продолжали упорствовать. Наконец, для них было получено разрешение и они уехали. Оставшиеся вызывались по одному человеку в канцелярию и должны были отвечать на вопрос ген. Адамовича: хотят ли учиться и подчиняться корпусным порядкам, или же нет? Все оставшиеся ответили утвердительно и тогда, постепенно, стало наступать успокоение.

Через некоторое время стало известно, что корпусу предоставлено удобное помещение в г. Сараево и что всех скоро туда отправят.

В то время, когда происходили описанные события, никому из тех, кто покинул Одессу морским путем, не была известна судьба большей части кадет и чинов персонала Одесского корпуса, не попавшей в порт и оставшейся в корпусном здании. Описанию этой судьбы посвящена следующая глава.

ОТХОД ОДЕССКОГО КАД. КОРПУСА НА РУМЫНСКУЮ ГРАНИЦУ В 1920 г.

К концу 1919 г. жизнь в Одесском корпусе стала тяжелой. Кормили плохо, средств не было, здание не отапливалось и в помещениях было нестерпимо холодно; запасов обмундирования не оставалось, все ходили в том, в чем приехали, и наша 1-я рота представляла собой зрелище необычное. Многие были во фронтовой одежде, или в смешанной с кадетской, другие сохранили еще кадетскую форму, а некоторые добавляли к ней отличительные знаки добровольческих частей, в которых они были на фронте. Хотя кадеты Одесского корпуса и были в большинстве, но наряду с ними собралось много кадет и других корпусов, откомандированных из армии для продолжения образования. Необходимо отметить, что между всеми нами сразу же установилось согласие и тесное товарищество. Одесские

кадеты немедленно приняли всех нас в свою семью и отнеслись к нам дружелюбно и по братски.

К январю 1920 г. положение на фронте стало угрожающим. Добровольческая армия отходила, фронт рушился, Одесса была обнажена, в самом городе обстановка была тревожной. В отпуск стали пускать только группами и 1-й роте было приказано брать с собой винтовки. Помню как однажды, одну такую группу, в которой был и я, обстреляли из одного дома, но к счастью никого не ранили. В некоторые районы города было опасно ходить даже вооруженными группами.

Приказ об эвакуации Одессы был отдан, кажется, еще 22 января, но никаких приготовлений в корпусе не делалось. Колебания и нерешительность директора корпуса, полк. Бернадского, привели к тому, что корпус упустил все возможности погрузиться на пароход, под прикрытием юнкеров Сергиевского Артил. Училища, взяв с собой корпусное имущество и личные вещи. Только лишь с раннего утра 25 января стало известно о приказании бросить все и погрузить корпус на пароход, для следования в Крым.

Передовые части красных были уже в 7-ми верстах от Одессы, орудийная стрельба доносилась совсем отчетливо. Часам к 11-ти утра, 25 января, перестрелка перенеслась в центр города. После ухода в порт части кадет с подводами, выяснилось что в городе восстание и что нам, оставшимся, пробиться в порт не удастся. Известия об этом, вместе со всевозможными паническими слухами, исходили от беженцев и разрозненных воинских частей с обозами, которые бесконечной лентой тянулись мимо корпуса, по Б. Фонтанской дороге. Сообщали даже, что наши кадеты до порта не дошли и были все перебиты воставшей черньюо. Полк. Бернадский вызвал из 1-й роты охотников пойти на разведку по направлению к городу и, т. к. вызвались все, назначил двух правофланговых, Никольского и меня. Через минуту приказание было отменено . . . видя эти колебания, исп. обязанности вице фельдфебеля Тарасенко 1-й вывел роту на плац перед корпусом. Винтовки нам были выданы еще с утра, несколько обойм патронов каждый засунул по карманам, т. к. подсумков не было. Настроение было нервное, общее желание было все же пробиваться в порт. Полк.

Бернадский перед строем, испуганный и волнующийся, стал отговаривать от необдуманных действий и напомнил о том, что мы не имеем права покинуть младших кадет. Наконец, к 2-м часам дня, видя что дальнейшее промедление грозит гибелью, полк. Бернадский отдал приказ о выступлении на румынскую границу.

Чуть ли не последними мы покинули окраину города и включились в поток повозок. Имея впереди младших кадет и чинов персонала с женами и детьми, наша полурота шла в арьергарде с заряженными винтовками. Ждали обстрела в спину. Дул ледяной ветер, неся с собой мелкие льдинки и затрудняя дыхание. В каком-то месте дороги открылся вид на море и мы увидели цепь пароходов и иностранных военных судов, уходивших с рейда. Стало еще более жутко и мы впервые поняли, насколько безнадежно было наше положение.

Пройдя 15 верст, к вечеру мы пришли в Люстдорф и с трудом разместились в ледяном здании какой-то школы. С утра ничего не ели, ни вещей, ни какой-либо еды не было ни у кого. Поздно ночью нас разбудили: оказалось, что какая-то часть приготовила для кадет кашу. Закусив, улеглись снова на пол, пока в 6 ч. утра общее выступление не заставило и нас продолжать путь. Наша полурота была отряжена для охраны обоза полк. Мамонтова, который не надеялся на своих солдат; кажется, это произошло или без ведома, или вопреки желанию директора. По прежнему дул сильный ветер, неся снег и льдинки; полк. Мамонтов повел нас какими-то боковыми дорогами и через замерзшие поля. Не помню, в чем выразилась наша охрана обоза; м. б. даже мы до него не дошли и как-то нас снова вернули к корпусу. Перейдя Сухой Лиман, на полчаса остановились в Мал. Акерже, после чего, усталые, замерзшие и голодные, к 12 ч. дня пришли в Бол. Акержу, где была назначена дневка. Все колонии, через которые мы проходили, были совершенно опустошены проходившими частями и достать продовольствие было невозможно.

Опять нам отвели пустую школу и мы, достав соломы, устроились отдыхать. Несмотря на холод и усталость, настроение поднялось, то и дело слышались остроты и шутки; не хотелось верить в безнадежность положения и казалось, что еще

немного, и мы попадем на румынскую территорию, а оттуда в Сербию. Немного отдохнув, я и Стойчев захватили винтовки и отправились по хатам, искать хлеба. Только на краю колонии что-то достали, но деньги от нас отказались взять. Вернувшись, поделились хлебом с друзьями и случайно узнали, что где-то, в какой-то хате, можно поужинать. Собрав все свои деньги, отправились туда впятером; действительно, нам дали хороший и сытный ужин за 15 руб. с человека, а в Одессе уже коробка папирос стоила 30 рублей! Уходя, заказали себе еду на утро и заплатили вперед . . . но ночью, в 12 час., нас неожиданно подняли. Оказалось, что красные части окружают колонию и все отряды уже уходят на Овидиополь.

Мы выступили в путь; ночь была темная и ледяная. Выслали дозоры вперед и в стороны, по одному человеку; я попал направо, с приказанием стрелять, если замечу что-либо подозрительное. Идя один по линии телеграфных столбов, в полной темноте и по колено в снегу, я скоро потерял представление о том, где находится наша колонна и, дойдя до места, где телеграфная линия расходилась налево и направо, запутался окончательно. На мое счастье, где-то впереди блеснул слабый огонек: как оказалось, кто-то закуривал папиросу. Собрав силы, пошел в том направлении и с трудом выбрался на дорогу со свежими следами прошедших отрядов. Наконец, догнав нашу роту, я явился полк. Рогойскому (Полоц. к. к.), заменявшему командира 1-й роты. Оказалось, что уже давно все дозоры были отозваны и что меня искали, но я отбился далеко и ветер относил в сторону звуки выстрелов, которые давали как сигнал для меня.

Снова потянулась темная дорога, ветер со снежной пылью и черная, ледяная ночь вокруг. На полчаса остановились в дер. Выселки; в одной из хат собралось нас несколько кадет. Крестьянин смотрел враждебно и не хотел впускать, пока не пригрозили ему винтовками. Тепло и возможность посидеть и покурить, заставили нас позабыть обо всем, пока случайно заглянувший в хату солдат не сказал нам, что последние части уже покидают деревню. Мы бросились догонять; через 18 верст, ранним морозным утром, добрались до Овидиополя. Все хаты и дома были уже заняты и кадетам едва-едва удалось разме-

ститься в холодной школе, уже переполненной артиллеристами. Весь день оставались голодными, ни в одной хате ничего достать не удалось. Вечером нам приказали сдать винтовки коменданту, т. к. завтра с утра был намечен переход через замерзший лиман, на румынскую сторону, в Бессарабию.

28 января, в 8 ч. утра, мы спустились на лед Днестровского лимана и пошли к Аккерману, видневшемуся на другом берегу, на расстоянии прибл. 10-ти верст. Попрежнему дул ледяной ветер, но солнце ярко сияло и, отражаясь на льду, слепило глаза, идти было трудно, ноги мерзли и скользили. Пройдя около половины лимана, мы услышали один за другим два орудийных выстрела и вблизи Овидиополя разорвались два снаряда, пущенные румынами. В тот момент никто не понял значения этих выстрелов, но потом выяснилось, что они были сделаны как предупреждение о том, что румыны отказываются впустить в Бессарабию русские части. На льду лимана находились и двигались к Аккерману не только Одесский кад. корпус, но и громадное количество беженцев, повозок и воинских частей. Вся эта масса в несколько тысяч человек, темной стеной медленно подвигалась по льду и перепуганные румыны, вероятно, решили не пропускать никого, даже и тех, у кого были пропуски.

Не доходя около 2-х верст до берега, после особой ледяной насыпи-границы, мы остановились и полк. Бернадский поехал на санях в Аккерман, для переговоров с румынскими властями. Ждать на льду нам пришлось около часа, замерзли мы еще больше, к тому же и голод мучил все сильнее. Наконец, вдали показались быстро несущиеся сани; в них стоял наш директор и возмущенно крикнул, что румыны отказываются нас принять и требуют, чтобы через 3 минуты все русские покинули румынскую площадь льда и ушли за линию границы, в противном случае угрожают открыть орудийный огонь. Требование это было не только возмутительным, но и невыполнимым, т. к. самому полк. Бернадскому потребовалось уже свыше 3-х минут, чтобы доскакать до нас.

Не успели мы сделать и 100 шагов обратно, как за спиной раздался выстрел, низко над головами пронесся снаряд и ударил в лед, шагах в 20-ти от нас, как раз в интервал между

нашими 1-й и 2-й ротами. Все бросились бежать, ожидая следующих выстрелов и опасаясь, что треснувший лед начнет ломаться. Помню, что сильный взрыв, столб воды и осколки льда слегка оглушили меня и заставили зажмурить глаза; когда я их снова открыл, глазам представилась жуткая картина. В громадную прорубь с разгона влетели сани и мы услышали крики о помощи. Несколько кадет — Авраменко, Голиков, Худобашев, Гродский, я и др. бросились туда. В проруби, среди осколков льда, плавали сани и бились трое людей и две лошади с окровавленными головами, обезумевшие от боли и холода. На скорую руку мы связали вместе наши пояса и вытащили всех троих, одного за другим. Это были двое мужчин и молоденькая сестра милосердия. Края льда ломались под нами и Гродский и я сами провалились и наша одежда стала быстро покрываться льдом. Особенно тяжело было вытащить одного большого, грузного старика в тяжелой шубе. Когда мы подбежали, он вытащил что-то из-за пазухи и бросил на лед со словами: «Спасите хоть это, не мне — так вам!» Я поднял сверток и машинально сунул в карман, собираясь потом отдать его обратно. Но через минуту, оступившись в воду, чувствуя что замерзаю сам, я позабыл обо всем и, когда в воде остались одни полуживые лошади, кадеты погнали меня и Гродского бежать к русскому берегу, чтобы мы согрелись хоть движением.

Остальные понесли спасенных. Вернувшись в Овидиополь, в нашу школу, я обнаружил в кармане этот сверток. Это оказался бумажник, завернутый в кусок сукна: в нем было 3600 рублей, пропуск в Румынию и документы на имя немецкого колониста Шмидта. Я передал все это полк. Рогойскому и просил его вернуть владельцу, но через полчаса он пришел обратно и сказал, что старик умер и что эти деньги я могу оставить у себя, т. к. их все равно некому передать. Собравшись компанией в 5-6 кадет, знавших про историю этих денег, мы отправились на поиски еды. Уже поздно вечером мы встретили на улице какого-то человека, который привел нас к себе и за все эти деньги продал нам по стакану самогона на каждого и немного хлеба.

В течение ночи опять произошли переговоры с румынами и утром, 29 января, мы снова пошли по льду в Аккерман.

Около двух часов пришлось ждать на середине лимана, недалеко от памятной проруби, из которой торчала замерзшая голова лошади. Шедшие сзади нас польские беженцы были пропущены вперед, за ними двинулись кадеты. На пристани нас поместили в какой-то деревянный барак и опять мы ждали около полутора часов. Какой-то румынский офицер притащил корзину с буттербродами и вино, и начал нам это раздавать. Затем, по одному, нас вводили в здание портовой комендатуры и подвергали обыску. Когда все было кончено, уже почти вечером, строем и под конвоем, нас повели в город и поместили в здание гимназии. По всему нашему пути стояла громадная толпа народа, сплошь русских; все молчали и никто не решался при румынах выразить нам сочувствие.

Во дворе гимназии полк. Бернадский произнес речь и провозгласил здравицу за Румынию и за короля Фердинанда; никогда еще мы не слышали такое жидкое и неохотное ура!

Уже наступила ночь и, кое-как, мы расположились спать на полу. Вдруг, часов в 11 ночи, здание наполнилось вооруженными румынскими солдатами и командовавший ими офицер, явно сконфуженный, объявил нам, что комендант отменил свое разрешение и приказал немедленно всех русских вернуть в Овидиополь, который, по словам солдат, уже занят красными. Мы наотрез отказались, среди маленьких кадет послышался плачь, дети были измучены настолько, что многие не имели сил встать с пола. Молодой румынский лейтенант стал по немецки говорить кадету Кривошеину, моему соседу, что они все нам сочувствуют, но не могут ослушаться приказа, стал совать кому-то в руки свой портсигар . . . но после нашего вторичного отказа, в здание была введена рота с пулеметами. Пинками и прикладами нас, 1-ю роту, отделили от младших и от офицеров, вывели на двор и окружив тесным кольцом, угрожая штыками, повели на берег, опять на лед. Только там было получено по телефону разрешение, уже не помню как и почему, дать нам переночевать до утра; нас снова вернули в гимназию, где все считали нас уже погибшими.

В 7 ч. утра, 30 января, провожаемый издевательствами румын, Одесский кад. корпус, в составе 310 кадет и 45 чинов персонала с их женами и детьми, снова перешел ледяной ли-

ман и вернулся в Овидиополь. Мы шли через лед, ожидая встретить в Овидиополе большевиков, но оказалось, что наши войска еще там. В полдень нам сообщили, что наше командование формирует отряд для наступления на Одессу; полк. Мамонтов, начальник штаба отряда полк. Стесселя, предложил корпусу вызвать из числа кадет 1-й роты желающих вступить в отряд. На вызов отозвались все, кроме пяти больных. Всего вошло в отряд 48 кадет, при 4-х офицерах: полк. Рогойский (Полоц. к. к., инвалид без одной руки), капитаны Реммерт (Сувор. к. корпуса) и Зеневич, и шт. кап. Сидоров (оба Одесского к. к.). С нами пошли также и четыре кадета младших классов — Гума, Сахно-Устимович и двое Смородских, братья нашего кадета 1-й роты, пошедшего с нами.

В отряд входили разнообразные части и формирования: эскадрон Лубенских гусар, партизаны полк. Лукина, отряд полк. Стесселя, части отряда атамана Струка (вскоре перешедшие к красным), кажется 15-я конная батарея, броневик «Россия», отряд Шульгина «Возрождения России» и многие другие, не считая отдельных людей. Поздно ночью, 31 января, почти на рассвете, мы простились с корпусом и с младшими кадетами: на следующий день они пошли в Одессу, к красным, потеряв надежду на спасение. Об их судьбе мы узнали только много лет спустя.

Получив на рассвете винтовки и патроны, мы вошли в отряд полк. Стесселя, под названием 2-й роты отряда полк. Алексеева. Несколько кадет были назначены в пулеметную команду, но скоро вернулись, т. к. пулеметы были испорчены, кроме, кажется, одного Льюиса, которым занялся кадет Никольский. Мне выпала честь одеть на штык линейный значек Одесского корпуса, который до этого был у кад. Критского, моего друга по 2-му кад. корпусу. Весь отряд насчитывал до 5000 чел., но далеко не все имели винтовки, а у многих они были без штыков. Патронов было мало; отряд был обременен почти пятиверстным обозом, не имевшим отношения к армии. Бесконечно длинная вереница повозок была нагружена домашним скарбом беженцев, включая даже грамофоны, провизии не было ни у кого, с нами шли и ехали женщины и дети.

Выступили в 6 ч. утра, 31 января, в направлении дер.

Сквозь сумрак, при скупом свете луны, вдали виднелась водонапорная башня, откуда то спереди донесся тревожный звук колокола, били в набат: рабочие Беляевки решили не пропускать нас и оказать сопротивление. Пока стояли на месте, все мы, кадеты, от страшной усталости улеглись в кучу и немедленно заснули. Сквозь сон, время от времени, нам слышались крики «передать по колонне . . . », кто-то проезжал мимо, кого-то вызывали . . . все это оставило смутное воспоминание и все заслонялось одним лишь желанием — спать и спать!

Не желая нести напрасных потерь, ген. Васильев, командовавший всеми нашими силами, решил свернуть с пути и, вместо наступления на Одессу, идти на Тирасполь, для соединения с ген. Бредовым, отходившим на Польшу. Около 4-х ч. утра, измученные, голодные еще со вчерашнего утра, мы продолжали путь. Весь поход помнится, как сплошной, кошмар-Маяки; в голове колонны шел броневик «Россия». Не доходя до Маяков, отряд свернул на Беляевку, т. к. стало известно, что Маяки заняты красными. Погода стояла морозная; путь шел по вспаханному, промерзшему полю, идти по замерзшим комьям земли было и трудно, и больно, но надо было идти и мы шли. Справа показалась колокольня колонии Петерсталь, тоже занятой красными, откуда нас заметили и открыли по колонне орудийный огонь. Снаряды, поставленные на удар, рвались то близко, то дальше, но вреда не причиняли. Один снаряд пролетел как раз перед нашей ротой и мы видели, как он прошуршал по снегу и зарылся в сугроб, не разорвавшись.

В один переход мы проходили от 7 до 10 верст, всего за день делали около 40 верст. Шли то по дорогам, то через поля, ни о какой еде, конечно, не было и речи. Время от времени, передовые части останавливались, а за ними постепенно и остальные, и весь наш громадный и бесполезный обоз. Большинство немедленно ложились на землю, друг на друга, и сразу же засыпали хоть на несколько минут.

К Беляевке подошли около 1 часа ночи, 1-го февраля. ный и мучительный сон; обманывали голод, подбирая на полях редкую мерзлую картошку, ели снег и кусочки грязного льда. То один, то другой кадет падали без сил, теряя сознание от голода и от боли в истертых ногах. Винтовка казалась свинцо-

вой. Уже на рассвете я не выдержал, отошел на край дороги и присел. Почти сразу погрузился в сон; отряды, повозки и отдельные люди, медленно и равнодушно тащились мимо, никому не было дела до отставших. Помню, я очнулся от толчка и увидел над собой женское лицо в косынке сестры милосердия. Оказалось, что это была та, которую мы спасли из проруби под Аккерманом. Она увидела мой синий линейный значек Одесского корпуса и поняла, что я кадет. Она посадила меня на свою повозку и дала крохотный кусочек хлеба и рюмку спирта. Когда я пришел в себя, меня взяли в экипаж, в котором ехали лишь две дамы и, с их помощью, мне удалось догнать кадетскую роту.

Часам к 2-м дня подошли к дер. Выселки. На недалеких холмах показалось несколько всадников, повидимому конная разведка красных. Пришлось выслать цепь для отражения показавшихся вдали большевиков; в эту цепь вошли 12 кадет. Остальной отряд расположился в деревне до полуночи, после чего путь продолжался в прежних условиях. Во всех деревнях мы узнавали, что красные их только что оставили и всюду находили их свежие следы и даже захватили нескольких отставших. Близость красных была такова, что наш броневик несколько раз поворачивался и открывал огонь через наши головы. То и дело на холмах показывались всадники: красные окружали нас кольцом и медленно шли за нами.

2-го февраля, к 9 ч. утра, мы вошли в большую колонию Кандель. Нас, кадет, поместили вместе, в одной хате. Удалось достать муку, картошку и хлеба, стали что-то сообща варить, надеясь потом залечь спать. Но вдруг послышалась орудийная стрельба, снаряды стали рваться на улицах. Красные, продолжая беглый огонь из орудий и пулеметов, начали наступление на колонию. Нам было приказано перейти в контратаку и, бросив чистить свою картошку, мы вышли в поле. Усталость, голод, все было забыто, послышались остроты и шутки. Кое у кого оказались краюхи хлеба, которыми на ходу стали делиться с товарищами. Из всего отряда в несколько тысяч человек, в бой пошли не более двух, трех сотен, остальными овладела паника и большинство бросилось спасаться. Кадетской роте достался почти центральный участок; выходя в поле, мы

сразу попали под сплошной дождь пуль, которые противно посвистывали вокруг. Мой синий флажок на штыке был слишком яркой целью и кап. Реммерт приказал его снять. Кроме него, с нами был и полк. Рогойский; два других наших офицера, Зеневич и Сидоров, отстали от колонны еще ночью и никто не знал, где они и что с ними?

Мы рассыпались в цепь и залегли в конце поля, в межевой канаве. Вдали, на холмах, виднелись густые цепи красных, несколько пулеметных тачанок и группы конных. Почти первыми нашими выстрелами мы заставили замолчать один из пулеметов. Хорошо работал наш Никольский со своим Льюисом, настроение было бодрое и, слава Богу, никто из кадет еще не пострадал. Но были раненые среди офицеров, занимавших соседний участок и, когда перестрелка стала затихать, мы помогли их перенести в деревню, куда вскоре была отведена вся наша цепь. Сразу же кадетскую роту послали в соседнюю колонию Зальц, только что брошенную красными. По полю лежало много убитых, ковыляла с перебитой ногой какая-то белая лошадь, валялись вещи и винтовки. По приходе в Зальц, кад. Лампси и я, нашли в одной хате очень радушных крестьян, которые начали нас кормить. Это была первая настоящая еда за четыре дня и мы с жадностью на нее набросились.

В этот момент снова послышалась стрельба: красные начали наступление и нас опять бросили в бой. Силы красных намного превосходили наши. Это была пех. дивизия и конная бригада Котовского, поддержанные огнем бронепоезда, находившегося где-то далеко, на каком-то железнодорожном пути. Наша жидкая цепь была уже почти без патронов, штыки были не у всех.

Красные были совсем близко, был виден какой-то всадник с большим красным флагом, гарцевавший среди цепей. С непрерывным ура мы двигались вперед и красные стали отходить, осыпая нас градом пуль, причем выстрелы слышались и спереди, и сбоку, то и дело издалека нарастал гул летящего снаряда, которые рвались за нашей цепью и в деревне. Пришло известие, что наш правый фланг обходят и что он отступает под угрозой конной атаки красных. Чтобы не разрывать цепи, полк. Рогойский приказал нам отходить.

Один за другим стали падать раненые кадеты. Упал смертельно раненый в голову Клобуков (Одес. к. к.), упал, но встал и пошел с цепью, легко раненый в ногу Стойчев (Одес. к. к.); был убит Григороссуло (Орлов. к. к.) и тяжело ранен в ногу и в кисть правой руки наш пулеметчик Никольский (Одес. к. к.). Упал с тяжелой раной в живот Никитин Евгений (Ташкентский к. к.) и в мучениях стал просить нас его пристрелить. Я увидел, как над ним склонился Рогойский и как несколько кадет бросилось к нему, чтобы перенести в деревню, но в это время второй пулей его убило.

Все время отстреливаясь и ведя своих раненых, то задерживаясь, то снова отходя, мы подошли к крайним дворам колонии. Видя, что настроение падает, Рогойский приказал построиться. Под непрерывным огнем мы подравнялись, как на строевых учениях в корпусе, потом раздалась команда: «На 4 шага дистанции, налево — разомкнись!» Мы снова залегли в цепь; из деревни принесли ящик патронов и мы снова открыли огонь. Стало легче на душе, наши воспитатели, Рогойский, без одной руки, и Реммерт, все время были среди нас. Реммерт закурил папиросу (свою последнюю и заветную, как он потом говорил), потом передал ее мне и так она обошла нескольких человек. Снова поднялось настроение, а Рогойский, несмотря на то, что по нас вели пристрелку пулеметы, продолжал свое строевое учение: «справа по одному, перебежку начинай!» Снова пошли вперед, имея за спиной стену кладбища. Красные стали отходить, не решаясь атаковать и не выдерживая нашего ура. Начинало темнеть и меня послали обойти левую часть цепи и узнать, какими силами располагают находящиеся в деревне. Там я нашел 10-15 человек, большинство их было кадеты. Красных пришлось выбивать из каждого двора, трупы их лежали повсюду и мы снимали с них патроны. Несколько раненых сами протягивали нам свои патроны и говорили, что они не коммунисты, а мобилизованные, просили их не убивать. С наступлением ночи бой кончился и красные отошли в колонию Страсбург, отрезав нам дорогу на Тирасполь.

Меня и еще шестерых кадет (Авраменко — Ворон. к. к., Патон — Полоц. к. к., Голиков — Одес. к., Худобашев — Тиф.

к. и кто-то еще) послали в заставу, в крайнюю хату в направлении Страсбурга. Первым дежурил у ворот Худобашев, его сменил я. Ночь была черная и мглистая, в степи беспрерывно крутила метель; вскоре я увидел вдали какие-то неясные тени . . . как будто из степи шли несколько человек. Я их окликнул — «кто идет?» В ответ послышалось: — «а кто спрашивает?» Я поднял винтовку и повторил окрик, добавив, что буду стрелять; несколько минут длились эти пререкания, каждая сторона опасалась открыться первой, не зная с кем имеет дело. Наконец, из темноты послышалось — «сорок восемь!» и я догадался, что это белые, т. к. у нас была часть 48 пех. полка.

Сменившись около 1 часа ночи, я вернулся в хату и немедленно заснул. Проснулся скоро, сильно стучали в окно и в дверь. Это был какой-то вольноопределяющийся, который сообщил, что еще вечером весь отряд перешел на другой берег Днестра и во всей колонии остались лишь наша и еще другая застава, о которых забыли. Сон моментально исчез и мы бегом бросились к берегу Днестра. По дороге к нам присоединились еще несколько кадет и полк. Рогойский. По крутому спуску сошли на лед: он был тонкий и трещал под ногами, надо было спешить его пройти. Рогойский приказал разомкнуться на 15 шагов и бежать. Фигуру идущего впереди не было видно в темноте, никаких следов не оставалось и пришлось двигаться наугад. Кое-как, но все перебрались на другой берег. Предстояло идти на дер. Коротное, куда ушел весь отряд. Этот 12-ти верстный переход прошли почти бегом. Дорога была усеяна брошеными вещами, подводами, попадались пачки украинских денег, никому уже не нужных, даже одно Евангелие.

Во время этого перехода, перед рассветом, нагнали полк. Рогойского и кад. Патона, которые сидели и отдыхали на краю дороги. Мы подошли к ним, — Рогойский казался измученным и совершенно без сил. Мы стали уговаривать их подняться и идти, предлагая Рогойскому взять его под руки, но он приказал нам не задерживаться и сказал, что встанет и пойдет с помощью Патона, который подтвердил, что не оставит своего воспитателя. Больше мы их не видели, да и сами передвигались, едва соображая, что мы делаем.

В Коротном мы нашли значительно уменьшившийся отряд

и наших кадет: из 48 человек уже осталось лишь 39, при последнем офицере, кап. Реммерте. Уже после полудня, снова перейдя по льду рукав Днестра, весь отряд остановился в плавнях на румынской границе. Здесь мы простояли целый день до ночи, ожидая темноты, чтобы перейти границу и войти в Бессарабию хотя бы силой. Целый день на льду, среди камышей, без пищи и теплой одежды, мы измучились до крайности. В отряде многие были босы и полураздеты, раненые и больные второй день оставались без перевязок и все время на ногах. Пытались разводить костры, но сырой камыш не горел и лишь дымил. От начальников отрядов, отправившихся к румынам для переговоров, не было известий до самого вечера. Между тем, красные приближались все ближе, Коротное было ими уже занято, в плавнях среди обоза начались грабежи и разбой, то и дело слышались выстрелы.

Кадеты делали все возможное, чтобы сохранять спокойствие и порядок, и инстинктивно держались вместе. Наконец, около 8.30 ч. вечера, кем-то было передано приказание строиться и переходить границу. Длинная вереница теней погружалась в мрак, при жуткой и зловещей тишине. Дорога была убийственная: изрытая глубокими ухабами и покрытая замерзшей, кочковатой грязью, она заставляла стонать и падать от каждого неверного шага, сделанного истертыми до крови ногами. Дорога казалась мучительно бесконечной; помню кусты, деревья и камыши по сторонам, помню что каждая группа деревьев казалась нам в тумане домами, а когда подходили ближе, то видели, что это те же бесконечные кусты и деревья, и что перед нами та же мерзлая дорога, постепенно подымавшаяся в гору. Наконец потянулись длинные, низкие изгороди. К полуночи, после последнего крестного пути, то что называлось еще недавно Добровольческой армией, эта измученная и обезумевшая толпа людей силой заняла дер. Раскейцы и кое-как расположилась по хатам.

Помню низкую, грязную хату, в которую набилось 12-15 кадет; угрюмый молдаванин злобно на нас глядел и делал вид, что не понимает по русски. В сенях нашли мешок с сахарным песком и съели его, пополам со снегом, потом заснули как убитые. На рассвете нас разбудил треск пулеметов с трех

сторон. Свист пуль поднял панику: румыны обстреливали нас с окружавших холмов. Шла стрельба и из некоторых хат, где румыны вооружили часть молдаван, упорно стремясь вытеснить нас из деревни. Низко нагнувшись за плетнями, мы стали пробираться к выходу из деревни. Над головами посвистывали пули; шедший впереди меня кад. Трофимов (Одес. к. к.) упал, легко раненый пулей, скользнувшей по плечу, шее и щеке. Подняли его и пошли пробираться дальше. Был ранен в руку Толмачев (Одес. к. к.); отморозил ноги кадет младшей роты Сахно-Устимович, все время шедший с нами.

У входа в плавни кап. Реммерту удалось собрать вокруг себя всех кадет. Положение казалось безвыходным. На наших глазах люди сходили с ума, многие кончали самоубийством. Недалеко от нас, полк. Новицкий, вскочив на поводу, собрал вокруг себя большую группу добровольцев и обратился к ним с призывом: «Выхода нет! Румыны нас не пропускают! По ту сторону плавней нас караулят красные! Собирайтесь вокруг меня, составим банду Новицкого! Женщин, детей, раненых — бросить! Кто может носить оружие — за мной!» Видя, что представляют собой эти, до крайности измученные люди с издерганными нервами, кап. Реммерт приказал нам держаться вместе и, если придется, то следовать за отрядом Новицкого, а пока выжидать. В это время мимо, по дороге из деревни, показался одиноко идущий ген. Васильев. Подойдя к нему, кап. Реммерт спросил его, неужели нет никакой надежды спасти кадет? Мы все встали, отдали честь, генерал на ходу поздоровался, поблагодарил за Кандель и сказал, что румыны имеют распоряжение пропустить кадет. Генерал пошел дальше; потом уже мы узнали, что он застрелился за поворотом дороги, после разговора с нами.

Взяв с собой двух кадет и сделав белый флаг из какой-то тряпки, кап. Реммерт снова пошел к Раскейцам, приказав нам не сходить с места и ждать. Мы остались близь дороги, прячась за кусты и в канавах, т. к. стрельба то и дело разгоралась снова. Ждали почти до вечера. Истомившись от долгого ожидания, стали думать, уж не убили ли Реммерта по дороге? Решили пойти на разведку, вызвались я и Кривошеин, с нами же пошел полк. Фокин, отец нашего кадета, прошедший с на-

ми весь поход. Мы прошли около версты к деревне; дорога была усеяна брошенными вещами, валялись винтовки и то там, то здесь, лежали убитые и застрелившиеся. Из-за группы деревьев вышла к нам хорошо одетая женщина и со смехом приглашала взглянуть на ее мужа. Мы увидели тело офицера, лежащего на земле, с револьвером в руке: жена сошла с ума над телом мужа. Из-за поворота дороги показался румынский патруль, дальше виднелись другие, грабившие убитых. Первое, что они сделали, это потребовали, чтобы полк. Фокин отдал им свои золотые часы, после же этого удалось объяснить им, что мы «элевы» (ученики) и что наш офицер пошел к ним в деревню. С трудом удалось понять, что наш Реммерт находится в Раскейцах, что нас действительно принимают и что он ждет вечера и конца обстрела, чтобы вернуться за нами.

Вечером Реммерт вернулся и приказал идти в Раскейцы: оказалось, что полк. Бернадскому удалось в Аккермане послать телеграмму румынской королеве Марии с просьбой пропустить в Румынию корпус, но комендант Аккермана не позволил дождаться ответа и он пришел тогда, когда мы уже шли по Херсонским степям. Отвечая на телеграмму, королева прислала одновременно своего доверенного человека, г-на Волкова, с поручением заняться нашей судьбой и облегчить нам переезд в Сербию. Не найдя корпус в Аккермане и узнав все, что произошло, Волков отправился вверх по течению Днестра, надеясь напасть на следы хотя бы отдельных кадет. Богу было угодно, чтобы он попал в Раскейцы как раз тогда, когда произошло то, что описано выше. Только чудом можно объяснить и это, и то, что Реммерт увидел ген. Васильева, одиноко шедшего к своей смерти, и задал ему свой вопрос, казавшийся тогда таким бесцельным.

Реммерт приказал нам разобрать и испортить затворы винтовок и мы, уже в сумерках, двинулись обратно в Раскейцы. На половине дороги, навстречу нам, шла в плавни длинная процессия раненых, которых румыны заставили тоже покинуть деревню. Впереди, с флагом Красного Креста, шла с каменным, скорбным лицом сестра милосердия, за ней шли, ковыляли и ехали на нескольких повозках раненые и больные.

Сзади ехал экипаж, в котором сидели две дамы, а на козлах солдат-кучер в красных погонах.

Видя, что мы идем в деревню и не зная, что нас пропускают, раненые кричали нам, что мы идем на верную смерть и что румыны нас не пощадят так же, как не пощадили и их. Мы шли молча, не смея поднять глаза и тогда, догадавшись, они стали молить нас взять их с собой. Но, что мы могли сделать, когда и наша судьба еще казалась нам сомнительной! Много позже до нас дошли слухи о том, что часть раненых спаслась, отряд же Новицкого был весь перебит красными, другие же погибли и замерзли в плавнях; только отдельным людям, очень немногим, удалось спастись и перебраться в Бессарабию в других местах.

Скорбная процессия раненых была последним видением, которое запечатлелось в нашей памяти на русской земле. Это было 4 февраля, а вышли мы из Одессы 25 января; в поход из Овидиополя выступило 48 кадет при 4-х офицерах, да еще четверо младших кадет. В Раскейцах спаслись 39 кадет (в том числе и все младшие) с одним лишь офицером, да еще прибавился к нам полк. Фокин, которого мы выдали за корпусного офицера.

Из Раскейцов нас перевезли на подводах в Аккерман, где поместили сначала в тюрьму, но после бурного протеста с нашей стороны, перевели к вечеру в здание школы, где установили тоже почти тюремный режим. Отношение румын было неизменно грубое и хамское, но русское население проявило к нам трогательную заботу и внимание. В начале марта нас перевезли поездом в г. Рени и поместили в русских санитарных вагонах на запасных путях, на берегу Дуная. Здесь мы потеряли кадета Гроховского, умершего от брюшного тифа в Страстную Субботу. Из Рени нас увезли 13 апреля в Бухарест, где нас встретил ген. Геруа, Военный Представитель Главного Командования. Нас построили на вокзале, перед вагонами, и нач. штаба, полк. Вишневский, огласил приказ ген. Геруа, после чего были награждены 6-ю Георгиевскими крестами и 4-мя Георгиевскими медалями те кадеты, чьи имена были названы нами самими еще в Рени, после запроса из Бухареста. Были награждены посмертно Никитин и Клобуков, затем ра-

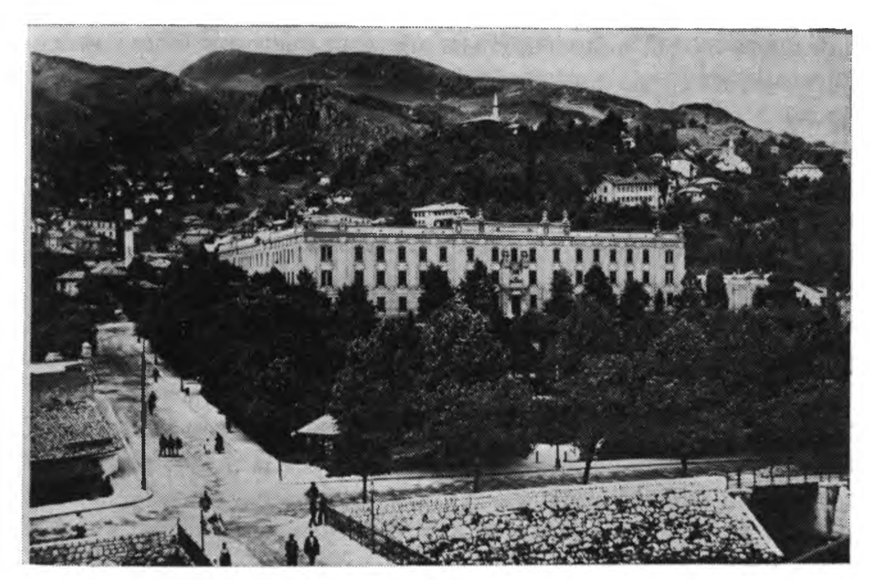
неные Стойчев, Толмачев, Никольский и обмороженный Сахно-Устимович, а также и долго не соглашавшиеся Тарасенко 1-й Лампси, Авраменко и Северьянов. Ген. Геруа объявил в заключение, что всех нас, остальных, как воинскую часть, исполнившую до конца свой долг, он представляет к Георгиевским крестам, а кап. Реммерта к производству в чин полковника, но не имея права сделать это своей властью, посылает представление в Штаб Главнокомандующего.

После этого, оставив в Бухаресте наших раненых и больных, мы рано утром поехали на границу Югославии, через Плоэшти, Турн-Северин и Темешвар. Границу переехали в г. Жомболь и, наконец, 25 апреля прибыли в Панчево, где находились Одесские и Полоцкие кадеты, спасшиеся морским путем. У всех нас были на глазах слезы, когда грянуло нам навстречу ура, — на платформе увидели строй наших кадет, полк. Самоцвета и других офицеров, взволнованных не меньше нас самих. Мы выскочили из вагонов и попали в объятия наших товарищей, которые уж не надеялись увидеть нас снова.

Прошло с тех пор уже 50 лет; многих из нас уже нет в живых, одни погибли в Крыму, другие умерли в эмиграции. Но вспоминая об этом походе, считаю долгом отметить, что доблестное поведение 1-го и 3-го взводов 1-й роты Одесского кад. корпуса было бы немыслимо в этой кошмарной и безнадежной обстановке, если бы они не принадлежали к кадетской семье. Товарищеская спайка, сознание долга, строгая дисциплина, присутствие духа и находчивость, все это дало корпусное воспитание, которое сделало нас единственной боеспособной частью на фоне всеобщего развала и отчаяния.

Все пережитое отошло уже давно в область воспоминаний, многие отдельные события забылись, но никогда не изгладятся из памяти туманные, заледеневшие плавни, дорога идущая в гору, сошедшая с ума женщина, вышедшая к нам из-за деревьев, и эта глубоко трагичная процессия раненых, которых вчерашние союзники гнали на гибель туда, где хозяйничали красные и мародеры.

А. Росселевич,
2-го вып. Русского кад. корп.
в Королевстве С. Х. С.

Здание Корпуса.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В САРАЕВО

Около середины июня 1920 г. было получено предписание перевести в Сараево Одесских и Полоцких кадет из Панчево, и Киевских из г. Сисака. В Сараево нам было предоставлено постоянное помещение — казарма Краля Петра, построенная еще при австрийцах и раньше называвшаяся казармой имп. Франца-Иосифа. Мы прибыли в Сараево ночью, на трамваях доехали до казармы, где нашли уже Киевлян. В эту ночь мы впервые поужинали за столами, впервые легли спать на настоящих простынях.

Сараево расположено в долине, по берегам горной речки Милячки; вокруг высятся высокие, скалистые горы — Динарские Альпы. Почти весь центр города имел европейский вид, но вокруг него все напоминало провинциальный турецкий город, со всеми его характерными особенностями. Повсюду много мечетей с высокими белыми минаретами, много магометанских кладбищ и отдельных могильных камней, напоминавших о страшной эпидемии чумы в середине XIX века. На ули-

цах много людей в живописных местных одеждах, с красными фесками, или с белыми и пестрыми чалмами на головах, женщины в чадрах и в длинных цветных платьях, скрывающих фигуру. Население делилось на три основные группы: христиане, мусульмане и евреи. Нас очень смешило, что по пятницам бывали закрыты все мусульманские магазины и предприятия, по субботам все еврейские, а по воскресеньям все христианские. Особенно своеобразны были евреи, которых называли «шпаньолы», или пренебрежительно «чифуты». Говорили, что это были потомки испанских евреев, бежавших на Балканы в средние века от преследований инквизиции. Они жили замкнутой общиной и мы с любопытством наблюдали за их патриархальными обычаями, встречая на улицах и в парках целые их группы, державшиеся совершенно обособленно.

В городе было много узких, кривых улиц, с таинственными закоулками, много зелени и парков, все это было красиво и своеобразно. Кое где на горах виднелись старые австрийские форты, из которых по праздникам производили орудийные салюты. Помню, на следующий день после нашего приезда, с раннего утра, мы были разбужены орудийной стрельбой. Нам еще так трудно было привыкнуть к мысли о том, что мы живем в мирной обстановке, что все решили, что это коммунистическое восстание и что форты обстреливают город. Оказалось, что стрельба происходит по случаю какого-то магометанского праздника, но мы еще долго не могли привыкнуть к тому, что орудийная стрельба не всегда означает войну.

Корпус был расположен вблизи набережной Милячки, через которую в этом месте был переброшен Латинский мост; на другом конце моста было место, где в 1914 г. произошло роковое для всей Европы событие — убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги. На этом месте австрийцами были поставлены большие каменные крест и скамья; сербы этот крест сняли, но каменная скамья осталась.

Казарма наша была в три этажа и построена ввиде буквы «П», причем открытую сторону занимали конюшни для офицерских лошадей штаба и гарнизона. Посредине был обширный плац, а у выхода в город находилось помещение для 25

солдат сербского караула. В распоряжение корпуса был прислан сербский солдат трубач, и его сигналы регулировали нашу жизнь с утра и до вечера. Сигналы были сербскими; кажется это было потому, что русские сигналы напоминали болгарские и сербам это не нравилось.

С переездом в Сараево, жизнь наша и занятия стали быстро налаживаться. Исчезли пестрота в одежде и остатки истрепанного добровольческого и старого кадетского обмундирования и нас одели однообразно. Форма одежды в эти первые годы была такая: ежедневная, внутри корпуса — защитные сербские солдатские френчи без пояса, такого же цвета брюки и обмотки, а на ногах солдатские ботинки, довольно грубые, но прочные. Для выхода в город, вместо френча одевались белые бязевые гимнастерки, с кожаным поясом без бляхи, фуражки были защитные, русского образца, с русской кокардой. Погоны сначала носились старые, у кого они еще сохранились, но в конце лета были введены однообразные защитные, а в августе мы получили малиновые, без трафарета. Зимой носили русские серые шинели из солдатского сукна.

Наименование корпуса, за время до начала октября 1920 года, менялось несколько раз, согласно приказам Главнокомандующего и его Представителя в Константинополе, ген. Лукомского. Сначала это был Русский Сводный кад. корпус, а после переезда в Сараево — Русский кад. корпус в Сербии. Затем, 20 августа, корпус был наименован Русским Киево-Одесским и, наконец, приказом от 1 октября, корпусу было присвоено окончательное название Русского кад. корпуса в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, название сохранившееся до конца пребывания в Сараево, т. е. до осени 1929 года.

В классах все сидели на табуретках, за отдельными столиками. Только к 9 декабря появились парты на двух человек. Вначале, учебников не было и каждый преподаватель диктовал нам свой предмет и мы записывали это в тетради. Постепенно стали обзаводиться классными досками, картами и другими пособиями. Часть преподавателей была еще старая, прибывшая с кадетами из России, но появились и новые. В эти первые годы состав преподавателей в старших классах был таков: русский язык, полк. Ф. И. Миляшкевич, которого (как

и его друга, полк. П. С. Молчанова, преподававшего русский язык в младших классах), мы дружно не любили. Он был раньше в Ярославском корпусе, потом в Одесском; его система преподавания заключалась в механическом зазубриваньи наизусть того, что он нам диктовал по теории словесности. С литературой он нас почти не знакомил, признавая только Пушкина и Лермонтова. Отвечая урок, или делая письменную работу, нельзя было изменить или пропустить ни одного слова, или высказать какую-либо свою мысль: все это считалось своеволием и заслуживало у него неудовлетворительную отметку. Ген. Адамович сочувствовал нам, но только лишь весной 1922 г. он был заменен другим преподавателем.

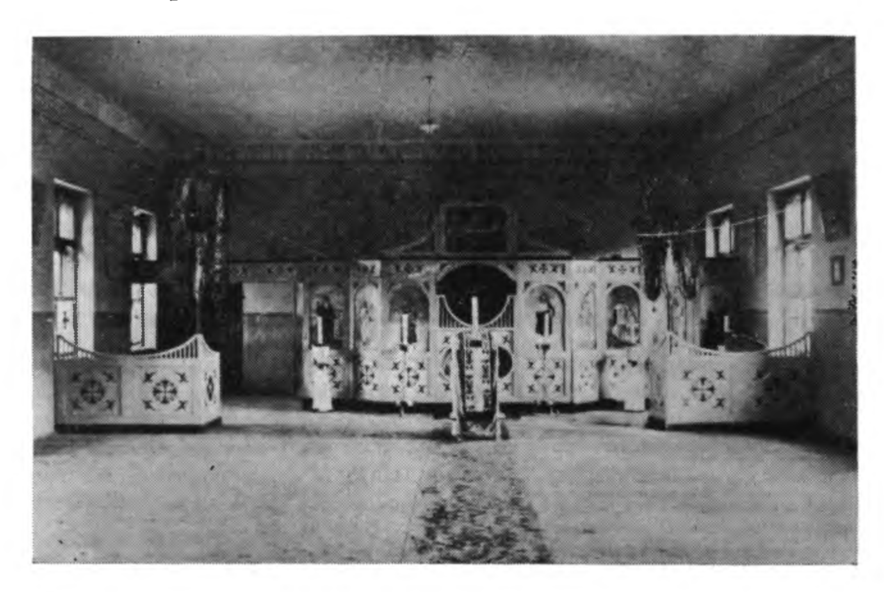
Математику преподавал полк. Н. С. Ракитин, отец одного из моих товарищей (у обоих было прозвище «пончик»). Его мы любили, да и он нас тоже, хотя и был вспыльчив и запускал в нас иногда мелом или классным журналом. Скоро ему пришлось уйти из корпуса, после инцидента с препод. Кулаковым, который делал в учительской заявления в резко левом духе, за что получил от Ракитина оскорбление действием. Космографию читал полк. В. Ф. Гущин, которого тоже не любили и за его левые взгляды, и по многим другим причинам. Сербский язык преподавал полковник югославской армии В. Белич, большой руссофил, окончивший Николаевскую Академию Ген. Штаба. На уроках мы его обыкновенно просили рассказывать нам про его жизнь в России, что он делал с удовольствием и, конечно, по русски, так что сербскому языку мы от него не научились, за исключением нескольких фраз, вроде «Сараево е врло лепо».

Похожим на него, в этом отношении, был и полк. Б. Н. Протопопов, преподаватель географии; историю преподавал полк. К. Д. Красовский, физику А. М. Гайдовский-Потапович, химию Н. К. Седлецкий, законоведение ген. майор П. Ф. Старк, участник турецкой войны 1877-78 г.г., больной и дряхлый старый офицер, дочь которого давала уроки французского языка в младших классах. В старших, можно было выбирать по желанию лишь один язык: немецкую группу вел у нас А. Ф. Гизе, а французскую полк. В. А. Скалон. По рисованию был кап. Г. Л. Реммерт, к которому мы относились с особенным

уважением за его доблестное поведение в походе на румынскую границу. Возможно, что перечень этот не полный, но остается добавить, что с большинством педагогов мы жили в ладу и старались наверстать потерянное время.

Законоучителем и настоятелем корпусной церкви был протоиерей о. Сергий Троицкий. Создание корпусной церкви было одной из первых забот, с первых же дней после прибытия в Сараево. Сначала, корпусу по его просьбе было предоставлено место в православном соборе города, построенном частично на пожертвования Императора Александра II; некоторые церковные службы происходили на плацу корпуса или в зале. Для разработки проекта и создания постоянной корпусной церкви, в декабре 1920 г. была создана комиссия под председательством инспектора классов, полк. Розанова, и в составе: о. Сергия Троицкого, ген. Старка, полк. Орлицкого и Селицкого, подполк. Кадьяна и кап. Реммерта и Енько-Даровского. Уже к марту 1921 г. церковь была устроена в зале корпуса и 26 марта в ней была отслужена первая всенощная.

С этого дня она стала служить также приходской церковью для всех русских, проживавших в Сараево. Все в ней, начиная с образов и кончая столярными работами, было сделано

руками офицеров и кадет корпуса. Запрестольным образом было знамя Симбирского кад. корпуса, спасенное кадетами и переданное корпусу в числе других реликвий, после эвакуации Крыма. Помимо икон и церковной утвари, созданных в Сараево, в церковь поступили также иконы, складни и предметы церковного имущества, принадлежавшие раньше некоторым полкам Российской армии и корпусам Владимирскому-Киевскому, 1-му Сибирскому (Омскому) и Хабаровскому. Церковь была освящена во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского и корпусной праздник был установлен 6 декабря (23 ноября ст./ст.), в день памяти погребения Александра Невского во Владимире, в 1263 г.

К началу августа занятия были закончены и, после выпускных экзаменов, наш 1-й выпуск стал готовиться к отъезду в Крым, для поступления в военные училища. В то же время, из Штаба Главнокомандующего были получены известия о том, что изыскиваются возможности для переезда в Крым всего корпуса, ввиду укрепления положения на фронте. Весть эта нас обрадовала и подбодрила. 1-го августа был поставлен выпускной спектакль и устроен бал, прошедшие с большим успехом и собравшие много публики. И, наконец, 7 августа наш 1-й выпуск, в составе 50 кадет нашего корпуса и двух Омских кадет, в. ун. оф. Григорова и кад. Давац, во главе с воспитателем кап. Федоровым, были отправлены в Белград, для дальнейшего следования в Крым. Мы проводили их на вокзал и попрощались с ними тепло и задушевно, не подозревая того, что большинство их скоро погибнет в боях и во время эвакуации.

Выписка

из приказа по Русскому кад. корпусу в день выпускного молебна по случаю 1-го выпуска — приказ № 126, парагр. 5, от 4 авг. 1920 г. г. Сараево.

Полгода назад, налетевшая буря выбросила из гнезда кадетскую семью. Одесский и Киевский корпуса потеряли все. Кадеты, воспитатели и преподаватели спаслись разными путями. Казалось, что все погибает и что жизнь корпусов, если не прервется, то надолго замрет; но вот нашелся новый приют в братской стране, вот затеплилась воля к жизни, загорелась борьба за существование и мы, люди пришедшие без всего, "с одной душой", воскресили на чужбине нашу старую кадетскую жизнь.

Сегодня Бог благословил наши труды рождением выпуска-первенца на чужбине. Пятьдесят наших питомцев, почти приговоренных к лишению образования,

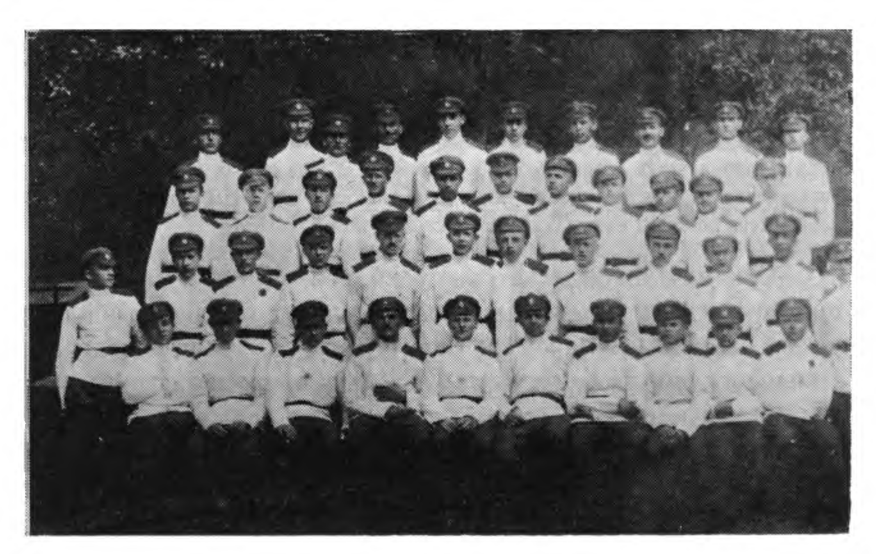
закончили курс и отправляются, как лучший и драгоценнейший дар в наши Военные Училища. Я поздравляю корпус с рождением первенца, а нашему первенцу на чужбине желаю послужить на благо Родины так же, как служили ей бесчисленные выпуски Киевского, Одесского и всех наших старинных и молодых корпусов.

Помни же Первенец, что не взирая ни на какие удары жизнь не погибает, пока хранится честь и воля к борьбе и победе. В этой мысли найди свою веру в воскресение Родины и этой же мыслью осени свой крестный путь, на который корпус тебя поставил и провожает любовью и молитвой.

Сразу по отъезде 1-го выпуска, ген. Адамович произвел в корпусе ряд перемен, вызвавших чувство горечи и обиды у всех б. кадет и офицеров Одесского корпуса. Эти перемены еще больше углубили нашу неприязнь к нашему директору, хотя мы признавали его бесспорные заслуги в борьбе за существование корпуса. Но было тягостно сознавать, что он нас не понимал и даже не считал, что мы заслуживали понимания и отеческого отношения, после всего пережитого в революцию и в гражданской войне.

От нас был отнят наш любимый старый ротный командир, полк. М. Ф. Самоцвет, и переведен командиром во 2-ую роту. Вскоре он был совершенно отчислен от корпуса, т. к. ген. Адамович считал, что он, якобы, плохо на нас влияет. Наш 7-й класс был совершенно изолирован от всех младших классов. Корпус был разбит на три роты: в 1-й роте остался лишь один 7-й класс с его тремя отделениями. Командиром роты был назначен полк. К. Н. Порай-Кошиц, воспитателями были полк. Н. В. Волков и С. К. Орлицкий, подполк. Н. Н. Клопотовский, и, запасным, пор. И. Г. Черненко. Во 2-ю роту вошли 6-й и 5-й классы и одно отделение 4-го. Все остальные классы составили 3-ю роту и ротным командиром у них был назначен полк. В. И. Греков. Классные отделения были сформированы так, чтобы основные группы Одесситов, Киевлян и Полочан составляли разные отделения, с добавлением кадет других корпусов.

Одной из главных причин, вызвавших эти меры, была неприязнь и взаимная отчужденность между Одесскими и Киевскими кадетами, причем на этой почве произошло несколько прискорбных инцидентов. Это печальное явление давало себя чувствовать только во внутренней жизни кадет: но в строю, в отпуску в городе и при встречах с общими знакомыми ничто

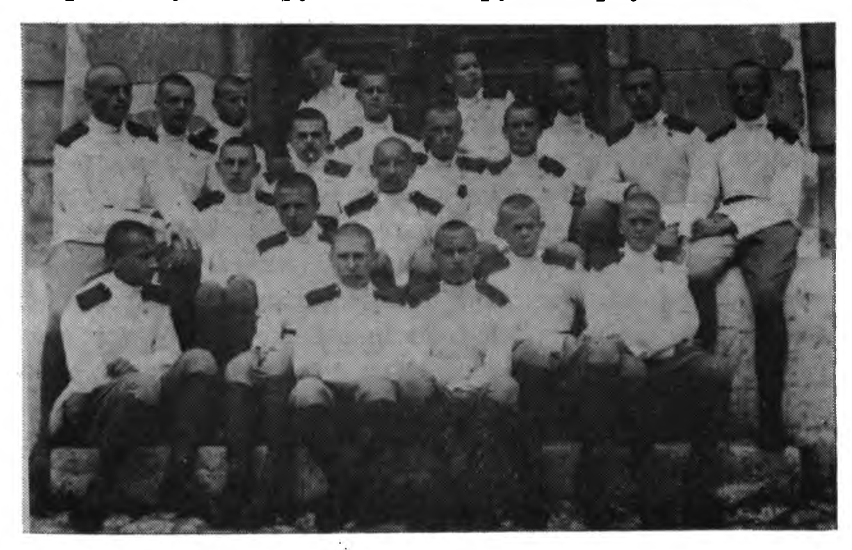
Кадеты Одесситы во II выпуске.

не напоминало об этих неладах и кадеты сами следили за взаимным отданием чести и за тем, чтобы никто из посторонних лиц ничего бы не заметил. В те дни, причины вызвавшие эту рознь, казались нам исключительно важными, но в душе у многих все же жило сознание, что это было следствием пережитых потрясений, породивших излишнюю нервность и неуступчивость. Уже в конце 1920 г. начались переговоры о необходимости положить этому конец и ранней весной 1921 г. произошло примирение. Но сближение было достигнуто позже и потребовалось несколько лет для того, чтобы от этой розни не осталось бы следа.

Корпус выдавал кадетам на руки, на карманные расходы, 25 динар в месяц, но с сокращением смет на содержание корпуса, эта сумма была скоро снижена до 15 динар; не помню точно, выдавались ли эти деньги только лишь 7-му классу, или же и другим тоже, м. б., в меньшем размере. Денег этих могло бы нам хватать на куренье и на мелкие траты в отпускные дни, но в среде б. Одесских кадет было решено копить деньги на выпускные жетоны и на создание Звериады. С жетонами получилось не так, как мы хотели: в городе не оказалось фирмы, которая смогла бы выполнить наш проект с серебром и

эмалью. Поэтому, мы заказали лишь серебряную основу ввиде креста, на котором своими силами накладывали черную эмалевую краску и белую надпись «О, времена!» Но . . . в жаркие летние дни эти краски стали течь и из этой затеи ничего не вышло. Но Звериаду нам сделали и даже очень хорошо, так что в конце 1920 г. в нее были вписаны первые тексты стихов и сделаны рисунки и виньетки.

Из-за этого самообложения, на руках у каждого оставалось лишь несколько динар и их, конечно, не хватало ни на что. Табачный голод был хроническим явлением и «бычки» ценились на вес золота. Кроме этих вычетов, приходилось накапливать деньги на устройство корпусных праздников. Официально, в корпусе праздновались праздники Одесского, Киевского и Полоцкого корпусов (соответственно, по ст./ст. 11 мая, 10 и 6 дек.). Эти дни отмечались молебном, а после занятий, кадеты того корпуса, чей был праздник, отпускались в отпуск. Но в своей семье и совершенно скрытно, кадеты других корпусов отмечали свои праздники, если их было несколько человек. Особенно следовали этой традиции кадеты 2-го кад. корп., Александровского, Суворовского, Полтавского, а также и Полоцкого, в добавление к официальному празднованию. Приглашались генерал выпуска и друзья кадеты других корпусов, снималась

Кадеты Киевляне в III выпуске.

задняя комната в кафане т. наз. «Чеха», а летом уходили в горы, покупалось вино и пирожные, и иногда это принимало такие размеры, что кое-кого даже было трудно провести обратно в корпус. Подобные похождения не всегда проходили благополучно: надо было не только суметь незаметно вернуться, но и встать в строй для вечерней молитвы и поверки, на которой иногда присутствовали и ген. Адамович.

Корпус делал все возможное, чтобы обеспечить нас всем необходимым. Но сметы на содержание корпуса сокращались и менялись чуть ли не каждый месяц и это отражалось также и на нашем питании. Были «голодные» периоды, когда мясное блюдо мы получали лишь по воскресеньям, а в будние дни надоевший суп из сушеных овощей (мы его называли «суп Франшэ д'Эсперэ», потому что его в первый раз дали, когда этот генерал посетил корпус), чечевица, перловая каша, которую мы в Одессе называли «дубовой», а в Сараево окрестили словом «чвикла», не помню уж почему. Было еще нелюбимое блюдо, под названием «голодные нитки», что-то мясное, обвязанное нитками. Никого мы в этом винить не могли, т. к. знали, что корпус едва справляется с расходами; молчали и терпели. И злой насмешкой были пасквили, которые печатались в местной красной газетке, где говорилось, что русские кадеты имеют такие излишки продовольствия, что выбрасывают хлеб на улицу, «где его подбирают несчастные голодные босанские дети».

Отношение населения к корпусу оставляло желать лучшего в течение первых месяцев. Недоброжелательность подогревалась не только крайне левыми элементами, но и той частью населения, которая сохранила симпатии к Австрии. Только лишь со стороны военного командования в лице ген. Хаджича и его нач. штаба ген. Вукотича, а также и офицеров гарнизона, корпус видел дружелюбие и стремление во всем пойти навстречу. Перелом в отношениях к нам начался летом, 12 июля, в день тезоименитства Короля Петра I, когда по предложению ген. Хаджича, две старшие роты корпуса приняли участие в параде Сараевского гарнизона.

Нам отвели место сразу после 15-го пехот. полка; мы долго стояли на улице Кр. Петра, ожидая конца богослужения

в православном соборе, затем пошли к зданию Босанской Влады, где находился принимавший парад ген. Хаджич. Сразу же со страхом увидели, что идти под такт сербского марша невозможно, т. к. оркестр играет настолько быстро, что нужно почти бежать. А кроме того, задние ряды пехоты шли совершенно не в ногу и равняться по ним было немыслимо. И вот тогда, с нашего правого фланга, было передано по строю, чтобы отстать от 15-го полка, не смотреть на почти бегущих солдат и идти своим, более медленным твердым шагом, не считаясь с тактом музыки. Результат оказался блестящим, равнение и шаг были безукоризненны и, когда мы ответили на приветствие ген. Хаджича, из громадной толпы сербских офицеров и жителей, стоявших с обоих сторон на тротуарах, раздался громкий возглас: «Живела Русия, живели руски кадети!» и вся толпа отозвалась — «Живели! Живели!», шапки полетели в воздух, раздались приветствия и аплодисменты. Это была незабываемая минута и, вернувшись в корпус, мы долго вспоминали эту овацию, которая тронула нас до глубины души.

С этого дня отношение большинства населения к корпусу стало быстро меняться к лучшему. Но особенно повлияло на это наше участие в параде королевской гвардии и гарнизона, по случаю приезда в Сараево Королевича-Регента Александра, пробывшего в городе три дня, 22, 23 и 24 сент. 1920 г. Мы ожидали, что Королевич посетит также и корпус, но этого не случилось, повидимому по политическим причинам.

Ген. Хаджич, всегда считавший корпус воинской частью в составе гарнизона, предложил ему принять участие во всех церемониях. В день приезда, 22-IX, все войска были выстроены шпалерами по пути следования Королевича и его эскорта. Нашему корпусу, вышедшему в составе 2-х рот, был предоставлен участок улицы, проходившей через базар; нас поставили между 15-м пех. полком и подофицерской школой. Немного правее вытянулись ряды пехотного полка Королевской гвардии, одетого в гусарскую форму с черными шнурами. Скоро показалась торжественная процессия: впереди шел эскадрон конной гвардии, тоже в гусарской форме (зеленые доломаны, синие ментики и алые рейтузы), потом шесть всадников в национальных босанских костюмах, на чудных конях.

За ними, в экипаже, ехал Королевич с председателем Босанского Правительства, и потом опять эскадрон Конной гвардии. Масса народа, запрудившая улицы, приветствовала своего национального героя криками «Живео!»

На следующий день, 23-IX, на большом поле за городом был назначен парад. Корпус, в составе двух рот, занял прежнее место за 15-м полком. Королевич на коне, в сопровождении ген. Хаджича, объехал фронт и здоровался с войсками: «Помози Бог, юнаци!», а солдаты отвечали: «Бог ти помогне!» Мы тоже готовились ответить ему по сербски, но подскакав к нам, Королевич поздоровался по русски: «Здорово, кадеты!» Несмотря на неожиданность, мы ответили громко и стройно: «Здравия желаем, Ваше Королевское Высочество!»

Под звуки оркестра гвардии начался церемониальный марш мимо трибуны, на которой, среди других гостей, находилась Княгиня Елена Петровна с детьми, сестра Королевича и вдова одного из наших Великих Князей. Королевич стоял на коне, окруженный свитой, среди которой был и ген. Адамович, тоже на коне. Видя нестройные ряды войск, где задние шеренги шли не в ногу, плохо соблюдая равнение, мы невольно трепетали от мысли, что они помешают нам держать ровный шаг. Прохождение было трудное, шли развернутым строем, во взводной колонне, стараясь не смотреть на задние ряды пехоты, проходившей перед нами. Но волнение наше оказалось напрасным, мы прошли безукоризненно и в тот же день, на обеде в здании Влады, Королевич сказал нашему директору, что — «Ваши кадеты были украшением Моего парада!» Ген. Адамовичу была пожалована высокая награда, орден Белого Орла 2-й степ. со звездой, а ген. Старку и полк. Розанову тот же орден, но 3-й степени. А «украшение парада» были отпущены в отпуск до вечера.

После этого, отношение к корпусу со стороны большинства населения сразу изменилось и стало дружественным и даже сердечным. Многие семьи предложили принимать у себя кадет в отпускное время, стали завязываться знакомства, стали стремиться помогать во всем, проявляя внимание и заботливость.

Вскоре поползли грозные слухи об ухудшении положения в Крыму. К началу ноября стало известно, что произошла эвакуация и что героическая Русская Армия, та к которой были устремлены все наши помыслы — вынуждена была покинуть последний клочек русской земли. Известия эти потрясли нас своей неожиданностью; хотелось верить, что все это лишь временно, что борьба снова возобновится и что мы еще будем нужны нашей армии. Но постепенно мы стали понимать, что вопрос стоит гораздо сложнее и что, во всяком случае, наше ближайшее будущее совершенно смутно и неопределенно. Скоро стало известно о прибытии в Югославию Крымского и Донского корпусов; к нам в корпус прибыл на хранение музей Русской Армии, спасенный из Крыма. В числе многих предметов, там были знамена и штандарты полков Императорской Армии, серебряные трубы и другие отличия и реликвии большой исторической ценности.

Все говорило за то, что наше пребывание заграницей затянется надолго и что надо отбросить все надежды на скорое возобновление борьбы с красными. И, постепенно, в наши души стал закрадываться тревожный вопрос: что делать, куда идти по окончании корпуса. Наш выпуск был первым, кому пришлось столкнуться с этим вопросом и мы должны были его решать самостоятельно, так как ни корпус, ни кто-либо другой, нам ничем не могли помочь после выпуска. Весь учебный 1920/21 год прошел под знаком этого вопроса и в обсуждениях возможностей, которые одна за другой оказывались невыполнимыми. Создавалось впечатление, что никому мы не были нужны и никому до нас не было никакого дела.

Между тем, учебные занятия в корпусе шли своей чередой, а новые знакомства с местными жителями позволяли освоиться с сербским языком, на котором многие начинали уже сносно объясняться. Как местные, так и русские барышни обзавелись штатом поклонников. Обычной картиной было видеть какую-нибудь из этих юных покорительниц сердец, окруженную большой группой кадет и в живописной позе сидящей где-нибудь на скале, в окрестностях города. Влюблялись, ревновали друг друга, но отношение к предмету обожания было чистое и рыцарское.

А в младших классах случались истории, обычные для мальчиков в этом возрасте. Были открыты две попытки бежать не то в Америку, не то куда-то еще. Все это сопровождалось целым ритуалом клятв и попытками добыть средства не совсем, к сожалению, этическими способами. Узнав об этом, 7-й класс решил образумить заговорщиков своими силами; довести об этом до сведения начальства было, с точки зрения кадетских традиций, абсолютно недопустимо. Но один из юных заговорщиков перепугался и бросился искать защиты у корпусных дам, работавших в бельевой. Дело дошло до ген. Адамовича, который потребовал от Педагогического Комитета наложить суровые взыскания на вмешавшихся старших кадет. Это снова вызвало большое возбуждение в 1-й роте и обстановка начала напоминать события, имевшие место в Панчево; только приказ генерала выпуска положил конец попыткам готовиться к крупным нарушениям дисциплины.

Нужно добавить, что с осени 1920 г., под покровом строжайшей тайны, кадеты 7-го класса ухитрялись подслушать все, что происходило на заседаниях Педагог. Комитета. Была открыта возможность пробираться на чердак, как раз над учительской. Все, что там говорилось, было слышно через отдушины вентиляции, поэтому мы всегда заранее знали, кто и что именно о нас говорит и чье отношение к нам было доброжелательным, или наоборот плохим.

Время от времени в корпусе устраивались лекции и доклады, которые посещались также членами русской колонии: два доклада сделал ген. Адамович на свою излюбленную тему «О Товариществе в армии», затем препод. Левитский на тему «Религия и жизнь», затем было два доклада известного Григ. Петрова — «Труд и его продуктивность» и «Душа русского народа». В один из вечеров демонстрировал свои опыты какой-то фокусник-гипнотизер. Было устроено несколько танцевальных вечеров и спектаклей. По мысли ген. Адамовича, была введена традиция открывать танцы сербским коло «Србианка», которое «заводили», т. е. начинали, сам директор и вице-фельдфебель.

С наступлением весны 1921 г. стали часто устраивать экскурсии в ближайшие окрестности Сараево, где было много

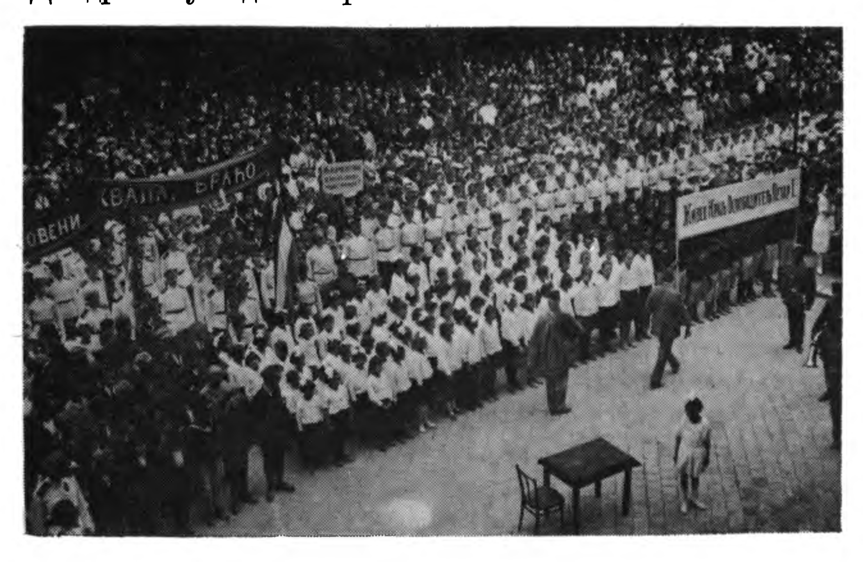

Маршал Франции Франше д'Еспере в Корпусе. Февраль 1921 г.

живописных мест в горах и памятников седой старины, римские мосты и дороги, остатки турецких и славянских крепостей и замков, а главное — скалистые горы, местами покрытые густым лесом, горные ручьи и озера, чудный горный воздух и первобытные нагромождения скал и утесов. Ездили и ходили в Илиджу, Стамбульчич, Каролиненгоф, карабкались на скалы, варили чай на костре и покупали в деревнях молоко, хлеб и сало. Иногда ходили с кап. Билетовым, но чаще всего с ген. Адамовичем, который превращался на этих прогулках в совершенно другого человека, веселого, простого в обращении, занимательного и остроумного собеседника. В этой обстановке исчезал строгий и недоступный директор и генерал: он шутил, покупал для нас папиросы, много и интересно рассказывал, но прогулка кончалась и между нами снова выростала прежняя стена.

В день 6 мая мы приняли участие в сербском национальном празднике «Джурджев Дан» — день св. Георгия. В этот день, с утра, все войска гарнизона ушли в горы, к древнему римскому мосту. Мы шли с песнями, в общем строю войск; подофицерская школа полк. Белича пригласила нас к завтраку

и мы с ними расположились у моста, с интересом наблюдая, как во многих местах солдаты танцевали коло. Но скоро начал накрапывать дождь и конец праздника был испорчен. А 18 июня, в самый разгар наших экзаменов, корпус принял участие в очень симпатичном празднике «Дечи Дан», что по русски значит «Детский День». Праздник этот, собственно, посвящен не только детям, но всей учащейся молодежи и празднуется по всей Югославии. С утра, на улицах города, стала формироваться длинная процессия учебных заведений, которая медленно двигалась к центру. Во главе процессии шли сокола и соколки в своей красивой форме, затем наши три роты в строю, за нами все остальные. Гремела музыка, пестрели флаги и плакаты. Мы тоже приготовили большую сербскую корону, оплетенную зеленью, и три плаката с надписями, означавшими в переводе на русский: «Спасибо, братья!», «Да здравствуют все славяне!» и «Да здравствуют дети Королевства!»

Необходимость нести эти плакаты и корону страшно всех удручала, т. к. все предпочитали просто идти в строю, а не превращаться в участников какого-то митингового шествия. Все старались увильнуть от этой обязанности и, в самую последнюю минуту, наше начальство было вынуждено просто назначить несколько человек, которые пошли со злыми лицами и

с унылым видом. В составе процессии мы ходили к Офицерскому Собранию, потом к зданию Влады; всюду произносились речи, играли гимн и кричали «Живео!» После окончания торжества мы выбрались из толпы, подравнялись и строем пошли в корпус. Впереди, на коне, ехал ген. Адамович, за ним шли мы, вздвоенными рядами, с офицерами на своих местах. Шли с песнями, у нас был прекрасный запевала, полочанин А. Гулевич. И вот, только мы вышли на улицу Краля Петра, как увидели, что перед отелем «Европа» вся она запружена густой толпой молодежи. При нашем приближении, она раздалась на обе стороны и мы вошли в этот проход под звуки песни «Взвейтесь, соколы, орлами!» В эту минуту раздался возглас: «Живела Велика Русия!» и с обоих сторон в нас полетели розы и другие цветы. Ген. Адамович повернулся и велел подымать их и брать в руки. Эта красивая бурная овация славянской молодежи, устроенная неожиданно и искренно, глубоко взволновала нас и тронула до слез. Мы прошли всю улицу и вернулись в корпус, но долго не могли забыть этих минут, еще раз показавших нам, что имя нашей Великой Родины пользуется глубокой любовью среди окружающего нас братского народа.

17 июля, в 3-ю годовщину убийства Государя и Его Августейшей Семьи, на плацу корпуса была отслужена торжественная панихида, которая произвела на всех глубокое впечатление. Весь престол был густо убран зеленью и сплошным покровом васильков и ромашек, любимых цветов Государыни. Корпус был выстроен покоем, в середине стояли ген. Адамович со всем персоналом, командующий войсками ген. Хаджич, ген. Вукотич, масса югославских офицеров и большая толпа жителей Сараево и членов русской колонии. И когда раздалось пение «Со святыми упокой», когда весь корпус и все бывшие на плацу опустились на колени, трудно было удержаться от слез и мы видели, что и многие сербы подносили к глазам платки. По окончании панихиды, мы разобрали с престола цветы и засушили их себе на память.

Как признак внимания со стороны сербов, надо отметить их предупредительность, когда у нас кто-либо умирал. На похороны шел обычно весь корпус и от сербского гарнизона присылался оркестр и полурота от подофицерской школы. На

кладбище сербы нам подарили участок земли, который к концу лета 1921 г. был уже занят тремя могилами: в. ун. оф. Н. Тарасенко 1-й (1-го вып., умер от чахотки), кад. З. Муравский (2-го вып., покончил самоубийством в парке, причины остались невыясненными) и полк. В. Селицкий, скончавшийся от удара. Несколько раз, группой в 7-8 кадет, во главе с ген. Адамовичем, мы ходили на этот участок кладбища, чтобы его очистить и привести в порядок. Надо было выкорчевать и убрать большие пни от срубленных деревьев, вырубить кусты и вырвать сорную траву. Работа была довольно тяжелая, но делали ее охотно, т. к. чувствовали, что с каждым годом могилы будут прибавляться. На этом кладбище в 1936 г. был похоронен и ген. Адамович, окруженный уже несколькими десятками могил кадет и чинов персонала. Красные уничтожили кладбище после 2-й Мировой войны, надгробные памятники были разбиты и только останки ген. Адамовича удалось перенести в другое место.

По окончании выпускных экзаменов, вплотную придвинулся к нам вопрос о нашем будущем: куда идти, что делать после окончания корпуса? Надеялись, что хотя бы части кадет удастся попасть в русские военные училища, т. к. было известно, что их перевезут в Болгарию. Думали перебиться некоторое время в Белграде, пока не откроется эта возможность, но уже в следующем году в Болгарии произошли волнения и граница была надолго закрыта. Также невозможным оказалось поступление в Военное Училище Королевства, так. наз. «Войну Академию», т. к. все вакансии оказались заполненными. Были и другие планы и проекты, но все они, один за другим, оказывались невозможными. И осталось только два пути: или Университет в Белграде, или Николаевское кавал. училище, которое должно было скоро прибыть в Югославию.

В связи с этим, наш выпуск был разбит на два взвода: «1-й выпускной» из будущих юнкеров, и «2-й выпускной» — студенческий. Будущие студенты были отправлены в Белград 30 сент. 1921 г., после очень сердечного прощания с педагогами и с младшими кадетами, а буд. юнкера уехали в училище только лишь 18 декабря. Много тяжелого пришлось пережить в Белграде, где мы были предоставлены самим себе и где ни-

чего не было подготовлено для устройства кадет. И вот тут мы оценили ген. Адамовича, который приезжал несколько раз, утешал и поддерживал нас всеми способами, выхлопатывал для нас ссуды и пособия и, действительно, болел за нас душой. Оставшиеся в корпусе кадеты по братски старались нам помочь, сократив расходы корпуса на питание в течение пяти дней, чтобы переслать нам образовавшуюся экономию. Лишения, перенесенные в эти первые месяцы в Белграде, заставили нас еще больше сплотиться в тесную и дружную семью, к которой примкнули также и Крымские кадеты, и гардемарины, вместе с нами пытавшиеся поступить в университет. Но это уже принадлежит к другой теме.

На этом закончился первый период жизни корпуса в Сараево, период не только устройства на чужбине, но и в не меньшей степени начала работы по созданию прекрасной репутации корпуса в среде местного населения, военных кругов и русской эмиграции. Овации заслуженные корпусом во время парадов и праздников, лучше всего свидетельствовали о том, что корпус этот экзамен выдержал с полным успехом.

(По личным воспоминаниям и дневникам) .

Строевые Занятия в Сараево.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ГОДЫ В САРАЕВО.

После первых $1^1/_2$ - 2 лет пребывания корпуса в Сараево, посвященных устройству, преодолению лишений и завоеванию симпатий со стороны населения, дальнейшие годы были постепенным и успешным превращением в нормально работающее учебное заведение.

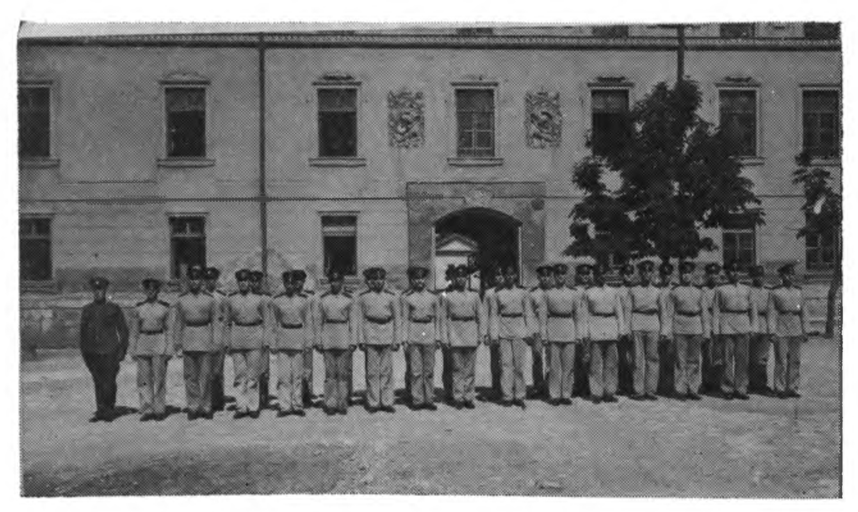
Регулярные учебные занятия начались сразу же по приезде в Сараево. Инспектором классов был назначен полк. В. А. Розанов, быв. инспектор классов 2-го кад. Имп. Петра Великого корпуса. С первых же дней пришлось преодолевать громадные трудности, ввиду полного отсутствия учебников, письменных принадлежностей, карт и вообще учебных пособий. Вместо доски пользовались листом оберточной бумаги, прикрепленным к стене; на уроках географии пользовались маленькой картой из учебника, случайно найденной у одного из кадет. Занятия велись по запискам преподавателей, а когда удалось приобрести тетради, то в них записывали под их диктовку содержание урока, а все примеры, пояснения и задачи делались устно.

С первых же месяцев начались поиски и приобретения книг и учебных пособий. К началу учебного 1920/21 г. уже

Инспектор классов полк. В. А. Розанов.

удалось достать самое необходимое, но все же учебники были вначале лишь пособием для преподавателей и потребовалось более долгое время, чтобы снабдить ими кадет, да и то лишь в ограниченном количестве. Тем не менее, уже в 1921 г. удалось приступить к созданию склада учебных пособий и библиотеки, сначала фундаментальной, а потом и ротных, лазаретной и преподавательской. Первыми были куплены пачки старых русских журналов и целая библиотека из журнала «Нива», со всеми приложениями за 10-12 лет. За этим последовали приобретения из разных стран Европы, Дальнего Востока и Америки, особенно же из лимитрофов, которые позволили в короткое время создать запас книг не только для чтения в часы досуга, но и как пособие для всех, кто хотел расширить свои познания, в дополнение к основному учебному курсу. Первым библиотекарем был подполк. М. А. Левитский, положивший много труда на организацию этого дела.

Строевые занятия.

По мере того, как обеспечивалось всем необходимым учебное дело и все области жизни в корпусе, с каждым годом улучшалось и внутреннее оборудование корпусного здания. Столовые, спальни и классы постепенно обзавелись всем необходимым, корпус имел лазарет, под управлением доктора медицины А. С. Долматова. Больные заразными болезнями, а также тре-

бующие хирургического вмешательства, отправлялись в местный военный госпиталь, где пользовались бесплатным лечением и содержанием, чему корпус был обязан его неизменному другу, ген. Хаджичу. Во всех областях внутренней жизни, несмотря на постоянные финансовые затруднения, корпусу постепенно удавалось организовать условия, которые приближались к старым Российским порядкам. Но было и новое, вызванное или местными условиями, или инициативой ген. Адамовича.

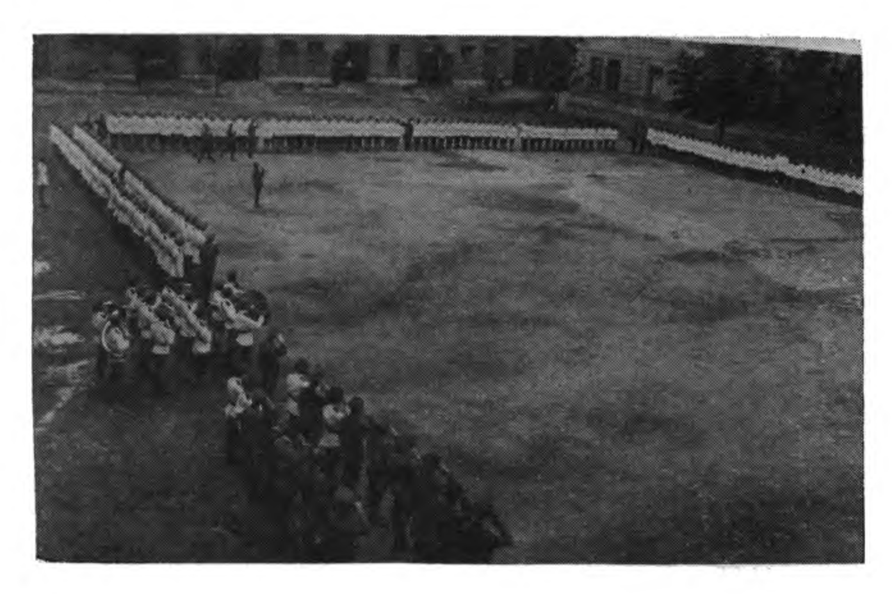
Так, например, с 1922 г. некоторые из вице унт.-офицеров были выделены для несения обязанностей помощников воспитателей 3-й роты, что было вызвано отчасти недостатком старого и опытного низшего персонала, а также и необходимостью усилить надзор за младшими кадетами, многие из которых выросли вне влияния родителей. Затем, по мысли ген. Адамовича, с февраля 1921 г. на стенах различных помещений корпуса были изображены надписи и изречения воспитательного характера, а также и рисунки, художественно исполненные самими кадетами и часто очень сложные, как напр. виды корпусных зданий в Киеве, в Одессе и в Полоцке, Московский Кремль, гербы, погоны и различные эмблемы.

Наконец, недостаточное количество прислуги вынудило возложить на самих кадет уборку классов, спален, сбор посуды и принос кушаний в столовой, причем в апреле 1923 г. кадетам пришлось 16 дней заменять кухонную прислугу, одновременно оставившую службу из-за изменения условий оплаты.

Корпус в Сараево посетил целый ряд видных представителей русской эмиграции и югославской армии, правительства и деятелей культуры. На многие праздники и торжества приезжали особые представители Короля, кроме того часто бывали высшие чины армии, высшие служащие Министерства Просвещения, профессора, писатели, православные иерархи. Отмечая только лишь некоторые из этих посещений, нужно упомянуть о приездах Митрополита Антония (4 апр. 1925 г.), епископа Вениамина (18 апр. 1923 г.), Донского Атамана ген. лейт. Богаевского (4 мая 1923 г.), франц. генерала Франшэ д'Эсперэ, имевшего звание Воеводы Сербской Армии (7 февр. 1921 г.), проф. Чубинского, писателя Е. Чирикова и многих

других, а также и дважды посетившего корпус и встреченного с небывалым энтузиазмом, Главнокомандующего ген. барона П. Н. Врангеля, приехавшего первый раз 28 сент. 1922 г.

Особенно памятным осталось второе и последнее посещение ген. Врангеля, 17 и 18 мая 1925 г. В этот день с утра небо было покрыто свинцовыми тучами и все с трепетом ждали, что все будет испорчено дождем. Ровно в полдень, ген. Врангель подъехал к воротам корпуса в коляске, которая была ему выслана Командующим 2-й Югославской Армией. Его сопровождали нач. штаба ген. Кусонский, адъютант есаул Ляхов и ординарец в. ун. оф. Новосильцов. Корпус был выстроен покоем на плацу, раздалась команда «смирно!», ген. Адамович подошел с рапортом и корпусной оркестр заиграл марш Л. Гв. Конного полка. Главнокомандующий, в форме 10 гус. Ингерманландского полка, стал обходить роты и здороваться с кадетами: «Здорово, орлы!» Вслед за дружным ответом, неслось восторженное «ура» и, в этот момент, солнце разорвало тучи и осветило высокую фигуру Главнокомандующего и строй кадет в белых гимнастерках.

Обойдя роты, ген. Врангель стал на середину плаца и передал кадетам приветствие от Вел. Князя Николая Никола-

евича, покрытое долгим, несмолкавшим «ура» и звуками Преображенского марша. Затем, его пригласили занять место на специально приготовленной площадке из живых цветов, что вызвало некоторое замешательство, т. к. ему, вероятно, еще никогда не приходилось принимать парад, стоя на цветах. Прохождение церемониальным маршем прошло безукоризненно и ген. Врангель хвалил каждую роту.

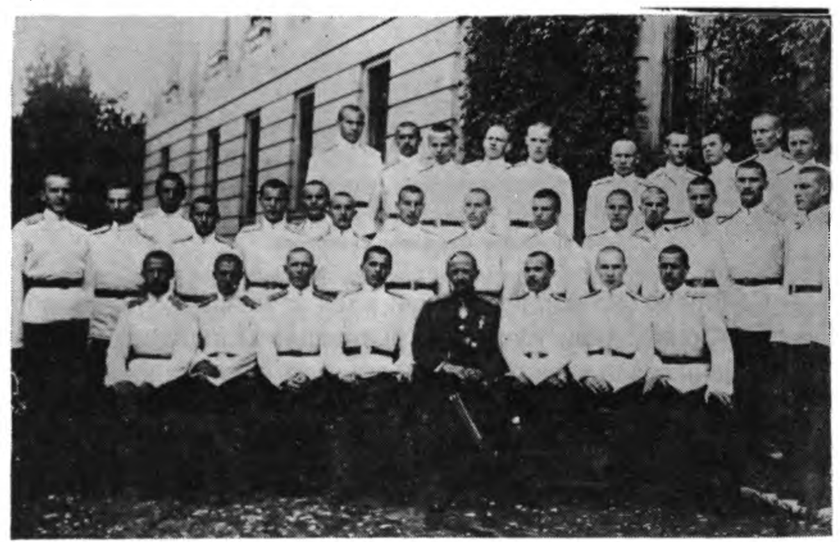
После парада, ген. Врангель осматривал корпус; на все посты и дежурства были назначены самые высокие кадеты. Главнокомандующий померялся ростом с кадетами Селецким, Косаговским и Гончаровым, причем оказалось, что они выше его. Это вызвало его шутливое замечание: «Как вы смеете перерости вашего Главнокомандующего!» За завтраком в 1-й роте, ген. Врангель сидел за старшего за первым столом; его голубая Ингерманландская фуражка ходила по рукам, каждому хотелось ее померить. Пользовалась также успехом лейб-казачья фуражка Ляхова, б. кадета 2-го кад. корпуса.

Ввиде исключения, в этот день все сигналы были русскими

Рапорт Главнокомандующему.

и подавались на трубе кад. Петуниным, тогда как в другие дни они были сербскими и их играл трубач 15 пех. полка. Ночью, к дверям комнаты, где спал ген. Врангель, был поставлен кадетский караул. Утром, после чая, кадеты в 1-й роте качали своего Главнокомандующего и отнесли на руках до коляски. Когда она двинулась, кадеты побежали за ней, выбежали на площадь и с дружными криками «ура» проводили ген. Врангеля до моста. Долго после этого кадеты вспоминали этот приезд того, в ком тогда воплотилась русская национальная идея и чья жизнь так неожиданно оборвалась через три года.

105 вып. I Сибирского К. К. в Сараево, 1925 г.

Незадолго до приезда ген. Врангеля, 3 февр. 1925 г., в корпус прибыли 34 кадета 1-го Сибирского Имп. Александра I кад. корпуса, вывезенные из Шанхая и прибывшими в Сплит, на пароходе «Портос», 6 дек. 1924 г. С ними вместе прибыл их духовой оркестр и церковное имущество Сибирского и Хабаровского корпусов. Оркестр был пополнен кадетами Сараевцами и через короткое время принял участие во встрече и в параде в дни приезда Главнокомандующего. И в дальнейшем, этот оркестр сопровождал кадет на всех парадах, а также и выступал на вечерах и концертах вне корпуса, также как и

струнный и великорусский оркестры, созданные еще до приезда сибиряков.

Юбилейные фанфары сибиряков.

Сибиряки оставили большой след в жизни корпуса, обогатив его оркестром, военными реликвиями, иконами и предметами церковной утвари. Что касается их влияния на внутреннюю жизнь корпуса, то было отмечено на заседаниях Педагогического Комитета, что достойным удивления был тот факт, что несмотря на все пережитое ими, они сохранили полностью все те качества, которыми всегда отличались лучшие представители российских кадет. И это не взирая на то, что в течение ряда лет они были лишены и нормальной корпусной жизни, и влияния семьи.

Это последнее обстоятельство очень остро чувствовалось и в среде кадет в Сараево, особенно в течение первых лет, когда большинство или вообще не знало о судьбе их семейств, или имело родных в других странах. Это приводило к тому, что лишь очень мало кадет имели возможность уезжать к своей семье на время летних каникул и большинству приходилось оставаться в корпусе, который и в этом вопросе также проявил к кадетам много внимания и заботы. С целью заполнить летний досуг, устраивались частые прогулки и экскурсии

в окрестности, а с 1923 г. Державная Комиссия стала предоставлять корпусу особые средства для более дальних и продолжительных экскурсий.

Ежегодно устраивалось от 30 до 35 поездок, длившихся от 1 до 14 дней, а одна из них, в 1928 г., продолжалась даже 25 дней. Особенно интересными были экскурсии в города Яйце, Дубровник, Котор, Цетинье, во время которых поднимались на горные высоты, осматривали пещеры, водопады, знакомились с промыслами, заводами и историческими памятниками, как местными, так и связанными с именем России. Незабываемое впечатление произвел осмотр Цетинье, где сохранилось здание нашего посольства и где все напоминало о Великой России: и двуглавые орлы на кованых железных воротах и над входом, и вензель покойного Государя в вестибюле, и Царские портреты в зале, и иконостас и церковь Русского Цетиньского Института в одной из дальних комнат, все в этом доме дышало памятью о прошлом нашей Великой Родины.

Дальние экскурсии совершались по железной дороге по льготному тарифу, в особо предоставленных вагонах. Военные и гражданские власти шли широко навстречу во всех вопросах, касавшихся ночлега и питания; нужно также отметить радушное и хлебосольное отношение крестьян во всех местах, где побывали кадеты. Все это превращало поездки в сплошной праздник и оставляло у всех участников незабываемые впечатления. Во время этих поездок велись дневники и составлялись журналы и альбомы фотографий, которые потом передавались в корпусной музей. Кадет сопровождали обычно сам ген. Адамович и некоторые воспитатели, а иногда кто-либо из преподавателей.

Все такие дальние поездки были возможны до тех пор, пока корпус располагал для них особыми средствами. Но в связи с постоянным сокращением смет, эти ассигнования также подвергались уменьшению, а к концу пребывания в Сараево совершенно прекратились и далекие экскурсии уже больше не совершались. Но не только в этом вопросе, но также и в других, гораздо более важных, судьба корпуса и условия его

существования в Югославии все время зависели от целого ряда очень сложных обстоятельств, менявшихся все время, особенно после падения Крыма и окончания гражданской войны на юге России.

Первоначально, корпус был подчинен Главному Командованию и сносился с Севастополем через его Представителя, ген. Лукомского, находившегося в Константинополе, и через нашего Военного Агента в Королевстве, которыми были последовательно ген. майоры Артамонов, Потоцкий и полк. Базаревич. С 19 апр. 1922 г. Русская Военная Миссия была расформирована и корпус, по своим делам, должен был обращаться в Высший Совет по делам Военно-Учебных Заведений при Российской Миссии в Белграде, во главе которой стоял В. Н. Штрандтман. Но к началу ноября 1922 г. положение переменилось и все русские учебные заведения были, по учебным вопросам, подчинены Министерству Просвещения, а по финансовым и административным — Времен. Совету по делам рус. учебных заведений при Державной Комиссии. С августа 1922 года в учебный курс корпусов был введен 8-й класс, с целью обеспечить кончающим корпус возможность свободного продолжения образования в Выс. Учеб. Заведениях Королевства. Но этот больной вопрос был окончательно разрешен лишь в июле 1923 г. и корпус получил право выдавать аттестаты зрелости, которые приравнивали 8-ми классный курс корпуса к курсу реальных училищ Королевства.

Одновременно с введением 8-го класса, во всех классах было увеличено количество уроков сербского языка и введены уроки истории и географии Королевства. Нужно, в то же время, добавить, что в среде сербов было настолько велико стремление отдавать своих сыновей в русские корпуса, что Министерство Просвещения было принуждено в 1926 г. прекратить этот прием и требовать от своих граждан получения особого разрешения, которое выдавалось с трудом.

Не ограничиваясь только учебной программой, корпус обращал большое внимание на организацию среди кадет разнообразных кружков, позволявших им знакомиться с вопросами, не входившими в программу. Особенную известность получил Константиновский литературно-художественный кру-

Директор и офицеры-воспитатели с кадетами сербами.

жок с секциями — литературной, драматической и художественной. Кружок этот занял в корпусе настолько видное место, что его деятельности посвящена особая глава в конце настоящего очерка.

Почти одновременно, начиная с 1923/24 уч. года, в корпусе стали возникать и другие кружки, к которым кадеты отнеслись с большим интересом. В течение пребывания корпуса в Сараево, сформировалось еще 8 кружков: любителей астрономии, спортивные кружки «Бэдмингтон» (тенис для зала) и «Пинг-понг», Чигоринский шахматный, музыкальный, любителей природы, французского языка и Сокольской гимнастики. Гимнастический кружок, подготавливая инструкторов для корпусных гимнастических команд, много способствовал развитию этого вида спорта в корпусе. Ввиду того влияния, которое кружок оказал на воспитание кадет за все время существования корпуса, о его деятельности сказано более подробно ниже, в отдельной главе.

Одновременно с развитием кружков, в корпусе были устроены классы ручного труда, имевшие целью не только заполнить досуги кадет, но и дать им возможность получить прикладные знания, которые могли бы обеспечить в будущем вер-

ный заработок. Классы эти были созданы по инициативе инспектора, полк. В. А. Розанова, при помощи офицеров воспитателей, ставших во главе них. Раньше всех, с июля 1920 г., был организован переплетно-картонажный класс, под руководством подполк. М. А. Левитского, а после 1924 г. полк. А. Н. Азарьева. В сентябре того же года был открыт сапожный класс, с руководителем кап. С. Н. Прибыловичем, а 7 декабря столярный, под руководством полк. С. К. Орлицкого. В марте 1922 г. к ним прибавился слесарный класс полк. Н. В. Волкова.

Все четыре класса обслуживали, насколько возможно, нужды корпуса. Обучение в них производилось по особым программам, по выполнении которых кадеты получали вознаграждение за их работы для корпуса. Половина такого вознаграждения зачислялась на текущие расходы кадета, а другая записывалась в особый фонд, который он получал при оставлении корпуса. В начале 1925 г. классы ручного труда были преобразованы в мастерские, получив преимущественно практическое и хозяйственное назначение.

Развитие интереса к работе Кружков и к прикладным знаниям, позволили корпусу, в течение 1921-24 г.г., принять участие в 4-х выставках: две из них имели место в Сараево, в сентябре 1921 г. и в июне 1924 г., под названиями — 1-я и 2-я Босно-Герцеговинские Ремесленно-Промышленные Выставки. На второй из них, корпус получил за свои экспонаты золотую медаль. Другие были организованы в Белграде, в апреле 1922 года и с конца августа по 14 сент. 1924 г., под названиями 1-я и 2-я Выставки Работ Русских Беженцев. Корпус экспонировал на них учебные работы, изделия классов ручного труда и рисовального, скульптуры и работы Кружков и фотографического кабинета.

Была также, 13 и 14 марта 1926 г., устроена выставка работ и достижений в здании корпуса, которую пришлось повторить через неделю, по усиленным просьбам сараевской общественности. За оба раза выставку посетило свыше 1800 лиц, начиная с высших представителей местного духовенства, военного командования и учебных заведений, и кончая простыми жителями города, всех слоев населения. Успех выставки был

очень велик и местная печать уделила ей большое внимание и дала отзывы в самых лестных выражениях.

Уклад внутренной жизни в корпусе почти полностью соответствовал порядкам в старых русских корпусах, хотя с течением времени, по целому ряду причин, о которых частично уже говорилось выше, происходили некоторые перемены во внутренном устройстве. В 1920 г. штаты корпуса были рассчитаны на 500 кадет, разбитых на 4 роты и выпускной взвод. Этот взвод состоял лишь из одного 7-го класса, а 1-я рота из одного 6-го класса. С отъездом 1-го выпуска в Крым, выпускной взвод был упразднен и в состав 1-й роты вошел лишь один 7-й класс. Ввиду невозможности разместить в здании более 300 кадет, 4-я рота была уничтожена и корпус был сведен к трем ротам, причем начиная с осени 1921 г., 1-я рота состояла из 6 и 7 классов, 2-я рота из 4-го и 5-го, а 3-я рота из 1, 2 и 3-го.

Для сохранения памяти о корпусах, из которых был создан Русский кад. корпус, с 1923 г. были установлены ротные праздники: 1-й роты — 19 дек., в день Св. Николая Чудотворца, в память праздника Полоцкого корпуса; 2-й роты — 23 дек., в день основания Киевского корпуса, когда служился молебен Св. Равноапостольному Князю Владимиру, во имя которого была освящена церковь Киевского корпуса, и 3-й роты, 24 мая, в день Святых Кирилла и Мефодия, в память праздника Одесского корпуса. Иконы этих святых, в художественных киотах, находились в ротных помещениях и были созданы трудами корпусных офицеров, также как иконы и большинство имущества корпусной церкви, освященной во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского.

Его имя вошло в жизнь корпуса с первого же года. Как уже было сказано, корпусной праздник был установлен 6 декабря, в день памяти его погребения во Владимире. Знак корпуса, для ношения на груди или в петлице, установленный 29 мая 1926 г., представлял собой четырехконечный крест, формы и цвета ордена Св. Александра Невского; этот знак был утвержден ко времени окончания корпуса VI выпуском, первым отказавшимся от выпускных жетонов и выразившим желание установить единый знак для всех выпусков. Звезда этого же ордена была с сентября 1923 г. центральным мотивом кор-

пусной печати. Большие кресты такого же вида, как и знак корпуса, были на надгробных плитах корпусного участка Сараевского кладбища, о котором более подробно будет сказано ниже.

С октября 1924 г. в корпусе стала вводиться новая программа, выработанная на съезде в Белграде, и можно сказать, что одновременно с этим стало чувствоваться стремление Державной Комиссии создать положение, которое можно было назвать медленным умиранием корпуса. По мере продвижения программы по классам из года в год, один за другим отпадали младшие классы, ввиду полученного распоряжения прекратить прием в 1-й класс. Таким образом, к 1929-30 уч. году, корпус не имел четырех младших классов, что автоматически вызвало прекращение существования 3-й роты. Июль и август 1929 г. были критическими в жизни корпуса. Решался вопрос, сохраниться ли ему или быть поглощенным другими учебными заведениями.

В защиту корпуса раздались голоса и русских, и югославских видных представителей общественности и, наряду с отдельными письмами, Державной Комиссии были адресованы резолюции Об. Собрания Русской Колонии г. Сараево и Обращение Сараевской общественности, подписанное Митрополитом Дабро-Босанским, директора и местных школ и училищ, и другими высшими чинами администрации и деятелями культуры. Но только при содействии старого друга корпуса, ген. Хаджича, и волею Короля Александра I, корпус был сохранен, хотя ему пришлось покинуть Сараево, т. к. занимаемое здание должно было быть передано Военному Министерству. Корпус был переведен 1 сент. 1929 г. в Белую Церковь, в здание Крымского кад. корпуса, приняв в свой состав 114 кадет и часть чинов персонала этого корпуса. В этом же 1929 г. были снова открыты 1, 3 и 4-й классы.

Отъезд корпуса из Сараево произошел в обстановке исключительной теплоты и сердечности, проявленными местным сербским обществом и русской колонией. На корпусном участке кладбища, 31 августа, была отслужена панихида, последняя перед отъездом. 1 сентября в корпусе был отслужен торжественный напутственный молебен, после которого предста-

Отъезд из Сараево. Командующий II Армией прощается на вокзале с кадетмаи.

вители местного общества и различных его организаций произнесли прочувственные речи и вручили директору ценные знаки внимания на память о Сараево. Русская колония благословила корпус Иверской иконой Божией Матери в красивом киоте и поднесла русский национальный флаг на древке с копьем и с дарственной надписью на медной скобе. Этот флаг был директором передан кадету Савиничу, с производством его в вице унтер-офицеры (буд. вице-фельд. X вып.). Другие подарки и адреса были поднесены от всех русских организаций г. Сараево и Босанской области.

5 сентября, корпус в наличном составе выступил из казармы, в которой провел почти $9^{1}/_{2}$ лет и, в сопровождении оркестра Босанской дивизии, прибыл на вокзал. Там собралось все Сараево, во главе с митрополитом Дабро-Босанским Петром, командующим армией ген. Калафатовичем и нач. дивизии, весь генералитет, великий жупан, начальник города, офицеры, представители организаций, русская колония и другие лица. После речей и благословения митрополита, под звуки оркестра, поезд отошел от станции. Минута была очень торжественная и трогательная. На следующий день корпус

прибыл в Белую Церковь и разместился в своем новом помещении.

За время своего пребывания в Сараево, т. е. с июня 1920 года по сентябрь 1929 г., Русский кад. корпус сделал 9 выпусков и из его стен вышли в жизнь 418 кадет с аттестатами за 7 или за 8 классов. За эти годы корпус преодолел неисчислимые затруднения, но был достойным представителем Великой России в далекой Боснии, как это заповедал ген. Врангель в своем приказе в 1920 г. Горько сознавать, что в настойчивой борьбе против корпуса, главные удары наносились ему руками некоторых русских же недоброжелателей, так до конца и не сумевших ничего понять и ничему не научиться за годы Российской трагедии.

Знаменщик с Полоцким знаменем, перед Симбирским знаменем — запрестольным образом храма.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА КАДЕТСКИЙ КОРПУС

в Белой Церкви.

*

В начале августа 1929 г. стали известны предварительные предположения о соединении Крымского и Русского кад. корпусов в один, с расположением в Белой Церкви, на базе сохраняемого Крымского корпуса. Но вскоре обстановка неожиданно изменилась и к концу месяца стало известно, что существующие в Югославии три русских корпуса — Крымский, Донской и Русский, подлежат сведению в два корпуса. Один в Белой Церкви, с наименованием «Первый Русский кад. корпус» и с сохранением формы Русского корпуса (Сараево), а другой в Горажде, под названием «Второй Русский Донской Имп. Александра III кад. корпус», с сохранением формы прежнего Донского корпуса.

Прибытие в Белую Церковь кадет и чинов персонала Русского корпуса из Сараево состоялось 6 сент. 1929 г. и к ним были добавлены часть персонала и кадет Крымского кад. корпуса, от 3-го до 8-го классов. Остальные были влиты в Донской корпус; директором в Белой Церкви остался ген. Адамович.

В очень тревожной и напряженной обстановке начала налаживаться жизнь Корпуса на новом месте. Не легко было успокоить враждебное отношение одной группы кадет к другой, но и это постепенно сглаживалось. Наступил новый пе-

риод в жизни Корпуса, но жизнь продолжала течь по своему давно установленному руслу и некоторые факты, явления в его жизни, из года в год регулярно повторялись. В хронологической последовательности эти факты следующие :

ЯНВАРЬ

6. — **Рождественский Сочельник. Привоз в Корпус офицерами гарнизона "Бадняка" ("Бадняк" — дубовая ветвь, которую по сербскому обычаю срубает утром в сочельник старейший член семьи и эта ветвь возлагается на семейный очаг). После всенощной обед, кутья и елка с раздачей мешков со сладостями кадетам.**

7. — **Рождество Христово. Елка и вечер для остающихся кадет**

14. — **Встреча Нового Года всегда по московскому времени под звон (по радио) 12 часов на Спасских воротах в Кремле. После молебна танцы вокруг елки и угощение кадетам**

18. — **Крещенский сочельник. После уроков водоосвящение и окропление св. водой всех помещений корпуса.**

18. — **Крещенский сочельник. После уроков водоосвящение и окропление св.**

На Масленицу кадеты по очереди рот получают к обеду блины .

МАРТ

10. — **Основание Корпуса соединением Киевского и Одеского Кад. Корпусов.**

14. — **Кончина Императора Александра II. Панихида.**

22. — **В этот день по русскому обычаю к чаю подавались жаворонки, в некоторые запекались серебряные монеты.**

На четвертой — Крестопоклонной неделе Великого Поста Корпус всегда говел.

На страстной и Пасхальной неделях установленные церковные службы.

Плащаница в храме Корпуса.

Заутреня. Крестный ход.

Во втроник на Фоминой неделе панихида на кладбище корпуса.

МАЙ

6. — Юрьев день — "Уранак".

15. — Конец занятий в матурных классах (IV и VIII). По установившемуся обычаю после окончания уроков в этот день VIII класс с оркестром уходили на прогулку в "Рудольф парк" на румынской границе, а на следующее утро встречали остальные классы, идущие на уроки, песней "Дети в школу собирайтесь". В ответ на это умилительное приглашение VII класс, как бы заступаясь за весь остальной корпус заводил ответную песню, вроде:

Уж не рано-ль пташечки запели,
Возвещая свой свободы час;
Как бы, братцы, звери не заели ... и т. д.

Матуранты в "Рудольф Парке".

23. — Канун Праздника Одесского Кад. Корпуса. Панихида. Особое поминание.

24. — Праздник 3 роты. Молебен. Вечер для младших.

ИЮНЬ

В начале месяца приезд представителя Министра Просвещения на "матурные" экзамены.

3. — Свв. Равноапостольных Царя Константина и Царицы Елены. День Тезоименитства Шефа Корпуса. Храмовой (Памяти Крымского кадетского корпуса) и Шефский праздник.

15. — Кончина Вел. Кн. Константина Константиновича. Панихида.

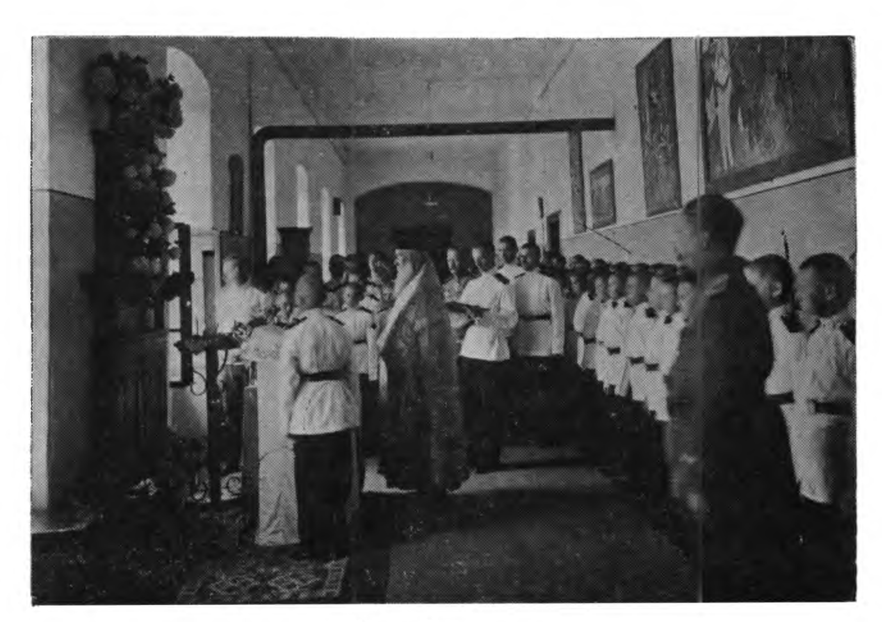
В конце месяца — Объявление результатов матурных экзаменов, обед экзаменационной комиссии с выпуском и его разъезд.

28. — Видов дан.

ИЮЛЬ

17. — Убиение Царской Семьи. Панихида. Сигналы не подаются.

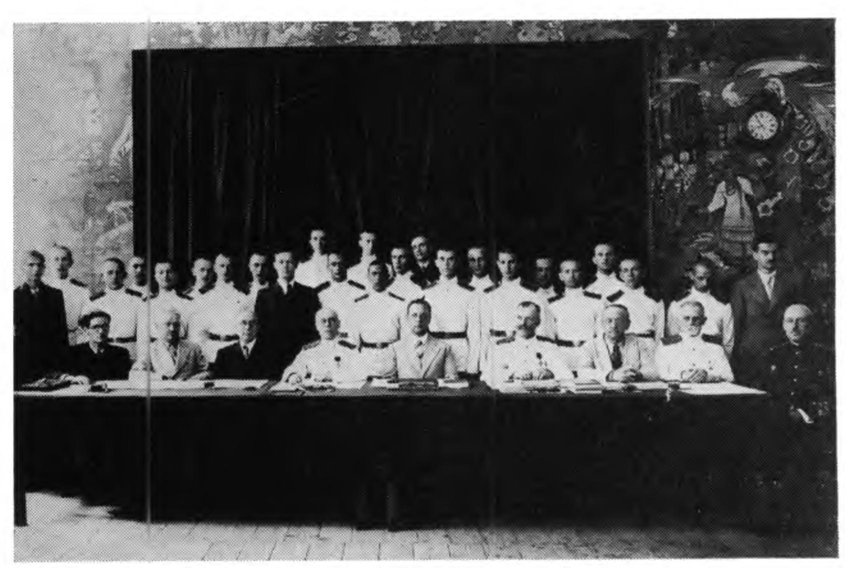
28. — Храмовой Праздник Владимирского Киевского кадетского Корпуса.

Праздник 3-ей роты.

Испытания на аттестат зрелости.

Выпускные кадеты и комиссия.

СЕНТЯБРЬ

6. — Рождение Короля Петра II. Молебен.

11. — Усекновение Главы Иоанна Крестителя. Панихида на корпусном кладбище.

12. — Перенесение мощей Св. Благоверного и Вел. Кн. Александра Невского. Молебен перед началом занятий.

ОКТЯБРЬ

9. — Мученическая кончина Короля Александра I. Панихида.

Дмитриевская суббота. Панихида. Особое поминание. Пение песни Дворянского Полка.

ДЕКАБРЬ

5. — Канун Корпусного праздника. После всенощной — панихида. Особое поминание. Пение песни Дворянского полка. Заря с церемонией.

6. — Корпусной праздник. Парад. Бал.

9. — Праздник Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Молебен. В первые годы парад. Завтрак кавалеров в 1 роте, а позже в гимнастическом зале.

13. — Слава Королевского Дома.

18. — Канун праздника Полоцкого Кадетского Корпуса. Панихида. Особое поминание. Перенесение Полоцкого знамени из музея в Роту Его Высочества. Полоцкая зоря. Дежурство кадет Роты Его Высочества у знамени.

19. — Праздник Роты Его Высочества. Молебен. Полоцкая зоря на подъеме. Вечер.

22. — Канун праздника Владимирскгоо Киевского кад. корпуса. Панихида. Особое поминание.

23. — Праздник 2 роты. Молебен. Вечер для 2 роты.

Полоцкое знамя в роте Его Высочества.

В канун Корпусного Праздника, 5 декабря 1929 года, неожиданно корпусу было приказано построиться в Полоцком коридоре после окончания уроков. Все роты с офицерами воспитателями выстроились, напротив, вдоль стены и в нишах окон стояли, преподаватели. Из кабинета, в конце коридора, вышел директор, ген.-лейт. Адамович, сопровождая внучку Вел. Кн. Константина Константиновича, княжну Наталию Багратион-Мухранскую, воспитаницу Донского Мариинского Института. Во второй паре шли начальница института Н. В. Духонина в сопровождении кадета 6-го класса князя Теймураза

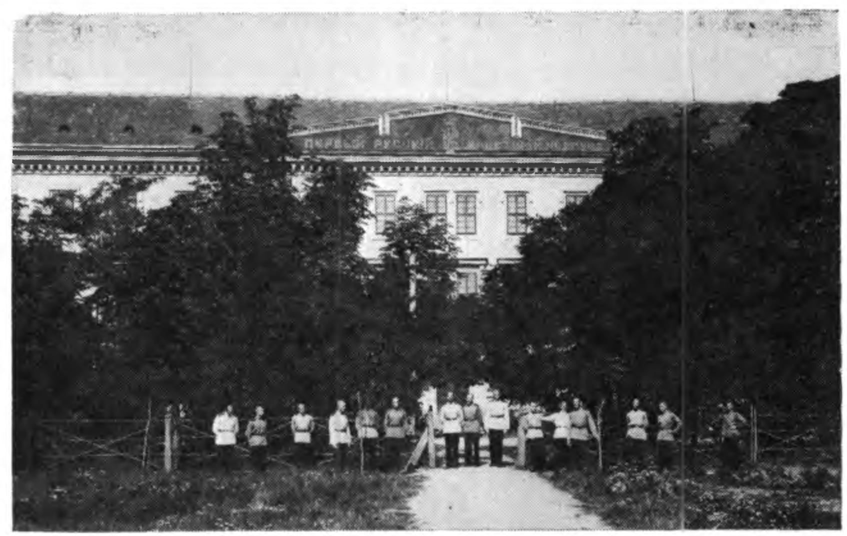

X выпуск с внуками Шефа Корпуса.

Багратион-Мухранского, внука Вел. Князя. Обойдя строй, директор прочитал полученную им из королевского дворца телеграмму о том, что Е. В. Король Александр I пожаловал Корпусу шефство Вел. Кн. Константина Константиновича. Произнеся соответствующую речь, директор провозгласил здравицу за Короля и присутствующих внуков Шефа. После этого, по ротно, заведующий обмундированием, полк. Петров, выдал всем кадетам заранее приготовленные новые погоны с вензелем Вел. Князя. На всенощной и заре с церемонией в канун праздника г.г. офицеры и кадеты уже были в новых погонах. С этого дня корпус получил наименование «Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус», а первая рота стала именоваться Ротой Его Высочества.

Состоявшиеся перемещения не избавили корпус от тягостного вопроса о дальнейшем существовании; в конце 1932/33 уч. года были получены известия о том, что Военному ведомству нужна казарма «Краля Петра» в Белой Церкви, занятая корпусом. Стало известным, что корпус предположено закрыть, путем перевода его в Горажде и слияния с Донским корпусом, размещение которого в Горажде было во всех отно-

шениях, кроме климатического, более чем неудовлетворительным. Только личное повеление Короля Александра о сохранении за корпусом в Белой Церкви занимаемой им казармы на все время существования, спасло его от закрытия. Но в 1935 г., из-за сокращения средств Державной Комиссии, был закрыт младший класс и над корпусом снова нависла угроза медленного умирания. Заступничество ряда лиц и обращение к Правительству и к Державной Комиссии многих русских организаций, сохранили корпус от гибели; в 1938/39 уч. году был восстановлен отсутствующий 4-й класс, после чего корпус снова стал учебным заведением с полным числом в 8 классов, разбитых на три роты.

ЗДАНИЕ КОРПУСА.

Расположение в Белой Церкви оказалось более удобным, чем в Сараево. Здание было трехэтажное, вытянутое в одну линию. При выходе из вестибюля — парадная лестница, направо и налево коридоры, обращенные в столовые. Направо столовая 2-й и 3-й рот — «коридор Владикавказский», с надписью на таблице цвета этого корпуса. Стены полны фотографий, среди которых коллекция редких снимков коронации Императора Николая II; вдали, на возвышении, икона-складень Св. Николая Чудотворца, старинной работы. Из коридора направо, первая дверь, вход в парадный зал корпуса. В нем

большое впечатление производила картина Кремля, талантливо исполненная кадетом Крымского корпуса, Евг. Прудковым; она находилась на раздвижной деревянной стене, которая в обычное время закрывала корпусную церковь. Против нее, в противоположном конце зала, находилась постоянная сцена, у которой весь плафон был разрисован иллюстрациями к русским сказкам, также работы крымского кадета

XVIII вып. в зале Корпуса.

Группа XIV вып. в зале.

бар. Корфа. На стенах зала портреты наших Монархов, Короля, Шефа корпуса, героев 1812 г., ген. Врангеля и двух директоров, ген. Римского-Корсакова и Адамовича, добавленного после его кончины в 1936 г. Большинство этих портретов было работой самих кадет.

По выходе из зала, направляясь к парадной лестнице, посетитель проходил мимо картины, изображавшей здание Владикавказского корпуса, а дальше, на стенах портреты Российских Царей и Императоров и, среди других изображений, рисунки зданий Киевского и Одесского корпусов. В среднем этаже находилось помещение роты Его Высочества и в коридоре была надпись «Полоцкий коридор», а на стенах опять много картин, портретов и гравюр. На 3-м этаже, в «Киевском коридоре», было помещение 2-й роты, а в «Одесском коридоре» — 3-й роты. Внизу, в «Полтавском коридоре», сто-

Коридор Полоцкий. I рота.

ловая 1-й роты и вход в музей, в лазарет и в гимнастический зал. Повсюду опять портреты, картины и надписи, напоминающие о России и производившие такое сильное впечатление, что все посетители единодушно называли корпусное здание подлинным «углоком России».

Большие изображения зданий кадетских корпусов, а также девизы, надписи и различные эмблемы, художественно исполненные на стенах, были нарисованы кадетами разных выпусков, Н. Максимовым, Г. Казнаковым, А. Родзевичем, В. Гридиным, И. Свидерским и другими.

Коридор Киевский. 2 рота.

МУЗЕЙ КОРПУСА.

Одним из явлений, заслуживавших особого внимания, был в корпусе музей, основанный еще в Сараево, 3 сент. 1925 года, и значительно разросшийся после переезда в Белую Церковь. В день основания, ген. Адамович, в приказе по корпусу, объявил в следующих словах о задачах и целях музея:

«.. Основная задача музея: собирать все вещественные признаки жизни Русского, Киевского, Одесского и Полоцкого корпусов и сохранять таковые же памятки, переданные Сибирским и Хабаровским корпусами. Сверх того, в особых отделах музея должны собираться памятки, относящиеся к Августейшему Генерал-Инспектору и Главному Начальнику Военно-Учебных Заведений Великому Князю Константину Константиновичу и ко всем Русским военно-учебным заведениям (кадетским корпусам и военным училищам), а также русские медали, монеты и знаки — денежные, почтовые, орденские и т. п. . . . »

Общий вид музея

Тем же приказом был назначен первым хранителем музея подполк. М. А. Левитский. Спустя три месяца, в канун корпусного праздника, музей был открыт. Был отслужен тор-

Ген. Е. К. Миллер в музее Корпуса.

жественный молебен с водосвятием и, после этого, всем присутствовавшим было предложено осмотреть все собранное в скромных витринах.

Вначале не было подразделения предметов на отделы и вклады зачислялись в опись под общими порядковыми номерами. Но спустя короткое время, особенно с 1929 г., совпавшего с переездом корпуса в Белую Церковь, наступило значительное расширение музея и возникла необходимость подразделения его на отделы и составления полной систематической описи. Работа эта была начата в июле 1931 г. и к марту

1932 г. был закончен карточный каталог и все предметы, под номерками, были распределены по следующим отделам:

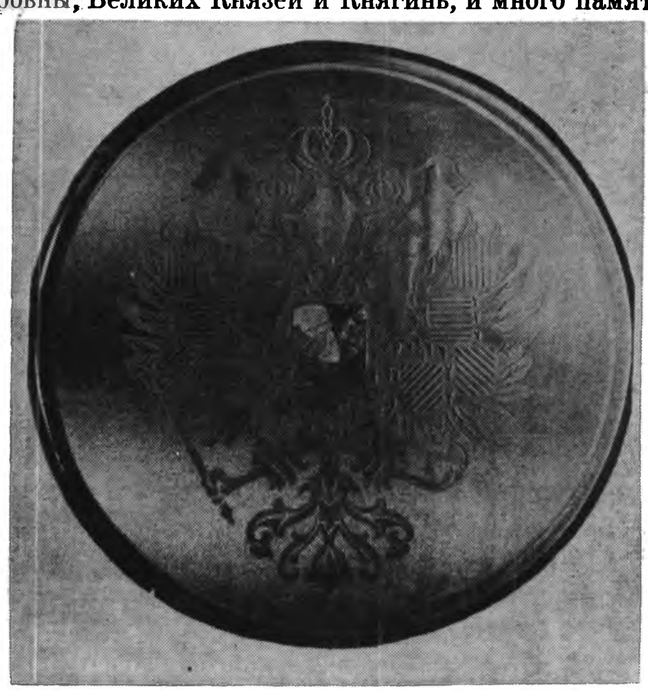
I. Шефский.
II. Жизнь корпуса в иллюстрациях.
III. Связь с жизнью г. Сараево и ее русской колонией.
IV. Связь с жизнью г. Белая Церковь и ее русской колонией.
V. Экскурсии, слеты, поездки, прогулки.
VI. Архив музея.
VII. Библиотека музея.
VIII. Разные работы кадет.
IX. Княже-Константиновцы.
X. Ордена, медали, знаки, печати, имеющие отношение к корпусу.
XI. Ордена, медали, знаки, печати общего значения.
XII. Российские монеты.
XIII. Российские денежные и почтовые знаки.
XIV. Генерал Врангель.
XV. Русский военный отдел.
XVI. Зарубежные военно-учебные организации.
XVII. Главное Управление военно-учебных заведений.

Помимо перечисленных, были неномерованные отделы каждого, представленного в музее, кад. корпуса и воен. училища. В июне того же года, ген. Адамовичем была составлена систематическая опись музея, которая в марте 1933 г. была выпущена особым сборником, под названием «Четвертая кадетская памятка — «Опись музея». К этому моменту музей насчитывал уже до 3000 предметов.

Первоначальное разделение музея на 17 отделов скоро оказалось недостаточным, ввиду почти безостановочного прибавления новых предметов, среди которых многие имели большую историческую ценность, как напр. стол и скамья, за которыми был убит ген. Корнилов, переданные из архива армии Юга России, в числе других реликвий. В музей нельзя было зайти на короткое время и нельзя было просто бегло ознакомиться со всем, что в нем было выставлено — для этого нужны были часы. Перечисляя лишь наиболее примечатель-

ные и ценные предметы и реликвии, необходимо указать, что в музее хранилось 95 старых знамен Императорской армии и принадлежностей к ним, в том числе 7 знамен Суворовских полков. Кроме того, были знамена Полоцкого, Симбирского и Сумского корпусов и, в особом медальоне, две частицы знамени Владимирского Киевского кад. корпуса. Полоцкое знамя ежегодно выносилось на молебен в день корпусного праздника, а в канун праздника Полоцкого корпуса и роты Его Высочества, переносилось в роту, где оставалось до вечера дня праздника 6/XII. Знамя Сумского корпуса помещалось в корпусной церкви как запрестольный образ, а знамя Симбирского корпуса, бывшее запрестольным образом в Сараево, хранилось в музее.

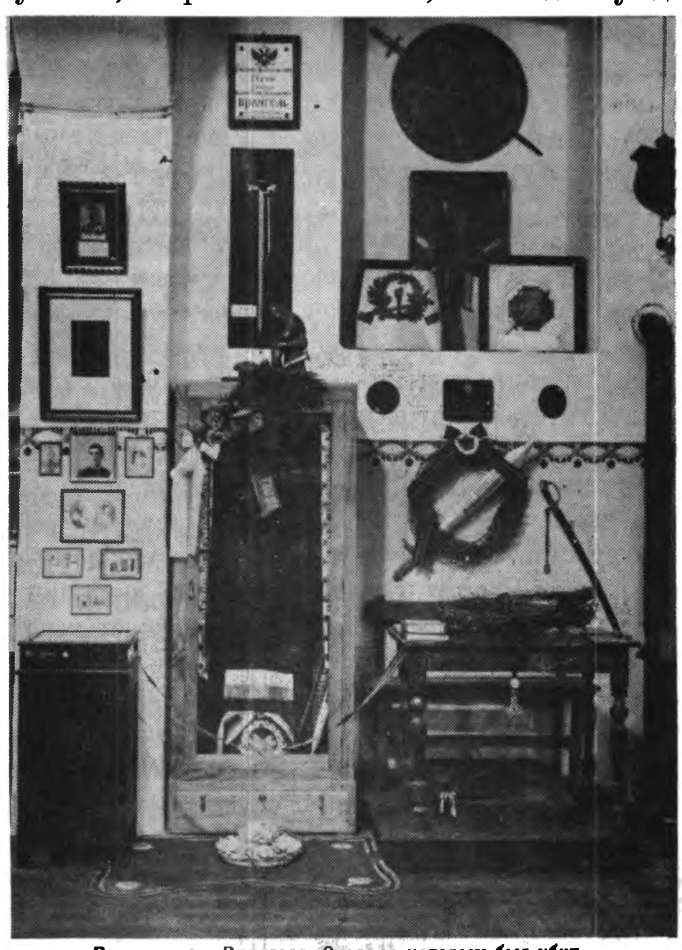
В музее имелось много вещей, принадлежавших Императору Александру II, Его перчатки, очки в футляре, письма и автографы, а также автографы, письма и надписи на разных документах, сделанные рукой Высочайших Особ — Императоров Николая I, Александра III и Императрицы Александры Феодоровны, Великих Князей и Княгинь, и много памяток бес-

Медальон с частицей знамени Киевского Корпуса.

конечного внимания к корпусу Короля-Рыцаря Александра I.

После погребения ген. Врангеля, в музей были переданы его оружие, обмундирование, предметы связанные с памятью о нем, ленты от венков, арматуры и доски, возложенные на его гробницу. После смерти ген. Адамовича в музей поступило много предметов, принадлежавших ему и напоминавших о его жизни и деятельности, собранные в отдельной витрине и составившие особый отдел. Помимо этого, хранились автографы видных деятелей Зарубежной России — ген. Врангеля, ген. Кутепова, митрополита Антония, писателей Бунина, Чи-

Витрина ген. Врангеля. Стол, за которым был убит ген. Корнилов.

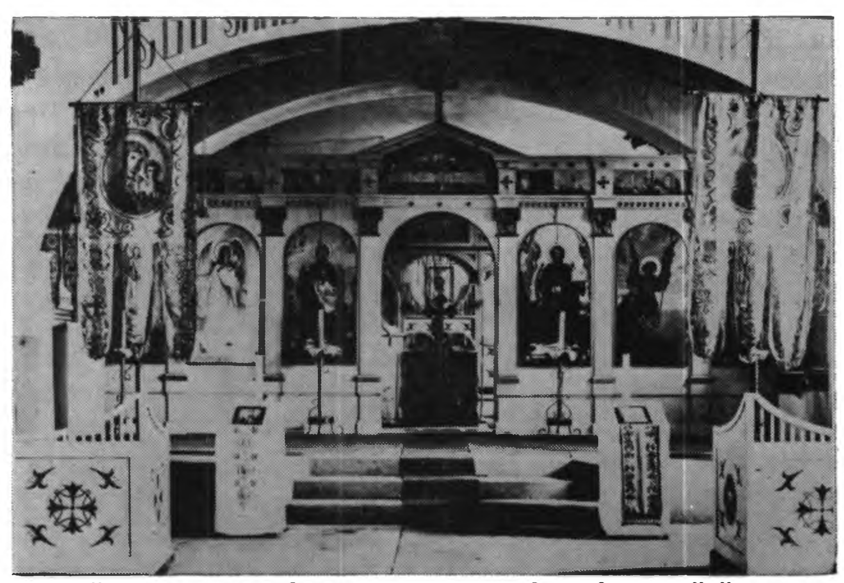
рикова, ученого Кизеветтера и др. Такое расширение музея, вызвавшее создание добавочных отделов, довело его к 1940 г. до 4000 предметов и превратило в наиболее обширное и ценное собрание во всем Зарубежье. Музей имел громадное воспитательное значение и вызывал со стороны кадет бережное и любовное отношение.

Подполк. Левитский оставался его хранителем до июня 1937 г. После него, должность эту занимал полк. А. Н. Азарьев до октября 1938 г., а потом полк. П. В. Барышев, до конца существования корпуса. Помощниками хранителя музея были ежегодно назначавшиеся кадеты, во главе с вице-фельдфебелем очередного выпуска. Музей был широко открыт для осмотра всем желающим и дежурившие в нем кадеты давали посетителям подробные объяснения о всех предметах, которые в нем были выставлены.

КОРПУСНАЯ ЦЕРКОВЬ.

С переходом в Белую Церковь, все богослужения стали совершаться в постоянной церкви, устроенной Крымским корпусом и освященной при создании в память Свв. Равноапостольных Константина и Елены, с иконостасом работы крымских кадет Титова и Прудкова. Переносный иконостас, созданный в Сараево и перевезенный в Белую Церковь, был сохранен и размещен в алтаре. Как уже было сказано, в обычное время церковь закрывалась раздвижной деревянной стеной, на внешней стороне которой было художественное изображение московского Кремля. По боковым стенам зала помещались траурные доски с именами скончавшихся кадет и служащих корпуса. В 1929/30 г. были сооружены художественной работы св. Плащаница и покровы.

Среди икон, утвари и другого церковного имущества, многое принадлежало раньше частям Императорской армии и старым кад. корпусам. Так напр., икона Спасителя и Тихвинской Божией Матери с царских врат церкви Киевского кад. корпуса, походные складни некоторых пехотных полков, нагрудная икона знаменщика 13 стрелк. полка, благословение Императора Николая II при отправлении полка на войну с Японией; кроме того, из церковного имущества 1-го Сибир-

Корпусная церковь. Запрестольная икона — Знамя Сумского К. К.

ского и Хабаровского корпусов поступили иконы, складни, облачения и предметы церковной утвари, вывезенные и сохраненные кадетами этих корпусов при всех эвакуациях. Особо следует упомянуть о напрестольном Евангелии в серебряном позолоченном окладе, пожертвованном Сибирскому корпусу Омским гор. головой Ф. М. Кирилловым в 1852 г., а также большой складень с иконами очень старой работы, о чем можно было судить по надписям под ними, причем под правой иконой имелось указание на то, что ризы были построены в 1805 г. иждивением Сибирского казацкого войска.

От Хабаровского корпуса, помимо иерейских облачений и священных сосудов, поступили иконы, среди которых были особо почитавшиеся иконы Спасителя и Апостола Филиппа, а также икона Албазинской Божией Матери, поднесенная г. Хабаровском Вел. Князю Константину Константиновичу и оставленная им на хранение в корпусной церкви. Эти две последние иконы сохранялись в корпусном музее.

По закрытии в 1933 г. Донского корпуса в Горажде, корпусной церкви были переданы большой серебряный позолоченный крест и складень, принадлежавшие до революции некоторым Сибирским стрелк. полкам, а также икона Воскресе-

ния Христова, со вделанной частицей Гроба Господня — благословение Патриарха Иерусалимского Дамиана Донскому кад. корпусу, совершившему из Египта паломничество в Иерусалим. Этот краткий перечень показывает, что многие иконы и предметы церковной утвари представляли собой исторические реликвии большого значения, дополняя церковное убранство, созданное уже в Зарубежье кадетами и офицерами Русского и Крымского кад. корпусов.

Наиболее долголетним настоятелем корпусной церкви и законоучителем был протоиерей о. Сергий Троицкий, занимавший это место с основания корпуса в Сараево до 1 сент. 1931 г., скончавшийся в 1934 г. и погребенный в Панчево. После него настоятели церкви несколько раз менялись, причем некоторые оставались меньше года. В числе настоятелей

XXII выпуск с законоучителем о. Антонием Бартошевичем.

в разное время были протоиереи о. Н. Софинский, о. Ф. Жолткевич, о. И. Федоров, проф. о. Г. Флоровский, о. И. Гондурин, иеромонах о. Антоний Барташевич, ныне Архиепископ Женевский и Западно-Европейский. В церкви всегда пел кадетский хор, — подробное описание находится в главе о музыкальной жизни Корпуса.

Ген. Кутепов с кадетами Русского и Донского Корпусов, на похоронах праха ген. Врангеля в Белграде, 1929 г.

Начиная с 1929 г., последовали одно за другим печальные события, когда корпусу пришлось участвовать в погребении выдающихся деятелей Югославии и русской эмиграции. 6 окт. 1929 г. 55 кадет с оркестром, во главе с директором и 4-мя воспитателями, приняли участие в погребении в Белграде праха Главнокомандующего, ген. П. Н. Врангеля, безвременно скончавшегося в Брюсселе. 9 окт. 1934 г. пришло неожиданное горестное известие об убийстве во Франции Короля Александра I, которому русские корпуса были так обязаны за Его неизменно благожелательное отношение к их судьбе и нуждам. В день погребения, 18 октября, в Белград была отправлена делегация от корпуса в составе 24 кадет, директора и 2-х воспитателей, которая возложила на гроб Короля венок от имени корпуса. В самом корпусе была отслужена торжественная панихида и было устроено траурное собрание, посвященное памяти Короля. Два года спустя, 22 мая 1936 г., делегация из 74 кадет с тремя офицерами и с настоятелем

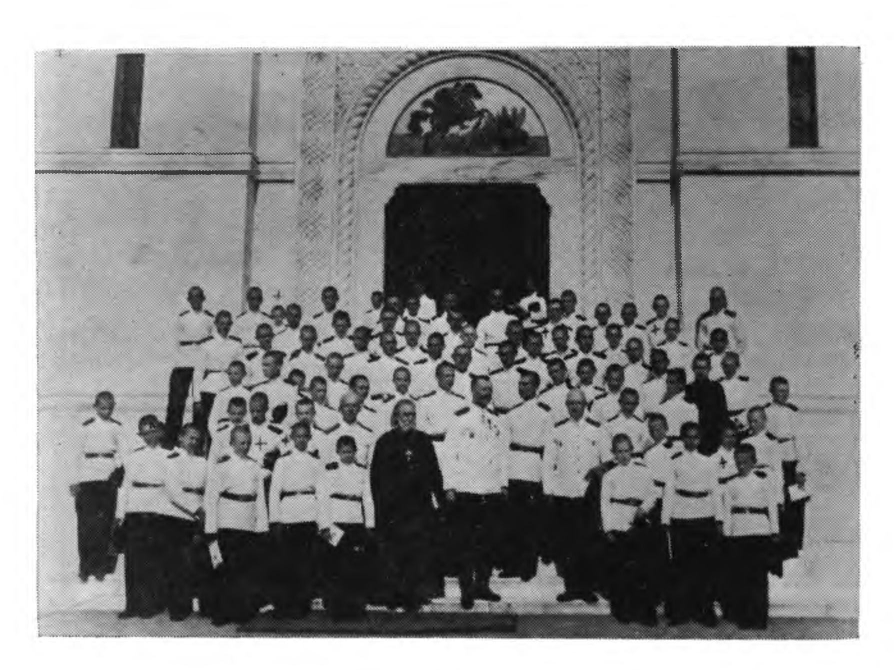
Ген. Кутепов беседует с кадетами.

корпусной церкви, совершила паломничество на Опленац для поклонения гробу Короля и возложила на него икону-складень св. Александра Невского.

На престол Королевства Югославии вступил старший сын погибшего Короля, Его Величество Король Петр II; 10

Делегация Корпуса на похоронах Короля Александра.

Кадеты на могиле Короля, на Опленце.

окт. 1934 г. в корпусе была совершена церемония приведения к присяге служащих корпуса на верность службы. Король Петр II продолжил благожелательное отношение к корпусу, но ничто уже не могло сравниться с теми знаками внимания и отзывчивости, которые оказывал корпусам так трагично погибший Его отец.

Прошел лишь год с этих дней и здоровье директора, ген. Адамовича, настолько пошатнулось, что 19 окт. 1935 г. ему пришлось оставить корпус и отправиться в Панчевский госпиталь для лечения, оставив исполнять обязанности директора, полк. В. А. Розанова, инспектора классов. Спустя короткое время, ген. Адамович был перевезен в Котор, но это ухудшило его здоровье и в середине декабря его перевезли в Сараево, в Военный Госпиталь, где он и скончался 22 мар. 1936 года и был похоронен на кадетском участке кладбища, среди могил дорогих его сердцу кадет, офицеров и преподавателей корпуса, скончавшихся за время пребывания в Сараево.

Могилы ген. Адамовича и кадет, взорванные титовцами после войны.

Генерал-лейтенант Борис Викторович Адамович родился в 1870 г., окончил в 1888 г. 3-й Московский Имп. Александра Второго кад. корпус, а в 1890 г. 2-е военное Константиновское училище. Произведен в подпоручики в Гренадерский Кексгольмский полк, получивший права гвардии в 1894 г. По собственному желанию участвовал в Русско-Японской войне, в чине капитана в 123 пех. Козловском полку, получил боевые награды, и по окончании войны, вернулся в свой родной полк. В 1906 г. был назначен командиром батальона Киевского воен. училища, с производством в полковники.

9 авг. 1909 г. был назначен начальником Виленского пех. юнкерского училища, с 1 сент. 1910 г. переформированного в Виленское военное училище. В декабре 1912 г. был произведен в чин ген.-майора, а 6 дек. 1914 г. назначен командиром Лейб-Гвардии Кексгольмского полка. Весной 1915 г. был назначен командиром 2-й бригады 3-й гвард. пех. дивизии, а осенью того же года, генералом для поручений при Военном Министре, по инспектированью школ прапорщиков, с производством в ген.-лейтенанты. С началом Белого Движения, всту-

пил в Добровольческую Армию на Юге России; в Новороссийскую эвакуацию в феврале 1920 г. покинул Россию и прибыл в Югославию, где 10 марта 1920 г. по предложению Российского воен. агента, ген. Артамонова, был назначен директором Русского Сводного кад. корпуса. Дальнейшие этапы его службы описаны в предыдущих главах этой памятки. Необходимо признать, что за все эти годы ген. Адамовчиу пришлось вести почти безостановочную борьбу за сохранение корпуса, которая подорвала его здоровье. Трагическая гибель Короля Александра, которому он был так предан и так многим обязан, повлияла на ухудшение его здоровья и приблизила кончину, но все что было им создано в корпусе, продолжало жить и напоминать о нем.

После кончины ген. Адамовича, исполняющим обязанности директора временно был полк. В. А. Розанов, инспектор классов. Его сменил 2 авг. 1936 г., в качестве врем. исполняющего должность, ген. А. Г. Попов, служивший в корпусе штатным преподавателем. Державная Комиссия утвердила его

Братская могила в деревне в окрестностях Сараево, в которую удалось перенести останки с взорванного кладбища.

в этой должности с 1 сент. 1936 г. и он оставался на этом посту до последнего дня существования корпуса, с которым и покинул территорию Югославии буквально в последнюю минуту, перед занятием красными г. Белая Церковь 10 сент. 1944 г. в конце 2-й Мировой войны.

КОРПУСНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ И РАСПОРЯДОК ДНЯ В КОРПУСЕ.

После перехода в Белую Церковь, корпус принял от закрытого Крымского корпуса организованное им домашнее хозяйство, которое явилось существенным подспорьем для улучшения кадетского стола. Но, к сожалению, его пришлось уничтожить в 1936 г. по требованию местного военного начальства, т. к. по закону запрещалось содержание домашней птицы и животных в местах расположения казарм, где как раз находилось здание корпуса. Но осталась отлично поставленная хлебопекарня для черного и белого хлеба, более высокого качества и более дешевого, чем в городе. В корпусе имелась хорошо оборудованная баня; был устроен по зданию свой водопровод, в то время как в городе его у жителей не было.

Корпусной лазарет был рассчитан на 23 кровати; заразные больные направлялись в местную город. больницу, а для хирургического вмешательства в Панчевский госпиталь. Санитарную часть корпуса обслуживал врач и два фельдшера, но в связи с сокращением средств остался лишь один, а с 1936 г. его заменила сестра милосердия. Врачами были последовательно доктора А. С. Долматов, А. И. Стоянов, В. И. Алферов и Н. А. Юркевич.

Нужно также отметить большое расширение библиотек и склада учебных пособий. К 1940 г. количество книг фундаментальной библиотеки достигло цифры в 4260 экз., а ротные, лазаретная и воспитательного чтения, вместе взятые, около 2760 экз., к которым нужно прибавить еще 1426 книг на французском, немецком и сербском языках, находившихся в распоряжении соответствующих преподавателей. Склад учебных пособий к тому же времени насчитывал до 8000 учебников и около 214 карт и картин в красках по истории и географии, причем многие карты были сделаны самими кадетами.

Учебники выдавались кадетам из рассчета одной книги на двух кадет.

Распорядок дня в корпусе, в будние дни, был таков: подъем в 6 ч. утра, после этого гимнастика, молитва, утренний чай и утренние занятия. Первые четыре урока, по 40 мин. каждый, длились до 11.25 ч. утра, потом был обед, а после него еще два урока до 2 ч. дня. Остальное время было занято рисованием, уроками пения, гимнастикой и строем, с перерывом на дневной чай в 4 ч. дня. Вечерние занятия для приготовления уроков занимали около 2-х часов; ужин был в 7.25 ч. вечера, после чего была вечерняя заря и молитва. Укладка спать 2-й и 3-й рот происходила в 9.30 ч. вечера, а 1-й роты в 10 ч.

По воскресеньям и праздникам, подъем происходил в 7 ч. утра, и перед литургией, около часа с четвертью отводилось для утренних занятий. В будние дни уроки занимали в среднем до 36 час. в неделю. Начиная с 1933/34 уч. года, был введен латинский язык, для уравнения программы с реальными гимназиями Королевства.

Питание кадет производилось четыре раза в день: утром и в 4 ч. дня, чай с белым хлебом, причем три раза в неделю

Кадетская спальня.

добавлялись или колбаса, или масло. Обед состоял из двух блюд: суп или борщ, а на второе мясное блюдо. Ужин был из одного горячего блюда, почти всегда с мясом, и чай с хлебом. На Пасху и на Рождество устраивался особый праздничный стол по русским обычаям, со всеми русскими традиционными кушаньями. Больные в лазарете и слабые здоровьем, получали по предписанию врача дополнительное питание, но на все это никаких особых средств не отпускалось и корпусу приходилось делать это своими силами.

Финансовое положение корпуса было неодинаковым в разные периоды времени, а с переходом в ведение Державной Комиссии подвергалось безостановочным сокращениям и изменениям. Постоянное сокращение отпуска средств из государственной казны на поддержание русских беженцев, повлияло и на уменьшение ассигнований на корпус. В этом вопросе не могло быть места жалобам или недовольству со стороны русских, т. к. нельзя забывать, что Югославия была единственной страной в мире, действенно и по братски помогавшей русским беженцам в течение долгих лет. Но время шло и, после первых лет полной необеспеченности, наступило постепенное улучшение материальных условий жизни беженцев, что позволило переводить часть кадет на положение своекошных, с оплатой их содержания полностью или частично родителями, хотя к сожалению эта плата не всегда поступала во-время.

Это не разрешало все вопросы, связанные с ведением такого сложного хозяйства, каким было корпусное; мало было кормить и одевать кадет, нужно было содержать в чистоте и опрятности помещения, оплачивать кухонную прислугу, отопление и освещение, лечить заболевающих, оплачивать персонал, приобретать учебные принадлежности, иными словами заботиться о многих вещах, которых не знали рядовые беженцы, получавшие помощь от правительства, или имевшие службу или работу. Нужно преклониться перед самоотверженной работой корпусного персонала, который вынес на своих плечах всю эту борьбу за сохранение этого уголка России, в течение столь долгого времени. И в еще большей степени нужно подчеркнуть отзывчивость и предупредительность сербского общества, которые помогали корпусу побеждать все затрудне-

На веечрних занятиях.

ния и поддерживали его в течение всего его существования.

Частые изменения в сметах, их постоянные сокращения, закрытие младших классов и их восстановление через некоторое время, все это отражалось на составе чинов персонала, который вынужденно подвергался также сокращениям и переводам с одной должности на другую. Просматривая список персонала ко дню 20-ти летнего юбилея корпуса в 1940 г., видно что из 39 имен можно отметить лишь 9 лиц, прослуживших без перерыва все 20 лет, от дня сформирования и кончая днем юбилея; из них 6 лиц из состава персонала в Сараево и 3 из состава Крымского корпуса.

Ко дню этого юбилея в 1940 г., состав чинов корпусного персонала был таков:

Директор корпуса ген. майор А. Г. Попов.
Инспектор классов полк. В. А. Розанов.
Настоятель церкви и законоучитель, профессор о. Георгий Флоровский

Преподаватели:

Н. И. Александров
полк. П. В. Барышев
С. Н. Боголюбов
полк. Д. Д. Данилов
С. Н. Живкович
В. Н. Кожин
В. В. Пантелеев
А. Н. Перцов
Н. Я. Писаревский
К. И. Попович
полк. В. А. Скалон
М. С. Собченко

ПРЕПОДАВАТЕЛИ :

М. М. Кожина
В. П. Курганский
А. В. Орлова

Библиотекарь, Ст. Сов. А. И. Котек.

Воспитательский персонал :

Рота Его Высочества: Командир роты полк. Е. Д. Ивановский.
Воспитатели: полк. С. К. Орлицкий и подполк. М. А. Левитский.
2-я рота: Командир роты подполк. Н. Е. Филимонов.
Воспитатели: подполк. С. Н. Прибылович и капитан П. И. Лавров.
3-я рота: Командир роты полк. А. К. Грещенко.
Воспитатель: подполк. А. Н. Пограничный.

Запасные воспитатели :

Полк. И. Н. Потапов и подполк. Н. Е. Карпов.

Медицинский персонал :

Врач корпуса, доктор Н. А. Юркевич и сестра милосердия Д. С. Жолкевич.

Хозяйственная и административная часть :

Заведующий хозяйством, полк. А. Н. Азарьев.
Заведующий зданием, полк. Н. Ф. Петров.
Эконом, полк. В. Н. Герцог.
Секретарь и казначей, капитан М. Т. Кныш.
Бухгалтер, капитан В. К. Страдецкий.
Служащие канцелярии, полк. П. М. Чаплыгин, Кол. Сов. П. Н. Мезенцов и капитан В. В. Штранге.

Нужно признать, что принимая во внимание состав корпуса в 300 кадет, количество чинов персонала было чрезвычайно мало, что вызывалось ограниченными средствами, которыми располагал корпус.

Новый директор корпуса, вступивший в исполнение своих обязанностей с августа 1936 г., генерал-майор Александр Григорьевич Попов, родился 13 ноября 1884 г. в г. Ейске, Кубанской обл., окончил Ейское реальн. училище и, затем, Киевское воен. училище в 1905 г. Был выпущен подпоручиком в 8-й стрел. батальон в Ташкенте. В 1909 г. поступил в Александровскую Воен. Юридич. Академию, которую окончил в 1912 г. Проходил службу, вплоть до октябрьской революции 1917 г., в воен. юридич. ведомстве, сначала в Одессе, потом в С. Петербурге, который покинул весной 1918 г. и пробрался в Кисловодск. После освобождения этого города от красных отрядом ген. Шкуро в сентябре 1918 г., переехал в Екатеринодар и служил в судном отделе штаба ген. Деникина до 1920 года и ген. Врангеля в Крыму, вплоть до эвакуации Крыма. Эвакуировался с армией в Константинополь, где продолжал службу в штабе Главнокомандующего, в должности Помощника Главн. Воен. Прокурора, также и после перенесения штаба в Сремские Карловцы, в Югославии. Приказом ген. Врангеля 18 апр. 1922 г. был произведен в чин ген.-майора. После расформирования штаба в 1926 г., получил назначение в Русский кад. корпус в Сараево, на должность преподавателя истории и законоведения, и оставался на этой должности и после перевода корпуса в Белую Церковь.

После эвакуации корпуса в Германию, в г. Егер, ген. Попов пережил с его остатками все последние события войны, и после разгрома Германии, оказавшись в г. Регенсбурге, положил там начало русской гимназии в 1945 г., а в 1952 г. эвакуировался в Соед. Штаты. Там он жил в г. Глен Кове, окруженный заботами б. кадет корпуса, создавших крупное Объединение в восточной части США, и поддерживая тесную связь со своими быв. воспитанниками. Ген. Попов скончался 19 фев. 1968 г. и был похоронен на кадетском участке русского православного кладбища при монастыре Ново-Дивеево, в штате Нью Йорк.

Инспектор классов, полк. В. А. Розанов, смог также выбраться в Германию, где он скончался в пятидесятых годах. Из всех служивших в корпусе в разное время, остались лишь проживающие в США кап. П. П. Шеншин (б. эконом корпуса с 1 мая 1920 г. до 1 июня 1935 г.) и преподаватели Г. П. Копиц (преп. математики до 1 авг. 1933 г.) и С. Н. Боголюбов, выехавший из Белой Церкви вместе с корпусом. Через короткое время он смог возобновить в Германии свою деятельность в Русской Пушкинской гимназии, созданной ген. Поповым, занимая там должности сначала инспектора, а потом директора. По переезде в США, С. Н. Боголюбов продолжал свою педагогическую работу, поддерживая тесную связь с кадетами и являясь почетным членом Объединения в Нью Йорке.

ОЦЕНКА ЗНАНИЙ, ПРОИЗВОДСТВА, ПРЕМИИ И НАГРАДЫ .

В первые годы пребывания корпусов в Югославии, оценка знаний по русскому обычаю производилась по 12-ти балльной системе, но по требованию Министерства Просвещения, она была вскоре заменена 5-ти балльной, по примеру всех учеб. заведений Югославии. Как и в старых корпусах в России, в Русском корпусе происходило ежегодно производство лучших по успехам кадет в звания вице фельдфебеля и вице унтерофицеров. Разница была лишь в том, что в старых корпусах число произведенных соответствовало строевым должностям, но в Русском корпусе этот порядок не соблюдался и производство получало значительно большее количество кадет, на основании их среднего балла и оценки поведения. Отличные успехи в науках награждались занесением имени и фамилии на мраморные доски. Этого удостоились следующие:

РУССКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС (Сараево)

I вып. 1920 г. Вице унт. оф. Всеволод Агапеев.
Вице фельдфебель Антон Крайнев.
Вице унт. оф. Сергей Лебедев
II вып. 1921 г. Вице унт. оф. Михаил Гейштор.
III вып. 1923 г. Вице фельдфебель Дмитрий Генбачев.

IV вып. 1924 г. Вице унт. оф. Павел Косоногов.
V вып. 1925 г. Вице унт. оф. Павел Подрузский.
VI вып. 1926 г. Вице унт. оф. Леонид Енько-Даровский.
VII вып. 1927 г. Вице фельдфебель Олег Новосильцов.
Вице унт. оф. Николай фон-Витторф.
VIII вып. 1928 г. Вице унт. оф. Юрий Хорошхин.
IX вып. 1929 г. Вице унт. оф. Николай Шапринский.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА КАД. КОРПУС

X вып. 1930 г. Вице унт. оф. Анатолий Поляков.
Вице унт. оф. Владимир Щекутев.
XI вып. 1931 г. Вице унт. оф. Андрей Комша.
Вице унт. оф. Николай Лазарев.
XII вып. 1932 г. Вице унт. оф. Михаил Троицкий.
XIII вып. 1933 г. Вице фельдфебель Сергей Бубнов.
XIV вып. 1934 г. Вице фельдфебель Георгий Скворцов.
Вице унт. оф. Николай Крыжановский.
XV вып. 1935 г. Вице фельдфебель Юрий Драценко.
Вице унт. оф. Михаил Руденко.
XVI вып. 1936 г. Вице фельдфебель Олег Цинамзгваров.
XVII вып. 1937 г. Вице унт. оф. Алексей Боголюбов.
XVIII вып. 1938 г. Вице унт. оф. Алексей Мурзин.
XIX вып. 1939 г. Вице фельдфебель Борис Яценко.
XX вып. 1940 г. Кад. Михаил Гришков.
XXI вып. 1941 г. Вице фельдфебель Алексей Иордан.
Кад. Алексей Истомин.
XXII вып. 1942 г.
XXIII вып. 1943 г. Вице унт. оф. Владимир Пеньков.
XXIV вып. 1944 г. Вице унт. оф. Виктор Полубелов.

Помимо мер поощрения, принимавшихся в самом корпусе, Учебн. Советом Державной Комиссии, некоторыми русскими организациями и отдельными лицами, русскими и сербами, были учреждены с 1928 г. по 1935 г. различные премии за лучшее учение в русской средней школе, и за лучшие сочинения по литературе или на исторические темы. Некоторые премии предназначались только для корпуса, другие же при-

суждались на конкурсе между всеми русскими средними учебн. заведениями в Югославии, причем значительное число таких премий пришлось на долю корпуса. Кроме этого, ряд русских организаций за пределами Югославии несколько раз учреждал стипендии для кадет, поступавших в Выс. Учебн. Заведения; эти стипендии предоставлялись в распоряжение директора корпуса и присуждались им лучшим по успехам, причем в некоторых случаях предпочтение отдавалось тому из лучших, чье материальное положение не могло быть обеспечено его семьей.

ВЫПУСКНЫЕ КАДЕТЫ И ЗАБОТЫ ОБ ЭКИПИРОВКЕ ВЫПУСКОВ.

Это был очень сложный вопрос. После закрытия в Югославии Николаевского кавал. училища, для выпускных кадет осталась лишь одна возможность получить производство в офицеры, это поступление в Военное Училище Королевства (Война Академия) в Белграде. В первые годы жизни корпуса это было нелегким делом; приходилось прибегать к рекомендациям со стороны сербских семейств, принимавших участие в судьбе того или иного кадета, и это привело к тому, что из первых четырех выпусков в Сараево, только лишь 6-ти ка-

детам удалось быть принятыми в Академию и получить производство в офицеры. Но уже начиная с 5-го выпуска, т. е. с 1925 г., количество кадет, принимаемых ежегодно в Академию, сильно возросло и в некоторые годы достигало 11-12 человек. Остальные, в своем большинстве, шли в Выс. Учеб. Заведения.

Вопрос об экипировке этих последних продолжал оставаться крайне сложным и на него было обращено самое серьезное внимание. Начиная с 1922 г. Державная Комиссия отпускала ежегодно по 700 дин. на каждого выпускного кадета, а с 1923 г. для окончивших 8 классов отпускалось также по 700 дин. для покупки белья и обуви, и корпус выдавал им обмундирование и снабжал всеми видами довольствия до конца месяца; поступавшие в университет зачислялись на студенческую стипендию в размере 400 дин. в месяц. Окончившие лишь 7 классов получали белье, обувь и костюм из рассчета 1500 дин. для круглого сироты и по 1000 дин. полусироте.

С 1924 г. Державная Комиссия начала отпускать по 1000 дин. на обмундирование каждого оканчивающего как 7, так и 8 классов. Но первый же год показал, что сумма эта совершенно недостаточна; большинство не имело в Югославии никого из близких, но и те, кто имел родителей, часто не могли рассчитывать на их помощь, т. к. беженцы еще далеко не стали на ноги и многие сами нуждались до крайности. На помощь корпусу и в этом вопросе, как и во многих других, пришло сербское общество г. Сараево. На обращение директора к дамам сараевского общества, последовало образование дамского комитета помощи, во главе которого встала супруга помощника командующего войсками Сараевской области, сначала г-жа Матич, а позднее г-жа Стойшич. Комитет развил энергичную деятельность, собирая пожертвования и содействуя успеху выпускных вечеров. Пригласительные карточки, а позже и подписные листы, сначала рассылались в пределах Королевства, но потом шли и заграницу, откуда получалась значительная часть собираемых средств. Одна из таких карточек, в художественно раскрашенном конверте, была г-жей Матич передана военному министру ген. Хаджичу, для вручения Его

Величеству Королю Александру. В ответ на это, было получено пожертвование в 5000 дин. и Король повторял этот жест до самой своей трагической кончины, причем с 1931 г. эта сумма была увеличена до 10.000 динар.

С того же 1931 г. Державная Комиссия прекратила выдачу 1000 дин. на каждого выпускного кадета и вся забота об экипировке выпусков пала исключительно на корпус. Кроме того, после перехода в Белую Церковь, пришлось отказаться от устройства особых выпускных вечеров, т. к. на новом месте они не давали ничего, кроме хлопот и беспокойства. Средства на выпускных кадет стали собираться исключительно по подписным листам, гл. обр. родителями кадет, а также устройством ежегодной лотереи в их пользу. Значительная доля помощи получалась от целого ряда русских организаций, со всех концов русского рассеяния.

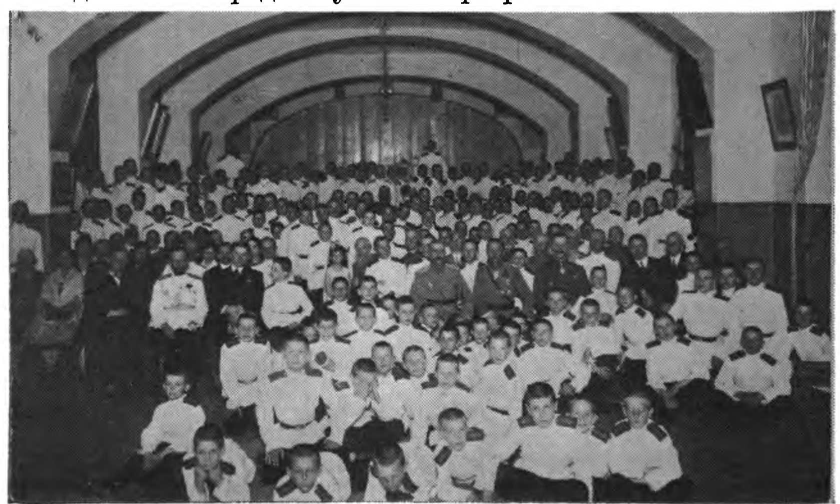
Эта помощь со стороны сербской общественности и русской эмиграции вполне оправдывалась той репутацией культурного «уголка России», которую корпус заслужил за годы своего существования.

В музее корпуса хранились книги почетных посетителей, в которых лица посещавшие корпус высказывали свои впечатления о нем, часто в очень восторженных выражениях. Книги эти служили также и для другой цели: в корпусе был заведен порядок по которому, в день корпусного праздника 6/XII, в такой книге одним из кадет делался рисунок, отвечавший своим содержанием празднику, гл. обр., из жизни Св. Князя Александра Невского, или о корпусной церкви, после чего шли подписи всех, посетивших праздник, и всех служащих и кадет по классным отделениям. В этой же книге расписывался также и выпуск после «матуры».

За годы пребывания корпуса в Белой Церкви, его посетило большое количество видных представителей Зарубежной России, Югославских военных кругов и деятелей просвещения и культуры. Все они единодушно отмечали блестящее состояние корпуса и в самых лестных выражениях отзывались об этом «уголке России». Можно было бы дать длинный перечень этих посещений, но ограничиваясь лишь некоторыми из них, следует упомянуть о приезде 6 мая 1930 г. Председателя Рос.

Обще-Воинского Союза, ген. Е. К. Миллера, митрополита Антония и, после его кончины, несколько посещений митрополита Анастасия; приезд Княгини Татьяны Константиновны, старшей дочери Августейшего Шефа, сын которой был кадетом корпуса, а дочь была воспитанницей Мариинского Донского Института, находившегося также в Белой Церкви. Приезд Вел. Князя Андрея Владимировича, 25 нояб. 1936 г., писателя Е. Чирикова, который читал кадетам отрывки из своих произведений, ежегодные приезды представителей Короля, в частности на корпусные праздники и на выпускные вечера, приезды Командующего армией ген. В. Николаевича, также и других представителей военного командования и целого ряда русских и югославских профессоров, высших служащих Министерства Просвещения и других видных лиц.

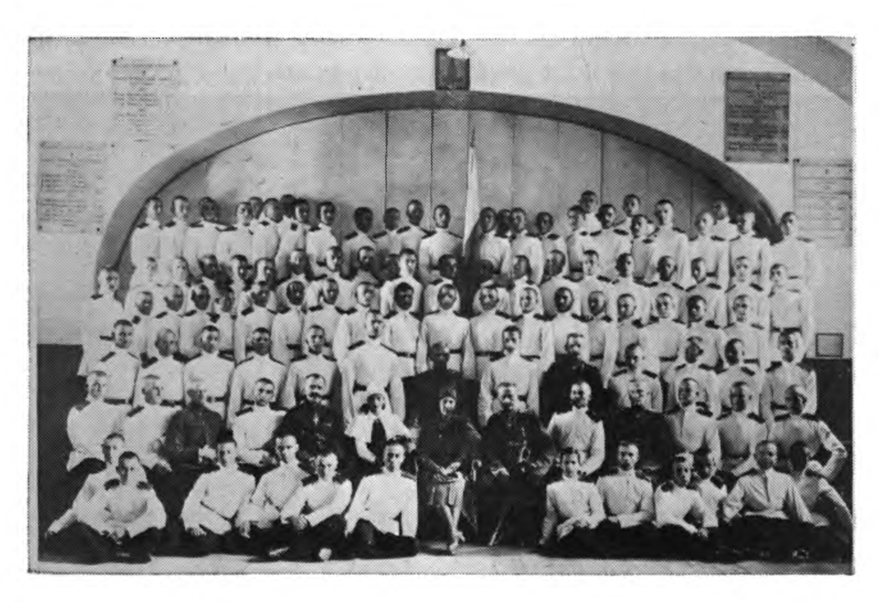
В корпусе устраивалось большое количество лекций, докладов и сообщений на разнообразные национальные, исторические, научные и литературные темы, в которых успешно выступали и сами кадеты, и преподаватели и воспитатели, и приезжавшие писатели, поэты, артисты и деятели науки и просвещения. Даже в те периоды, когда корпус переживал лишения и затруднения, культурная жизнь в нем не останавливалась ни на минуту и кадеты получали целый ряд знаний, выходивших за пределы учебной программы.

Ген. Е. К. Миллер среди кадет.

Митрополит Анастасий среди кадет и институток.

Е. В. Княгиня Татьяна Константиновна.

Вел. Кн. Андрей Владимирович в музее Корпуса.

Быв. посол В. Н. Штрандман среди персонала.

КОРПУСНОЙ ПРАЗДНИК.

День этот был одним из наиболее торжественных в однообразной жизни корпуса и кадеты ждали его всегда с большим нетерпением. Этот праздник происходил 23 ноября ст. ст. (6 дек. нов. ст.), в день памяти кончины Св. Благоверного Князя Александра Невского и впервые был отпразднован в Сараево, в 1921 году. В этот день, перед литургией, директор корпуса ген. Адамович, обратился к кадетам со следующей речью:

"Многие спрашивают меня: почему наш праздник установлен в честь Св. Великого Князя Александра Невского? Я решил дать ответ на этот вопрос перед всем корпусом в день праздника, чтобы все слышали мой ответ и крепко запомнили. Ответ на этот вопрос должен знать каждый кадет и каждый служащий в корпусе.

"Семь веков назад, на заре объединения Русской Земли, подпавшей под иго татар и теснимой немцами и шведами, на севере Руси загремела слава молодого и прекрасного Новгородского Князя Александра Невского. С малой дружиной, с девизом — "Не в силе Бог, а в правде", 20-тилетний князь одержал 15 июля 1240 года, в день Св. Владимира, блестящую победу над шведами в устье Невы, за которую получил прозванье "Невского".

"Недаром, пять веков спустя, другой исполин Русской земли, царь Петр Алексеевич, одержав победу над шведами на той же Неве и заложив на ней свою столицу, перенес в Петербург из Владимира мощи Св. Благоверного Князя Александра Невского и основал в честь его Александро-Невскую Лавру. Недаром, закончив Великую Северную войну, прорубившую окно в Европу и сделавшую Россию великой державой, царь Петр заключил Ништадский мир 30 августа 1721 года, в день перенесения в Петербург мощей Александра Невского.

"С тех пор прошло два века. Императорский период Русской истории прервался. Россия поругана, унижена, оскорблена, раздроблена, обезличена и вычеркнута из списка великих держав. Задача вашего поколения восстановить ее былую силу и славу и вернуть ей Великодержавность. С кем же, как не со Св. Благоверным Князем Александром Невским, идти вам для свершения этого подвига?

"Когда во Владимире, где впоследствии Князь Александр Невский был Великим Князем, была получена весть о его кончине, митрополит Кирилл сказал народу — "Зашло солнце земли Русской!" и народ ответил воплем: "Погибаем мы!" Не повторяйте этих слов отчаяния, но со словами Князя Александра Невского — "Не в силе Бог, а в правде!" и под святым покровом его, собирайся в жизнь, моя малая кадетская дружина, молись и добивайся, чтобы снова взошло солнце Русской земли. Вот зачем наш праздник в день Св. Благоверного Князя Александра Невского!"

К празднику готовились тщательно и заранее и он был, действительно, крупным событием в жизни корпуса. Парад,

обед с гостями, бал ... Было что ждать и было к чему готовиться. Корпусной праздник начинался накануне «Зарей с церемонией». После всенощной, по сигналу «сбор» на вечернюю поверку, весь корпус выстраивался в коридоре 1-й роты. «Заря», это была внутренняя, семейная, хотя и уставная часть праздника, поэтому приглашенных бывало мало. В большинстве, это были старые русские офицеры из города, или приехавшие на праздник из других мест.

«Смирно! Равнение направо! Господа офицеры!»

Трудно поверить, что стоит батальон кадет. Гробовая тишина и лишь слышен знакомый «малиновый» звон директорских шпор ... «По ротам, поверка!» тихо раздается приказание директора; ротные командиры производят поверку и читают приказ по корпусу. После этого, оркестр играет корпусную встречу «Наш Полк» (музыка К. М. Галковского, слова «К. Р.», написанные Августейшим поэтом 31 мая 1899 г.). После окончания «Встречи», директор вызывает перед строем и производит вице-фельдфебеля и вице унтер-офицеров, представленных к производству на заседании Педагог. Комитета как раз накануне этого дня.

Снова раздаются звуки оркестра, который играет «Зарю». Расписанная для оркестрового исполнения пехотная «Заря» — звучит торжественно и, после нее, раздаются еще более торжественные звуки «Коль славен ...» Когда стихают звуки оркестра, кадеты всем корпусом исполняют песнь Дворянского полка — «Братья, все в одно моленье ...», которая пелась в России, в корпусах и военных училищах, в память всех павших за Родину. По окончании этого песнопения, церемония заканчивалась пением обычных ежедневных молитв, с полным заупокойным поминанием по синодику. После отбоя, кадет разводили по своим ротам и они укладывались спать, в ожидании завтрашнего праздничного дня.

В день самого праздника, даже какао к завтраку проходит незамеченным, настолько приподнято и взволновано настроение кадет. Церковная служба начинается ранее обычного; дневное расписание сильно нагружено и день расписан буквально по минутам. В церкви много почетных гостей и приезжих из Белграда, стройно поет кадетский хор. После литургии, роты

выстраиваются с оркестром на корпусном плацу и, приняв знамя, переходят в манеж, находящийся при здании корпуса. Праздник происходил уже в самом начале зимы и климат Сараево был таков, что в этот день обычно был или снег, или дождь, поэтому парад на плацу устраивать было нельзя.

Парады в манеже пользовались большой любовью со стороны кадет. Развернутый строй кадет в длинных русских шинелях из серого солдатского сукна. Оркестр с «надраенными» инструментами и фанфарами «в прапорах», и на правом фланге — старое, тяжелое знамя Полоцкого кад. корпуса. То, что в строю кадетское знамя, пожалованное еще Императором Николаем I в 1845 г., что перед нашим оркестром жалованные юбилейные фанфары 1-го Сибирского Имп. Александра I кад. корпуса, все это делало этот парад в сознании кадет не просто очередным парадом, а звеном в столетней цепи тех парадов, в которых участвовали их отцы и деды, кадеты Российских корпусов, в которых они готовились для служения Родине.

У главного входа трубач играет сигнал «смирно» для каждого из прибывающих почетных гостей. При входе директора, оркестр играл «встречу» корпуса — «Наш полк», а старейшему русскому офицеру — «встречу Военно-Учебных Заведений». Когда прибывал Командующий 2-й Югославской армии, его встречали звуками Преображенского марша и директор подходил к нему с рапортом. Наконец, раздается особенно надрывный сигнал кадета трубача. Входит югославский генерал, личный представитель Короля Югославии; оркестр играет «встречу» и королевский гимн, генерал обходит строй и здоровается с кадетами. Это редко делалось по сербски, словами «Помози Бог, кадети!», и большей частью представитель Короля здоровался по русски так, как это сделал бы и сам Король. Громовое ура, после ответа кадет, сотрясало воздух. После коротких речей и приветствий начинался молебен с выносом знамени к аналою, и наконец, самое страшное — церемониальный марш развернутыми полувзводами. Резко звучал фанфарный марш и неслышно проходили ряды кадет по влажным опилкам манежа. Разве могут забыться такие минуты?

После парадного обеда — короткое свободное время, в те-

Представитель Короля и генералитет на празднике в Сараево.

чение которого, в том же манеже, происходит традиционный парад перед генералом выпуска. Без знамени, без оркестра и без 3-й роты, а затем в отпуск, на баклаву. Пить не полагалось: впереди еще бал, концерт, различные обязанности, представительство . . .

Гости собираются на бал к 7 часам вечера. Бурно встречаются русские барышни, но их немного, ведь институтки давно уехали . . . Приходят наши дамы, это 2-я женская гимназия и Женское Педагогическое училище «Препарандия»; 1-я и 3-я женские гимназии — это не «наши» и из них приходят лишь одиночки. По заведенной традиции, бал начинается с «Коло». Местные дамы с увлечением танцуют старые танцы — хиавату, па д'эспань и все те, которые теперь уже

многими позабыты. Наступает концертная часть корпусного бала, которая всегда составлялась из произведений русских композиторов. Волнуются выступающие солисты, но вероятно еще больше их волновался капельмейстер-чех, умело управлявший оркестром. Время летело быстро, оживленные веселые пары, в промежутках между танцами, наполняли буфеты и гостинные и весь вечер бала оставлял незабываемое воспоминание и в памяти долго еще звучали красивые мелодии русских вальсов и веселых полек кадетского оркестра.

После переезда корпуса в Белую Церковь, корпусные праздники справлялись с такой же торжественностью. В канун праздника, после всенощной и панихиды, весь корпус выстраивался в коридоре роты Его Высочества, имея оркестр на левом фланге. Командиры рот и офицеры-воспитатели находились на правых флангах своих рот, а против строя, вдоль стен и в оконных нишах становились чины персонала со своими семьями, родители кадет, приезжие гости и делегация от Мариинского Донского Института. Прибывшие на праздник быв. кадеты, окончившие корпус в предыдущие годы, выстраивались на правом фланге роты Его Высочества.

Через несколько минут, из своего кабинета находившегося в южной части коридора, выходил директор корпуса, в сопровождении дежурного по корпусу кадета. Оркестр играл корпусную встречу «Наш Полк» и после этого происходило

Заря с церемонией — Производство.

Парад. Речь Диркетора.

производство и «Заря с церемонией» в той же последовательности и такого же порядка, как это делалось и в Сараево.

В день праздника, 6 декабря, в корпусной церкви служилась литургия и, после нее, адъютант корпуса и знаменщик приносили из музея знамя Полоцкого корпуса, с которым становились у аналоя. К этому времени прибывал представитель Короля, которого встречал директор, и начинался молебен. После молебна знамя относили в музей, на прежнее место, и туда же переходили и Королевский представитель, и все гости, которые расписывались в книге почетных посетителей. Пока это происходило, все роты с оркестром выстраивались в роте Его Высочества; старые кадеты строились на правом фланге, гости снова размещались вдоль стен. Из кабинета директора выходил представитель Короля, принимал рапорт директора, обходил строй и передавал кадетам приветствие Короля. После ответной речи директора и прохождения кадет церемониальным маршем, в гимнастическом зале корпуса устраивался для гостей завтрак. Праздник заканчивался вечерним балом, на котором присутствовали все гости и приглашались институтки Мариинского Донского Института.

Весь этот день и все моменты праздника являлись крупным и ярким событием в жизни кадет, которое производило на них глубокое впечатление и сохранялось в памяти на долгое время.

Парад. — Быв. кадеты на правом фланге.

Бал.

КОРПУСНОЕ КЛАДБИЩЕ.

На Сараевском военном кладбище, на участке корпуса, на котором возвышался, как общий памятник, высокий крест розового мрамора, с надписью по славянски «Мир вам» (Иоан. 20, XIX). 29 авг. 1922 г. на могилах были поставлены и освящены кресты формы ордена св. Александра Невского. С 25 авг. 1925 г. на могилах были установлены бетонные надгробные плиты, цвета розового гранита, с рельефным изображением на них креста ордена св. Александра Невского, и с именами и данными о почивающих под ними. А на общем памятнике был помещен знак корпуса и надписи: на лицевой стороне, по сербски — ОБИТЕЉ РУСКОГ КАДЕТСКОГ КОРПУСА, на правой стороне —

Листки отлетевшие,
Весной чуть пригретые,
Мечты недозревшие
И песни неспетые (Б. А.)

На левой стороне —

Спите спокойно, кадеты родные,
Корпус наш память о вас сбережет,
Будет хранить имена дорогие.
В братской молитве он вас помянет.

А. Погребной (V вып.)

На задней стороне —

Звонко прославят вас трубы походные,
В дни наступленья великой весны,
Спите ж спокойно, России сыны,
Жертвы вечерние, жертвы бесплодные.

А. Эйснер (V вып.)

Эти эпитафии были избраны в марте 1924 г. на конкурсе, организованном Константиновским Литер. Худож. Кружком. Освящение памятников состоялось 11 сент., в день Усекновения Главы Иоанна Предтечи; корпус прибыл на кладбище в полном составе, во главе с оркестром, и каждый кадет принес с собой ветку елки и цветы. На торжестве присутствовали все старшие представители местных военных, и гражданских властей, председатели всех русских организаций, а также, по наряду коменданта, представители от всех частей и учреждений гарнизона и два сводных взвода нижних чинов,

весь персонал корпуса с семьями, родители и близкие погребенных, и члены Сараевской русской колонии. Торжество началось исполнением оркестром гимна «Коль славен»; затем, после русского сигнала «на молитву», говорились речи, возлагались венки и была отслужена законоучителем корпуса, соборне с сербским духовенством, панихида. Могилы были засыпаны цветами, а подножие памятника украсили многочисленные венки.

После отъезда корпуса из Сараево, на участке корпусного кладбища продолжали хоронить, с разрешения Командующего армией, всех б. чинов корпуса, оставшихся и умерших в Сараево. С переходом в Белую Церковь, корпусу не удалось получить самостоятельный участок на местном кладбище. Но на православном кладбище имелась особая часть, назначенная для русских могил, среди которых погребали и скончавшихся кадет и служащих корпуса. На их могилы корпус ставил памятники той же формы, что и в Сараево; по установившемуся обычаю, несколько раз в год кадеты убирали могилы и украшали их цветами.

Ежедневно, во всех ротах, после молитвы читалось заупокойное поминание, в конце которого перечислялись по синодику имена тех, кому еще не свершилась годовщина. В Дми-

триевскую субботу, а также накануне и в дни ротных праздников, к обычным поминаниям добавлялось поминание всех Государей, начиная от Императора Николая I, и весь синодик с 1920 г. По старой традиции кад. корпусов, всем корпусом исполнялась песнь Дворянского Полка:

Братья! Все в одно моленье
Души русские сольем,
Ныне день поминовенья
Павших в поле боевом.
Но не вздохами печали
Память павших мы почтим:
На нетленные скрижали
Имена их начертим.
Вот каким дееписаньем
Царь-Отец нам повелел
Сохранять воспоминанья
Православных ратных дел.
Вот нетленные уроки!
Братья! Мы ль их не поймем!
К этим строкам новы строки
Мы не все ли принесем.
Братья! Все в одно моленье
Души русские сольем.
Ныне день поминовенья
Павших в поле боевом.

Синодик составлен на основании сведений, помещенных в Шестой Кадет. Памятке 1940 года. О скончавшихся после издания этой книги, в Синодик записаны только имена и ввиду отсутствия полных и точных сведений они не приводятся.

В течение всего существования корпуса, имена всех скончавшихся кадет и чинов персонала заносились на траурные доски, находившиеся на стенах зала у церкви. Дни кончины обозначались по старому стилю, а с 1935 г. по новому.

СИНОДИК КОРПУСА.

(Если место погребения известно, то оно указано в скобках).

1920 г.	III вып.	Игорь Климантович (Панчево)	20 мая
	II вып.	Викентий Богович	—
	II вып.	Борис Кривошеин	—
	II вып.	Захарий Муравский (Сараево)	28 июня
1921 г.	I вып.	Николай Тарасенко (Сараево)	14 янв.
	Полк.	Владимир Селицкий (Сараево)	26 мар.
	I вып.	Нестор Микулин	6 июня
	V вып.	Павел Плотто (Сараево)	10 июня
	VI вып.	Димитрий Иоветич	1 дек.
1922 г.	III вып.	Виктор Билев	9 окт.
	VII вып.	Глеб Журомский (Сараево)	23 окт.
	X вып.	Леонид Липпинг	26 окт.
1923 г.	X вып.	Милютин Деля	20 февр.
	II вып.	Александр Бернадский	15 июня

	VII вып.	Владимир Боровский	21 июля
	Полк.	Аполлон Веригин (Панчево)	7 авг.
	IX вып.	Борис Ушаков (Сараево)	16 нояб.
1924 г.	Ст. Сов.	Альберт де-Боккар (Сараево)	16 февр.
	X вып.	Николай Павлик (Сараево)	29 февр.
	IX вып.	Виктор Лозинский (Сараево)	7 мар.
1925 г.	VIII вып.	Владимир Корсун	11 янв.
	IV вып.	Владимир Тришкин	30 июля
	Полк.	Александр Яценко-Борзаковский	26 авг.
	III вып.	Петр Прибытков	28 окт.
1926 г.	Ген. майор	Павел Старк (Сараево)	13 янв.
	III вып.	Петр Вайскерберг (Сараево)	31 мар.
	VII вып.	барон Константин Гейкинг	2 июня
	II вып.	Сергей Гродский	15 июня
1927 г.	Ст. Сов.	Александр Гизе (Сараево)	9 мар.
1928 г.	IX вып.	Сергей Богунов (Сараево)	27 февр.
1929 г.	VI вып.	Петр Шиманский (Белград, Нов. кладб.)	6 июля
1930 г.	Препод.	Милан Бурсач	16 мая
	Ген. лейт.	Евгений Эльснер (Белая Церковь)	22 июня
	XI вып.	Игорь Алексеев (Земун)	10 июля
	II вып.	корнет Георгий Поляков (погиб в Сов. Р.)	—
	X вып.	Александр Шереметов (Белая Церковь)	16 июля
	XVIII вып	Константин Карнаковский (Белая Церк.)	23 нояб.
1931 г.	VIII вып.	Александр фон Курсель (Белград, Н. к.)	25 окт.
1932 г.	Капитан	Армин Келлер (Белград, Нов. кладб.)	4 апр.
	I вып.	корнет Михаил Журьяри (Белая Церковь)	27 апр.
	XIII вып.	Елисей Бенуа (Белая Церковь)	5 мая
	XVII вып.	Владимир Соколов (Белая Церковь)	5 мая
	Полк.	Василий Попов-Азотов (Бел., Нов. кл.)	4 июля
	X вып.	Юрий Румянцев (Париж)	9 нояб.
1933 г.	IX вып.	Василий Болдырев (Болгария)	13 сент.
	I вып.	Леонид Никитин	15 нояб.
1934 г.	Протоиер.	о. Сергий Троицкий (Панчево)	11 февр.
	IX вып.	Петр Ирошников (погиб в Сов. России)	—
1935 г.	Надв. Сов.	Григорий Лавриненко (Болгария)	14 янв.
	XVII вып.	Борис Сорочинский	10 авг.
	XX вып.	Михаил Москаленко	18 авг.
	Полк.	Александр Линдеман (Сараево)	30 мар.
	Колл. Сов.	Алексей Зоц (Белая Церковь)	8 окт.
1936 г.	Ген. лейт.	Борис Адамович (Сараево)	22 мар.
	Полк.	Дмитрий Чуенко (Белая Церковь)	10 апр.

	XXII вып.	Вадим Замысловский (Белая Церковь)	26 окт.
1937 г.	Д. Ст. Сов.	Алексей Долматов (Белая Церковь)	15 апр.
	XIII вып.	Михаил Пестриков (Белград, Нов. клад.)	11 июня
	XIII вып.	Адриан Сухотин	19 июня
1938 г.	Капитан	Иван Черненко (Белград, Нов. кладб.)	2 июня
	X вып.	Вячеслав Хоперский (Белград, Н. кладб.)	7 авг.
	Подполк.	Николай Клопотовский	26 окт.
1939 г.	VI вып.	кап. II кл. Югосл. артил. Сергей Нащекин (Белград)	11 янв.
	Полк.	Николай Штаден (Сараево)	31 мар.
	XII вып.	Михаил Слезкин (Польша)	май
	XV вып.	Александр Мальцев (Вршац)	13 июня
	XIV вып.	подпор. Югосл. армии Воислав Бесарович	13 авг.
		(Блажуй)	15 авг.
	Подпор.	Павел Вербицкий (Белая Церковь)	13 окт.
	XI вып.	Валентин Патрушев (Ясеново у Б. Церк.)	3 дек.
	XI вып.	Евгений Изместьев (Болгария)	16 фев.
1940 г.	Препод.	Владимир Пантелеев (Вурбург)	24 февр.
	Протоиерей	о. Иоанн Федоров (Белая Церковь)	

Взорванные могилы.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК.

Мысль об учреждении Кружка возникла после кончины 29 нояб. 1923 г. кадета 3-го класса Бориса Ушакова, когда был отменен танцевальный вечер в день корпусного праздника 6/XII и, вместо него, был устроен закрытый литературный вечер, с чтением стихотворений Б. Ушакова и других кадет.

Основание Кружка произошло 18 янв. 1924 г. и уже через несколько месяцев его деятельность настолько расширилась, что он занял видное место в жизни корпуса. Руководителем всего Кружка и его литературной секции был сам ген. Адамович, а драматической — подполк. М. А. Левитский. Художественной секцией руководили в разное время ген. Адамович и подполк. Г. Л. Реммерт, а в Белой Церкви преподаватели рисования, подполк. И. П. Трофимов, М. М. Хрисогонов и Н. И. Александров.

Художественной секцией ежегодно выполнялось много работ: декорации, плакаты, программы, украшение здания надписями, видами корпусных зданий в России и различными эмблемами. Как в Сараево, так и в Белой Церкви, из среды кадет выдвинулся целый ряд талантливых художников: В. Судзиловский, Г. Гроссевич, А. Заболотный, И. Дубровный, А. Родзевич, С. Ермаков, Н. Максимов, Г. Казнаков, В. Гридин, И. Свидерский, Е. Бенуа, Ю. Дриженко-Турский и др.

Литературная секция, основанная раньше других, не ограничиваясь устройством литературных вечеров, конкурсов и докладов, выпустила в свет три сборника-памятки, из общего числа шести, изданных корпусом за все время его существования. Первые две памятки, 1924 и 1925 г., были посвящены произведениям кадет разных выпусков; в марте 1937 г. Кружок выпустил «Пятую Кадетскую Памятку», полностью посвященную почившему ген. Адамовичу, директору корпуса и основателю Кружка.

Целый ряд кадет, талантливых поэтов, приняли участие в деятельности литературной секции, но особо следует отметить признанных в зарубежной литературе А. Эйснера и И. Гребенщикова, затем К. Евреинова, получившего 1-й приз на

литер. конкурсе 1928 г., среди учащихся русских учеб. заведений в Югославии, С. Бубнова, А. Погребного и много других.

Драматическая секция Кружка создалась немного позже других и первой ее постановкой была пьеса кадета V вып. А. Эйснера «Смех и слезы», 10 янв. 1925 г., прошедшая с большим успехом. Вначале, корпус не имел сцены и спектакли ставились в столовых, на подмостках, сделанных из столовых скамей. Но к Пасхе 1925 г., трудами подполк. Левитского была сооружена переносная сцена, которая позволила поставить большое количество пьес и даже опер и отрывков из них. В конце пребывания корпуса в Сараево, удалось устроить постоянную сцену, а в Белой Церкви Кружок получил в свое распоряжение хорошо оборудованную сцену Крымского корпуса, что дало возможность делать постановки более сложные в техническом отношении.

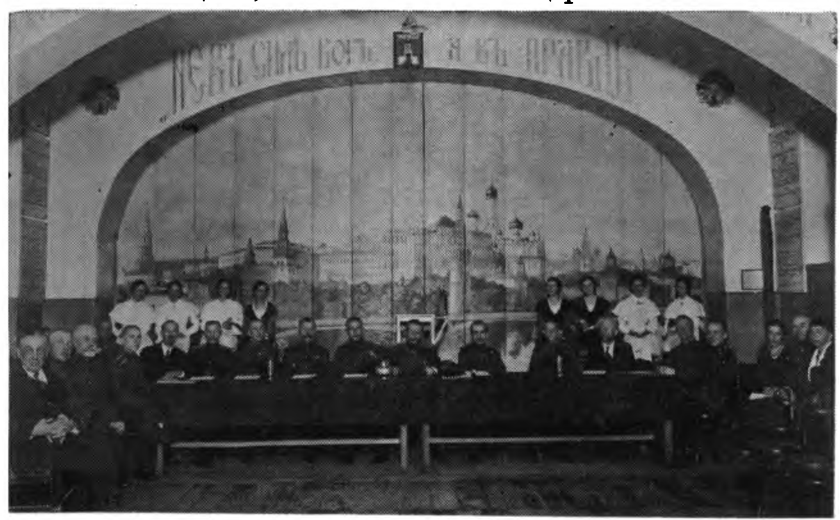
Были поставлены пьесы Чехова «Юбилей», «Медведь», «Свадьба», «Предложение», «Лебединая Песня», «Три сестры» и инсценировки некоторых рассказов; Э. Ростана «Романтики», «Белый ужин» и сцена из «Орленка»; Рапопорта «Иванов Павел»; Пушкина, две сцены из «Русалки» и отдельные сцены из «Бориса Годунова», «Скупого рыцаря» и «Полтавы», Го-

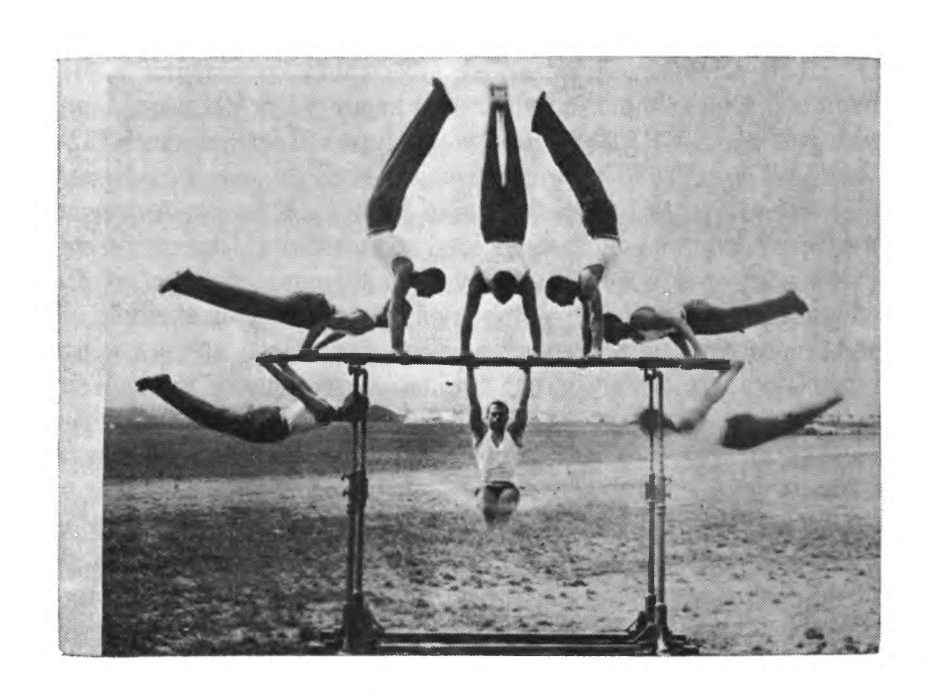
Члены Лит.-худож. Кружка на выставке русского искусства в Белграде.

голя, 4-й акт «Ревизора», «Пастораль» из оперы «Пиковая дама», Чайковского; Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского», опера Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», Тургенева «Вечер в Соренто» на сербском языке, 4-й акт оперы К. Р. «Царь Иудейский», Островского «В чужом пиру похмелье» и два действия «Кузьма Минин-Сухорук» и многое другое.

Первое время в драматической секции не было постоянного руководителя и постановки делались под наблюдением ген. Адамовича, или полк. В. А. Скалона и Н. Е. Филимонова. В конце 1925 г. постоянным руководителем секции стал подполк. М. А. Левитский, который продолжал это дело до конца, с небольшим перерывом в 1929/30 г., когда его временно заменял препод. С. Н. Боголюбов. Декорации и костюмы разрабатывались и исполнялись офицерами и кадетами, среди которых следует отметить талантливых художников-декораторов А. Заболотного, Ю. Брюно, А. Андрушко, В. Корбе и П. Воропонова. Все мужские роли исполнялись кадетами, а женские — женами и дочерьми служащих в корпусе. Особенно талантливыми артистами были, разных выпусков, кадеты И. Новосильцов, И. Левитский, В. Мальгин, Д. Снигуровский, А. Белавин, В. Утков, О. Герман, Е. Комаров и В. Болдырев, а также и многие другие, оказавшиеся не только искусными артистами и певцами, но и способными танцорами.

Десятилетие Лит.-худож. Кружка.

КРУЖОК ЛЮБИТЕЛЕЙ СОКОЛЬСКОЙ ГИМНАСТИКИ.

С самого начала пребывания корпуса в Сараево, еще при первом преподавателе гимнастики кап. А. Д. Билетове, кадеты с большой охотой уделяли свой досуг сокольским гимнастическим упражнениям. Летом 1922 г., полк. П. В. Барышевым велась подготовка 25-ти кадет III, IV и V выпусков к 1-му Югославскому Всесокольскому слету в Люблянах. Это участие кадет на слете еще больше увеличило интерес к гимнастике и много способствовало образованию кружка. Он сформировался в 1923/24 уч. году и его основателями были полк. Барышев и кадеты-инструктора: в. ун. оф. IV вып. И. Карабанович и А. Слижиков, кадеты V вып. А. Виницкий и В. Иловайский, и VI вып. А. Вахе и А. Макаров.

В феврале 1924 г. состоялось первое состязание на парал. брусьях, а 10 мая — первое выступление в Сараевском Офицерском Доме, на благотворительном вечере в пользу матурантов IV выпуска, прошедшее с большим успехом.

В дальнейшие годы, кроме ежегодных состязаний и выступлений на вечерах, кружок (10 кадет VI и VII вып.) принял участие в VIII Всесокольском Слете в Праге, в июне 1926 года, а 1 апр. 1928 г. организовал в манеже казармы Краля Петра — Первый Гимнастический Праздник, который посетили командующий войсками II арм. области, ген. Смилянич, местное общество и почти вся русская колония г. Сараево. По окончании программы, состоявшей из вольных движений, эстафетного бега, упражнений на всех главных снарядах и пирамид, ген. Смилянич вручил призы 9-ти лучшим гимнастам, из них приз Сараевского отдела Общества Русских Офицеров кад. IX вып. А. де Сен-Лорану, и приз Николаевского отдела Союза Рус. Воен. Инвалидов кад. XI вып. А. Тищенко. Об этом выступлении, директором корпуса в приказе от 2 апр. 1928 г. было отмечено: «В приказе по корпусу, отданном 6 марта по поводу произведенных 3 и 5 марта испытаний кадет-гимнастов, я высказал уверенность, что на предстоящем публичном выступлении в манеже кадеты-гимнасты поддержат старую славу постановки гимнастики в Русских Военно-Учебных Заведениях. Вчера эта моя уверенность была блестяще оправдана. Не делая подробного разбора исполнения всей программы, отмечаю главное:

1) Дивный, несравнимый с обычным на таких выступлениях, порядок, давший впечатление кинематографической быстроты смены картин. 2) Превосходное, вполне согласованное содействие оркестра успеху гимнастов. 3) Изящество, правильность и стильность вольных движений. 4) Высокую школу и легких, и силовых упражнений на снарядах, при полном чувстве меры и понимания границы между спортом и акробатством. 5) Отличный замысел, стильность, смелость и безошибочность исполнения грандиозных пирамид и, 6) Полное спокойной уверенности в своих силах и выучке — исполнение кадетами самых рискованных упражнений на турнике, на брусьях и кольцах, встречных прыжков через лошадь и прыжков через три метра с колец, из-под балок манежа.

Горячо благодарю всех выступавших гимнастов, оркестр, песенников и всех кадет за дружность и любовь к своему кор-

пусу, в чем и лежит тайна успеха. Гимнастами могут быть только здоровые духом».

21 апр. 1929 г. состоялся Второй Гимнастический Праздник, прошедший с прежним успехом, а летом того же года кружок продемонстрировал на Краевом Сараевском слете свои достижения в упражнениях на кольцах.

После переезда в Белую Церковь кружком руководили: в 1929-33 г.г. полк. А. Н. Колосовский, преподававший ранее гимнастику в Крымском корпусе, а с 1933 по 1935 год полк. А. Р. Ган, принявший эту должность после закрытия Донского корпуса. С добавлением кадет-гимнастов крымцев, после того как Крымский корпус был закрыт, с 1929 г. кружок продолжал успешно выступать на вечерах и на «академиях» местных соколов. В этот период кружок принимал участие в следующих слетах: в июне 1930 г. во Всеславянском в Белграде, а в мае 1931 г. в Окружном слете в Белой Церкви. В июне того же года кружок выступал на выпускном вечере XI вып., где заслужил бурные аплодисменты, которые были вызваны 9-ю богатырями, показавшими чудеса дерзкой смелости и ловкости на парал. брусьях. Выдающимися гимнастами этого периода были: XI вып. в. ун. оф. А. Тищенко, кадеты К. Жолткевич, В. Леушин, Е. Ляшенко и XII вып. В. Новиков, В. Русанов, А. Лычев и К. Синькевич.

С 1935 г. кружком стал руководить полк. Барышев. Начало этого периода ознаменовалось тем, что в работу кружка внесли большое оживление кадеты VI класса (XVIII вып.), составившие вскоре превосходную и дружную группу инструкторов. В нее входили кадеты — кн. К. Голицын, З. Лобанов, В. Мандрусов, П. Маслов, А. Мурзин, А. Носак, О. Рябов, Е. Соловьев и XIX вып. В. Высоцкий, под руководством стар. инструктора К. Курицкого. Кроме сокольской, в кружке велась тренировка и в партерной гимнастике, и в легкой атлетике. Для этих выступлений к группе инструкторов примыкали и кадеты XVII вып. Г. Левчук, М. Гроссул-Толстой, Г. Сапегин и Л. Тахтамышев. Их работу в кружке успешно продолжили новые инструкторы, их же ученики, кадеты XIX, XX и XXI вып. О. Лобов, А. Бурхинов, В. Ермаков, Л. Кисиль, В. Кольчик, А. Скивский, Г. Стефанский, В. Демьянов, Б. Земцов и

В. Колгин, которых возглавлял стар. инструктор кад. В. Высоцкий.

Воодушевленная работа этих групп подняла кружок на большую высоту. Успехами этого периода и участием в выступлениях на XIV Окружном Петровградском слете в Белой Церкви в июне 1939 г., кружок вновь представился достойным старой славы Русских Военно-Учебных Заведений.

В 1936/37 уч. году, директором корпуса была введена для старшей группы кружка гимнастическая форма Главной Офицерской Фехтовально-Гимнастической Школы в Петрограде — черный Российский государственный герб на белой безрукавке. Эта форма придавала большую торжественность при выступлениях и ею кадеты очень дорожили. На протяжении всего времени существования корпуса, все гимнастические выступления были на достойной высоте и имели громадную воспитательную силу, особенно принимая во внимание, что на работу кружка выделялись совершенно ничтожные суммы денег. И, тем не менее, кадеты-гимнасты с гордостью пронесли наше трехцветное знамя и русское имя на всех местных и всеславянских слетах до начала Второй Мировой войны.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КОРПУСА.

Если на первых порах кадетские корпуса в России готовили кадет преимущественно для суровой военной службы, то в более поздний период, особенно благодаря личному влиянию В. Кн. Константина Константиновича, кадетская жизнь стала приобретать художественное разнообразие. Зарубежные корпуса, последний из которых носил имя Великого Князя, ревностно продолжали и расширяли это нововведение. Художественная деятельность Корпуса была столь разнообразна, что культурную жизнь русской колонии, как и местного югославского общества в Сараево и Белой Церкви, трудно себе представить без участия кадет.

ЦЕРКОВНЫЙ ХОР. (Основан 30 июня 1920 г.).

По прибытии в Сараево, создание хора стало одной из самых насущных нужд корпуса. Вскоре был приглашен, как учитель пения и регент хора, Ф. С. Стефанович. Хор корпуса

очень ценили в Сараево и знатоки отдавали ему должное, специально приходя его слушать в местный православный собор. Кадеты пели на молебнах в дни Славы Королевского дома, Военного госпиталя, отдельных патриотических организаций. Пели вторую заутреню в сербском соборе, на празднованиях «Дня ребенка» и т. п.

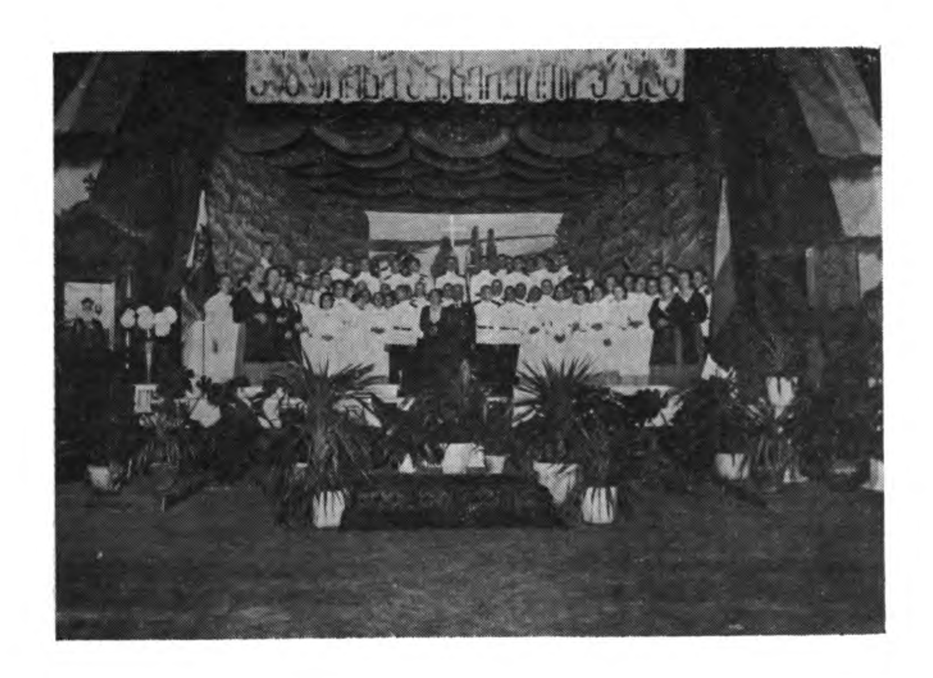
С переездом в Белую Церковь хор, удвоивший свои таланты в результате соединения Корпусов, укрепил свое доброе имя под руководством полк. Пограничного, тонкого вокалиста и требовательного наставника. При сравнительно узком диапазоне кадет, регенту удалось укомплектовать примерный хор, в рядах которого преуспевали в разные годы звонкие дисканта и низкие альты, многообещающие басы, глубокие октавы и выдающиеся тенора. Более того, ограниченность выбора — отсутствие женских голосов — ничуть не умаляло достоинства хора, а, напротив, сообщало ему нарочитую однородность и слитность сродни духу православных монастырей. Многие кадеты по окончании корпуса посвятили себя дирижерской практике в церковных хорах.

СВЕТСКИЙ ХОР .

Неотъемлемой частью жизни корпуса, праздничной и повседневной, был светский хор. Его выступления на концертах и вечерах, устраиваемых Корпусом, вызывали всеобщее одобрение. Кадеты часто пели в корпусном саду и когда Король Александр бывал в Сараево, то проезжал не раз мимо, чтобы послушать пение кадет, о чем потом делился с директором Корпуса.

В репертуар хора входили произведения Глинки, Танеева, Мендельсона, Чайковского, Мокраньца, композиции Шипулина на слова К. Р., а также народные песни славян, русские, украинские, сербские. По размаху и количеству участников следует выделить торжественное выступление в ознаменование 950-летия Крещения Руси, в 1938 году, когда хор кадет подкрепленный голосами воспитанниц Донского Мариинского Института в сопровождении оркестра исполнил торжественные кантаты в честь Св. Кн. Владимира.

Нет возможности перечислить все выдающиеся концерты внутри и вне стен Корпуса, однако нельзя не отметить чрез-

вычайно важного события в культурной жизни Корпуса — ежегодных межклассных состязаний в пении на масленицу с присуждением призов. Ради более широкого поощрения хорового пения, начиная с 1930-го года, было введено состязание на переходящие призы: для трех старших классов — Российский Императорский герб с миноносца «Могучий», для средних классов — бюст Императора Николая II с 1939 года, а для младших классов — чугунная фигура стрелка в положении с колена, называвшаяся «Сережа Бухвостов», в честь первого русского солдата. Выступление каждого класса производилось по жеребьевке на сцене за опущенным занавесом так, чтобы члены жюри не знали, кто выступает. Подготовка к состязанию поглощала много творческих сил и вызывала здоровое чувство товарищеского соревнования. Среди выдающихся, спетых ансамблей следует выделить XVIII выпуск, который взял, пожалуй, наибольшее количество призов.

Но особенно отличались кадеты, как исполнители старинных солдатских песен.

Победители на состязании.

СТРУННЫЙ (БАЛАЛАЕЧНЫЙ) ОРКЕСТР.
(Основан 11 октября 1924 г.).

Кроме духового оркестра, в Корпусе существовал балалаечный. Инструменты были приобретены в апреле 1924 года, как более простые в обучении и содержании.

Жизнь оркестра проходила неровно: то она разгоралась и давала блеск, то вновь угасала, в зависимости от наличия в разные годы в среде кадет любителей этого рода музыки. Много блестящих музыкантов пользовались популярностью и после окончания Корпуса.

Интересно отметить, что при покупке струнных инструментов у известной немецкой фирмы Юлий Генрих Циммерман, корпус ожидал приятный сюрприз. Вместо скромного набора самых необходимых инструментов, был получен полный набор, с письмом от хозяина фирмы. В нем г. Циммерман сообщал, что всю свою карьеру и капитал он составил на заказах для Российской Армии и, поэтому, он с удовольствием посылает полный набор для струнного оркестра, который просит принять от него в подарок.

ДУХОВОЙ (МЕДНЫЙ) ОРКЕСТР. (С февр. 1925 г.).

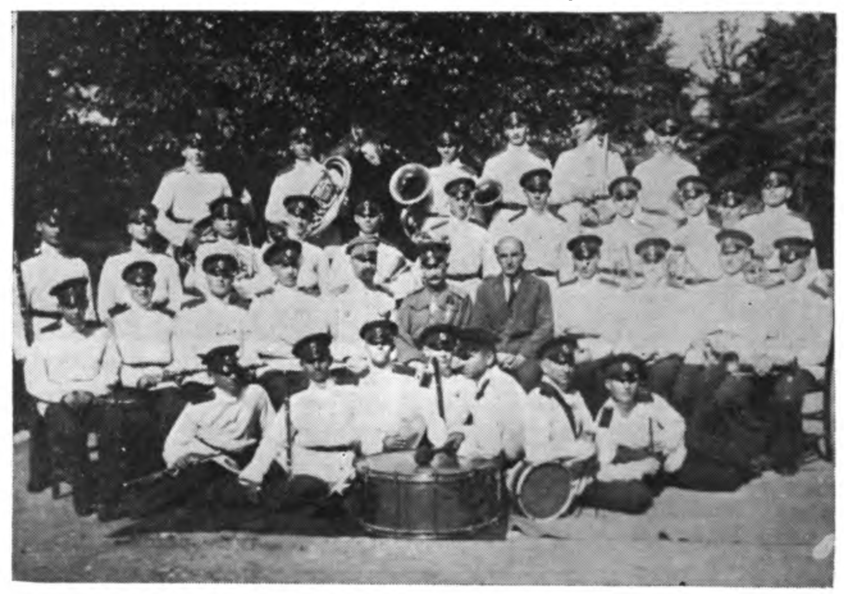
Достойные страницы вписал в историю Корпуса этот оркестр. Бодрящие мотивы старинных русских маршей, до сих пор непревзойденных в художественном отношении, не раз звучали в городах и весях Югославии. Величественное зрелище представлял собою кадетский батальон во главе с оркестром,

начинавшим каждое шествие по традиции маршем «Тоска по родине». Оркестр играл и тогда, когда кадеты провожали товарища в последний путь под звуки похоронного марша.

Инструменты, привезенные в Корпус группой кадет 1 Сибирского корпуса были очень стары и дважды пополнялись при соединении Корпусов, сперва с Крымским, а потом с Донским. В жизни Корпуса, в его представительстве вне Корпуса, оркестру принадлежало очень важное место, как в Сараево, так и в Белой Церкви. Целый ряд организаций ежегодно обращались с просьбой об участии в их торжествах кадетского оркестра.

Духовой оркестр был самым звучным и ярким проявлением всех праздников и торжеств. Богатый репертуар, который требовал регулярной подготовки, все окружающие принимали как должное. Но, по существу, без оркестровой канвы невозможно было бы провести строгий распорядок праздничной программы, и она была бы неизмеримо бледнее.

С уверенностью можно сказать, что мало оркестров располагало таким репертуаром Российской Армии, как кадетский. Заслуга в этом первых капельмейстеров.

Оркестр в Сараево.

Касаясь оперного и классического репертуара, следует указать, что почти каждый год разучивались новые произведения. Если в 1929 г. играли отрывки из «Пиковой Дамы», в 1932-м из «Русланы и Людмилы», то в 1939-м подготовили «Травиату», а в следующем — «Евгения Онегина». Из выдающихся выступлений оркестра следует отметить торжествен- акт, 29 мая 1938 г., по случаю 70-летия со дня рождения Императора Николая II, устроенный в театральном зале Русского Дома в Белграде, где кадетский оркестр под управлением М. С. Собченко вдохновенно исполнил увертюру из оперы «Жизнь за Царя» Глинки, а также гимны, подхваченные голосами тысячной толпы.

Оркестр в Белой Церкви.

С первого же года существования удалось получить для Корпуса пианино. Уроки музыки давались за особую плату по желанию родителей. Обучалась всегда небольшая группа кадет. До 1939 года преподавательницей была А. А. Левитская, а с этого года Е. В. Говорова.

ТРАДИЦИИ.

Говоря о корпусе, нельзя умолчать о той области внутренней жизни кадет, которая обычно бывала скрыта от посторонних глаз — о традициях. Без них, корпус не был бы корпусом и кадеты не были бы кадетами; без традиций не было в Российской Армии ни одной части и ни одного военно-учебного заведения. Традиции не были сухими, казенными постановлениями, они создавались самой жизнью и условиями среды настолько, что связывали на всю жизнь сослуживцев и однокашников, свято береглись и передавались из поколения в поколение. Но невозможно ясно и коротко ответить на вопрос — что понимать под словом «традиции» и в чем заключалась «традиционная жизнь». Это был сложный, неписанный кодекс внутренней жизни и взаимоотношений, который подготовлял кадета, а потом юнкера, к ответственной службе в армии.

Большинство традиций имело серьезно продуманный характер, но были и шуточные, особенно в корпусах и училищах, что вполне соответствовало молодости и настроениям кадет и юнкеров (ночные парады, похороны химии и даже всех наук по окончании курса и т. д.). Они вносили в суровую казенную обстановку свежесть, разнообразие и юмор, причем немалую роль играл соблазн риска, т. к. далеко не всегда начальство закрывало глаза на подобные нарушения порядка и дисциплины. Но были также традиции суровые и требовательные, учившие молодежь с ранних лет уважать и любить старших однокашников, уметь подчиняться, раньше чем получить право командовать, проникаться любовью к Армии и к Отечеству. Они пробуждали жертвенность по отношению к своим товарищам, учили поступаться личными интересами, дорожить именем своего корпуса, училища и полка, поддерживать дисциплину, развивали сообразительность, мужество и отвагу.

Такие пороки, как стяжательство, эгоизм, доносительство и «фискальство», все это искоренялось своими средствами в кадетской среде, а более тяжелые проступки карались суровыми мерами товарищеского воздействия, вплоть до изгнания. Такие меры были более эффективны, чем постановления педагогического персонала.

Вполне естественно, что внутренняя кадетская организация, со своими законами и своей иерархией, встречала нередко сильное противодействие со стороны воспитательского персонала, что еще больше укрепляло внутреннюю дисциплину и тесную спайку в кадетской среде. Эта среда готова была в полном составе нести наказание за одного необнаруженного виновника какого-либо проступка, за исключением бесчестных; она чутко реагировала на каждую несправедливость и нередко устраивала организованные бунты против особо нелюбимых педагогов, так наз. «бенефисы», но одновременно, строго следила за соблюдением всех требований общевоинской дисциплины и за охраной репутации корпуса вне его стен.

В старое время во всех корпусах традиции были более или менее одинаковы, с некоторыми лишь различиями, в зависимости от местных условий. Так например, в части корпусов был цук, занесенный в них близостью кавалерийских училищ, в других же цука не было совершенно. В большинстве корпусов, полное участие в традиционной жизни начиналось с 6-го класса, т. е. с переходом в строевую роту; в корпусах 4-х ротного состава, это начиналось с 4-го класса, который был уже во второй роте. Там, где был цук, старший 7-й класс именовался «корнетами», а все младшие «сугубыми», а иногда «сугубыми зверями». Во главе 1-й роты был «корнетский комитет», или «майорат», который состоял из «майоров» и «полковников», и возглавлялся «генералом выпуска». Все члены «майората» назначались предыдущим выпуском, во время последнего традиционного парада. Звание «майора» давалось иногда некоторым, особенно «отчетливым» кадетам 6-го класса»; они получали все права «корнетов», но в заседаниях «майората» не участвовали. Эти заседания происходили по мере надобности; на них каждый мог высказать свое мнение, но последнее слово принадлежало «генералу» и имело силу приказа.

Описанные выше порядки, звания и должности, были неодинаковы в разных корпусах и, кроме того, на них часто сказывалось влияние местных обычаев, особенно в корпусах находившихся в казачьих областях, на Кавказе, в Сибири и в других отдаленных местностях России. Но несмотря на раз-

Кадеты Одесситы со своей Звериадой, 1922 г.

ницу в названиях и в некоторых порядках, внутренний смысл их был одинаков и повсюду выпускной 7-й класс был хранителем традиций и руководителем внутренней жизни всего корпуса.

Влияние внутренней кадетской иерархии на корпусную жизнь было всеобъемлющим. Если нарушение воспитательской дисциплины считалось часто допустимым, то непослушание старшим кадетам было немыслимым. Происходило это не от страха перед силой, а из сознательного чувства восхищения и гордости за старших товарищей, из желания им подражать, стать такими же отчетливыми строевиками, лихими традиционерами и хранителями заветов старины. Как это ни звучит странно для тех, кто сам не жил этой жизнью, но в случаях необходимости восстановления общего порядка в корпусе, что иногда было не под силу всему воспитательскому персоналу, достаточно было одного слова «генерала выпуска» и подчинение было немедленным.

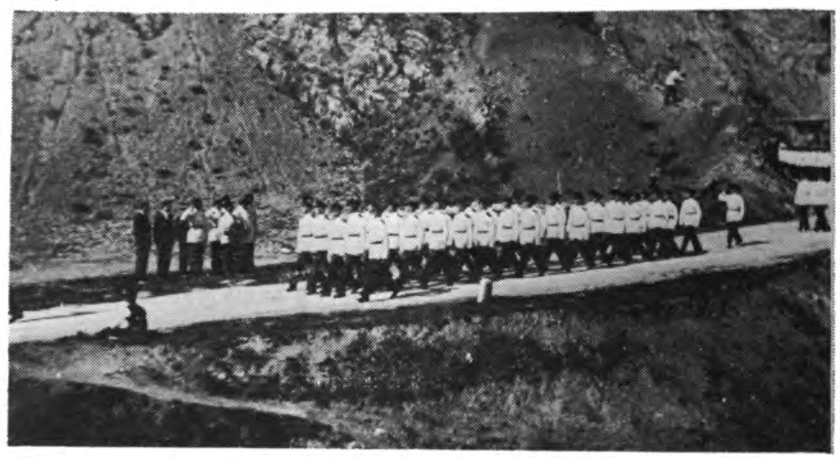
На хранении у выпуска был объемистый альбом, называвшийся «Звериада», или правильнее — «Звери-ада». Происхождение этого слова старинное и связано с тем наимено-

ванием, которое в старые времена давалось корпусному начальству. Родилось оно еще в дореформенное время, в суровую эпоху Имп. Николая I, когда еще существовали телесные наказания и когда начальство считало карательные функции лучшим методом воспитания. Книга эта была священной реликвией и ее могли видеть только кадеты 1-й роты. Звериада была украшена портретами, рисунками и виньетками, а на первых страницах обычно помещался стихотворный текст, приблизительно одинаковый во всех корпусах, который описывал рождение корпуса и его историю, и начинался словами: «Когда наш корпус основался, . . . » , а кончался прощанием с корпусом перед переходом в военное училище. На следующих страницах каждый выпуск вписывал свои новые куплеты, которые посвящались всегда насмешкам над воспитателями и педагогами, и с немалой долей юмора описывали «страдания» бедных кадет и все несправедливости, которым они будто бы подвергались в стенах корпуса: «Скорей померкнет мира свет, на землю явится Создатель, чем прав окажется кадет, а виноватым воспитатель!»

Так было в старые годы и повелось это еще с очень давних времен. Но едва лишь в Зарубежье были созданы новые Звериады, как содержание их, по крайней мере в первые годы, стало совершенно иным: в них с большой выразительностью высказывалась тоска по Родине, описывалась Белая борьба, вспоминались погибшие товарищи и выражалась твердая вера в воскресение России под сенью Двуглавого орла. Исчезло высмеиванье педагогов и начальства, да и вообще отношение к ним, за некоторыми исключениями, перестало быть враждебным и сменилось добродушным подшучиваньем. А многих из них полюбили и оценили, зная что и они перенесли те же невзгоды и лишения, что и кадеты.

Зарубежные корпуса создались из кадров разных корпусов: в Сараево, это были Киевский и Одесский, причем кадеты других корпусов примыкали к одной из этих групп. Хотя у обоих было много общего в традициях, некоторые существенные различия имелись, но главное заключалось в том, что Киевляне прибыли в Одессу и продолжали свою жизнь в здании Одесского корпуса, как самостоятельный ор-

ганизм. Одесситы же считали себя «хозяевами» и, на этом основании, претендовали на подчинение киевлян одесским традициям, в числе которых был цук, к чему киевляне относились резко отрицательно. Это привело к образованию двух лагерей, из-за чего во внутренней жизни появилась взаимная отчужденность, иногда переходившая в открытую вражду.

Первый традиционный парад при VI выпуске.

Примирение, происшедшее весной 1921 г., не привело к объединению и каждый лагерь продолжал жить обособленно, соблюдая традиции своего основного корпуса так, как если бы он продолжал существовать и за рубежом.

Так продолжалось до конца 1925 г., когда VI выпуск установил полное примирение между обоими группами и создал для корпуса единые традиции. Решительным толчком к этому послужило прибытие в корпус группы кадет сибиряков из Шанхая. Это были кадеты, спаянные крепким товариществом, прошедшие суровую школу и блестяще сохранившие дисциплину и кадетский дух, несмотря на все пережитые испытания.

В объединении кадет в одну семью и прекращении розни между двумя лагерями сыграл свою роль тот факт, что к этому времени в корпусе уже не оставалось старых кадет тех основных корпусов, при которых родилась и подогревалась рознь между двумя лагерями. Острота всего пережитого постепенно исчезала, забывались причины, породившие разделение и в

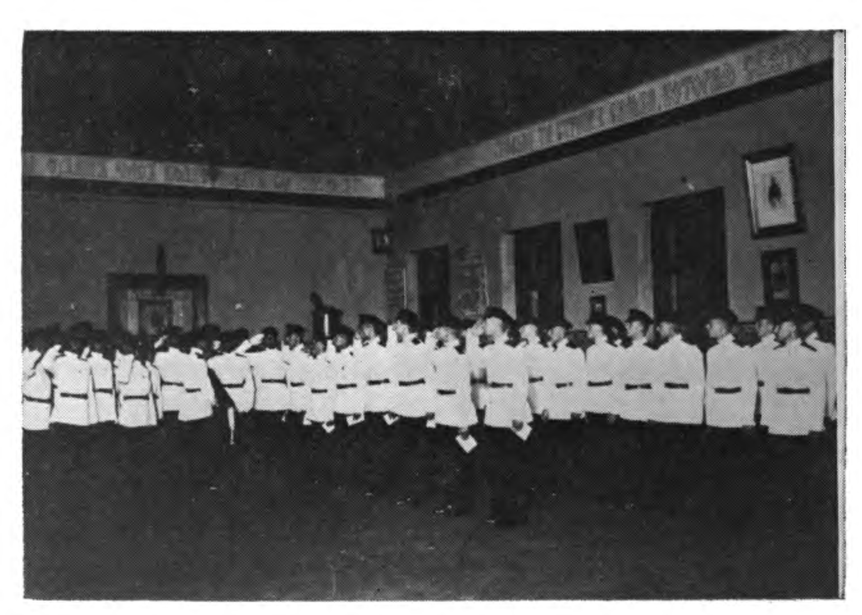
сознание кадет все больше входила мысль о том, что это уже не Сводный Киево-Одесский, а Русский кадетский корпус.

Радуясь наступлению мирной и объединенной кадетской жизни, ген. Адамович даже поступился некоторыми своими правами директора, закрыв глаза на новые вводимые традиции и предоставив самим кадетам устройство своей внутренней жизни и взаимоотношений между старшими и младшими. И даже делал вид, что не замечает ни похороны химии, ни ночные парады. Следуя его примеру, на это закрывали глаза и офицеры-воспитатели.

Установленные единые традиции, собственно, мало отличались от прежних, но в них было две новых основных черты: они были общими для всего корпуса без исключений и из них полностью и окончательно был исключен цук. Большое значение оказало также и следующее обстоятельство, вытекавшее из всей сложившейся обстановки, а именно то, что в Российской Империи, поступая в корпус, молодежь вступала на первую ступень того жизненного пути, который с каждым годом приближал ее к избранной цели — военное училище и полк.

Но у кадет в Зарубежье положение было другим: у них не было НИЧЕГО, ни училища, ни полка, ни самой России. У них был только корпус и на нем, и только на нем, сосредоточивалась вся любовь к потерянной Родине. Кроме того, если в старое время в корпуса шли почти исключительно сыновья офицеров, т. е. той среды, к которой и сами они готовились принадлежать, в Зарубежных корпусах была молодежь из самых различных слоев русского беженства и даже сербы. Однако, несмотря на все эти исключительные обстоятельства, в основу новых традиций были попрежнему заложены внутренняя дисциплина, иногда очень суровая, товарищеская спайка и, как главная руководящая мысль, любовь к родному корпусу и к прошлому Императорской России.

В 1925 г. Звериады Киевской и Одесской частей корпуса были увезены последними генералами выпусков и VI выпуск, ставший 1-м традиционным, создал новую общую Звериаду. Это была книга в роскошном переплете из малиновой кожи с золотым тиснением и обрезом, с прекрасной меловой бумагой;

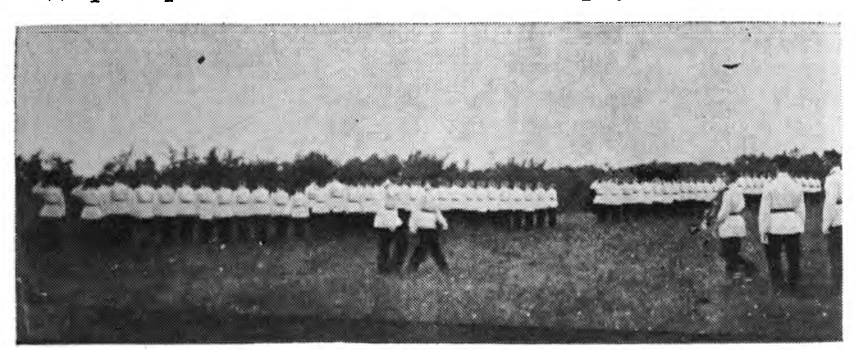
Ночной парад и передача Звериады.

на крышке переплета был прикреплен нагрудный знак корпуса, а страницы были украшены художественными орнаментами, портретами государей и различными эмблемами. Начальный текст упоминал и о Киевском, и об Одесском корпусах, об их соединении в Сараево и о создании Русского корпуса: «В горах средь Боснии, далеко в долине дикой и глухой . . . », а заканчивался выражением веры в грядущее возрождение Родины. Каждый выпуск оканчивающий корпус имел право вписывать в Звериаду свои собственные строки, изливая в них свои чувства к педагогам, к некоторым событиям или просто к окружающей среде. Надо признать, что стихи эти редко обладали литературными качествами, а были места и не совсем цензурные. Но они служили своеобразной «отдушиной», как это было и в старое время в России.

Внутренной жизнью корпуса руководил «Выпускной Совет», который назначался уходящим выпуском во время последнего ночного парада и передачи Звериады. Он состоял из «генерала выпуска», двух старших и двух младших «полковников», «адъютанта» и вице-фельдфебеля, входившего в Совет немного позже, после своего производства. Ему принадле-

жала дипломатическая и очень деликатная роль «офицера связи» с директором корпуса. Все решения проводились Советом сообща и «генерал» являлся «первым между равными».

Надо отдать справедливость VI выпуску, что он умело подобрал традиции из обоих основных корпусов, а новые ос-

новал на том, что уже было в жизни корпуса. Так напр., девизом корпуса было утверждено — «Помните, чье имя носите!», что красивой вязью было изображено на первой странице Звериады. Маршем корпуса была принята музыка и слова «Наш полк» (К. Р.). Малиновый цвет погона стал считаться своим, родным, что подтверждалось малиновыми гвоздиками на традиционных парадах. Конечно, сохранилась старинная обще-кадетская традиция, по окончании корпуса оставаться на «ты».

Каждый учебный год начинался первым традиционным парадом, который обычно происходил в конце сентября, вне стен корпуса, на лоне природы. В день корпусного праздника традиционный парад устраивали ночью или рано утром в зале корпуса и с оркестром. В конце учебного года, в 12 ч. ночи, происходила передача традиций следующему выпуску. Звериада передавалась новому генералу выпуска в торжественной обстановке и тут же назначался новый Выпускной Совет, которому предстояло дальше руководить традиционной жизнью корпуса. Начальство, конечно, не всегда было снисходительно к нарушению правил, как ночные парады, открывание зала без разрешения, уход в отпуск всех, в том числе и наказанных без отпуска, а также ночной уход младшей роты из ротного помещения. Но несмотря на все препятствия со

стороны начальства, все это выполнялось с военной точностью. Символом единства и кадетской спайки сделалось в дни парадов выпивание вина из общей чаши, которая называлась «Братина», а подчинение старшим выражалось в офицерских погонах и шашках, которые носили на этих парадах члены Выпускного Совета.

После перевода корпуса из Сараево в Белую Церковь, где в него влилась часть кадет Крымского корпуса, был опять период антагонизма между двумя кадетскими группами. Но когда этот кризис был изжит, многие традиции Крымского корпуса стали достоянием Княже-Константиновцев, как напр. «Царский отбой» в день окончания занятий. В этот день после последнего урока, выпуск во главе с фанфаристами собирался на лестничной площадке между вторым и третьим этажами, где висел колокол, сзывавший кадет по классам. Вслед за фанфарным сигналом выпускной хор оглашал стены Корпуса словами:

Полно вздором заниматься,
Трубач, труби отбой!

Затем генерал выпуска бил в колокол по числу выпуска, XII — двенадцать раз, а XXIII — двадцать три раза. Потом весь корпус стекался в коридор роты Его Высочества, где уже были расклеены по стенам кадетские карикатуры, в которых VII класс изливал свои чувства по отношению к оканчивающим и даже членам педагогического персонала.

В 1933 г. в корпус была переведена большая часть состава донских кадет из Горажде, после закрытия Донского корпуса. Это не вызвало появление антагонизма, но традиционная преемственность временно нарушилась, из-за малого числа коренных кадет Первого Русского корпуса в 1-й роте. Кадеты продолжали жить старыми традициями своих корпусов и традиционное единство стало возрождаться тогда, когда XVII, XVIII и XIX выпуски перешли в 1-ю роту; так. обр. к 1938/39 уч. году, внутренняя жизнь приняла полную традиционную форму, во главе с Генералом выпуска и Выпускным Советом. Звериада, увезенная из корпуса в начале описанного периода, была возвращена в корпус старыми ка-

Ночной парад на Праздник 1939 г.

детами в марте 1939 г., на традиционном параде на «Прудах», первом после перерыва в несколько лет. В день праздника Донского кад. корпуса, 19 декабря, в течение целого дня давались кавалерийские сигналы в память традиций этого корпуса и Генерал выпуска носил в этот день в петлице донской погончик.

На корпусной праздник 6 дек. 1940 года, Белая Церковь была опять свидетельницей небывалого стечения гостей — старых кадет. С исключительным подъемом был проведен ночной традиционный парад, на котором слились единодушно в одну кадетскую семью и офицеры Югославской армии, и юнкера Военной Академии, и студенты, и юноши кадеты. Все это оставило незабываемое воспоминание у всех участников этого торжества, также как и слова основной Звериады запомнились на всю жизнь и будут помниться до тех пор, пока не уйдет в лучший мир последний кадет Княже-Константиновец. Вот текст этой основной Звериады:

Державной волей Николая,
Всесильной волею Царя,
Его заветы исполняя,
Возникли два монастыря.
Один безмолвно и угрюмо
В старинном Киеве стоял,
Другой, среди морского шума,
В Одессе стены возвышал.

Но не монахи обитали
В стенах тех двух монастырей,
Их Корпусами называли
По всей Руси среди людей.
Угрюмо, мрачно, молчаливо,
Они стояли много лет,
Храня в стенах своих ревниво
И строго множество кадет.

Но вот минули годы счастья,
Настал ужасный смуты год
И знамя красное безвластья
Поднял в безумии народ.
Вскипели силы роковые
И безмятежный день угас,
И кровью собственной Россия
Во мраке скорбно облилась.
И оба корпуса, гонимы
Пожара общего огнем,
Предел покинули родимый
И гнезда старые на нем.
И после долгих испытаний,
За рубежом родной земли,
Они предел своих страданий
В унылой Сербии нашли.
В горах средь Боснии, далеко
В долине дикой и глухой,
Лежит Сараево глубоко,
Над быстрой горною рекой.
И там, на площади угрюмой,
Безмолвна, сумрачна на вид,
Как бы полна тяжелой думой,
Казарма старая стоит.
Она уныла как могила,
Над ней всегда висит туман,
Но та казарма приютила
И Одессит и Киевлян.
В стенах казармы этой душной,
Забывши ненависть свою,
Они слились единодушно
В одну кадетскую семью.
Так Русский Корпус был основан,
Сплоченный массою кадет,
Одною верой крепко скован,
Одной традицией согрет.
Далекой Родины заветы,
Средь гор чужой для нас земли,
В сердцах измученных кадеты
С любовью свято сберегли.
В нем сердце трепетной России
Хранит свой прежний гордый вид,
Наперекор чужой стихии
В нем дух воинственный горит.
Но не для праздности забавы
Собрался тесный круг кадет,
Но для созданья вечной славы
Гнезду, где жили много лет.
Седых заветов, Русь святая,
Мы не могли здесь позабыть,
Венок традиций заплетая,
Мы будем их в душе хранить.
Пусть муки жалкого изгнанья,
Наш путь тернист и не пригрет,
Но старины святой преданья
Рождают силы у кадет.
Мы верим в силу Провиденья,
Взойдет счастливая заря,
Когда в пылу святого рвенья
Умрем за Русь и за Царя.

XXIII — Последний традиционный выпуск.

ГОДЫ 2-й МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ ЮГОСЛАВИИ.

1940-/41 уч. год начался в привычных условиях и жизнь корпуса шла спокойно. Хотя в Европе уже разгорался пожар 2-й Мировой войны, но все надеялись, что Югославия не будет вовлечена в нее и останется в стороне от событий. 23 марта 1941 г., Королевские наместники, управлявшие страной вместо малолетнего короля Петра II, и правительство Югославии подписали соглашение с Германией, но всего лишь через несколько дней, 27 марта, произошел переворот: Королевские наместники, во главе с принцем Павлом, были отстранены так наз. «путчем» ген. Симовича и вся полнота королевской власти перешла к юноше-королю Петру II, которому не было еще и 18-ти лет. Новое правительство, во главе которого встал ген. Душан Симович, аннулировало подписанное с Германией соглашение и обстановка сразу переменилась. Спокойствие было утеряно и стало понятно, что угроза войны приблизилась. Была объявлена мобилизация и шли слухи о том, что следует со дня на день ждать нападения войск Германии и союзных с нею стран.

Белая Церковь и находившийся в ней корпус были расположены почти на румынской границе и, ввиду скученности трех казарм и близости аэродрома, были опасения, что корпус может подвергнуться воздушной бомбардировке. В создавшейся обстановке, директор корпуса ген. Попов, решил распустить кадет на Пасхальные каникулы раньше времени. Пасха в 1941 году была 13 апреля; в последних числах марта, директор собрал всех кадет в зале корпуса, описал общую обстановку и объявил, что все кадеты должны приготовиться к отъезду и сразу же, письменно, оповестить об этом своих родителей. К этому было добавлено, что кадеты не должны возвращаться в корпус, пока не получат об этом распоряжения. Таким образом, между 29 марта и 1 апреля, большинство кадет разъехалось по домам в штатской одежде, т. к. ношение формы было разрешено с 1940 года (после признания СССР Югославией) только в пределах Белой Церкви. В корпусе осталось лишь

около 30-ти кадет, которым некуда было ехать, или которые не смогли связаться с родителями.

Прощанье с друзьями было очень тяжелым, всех угнетала неизвестность и все боялись, что существование корпуса кончается. В воскресенье, 6 апреля, оставшиеся кадеты услышали по радио, что немецкие войска перешли границу и что Белград был бомбардирован.

К этому времени гарнизон Белой Церкви был из города выведен, а авиационные части переведены вглубь страны. Оставшихся кадет не выпускали в город и старшие кадеты дежурили днем и ночью в коридоре 1-й роты. Связь с городом поддерживалась только через офицеров-воспитателей, приходивших на дежурства. Первые немецкие части появились в городе 9-10 апреля и к этому моменту местные немцы уже организовали новое городское управление и милицию, причем было арестовано 80 заложников сербов из всех слоев населения. Ни грабежей, ни беспорядков в городе не произошло.

Пасха 13 апреля прошла очень спокойно. Крестного хода вокруг здания на Заутреню не было, вместо этого прошли с хоругвями по коридору. В Пасхальные дни в корпусе началась эпидемия брюшного тифа и заболело около 12 чел. младших классов, которых расположили в трех палатах лазарета. Кто-то из здоровых кадет пустил слух, что заболевание тифом можно предотвратить чесноком и многие стали покупать целые «венки» чеснока и есть его в большом количестве. Запах в помещениях стоял невыносимый, пока директор не запретил такое «лечение». Так как в корпусе был объявлен карантин, то связь с городом почти прекратилась. Ходили слухи, что немцы имели намерение в эти дни занять корпусное здание, как самое благоустроенное в городе, но ввиду объявленного карантина корпус оставили в покое. По счастью, эпидемия оказалась слабой и новых заболеваний не последовало.

Немецкие офицеры несколько раз заходили в корпус, интересовались им и хвалили внутреннее устройство, выправку и подтянутость кадет. Справедливость требует признать, что со стороны немцев корпус не подвергался никаким преследованиям, но одновременно никогда и никакой материальной помощи от них не получал, так же как не получал и разрешения

на приобретение продовольствия за свой счет из немецких запасов. Между тем, продовольствие тогда можно было достать только на «черном рынке», но он был дорог, а корпус не имел средств. Содержавшийся ранее на средства, отпускавшиеся Державной Комиссией, корпус оказался после прихода немцев без определенной материальной базы, т. к. отпуск этих средств прекратился.

Последний директор, ген. Попов, в своих воспоминаниях об этом периоде говорит, что лица, заведывавшие тогда делами русской эмиграции в Югославии, пытались получить хоть некоторые средства от оккупационных властей, но это увенчалось лишь частичным успехом, ввиде займа в банках, под обеспечение ценностями известной Петроградской Ссудной Казны. Но средств этих было недостаточно и в 1941 г. был закрыт Донской Мариинский институт, также находившийся в Белой Церкви. Для корпуса были установлены особые правила, по которым отменялось бесплатное обучение и родители обязывались вносить определенную плату за обучение и содержание в интернате своих детей, в зависимости от своего материального положения. Но плата эта поступала очень неаккуратно, т. к. положение большинства родителей значительно ухудшилось после оккупации.

В мае 1941 г. вновь открылась в Белграде Русско-Сербская гимназия и кадеты XXI вып. находившиеся в отпуску, были вызваны в Учебный Отдел Полномочного Представительства по делам русской эмиграции, где им предложили ходить на занятия в гимназию, а затем держать там матуру. Но через два дня кадетам удалось получить разрешение на переезд для этой цели в Белую Церковь. Добираться туда было очень трудно, т. к. мост через Дунай у Панчево и железнодорожные мосты между Вршцем и Белой Церковью были взорваны. Приходилось ехать пароходом до Панчево, затем поездом до Вршца, а оттуда пешком (30 килом.) до Белой Церкви. Съезд выпускных кадет начался к 25 мая и сразу же, в спешном порядке, стали готовиться к экзаменам. По вечерам собирались в садике 2-й роты и пели песни, развлекая больных кадет.

В один из этих дней корпус посетила очередная группа немецких офицеров. В музее корпуса они обратили внимание

на несколько хранившихся немецких знамен и передали через переводчика, что немецкое командование будет очень благодарно, если эти трофейные знамена будут возвращены немецким войскам. Корпус был вынужден согласиться и через неделю появился взвод немецких солдат в парадной форме: знаменщики вошли в музей, где им были переданы эти ополченские знамена, с которыми взвод под музыку вернулся в город.

20-го июня начались письменные экзамены на аттестат зрелости, а 22-го устные. В этот день, около 10 ч. утра, по радио было получено известие о начале войны между Германией и Советским Союзом, известие породившее надежды на скорое освобождение России от безбожной большевистской власти, хотя все понимали, что эта война принесет много несчастий русскому народу.

Ввиду отсутствия в корпусе запасов продовольствия, по окончании экзаменов кадеты не задерживались в корпусе ни одного лишнего часа и, как только группа в 7 человек сдавала устные экзамены, им сразу же давали аттестаты и отправляли домой. Это омрачило последние дни пребывания в корпусе и помешало прощанию с воспитателями и преподавателями. Покидая корпус и прощаясь друг с другом, кадеты сознавали, что грядущие события приведут к полной потере взаимной связи и что все будут втянуты в войну, предвидеть последствия которой будет невозможно.

Возвращаться домой приходилось на телегах до Паланки на Дунае, а оттуда пароходом по Дунаю до Белграда. Так последние кадеты XXI выпуска расстались навсегда с корпусом. В течение долгих месяцев до конца 1941 г. положение корпуса было более чем неопределенным: большинство кадет разъехалось на лето, разрешения немецких властей на открытие корпуса осенью не было, средств и продовольствия также не было. Целое лето прошло в хлопотах для получения разрешения оккупационных властей на продолжение существования корпуса и на поиски материальных средств. Осенью того же года ген. Попов провел около месяца в Белграде, пытаясь получить это разрешение и денежные суммы, и только в конце сентября вернулся в корпус, привезя с собой деньги для уплаты жалованья персоналу. Ввиду тревожного положения, его сопровож-

дал кад. Мих. Михеев, с которым они на пароме переехали Дунай и добрались на телеге до Панчево, а оттуда на поезде до Белой Церкви.

Только лишь к середине февраля 1942 г. из Учебного Отдела Полномочного Представительства по делам русской эмиграции, находившегося в Белграде, пришло извещение, что занятия в корпусе начнутся 15 февраля. Число кадет, которым удалось вернуться к этому времени в корпус, сильно сократилось, т. к. территория прежней Югославии была разделена на зоны, оккупированные Германией и союзными с ней государствами — Болгарией, Италией и Венгрией; граница между Сербией и «независимым государством Хорватия» была закрыта, а для Баната был введен специальный режим, ввиду большого количества проживавших там немецких колонистов. Связь между Банатом и Сербией была ограниченной и затруднительной.

Из Белграда до Панчево пришлось добираться всеми возможными способами: через Дунай переходили по льду и до Панчево ехали на санях, после чего поездом, но с пересадкой и задержкой в Вршце, где пришлось ночевать на полу в какой-то канцелярии, дожидаясь поезда на Белую Церковь, куда добрались к полуночи. Следующая большая группа кадет приехала на следующий день и в корпусе сразу же начались занятия.

В конце марта 1942 г. стало известно, что немецкое командование хочет выселить корпус из занимаемых казарм, которые собирается использовать для размещения своих новобранцев. Это были фолькcдойче — Дивизия Принца Евгения, и немцы не соглашались оставить одну из казарм для корпуса, считая что это нарушит их систему охранения. На четвертой неделе Великого Поста ген. Попов снова уехал в Белград, чтобы хлопотать о том, чтобы избавить корпус от выселения, но поездка эта не увенчалась успехом и после Пасхи корпусу пришлось покинуть свое большое и удобное здание и перейти в небольшой и запущенный дом детского приюта, около станции, куда в 1939 г. был переведен Донской Мариинский Институт.

Перенос знамен в новое помещение.

В корпус подали несколько десятков телег, присланных местным населением, и началось переселение в новое помещение. Знамена и реликвии из музея были перенесены кадетами на руках. Во время этого переселения, вернувшись с группой кадет третьей роты в старое здание, вице унтер-офицер Михаил Михеев увидел, что немцы там уже хозяйничают и что один из них начал рубить иконостас, выброшенный во двор. Вместе с малышами удалось иконостас отобрать, погрузить на телеги и водворить на чердак нового здания; иконостас институтской церкви во имя Марии Магдалины оставался на месте и был сохранен для корпуса.

В здании на 2-м этаже разместились 2-я рота (2-й, 3-й и 4-й классы), цейхгауз, музей, кабинет и спальня директора. На 1-м этаже размещена была рота Его Высочества, зал, церковь, лазарет и баня. Во дворе, во флигеле, были мастерские, столовая, кухня, кабинет инспектора классов. Ввиду полной невозможности разместить в новом здании все и всех, корпус был вынужден в самом спешном порядке и за большие деньги, нанять особый дом поблизости, где поместилась 3-я рота со своими воспитателями. Классы находились в доме быв. жандармской станции на Железничкой улице. Питались в две очереди, т. к. помещения не хватало для всех: сначала 1-я и 3-я роты, потом 2-я.

Все это ухудшило положение корпуса и невероятно осложнило корпусную жизнь. Было тесно и неудобно; недостаток денежных средств очень тяжело отражался на питании кадет и бывало — и холодно, и голодно! Все же, корпус старался сохранить прежний порядок и уклад жизни. Учебная и воспитательная часть оставались на прежней высоте, торжественно праздновались традиционные дни корпусного и ротных праздников. Все, как будто, было по старому, несмотря на все невзгоды, но все это было только «как будто». Надвигалась катастрофа, нарастала тревога, которая охватила и корпус, когда советские войска начали занимать территорию Румынии.

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ БЕЛОЙ ЦЕРКВИ И КОНЕЦ КОРПУСА.

Перед лицом надвигавшихся грозных событий у русской эмиграции в Сербии теплилась слабая надежда на то, что после занятия Греции, союзные войска продолжат свое наступление и займут весь Балканский полуостров. Но этого не случилось и надежда на такой исход не оправдалась. Большинство русских сгруппировалось в Белграде, где в «Русском Доме» на ул. Кралице Наталии, 33, был центр всей русской жизни, особенно в те дни. Туда ежедневно приходили и кадеты, чтобы справляться о судьбе корпуса и ждать распоряжений о своей собственной судьбе.

Была осень 1944 года; весной этого же года последний XXIV выпуск сдал в корпусе матуру и в тот момент еще не думали, что это был действительно последний выпуск на территории Югославии. В течение лета обстановка настолько изменилась к худшему, что 5 сентября в Белграде было созвано совещание председателей русских колоний в Сербии и на это совещание прибыл и директор корпуса ген. Попов, с заведующим хозяйственной частью корпуса. Ознакомившись с обстановкой и выслушав доклады, собравшиеся получили предложение, по возвращении, оповестить о положении всех кадет и предупредить их, что отъезд корпуса из Белой Церкви назначен на 2 ч. дня, 10 сентября и что все желающие выехать с корпусом должны явиться в корпус не позже утра того же дня. Разрешено было и желающим родителям также ехать вме-

XXIV выпуск.

сте с корпусом. Кадеты проживавшие в Белграде должны были собраться в Русском Доме рано утром, 9 сентября, чтобы ехать в Белую Церковь целой группой.

Добравшись в ночь с 9-го на 10-е сентября в корпус, кадеты узнали, что никаких распоряжений об эвакуации сделано не было, хотя ген. Попов успел уже вернуться в корпус. Дежурные офицеры, встретившие кадет ночью, говорили что отъезд намечен на 12-е число и что еще есть достаточно времени. Но, в то же время, на железнодорожной станции уже были приготовлены три вагона-теплушки, чтобы принять корпус в 1 ч. 30 м. дня, и уже был готов немецкий солдат-проводник, со всеми необходимыми документами для беспрепятственного проезда. И только буквально в последнюю минуту началась спешная работа, укладка книг в ящики, переодеванье в форменную одежду, посылка извещений по домам персонала, все это под энергичным руководством исполнявшего должность фельдфебеля, кадета Михаила Скворцова, который взял в свои руки всю инициативу.

Все драгоценное имущество музея было оставлено и заведующий им не разрешал даже что-либо вывезти. Только одно знамя Полоцкого корпуса было в последнюю минуту снято и вывезено с корпусом. Все остальные реликвии попали в руки

красных и были вывезены в Советский Союз, причем часть была разграблена по приходе красной армии. Два других знамени кадетских корпусов, Сумского и Симбирского, как запрестольные образа, избежали общей участи; их удалось вскоре изъять из здания и в настоящее время они находятся в наших храмах, в Соединенных Штатах.

Когда за полчаса до отъезда взвод старших кадет понес на станцию ящики с книгами, выяснилось что вагоны уже реквизированы немцами; к счастью, железнодорожники вошли в положение и указали кадетам на три открытых вагона с дровами, которые кадеты быстро выгрузили и заняли их для корпуса. К этому времени прибыла группа чинов персонала с семьями, всего 21 человек, считая и жен, и детей. В самую последнюю минуту, когда погрузились и кадеты, и персонал, появились кадеты с приготовленными с утра одеялами, которые чуть было не забыли в спешке. Каждый кадет мог взять с собой лишь один чемодан с самым необходимым, некоторые родители решили тоже уезжать, вместе со своими сыновьями. Из общего числа почти 300 кадет, числившихся по спискам, погрузилось лишь около 100 человек, к которым в пути присоединилось еще несколько отдельных кадет. Многие, находившиеся в летнем отпуску, об эвакуации ничего не знали, или же не смогли добраться до Белой Церкви. Из персонала корпуса эвакуировались лишь единицы: эвакуация была добровольной и у многих нашлись личные причины остаться в Белой Церкви и, с болью в душе, ожидать советскую армию, которая по утверждениям просоветской пропаганды, якобы «сильно изменилась к лучшему». Как показали последующие события, решения этих лиц оказались фатальными и повлекли за собой для многих трагические последствия.

Старшие кадеты были вооружены винтовками и несли охрану в течение всей поездки. На последнем открытом вагоне был поставлен русский трехцветный флаг, который был долго виден после отхода поезда, пока он не исчез среди деревьев. На станции собрались провожающие и те, кто не смог или не захотел выехать. Среди них были офицеры корпуса, полковники Потапов, Барышев, Филимонов, капитаны Кныш и Лавров, преподаватели, многие члены русской колонии Белой Церкви и ме-

стные жители. На душе у всех было тоскливо; поезд медленно отошел и последняя страница истории корпуса в Югославии закрылась навсегда.

В Вршце, к корпусу присоединилась еще группа кадет. Среди них был один 9-ти летний мальчик, полусирота А. Кравченко, которого отец привел на вокзал и просил, чтобы корпус взял его с собой. Судьба этого мальчика оказалась трагичной: 12 сентября, после переезда венгерской границы, когда вагоны стоявшие на запасном пути прицепляли к поездному составу, произошел сильный толчок. Мальчик, несмотря на запрещение, сидевший на борту открытого вагона, был этим толчком сброшен на землю и попал под колеса. Когда удалось остановить поезд, то было уже поздно и А. Кравченко был мертв. Полиция составила протокол, кадеты проводили погибшего пением «Со святыми упокой . . .» и «Вечная память», и тело его было увезено и предано погребению местной русской колонией.

11 сентября, в пути, недалеко от Субботицы, кадет М. Скворцов был произведен в в. уп. офицеры и, сразу же, в звание вице-фельдфебеля. Энергичный и распорядительный, он успел завоевать себе авторитет и его производство было по душе всем кадетам.

Дальнейший путь поезда шел в течение двух дней по территории Венгрии, с задержкой на целую ночь на границе с Австрией. Ехали по земле, где уже происходили бомбардировки городов союзной авиацией и где приходилось иногда покидать поезд и прятаться среди деревьев и кустов, когда над транспортом пролетали союзные самолеты. Питались кое-как, обменивая свою штатскую одежду на продукты. Местное население не понимало, кто эти русские, стремящиеся уйти от «русских» же, которых сами жители ожидали с нетерпением.

По прибытии в Вену, которая тоже подвергалась бомбардировкам с воздуха, кадетам удалось обеспечить себя достаточным запасом продовольствия. Это произошло благодаря расторопности сопровождавшего корпус немецкого унтер-офицера, австрийца родом, у которого имелись документы на проезд, с указанием, что они выданы на две роты «кадетской школы» с персоналом. При его энергичном участии, удалось достать из

немецких складов продукты питания на целую неделю, причем там были даже копченые окорока.

Переждав в Вене очередной воздушный налет, поезд снова тронулся по территории Австрии и без особых приключений, 17 сент. 1944 г., в два с половиной часа дня, прибыл в г. Егер, находившийся в «Протекторате», вернее в Судетской области, недалеко от Карлсбада и Мариенбада. Здесь кадетам сообщили, что нужно выгружаться и что они прибыли к цели своего путешествия. Покинув поезд, кадеты выстроились перед вокзалом, имея на правом фланге трехцветный флаг и четырех кадет с фанфарами. Строем и с песнями, рота двинулась по улицам города, по направлению к лагерю бывшего аэродрома. Большая толпа жителей, немцев и чехов, с любопытством смотрела на это, непривычное для них, зрелище и на незнакомую для них кадетскую форму.

Семьи кадет были от них отделены и направлены в какое-то другое место. Прибывших с кадетами чинов персонала с их семьями не поместили в лагерь, а вернули в Австрию. С кадетами остался лишь один ген. Попов, которого устроили в том же лагере, в быв. офицерском флигеле. По прибытии в лагерь, всю одежду кадет передали в дезинфекцию, после которой ее вообще кадетам не вернули, а вместо нее выдали какие-то одеяния сизого цвета, не имевшие ничего общего с русскими формами. Это вызвало чувство большого разочарования и подозрения о том, что кадет собираются использовать для каких-то нежелательных целей. Нужно заметить, что первоначально были сведения о том, что корпус предполагалось сохранить, как школьную организацию, вместе с группой русских гимназистов из Белграда, которые уже находились в лагере. Для этой цели, благодаря хлопотам группы русских военных в Берлине, был снят замок близь Мюнстера, в Вестфалии. Сведения эти подтвердились по прибытии и 20 сентября ген. Попов с двумя кадетами отправился в Вену, чтобы собрать персонал, который разрешено было перевести в Мюнстер, в количестве 20 человек.

Ген. Попов вернулся из Вены через неделю и сообщил, что после обсуждения было решено, что устройство корпуса в Зап. Германии считается неудобным по ряду причин. Нача-

лись новые хлопоты и, вместе с этим, полная неопределенность положения, которая усложнялась неприятной обстановкой жизни в лагере, теснотой, шумом и не всегда доброжелательными отношениями с молодежью других национальностей. Довольно часто происходили воздушные налеты союзной авиации и бомбардировки города, когда приходилось и днем, и ночью, бежать в примитивные убежища, но в самом лагере разрушений не бывало. Чем дальше шло время, тем чаще происходили воздушные тревоги и число их доходило иногда до 24-х в сутки.

Так прошел весь 1944 год; приезжали представители различных организаций, давались обещания, тянулись хлопоты, но никаких перемен не происходило. В январе 1945 г. старший взвод ушел к ген. Власову, а ген. Попов устроился служить и тоже покинул лагерь, где осталось теперь лишь 106 кадет, с очень малым количеством старших. В середине февраля 1945 года оставшиеся кадеты переехали в г. Гмюнд, где к ним прибыли несколько лиц, среди которых были две преподавательницы и мужской персонал, в том числе некоторые быв. кадеты, офицеры Югославской армии. Кадеты были размещены в здании городской гимназии, где начали организовываться занятия и где снова удалось установить порядок и условия, напоминавшие корпус — строй, отдание чести, вечерние поверки и привычные слова православных молитв. В другой половине здания разместились венгерские кадеты, которым удалось вырваться из Будапешта в конце 1944 года.

Но такое положение длилось недолго. После падения Вены, кадетам пришлось в конце апреля 1945 г. покинуть Гмюнд и уходить походным порядком в направлении на Зальцбург, входивший в зону американской оккупации. Шли по глухим дорогам, питались тем, что удавалось выпрашивать у крестьян и у местных жителей, но гордо несли свой трехцветный флаг и даже пели во время переходов. В Зальцбурге кадеты были встречены американской военной полицией, прошли через регистрацию и были помещены в лагерь, наполненный русскими беженцами из Югославии. Так кончилась страдная полоса в жизни последних русских кадет. Все эти события, изложенные здесь кратко на нескольких страницах, заслуживают более

подробного описания и надо надеяться, что это будет сделано теми, кто их пережил.

Судьба чинов персонала, оставшихся в Белой Церкви и не пожелавших выехать с корпусом, была трагичной. Одних забрали большевики, часть была расстреляна, другие были вывезены в СССР, преподаватель математики Д. Данилов покончил самоубийством, многим другим пришлось скрываться и пережить много тяжелого. В настоящее время в Югославии уже не осталось в живых никого из тех, кто служил в корпусе и не смог, или не захотел, выехать вместе с ним.

Один из последних снимков персонала.

СПИСОК
окончивших корпус за время с 1920 - 1945 г.г.

I выпуск 1920 г.

Вице фельдфебель

Крайнев Антон

Вице унтер-офицеры:

Агапеев Всеволод
Алпенников Николай
Безкишкин Ярослав
Голиков Павел
Златорунский Николай
Карпов Вадим
Лебедев Сергей,
Мельников Сергей
Никитин Леонид
Никольский Глеб (Георг. Кр.)
Польской Константин
Сахацкий Борис
Скалон Александр
Степура-Сердюков Алекс.
Тарасенко Николай
Тихменев Александр
Томилин Автоном
Худобашев Александр
Чарнецкий Георгий
Шепченко Николай
Шклярский Дмитрий

Кадеты :

Адоневич Николай
Бехман Герогий
Бехман Аркадий
Де-Вейль Владимир
Войцицкий Георгий
Гижицкий Александр
Жуков Владмир
Здетовецкий Василий
Зюзин Лев
Журьяри Михаил
Каркашвили Михаил
Коссович Николай
Кущинский Борис
Леш Гаральд
Мартын Владимир
Микулин Нестор
Нефедов Игорь
Покотилов Александр
Попов Глеб
Пташинский Константин
Ростошинский Георгий
Скалон Василий
Соколов Геннадий
Тринклер Николай
Трофимов Михаил (Георг. мед.)
Хлопов Ростислав
Чачуа Виктор
Яворский Сигизмунд.

II выпуск 1920 - 1921 г.г.

Вице-фельдфебель

Тарасенко Сергей

Вице унтер-офицеры :

Адамович Ростислав
Вильский Георгий
Гейштор Михаил
Громыко Андрей
Гулевич Александр
Гуторович Георгий (Геор. кр.)
Дылевский Анатолий
Живкович Драголюб
Казаков Вадим
Каин Владимир
Короткий Борис
Кошелев Борис
Марков Петр (Геор. кр.)
Петровский Иван
Плахов Лев
Полховской Борис
Ракитин Николай
Росселевич Анатолий
Скалковский Сергей (Геор. мед.)
Шимкович Федор
Шпринглевский Николай

Кадеты :

Авраменко Андрей (Геор. кр.)
Бернадский Александр
де-Бокар Сергей
Брезгун Павел
Былецкий Михаил
Германов Константин
Гвоздевич Николай
Глизян Константин
Голиков Петр
Горбачевский Александр
Гродский Сергей
Златоверховников Владимир
Крамаренко Евгений
Критский Владимир
Крылов Петр
Крылов Александр
Ландышевский Сергей
Лебедев Владимир
Линник Николай
Мазуренко Владимир
Михайловский Павел
Оржеховский Владимир
Петкович Владимир
Поляков Георгий (Геор. мед.)
Присненко Георгий
Савицкий Сергей (Георг. мед.)
Сидорчук Константин
Силич Игорь
Смородский Николай
Стацевич Александр
Стычинский Евгений
Таргони Георгий
Тхоржевский Сергей
Хворостанский Виталий
Ходорович Михаил
Черноглазов Всеволод
Шейнерт Евгений

III выпуск 1922 - 1923 г.г.

12/25 июля 1922 г.

VII классов:

Вице унтер-офицеры :

Леш Виктор
Новиков Владимир
Селиверстов Владимир
Стойчев Цветан

Кадеты :

Багриновский Евгений (Геор. кр.)
Базилевич Владимир
Бибер Николай
Генкин Евгений
Бар. Гойнинген-Гюне Михаил
Григорчук Петр
Дылевский Борис
Дудоркин Михаил
Есаулов Георгий
Зеленко Михаил
Иванов Николай
Канторов Михаил
Колчин Евгений
Лисецкий Анатолий
Мартынов Петр
Мишкович Драгайло
Науменко Всеволод
Рагоза Лев
Семенов Всеволод
Сизякин Василий (Геор. кр.)
Силин Борис
Скуратович Антон
Смирнов Всеволод (Геор. кр.)
Судзиловский Всеволод
Трофимов Валериан
Филимонов Леонид
Фирсовский Николай
Харламов Николай
Целиковский Владимир
Чиканчи Михаил
Шелеметьев Владимир
Эртель Леонид

8/21 июня 1923 г.

VIII классов:

Вице-фельдфебель

Генбачев Дмитрий

Вице унтер-офицеры:

Аксаков Игорь
Базилевич Владимир
Гончаров Василий
Долгий Георгий
Дорман Владимир
Завадский Павел
Качаки Николай
Крицкий Борис
Латышев Иван
Миллер Георгий
Михайлов Георгий
Михайлов Борис
Пиковский Георгий
Пушкарев Дмитрий
Станиславский Борис
Февр Михаил

Кадеты:

Арнольди Евгений
Артамонов Максимилиан
Артамонов Николай
Вайскербер Петр
Карабанович Сергей
Котельников Андрей
Красусский Николай
Милюков Алексей
Николаев Феодосий
Прибытков Петр
Рыбальченко Дмитрий
Чиркин Олег
Яхонтов Александр

IV выпуск 1923 - 1924 г.г.

23 июня/6 июля 1923 г.

VII классов:

Кадеты:

Астафьев Михаил
Буйневич Леонид
Воробьев Михаил
Дзевалтовский Всеволод
Дуплицкий Сергей
Изместьев Юрий
Кунахович Николай
Латышев Сергей
Ломиковский Лев
Макшеев Алексей
Маттеев Николай
Панов Сергей
Радойчин Арсений
Сахно-Устимович Александр (Георг. мед.)
Севастьянов Герман
Стацевич Всеволод
Феофилов Николай

VIII классов:

14/27 июня 1924 г.

Вице-фельдфебель

Полковников Федор

Вице унтер-офицеры:

Борисенко Петр
Гайдовский-Потапович Павел
Карабанович Игорь
Корнич Владимир
Косоногов Павел
Бар. Местмахер-Будде Виктор
Роткевич Вильгельм
Слижиков Арсений
Сташевский Георгий
Тришкин Владимр
Фолькерт Ромил
Щербаков Георгий

Кадеты:

Бондарчук Николай
Белонин Николай
Белоусов Борис
Кучинский Борис
Логунов Алексей
Полиновский Василий
Рогойский Константин

V выпуск 1924 - 1925 г.г.

14/27 июня 1924 г.

VII классов:

Кадеты:

Белоусов Борис
Иванов Виктор
Имшенецкий Владимир
Кусонский Алексей
Рекк Борис
Сауленко Константин
Соколов Ростислав
Терзич Василий

VIII классов:

14/27 июня 1925 г.

Вице-фельдфебель

Яковлев-Милевский Константин

Вице унтер-офицеры:

Азарьев Николай
Байков Сергей
Булавко Иван
Белобородов Сергей
Белоусов Георгий
Востряков Сергей
Гроссевич Георгий
Иловайский Валериан (Геор. кр.)
Ламзаки Сергей
Новосильцов Игорь
Подрузский Ростислав
Салимон Владимир
Селицкий Иван

Кадеты:

Винницкий Алексей
Гальской Лев
Горский Николай
Гума Викентий
Джурич Сергей
Заболотный Владимир
Запасов Константин
Иванов Игорь
Ильинский Михаил
Карасенко Александр
Комша Георгий
Нарожный Петр
Погребной Александр
Ратьков-Рожнов Андрей
Стерлингов Николай
Суходубовский Дмитрий
Эйснер Алексей

VI выпуск 1925 - 1926 г.г.

19 августа/1 сентября 1925 г.

VII классов:

Кадеты:

Косаговский Георгий
Мальцов Михаил
Марнюшкин Юрий
Снигуровский Дмитрий
Троицкий Алексей
Чекалов Юрий

VIII классов:

6/19 июня 1926 г.

Вице-фельдфебель

Опоков Владимир

Вице унтер-офицеры:

Бегинин Семен
Белоусов Владимир
Вахе Андрей
Воронцов Лев
Енько-Даровский Леонид
Казанович Михаил
Кудревич Владимир
Левитский Игорь
Маштаков Константин
Московченко Александр
Нащокин Сергей

Кадеты:

Абашев Юрий
Бережецкий Александр
Волков Василий
Грейц Георгий
Гончаров Юрий
Ещенко Вадим
Заболотный Александр
Коновкин Валерий
Логунов Евгений
Макаров Алексей
Малашенко Георгий
Малицкий Георгий
Мальгин Василий
Полетика Георгий
Пульхритудов Владимир
Розанов Михаил
Ротштейн Андрей
Стерлингов Алексей
Томич Георгий
Шиманский Олег
Шиманский Петр
Юлинец Петр

VII выпуск 1926 - 1927 г.г.

10 августа/1 сентября 1926 г.

VII классов:

Кадеты:

Алексеев Георгий
Мальцов Николай
Петраш Владимир
Таргони Владимир

VIII классов:

12/25 июня 1927 г.

Вице-фельдфебель

Новосильцов Олег

Вице унтер-офицеры:

Алферьев Павел
Белдыцкий Вадим
Белавин Александр
фон-Витторф Николай
Космаенко Константин
Петунин Иван
Розанов Владимир
Тимофеев Григорий
Фролов Константин

Кадеты:

Ветров Игорь
Гребнев Леонид
Ермаков Константин
Люксембург Сергей
Макаров Владимир
Мальчевский Александр
Марков Сергей
Парфенов Николай
Перлов Василий
Прудников Владимир
Реммер Роман
Утков Василий

VIII выпуск 1927 - 1928 г.г.

VII классов:

8/21 июня 1927 г.

Кадеты:

Агапов Василий
Андрушко Алексей
Архангельский Александр
Барбович Мстислав
Богданов Вячеслав
Волков Николай
Вукичевич Душан
Князь Гагарин Григорий
Кавазов Борис
Ошмянский Георгий
Радойчич Аркадий
Тилло Владимир
Шатковский Валерий

VIII классов:

13/27 июня 1928 г.

Вице-фельдфебель
Иванов Евгений
Вице унтер-офицеры:
Брюно Юрий
Бурневич Георгий
Васильев Ростислав
Воропонов Павел
Герман Олег
Доброцветов Ексакустодиан
Дубровный Иван
Жемчужников Николай
Карин Игорь
Колобов Сергей
Крылов Дмитрий
Лянскоровский Петр
Панаев Михаил
Попов Кир
Протопопов Георгий
Родионов Святослав
Хорошкин Георгий
Кадеты:
Базаревич Владимир
Барановский Николай
Бекханов Георгий
Бобрецкий Алексей
Бржостовский Всеволод
Бржостовский Михаил
Брюно Борис
Ерохин Юрий
Захарьин Федор
Казанцев Александр
Корчинский Владимир
Комаров Евгений
Костромин Виктор
Крестинский Юрий
фон Курсель Аелксандр
Новиков Михаил
князь Максутов Константин
Молчанов Игорь
Ордовский-Танаевский Борис
Осипов Александр
Перфильев Георгий
Полетика Виталий
Попов Андрей
Рогойский Игорь
Розенберг Константин
Романов Семен
Романов Николай
Русанов Николай
Северьянов Дмитрий
Смольянинов Андрей
Сухотин Адриан
Томашевский Георитй
Ферхмин Кирилл
Штаден Дмитрий

IX выпуск 1928 - 1929 г.г.

19 августа/1 сентября 1928 г.

VII классов:

Кадет Смирнов Евгений

VIII классов:

14/28 июня 1929 г.

Вице-фельдфебель
Алексеев Борис
Вице унтер-офицеры:
Гребенщиков Игорь
Корбе Владимир
Лукашевич Глеб
Марков Владимир
Назанский Владимир
Новицкий Василий
Рот Александр
Шапринский Николай
Юлинац Преслав

Кадеты :

Алферьев Алексей
Безсонов Константин
Бекханов Алексей
Болдырев Василий
Ирошников Петр
Мадатов Иван
Малиновский Илья
Мальчевский Алексей
Мидчинский Александр
Некрасов Александр
Нелюбов Николай
Патрушев Леонид
Прудников Леонид
Родзевич Алексей
Саликов Олег
Свентицкий Игорь
князь Святополк-Мирский Николай
Де-Сен-Лоран Алексей
Скрипкин Николай
Цабель Георгий
Цабель Константин.

X выпуск 1929 - 1930 г.г.

VII классов:

Кадеты :

Литвинов Александр
Румянцев Юрий

VIII классов:

Вице-фельдфебель

Савинич Юрий

Вице унтер-офицеры :

Волков Иван
Воропанов Николай
Казанцев Михаил
Дмитревский Алексей
Мумм Николай
Николаев Сергей
Поляков Анатолий
Слезкин Александр
Сташевский Владимир
Стреха Георгий
Хоперский Вячеслав
Чубин Борис
Шереметов Александр
Щекутев Владимир
Яковлев Николай

Кадеты :

Артамонов Иван
Базаревич Всеволод
Билетов Николай
Бодиско Владимир
Болдырев Константин
Васильев Алексей
Данилов Михаил
Дмитриев Игорь
Дмитриев Олег
Дурново Василий
Евреинов Кирилл
Егупов Константин
Жукевич-Стоша Кир
Жуков Алексей
Зилов Мстислав
Иванов Владимир
Иванов Юрий
Кадьян Николай
Кривошей Георгий
Левшин Иван
Лекич Вoислав
Мартынов Петр
Медведков Дмитрий
Нащокин Владимир
Неймирок Александр
Непокойчицкий Николай
Политанский Александр
Попов Сергей
Пущин Александр
Рубанистый Евгений
Снаровский Георгий
Старицкий Юрий
Студенцов Игорь
Суханов Николай
Сушков Георгий
Телятников Георгий
Федоров Вадим
Широбоков Георгий
Школенко Иван
Павловский Леонид
Чаплинский Валентин
Черногубов Григорий.

XI выпуск 1930 - 1931 г.г.
VIII классов:

Вице-фельдфебель
Домерщиков Николай
Вице унтер - офицеры:
Амочаев Александр
Денисенко Александр
Ермаков Семен
Изместьев Евгений
Комша Андрей
Максимов Николай
Лазарев Николай
Патрушев Валентин
Тищенко Александр
Яковлевский Сергей
Кадеты:
Автономов Игорь
Бородкин Леонид
Веремеев Александр
Габуния Виктор
Гридин Борис
Грицаенко Виктор
Гусаров Анатолий
Кн. Джурич Николай
Жолткевич Константин
Казнаков Георгий
Казнаков Иван
Кербицков Николай
Кириаков Анатолий
Крамарев Иван
Лазарев Лев
Лазарев Сергей
Леваневский Григорий
Леушин Василий
Лященко Евгений
Перикоти Владимир
Прудников Всеволод
Прудников Михаил
Пульхритудов Леонид
Селицкий Алексей
Синицкий Георгий
Соколов Георгий II
Сперанский Глеб
Чарторижский Николай
Шестаков Илья
Явкин Милентий
Янковский Лев
VII классов:
Соколов Георгий I.

XII выпуск 1931 - 1932 г.г.
VIII классов:

Вице фельдфебель:
Барышев Борис
Вице унтер - офицеры:
Кн. Багратион Мухранский Теймураз
Бондаренко Александр
Гельфрейх Георгий
Данилович Александр
Житинский Игорь
Иванов Владимир
Новицкий Сергей
Озаровский Георгий
Попов Владимир
Савицкий Ростислав
Свидерский Игорь
Снитко Николай
Соколов Анатолий
Троицкий Михаил
Кадеты:
Амочаев Николай
Бутлеров Олег
Вишневский Сергей
Гривцов Нестор
Дьяков Георгий
Жуков Георгий
Зубакин Аза
Иванчин-Писарев Георгий
Извеков Павел
Какариджи Антон
Косценич Леонид
Кошара Евгений
Лычев Анатолий
Манохин Виталий
Маслов Николай
Пущин Михаил
Русанов Владимир

Свищев Вячеслав
Сербин Владимир
Синькевич Константин
Сладковский Виктор
Слезкин Михаил
Старцев Игорь
Скрипник-Стрелецкий Михаил
Тимофеев Анатолий
Толмачев Сергей
Чемезов Георгий
Шабельский Игорь
Эрдели Дмитрий.

XIII выпуск 1932 - 1933 г.г.

VIII классов:

Вице фельдфебель :
Бубнов Сергей
Вице унтер - офицеры :
Агатов Игорь
Герсдорф Георгий
Котульский Артур
Пестриков Михаил
Петров Павел
Попков Георгий
Постников Алексей
Синеоков Дмитрий
Седлецкий Николай
Фон Таль Владимир
Феменко Иосиф
Кадеты :
Агапеев Юрий
Кн. Голицын Дмитрий
Дашков Евгений
Ермаков Леонид
Лазарев Михаил
Лоран Виктор
Марков Петр
Радунович Милорад
Тимофеев Николай.

XIV выпуск 1933 - 1934 г.г.

VIII классов:

Вице фельдфебель :
Скворцов Георгий
Вице унтер - офицеры :
Гривцов Сергей
Денисенко Борис
Квасников Евгений
Крыжановский Николай
Ломагин Юрий
Мельник Юрий
Неверовский Евгений
Олферьев Павел
Родионов Гермоген
Федоровский Владимир.
Кадеты :
Антонович Валентин
Бесарович Воислав
Брылкин Дмитрий
Кн. Гагарин Николай
Григорьев Георгий
Гуцаленко Сергей
Дурноусов Евгений
Золотницкий Алексей
Кавазов Константин
Колюбаев Евгений
Котляревский Игорь
Ласкеев Алексей
Мельников Владимир
Новосильцев Александр
Пичахчи Георгий
Попов Аркадий
Пустовалов Георгий
Скугаревский Николай
Хаджи Вукович Драгомир
Хлобыстов Иннокентий
Хлодовский Всеволод
Чирко Ростислав
Шереметов Константин
Тубольцев Анатолий.

XV выпуск 1934 - 1935 г.г.
VIII классов:

Вице фельдфебели:
Драценко Георгий
Сазонов Владимир
Вице унтер - офицеры:
Белик Валериан
Вуколов Алексей
Гнездовский Игорь
Добролюбов Георгий
Клочков Алексей
Рогойский Владимир
Руднев Михаил
Филатьев Александр
Шоколи Владимир
Кадеты:
Апухтин Валериан
Бересневич Борис
Гесслер Вадим
Дивнич Георгий
Жолкевич Евгений
Иванов Александр
Кокаев Константин
Лаврентьев Кирилл
Мальцев Александр
Матеич Добривой
Мирошниченко Константин
Монастырев Виталий
Озеров Владимир
Рудник Сергей
Случевский Владимир
Сучков Анатолий.

XVI выпуск 1935 - 1936 г.г.
VIII классов:

Вице фельдфебели:
Цинамзгваров Олег
Малиновский Валентин.
Вице унтер - офицеры:
Арсеньев Дмитрий
Гаврилов Виктор
Гончаров Всеволод
Зубчевский Михаил
Казанцев Леонид
Мурзин Николай
Охотин Игорь
Широбоков Олег.
Кадеты:
Граф Константин
Дермеджиев Константин
Джурджевич Георгий
Иванчин-Писарев Олег
Калинин Сергей
Коробкин Георгий
Митричевич Баян
Москаленко Ростислав
Озеров Иван
Пио-Ульский Дмитрий
Полонский Игорь
Поморский Вадим
Симонов Сергей
Фигуровский Георгий
Фищенко Николай.

XVII выпуск 1936 - 1937 г.г.
VIII классов:

Вице фельдфебель:
Левчук Георгий
Вице унтер - офицеры:
Боголюбов Алексей
Гргурович Слободан
Жемчужников Николай
Жеребков Илья
Петин Николай
Сапегин Георгий
Яковлев Михаил.
Кадеты:
Гроссул-Толстой Михаил
Колюбаев Виктор
Марасанов Сергей
Сербин Борис
Сигов Всеволод
Соболевский Владимир
Тахтамышев Лавр
Заблоцкий Николай
Драгович Павел.

XVIII выпуск 1937 - 1938 г.г.
VIII классов:

Вице фельдфебель:
Маслов Петр.
Вице унтер - офицеры:
Каменев Николай
Козлов Юрий
Курицкий Константин
Ламзаки Георгий
Мандрусов Вячеслав
Мурзин Алексей
Плотников Борис
Рябов Олег
Самушенок Николай
Яблочков Алексей

Кадеты:
Бурмицкий Георгий
Вишневский Владимир
Князь Голицын Кирилл
Генералов Александр
Иованович Велимир
Лазарев Борис
Лобанов Зиновий
Носак Андрей
Скоробогач Юрий
Соловьев Евгений
Сучков Константин
Хитрово Николай
"Приватно":
Коверда Борис.

XIX выпуск 1938 - 1939 г.г.
VIII классов:

Вице фельдфебель:
Ященко Борис
Вице унтер - офицеры:
Мантулин Валентин
Нещерет Алексей
Образ Роман
Попов Алексей
Ратнов Александр
Самофалов Константин
Сцепуржинский Федор
Фостиков Юрий
Кадеты:
Бендерович Георгий
Высоцкий Всеволод
Жедилягин Георгий
Зимовнов Виктор
Иванов Димитрий
Иодчин Федор
Китайсков Владимир
Лашкарев Александр
Липковский Севир
Лобов Олег
Муравьев Сергей
Полиевктов Владимир
Фомин Борис
Цинамзгваров Игорь
Чипиженко Мирослав

XX выпуск 1939 - 1940 г.г.
VII классов:

Кадет: Протопопов Николай

VIII классов:

Вице унтер-офицер:
Ланио Георгий
Кадеты:
Апухтин Александр
Бауман Георгий
Бурхинов Джаб
Воронец Дмитрий
Гавлицкий Владимир
Гришков Михаил
Дробышевский Олег

Ермаков Валентин
Иванович Михаил
Касперович Владимир
Кисиль Леонид
Кольчик Василий
Кравченко Игорь
Крамарев Димитрий
Левандовский Александр
Плищенко Андрей
Попов Лев
Ротов Михаил
Скивский Александр
Стефанский Георгий
Супрунов Анатолий
Татаринов Игорь
Тевяшев Александр
Тимофиевич Владимир
Ульянцев Владимир
Хлопов Мстислав
Чалич Владимир

XXI выпуск 1940 - 1941 г.г.

VII классов:

Кадеты :

Долговский Михаил
Москаленко Александр

VIII классов:

Вице фельдфебель :

Иордан Алексей.

Вице унтер - офицеры :

Айвазов Георгий
Высоцкий Андрей
Голеновский Владимир
Думбадзе Александр
Завальевский Владимир
Ковалько Георгий
Мистулов Эльберт
Торком Борис
Яновский Георгий
Бабушкин Владимир

Кадеты :

Бехтеев Алексей
Будилов Вячеслав
фон Витт Георгий
Демьянов Всеволод
Дудко Юрий
Земцов Борис
Земцов Виктор
Истомин Алексей
Кашкаров Владимир
Колгин (Виноградов) Владимир
Колчевский Георгий
Корсаков Арсений
Кубаровский Игорь
Германович Евгений
Гюнтер Игорь
Демьянов Виктор
Мартыненко Владимир
Мистулов Эльмурза
Наумов Павел
Найда Александр
Ольховский Юрий
Паращак Антон
Патронов Владимир
Пугачев Николай
Смирнов Сергей
Шатилов Владимир.

XXII ВЫПУСК 1941 - 1942 гг.

VII классов:

Верченко Илья
Гротто-Слипиковский Георгий
Демченко Степан
Квашинский Георгий
Киндяков Олег
Легков Алексей
Морозов Димитрий
Пагануцци Иван
Перевощиков Игорь
Пиноци Иван
Пугачев Всеволод
Степанов Виктор
Секанов Николай
Троицкий Георгий
Тростянский Юрий
Туцевич Валентин
Хантель Леонид
Чаплыгин Игорь
Шоффа Георгий

VIII КЛАССОВ

Вице - фельдфебель
Шумовский Владимир
Вице унтер-офицеры
Жедилягин Игорь
Зыск Антоний
Иванов Василий
Михеев Максимилиан
Михеев Михаил
Новосельцев Георгий
Пеньков Владимир

Кадеты
Борманжинов Араш
Будилов Михаил
Залесский Аркадий
Игнатьев Игорь
Кириллов Мстислав
Секулич Миленко
Секулич Миливой
Фостиков Борис
Чегодаев Николай князь

XXIII ВЫПУСК 1942 - 1943 гг.

VI КЛАССОВ

Безуглов Николай
Витковский Николай
Вороницын Николай
Герсдорф Анатолий
Думбадзе Георгий
Зимовнов Сергей
Макров Георгий
фон дер Нонне Александр
Полюшкин Борис
Пономаренко Николай
Порядин Игорь
Сенатов Георгий
Тархан-Муравов Борис князь
Шепченко Борис
Шилейкис Георгий

VII классов:

Гипш Олег
Найда Виталий

VIII КЛАССОВ

Вице - фельдфебель
Козлов Игорь
Вице унтер-офицеры
Беляев Олег
Лукьянов Александр
Протопопов Георгий
Селихов Михаил

Кадеты
Каяндер Николай
Милованович Игорь
Митрович Димитрий
Пожарский Владимир
Сидоренко Николай
Трубицын Михаил

XXIV ВЫПУСК 1943 - 1944 гг.

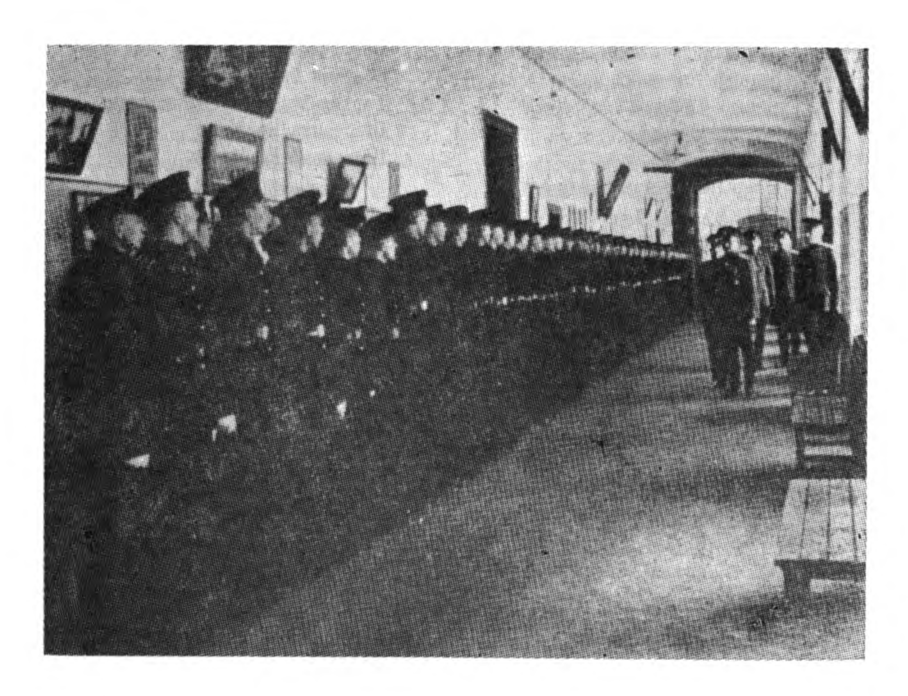
VIII КЛАССОВ

Вице - фельдфебель
Николаев Дмитрий
Вице унтер-офицеры
Алексеев Роман
Алферов Сергей
Артонов Сергей
Балашев-Самарский Николай
Бурлаков Петр
Криницкий Александр
Полубелов Виктор

Кадеты
Азаренко-Заровский А.
Амосов М.
Писаревский Владимир
Мингин Валерий

В этом выпуске нет точных сведений об окончивших, из-за войны, только семь или шесть классов и приводится список учившихся

Балевич Александр
де-Боде Константин
Белозубов Леонтий
Гермаш А.
Григорьев Юрий
Демьянюк Евгений
Компаниец Николай
Курицкий Дмитрий
Кутепов Павел
Кучинов Петр
Леонтьев Алексей
Лесниченко Николай
Нестеренко Николай
Пожарский Николай
Скрылов Валериан
Скуратович Георгий
Скрябин Владимир
Спокойский-Францевич Евгений
Стекольников Венедикт
Табуч-Ющенко Михаил
Ульянцев Николай
Фау Павел
Хилинский Сергий
Хоренко Игорь
Шереметов Николай
Шеховцев Анатолий
Шостакович Максим
Шпора Александр

Рота Его Высочества в черных шинелях, 1931 г.

СПИСОК КАДЕТ КОРПУСА 1944-1945 уч. года.

VIII класс (XXV выпуск)

Исп. долж. фельдфебеля

Скворцов Михаил

Кадеты

Баскевич Юрий
Боголюбов Николай
Величко Петр
Верчик Александр
Квасневский Всеволод
Квасневский Вячеслав
Кучерявый Федор
Лукьянов Василий
Марченко Сергей
Миокович Святослав
Нисаревский
Петров Всеволод
Петровский Б.
Писарев Александр
Рябов Святослав
Сергиенко Драгослав
Чечелев Валерий
Янушевский Александр

VII класс (XXVI выпуск)

Александров Владимир
Андрушкевич Игорь
Анненков Николай
Ауэ Олег
Волков Иван
Волкорез Виктор
Вороницын Сергей
Дончук Михаил
Дубельштейн Павел
Дубельштейн Петр
Карасик Павел
Карасик Петр
Кирей Владмнир
Кравченко Александр
Лишенко Илья
Лукашевич Глеб
Лукьянов Георгий
Манернов Александр
Меркулов Николай
Мордвинкин Юрий
Петрович В.
Раевский Борис
Разумов Константин
Реймер Алексей
Рожнов Г.
Савченко Николай
Стеценко Василий
Стороженко Борис
Толстой Олег граф
Чучувадзе Игорь

VI класс (XXVII выпуск)

Арбузов А.
Вильгельмс Алексей
Граббе Алексей граф
Граббе Дмитрий граф
Дурилин Сергей
Ефремов Олег
Иванов Георгий
Карнеев Дмитрий
Кудашев Алексей князь
Кулькин А.
Логвинов В.
Малышевский Виктор
Никитин Борис
Нарышкин Петр
Перекрестов Александр
Попов Александр
Радченко Степан
Сергеев Дмитрий
Синькевич Никита
Филипенко Григорий
Чернецов В.
Яковенко Михаил

V класс (XXVIII выпуск)

Березлев В.
Голоушев
Горбенко Димитрий
Горелов А.
Демьяненко Б.
Денисенко Г.
Дударенко
Змунчила Владимир
Золотаревский Димитрий
Калугин
Костенко
Космачевский
Курко В.
Маршалкин
Миллер Борис
Митрохин Алексей
Мотренко
Нещерет А.
Новиков И.
Оранский П.
Пункт
Рехак
Рогозин
Романов Л.
Рупчев В.
Сафонов А.
Сидоренко
Тарасов Б.
Ткачев И.
Трепалко Б.
Усачев А.
Устенко П.
Чернявский С.
Шамборант Б.
Шаповалов С.

IV класс (XIX выпуск)
(два отделения)

Амилахвари Александр князь
Аммосов Олег
Баев Евгений
Бакич Мирослав
Бандурка Виктор
Бержье Георгий
Бержье Петр
Бирюлькин Яков
Бовдурец
Быковец Георгий
Буйницкий Владимир
Гаузен Борис
[illegible]аров
Джамбинов Саран
Дудек
Ермаков Сергей
Еськов Михаил
Демьяненко Георгий
Жарков Петр
Костин В.
Кумашев Василий
Кундрюцков А.
Кучеров Николай
Кучинов Басан
Лебединский Борис
Логинов А.
Максименко Иван
Мармыш Г.
Маслов А.
Махин Василий
Михеев Ярополк
Мордвинкин Владимир
Неклюдов Кирилл
Оранский
Осипов Борис
Осетров Николай
Осташкевич Иван
Павленко А.
Переход Георгий
Periков

Толстой Илья
Троицкий Николай
Уколов Владимир
Упорников Георгий
Уртьев Павел
Филиппенко Владимир
Фомин Глеб
Черный Михаил
Царевский Александр
Шиповалов Владимир
Шкуренко В.
Щуплян Игорь
Эйсымонт Александр
Яманов Бадьма

III класс (XXX выпуск)

Абушинов Савва
Демьяненко
Качурин В.
Лукашевич В.
Нестеровский В.
Розанов Олег
Секретарев
Шатво В.
Эйсымонт Георгий

II класс (XXXI выпуск)

Грицай Николай
Мороз Георгий
Станишевский Борис

I класс (XXXII выпуск)

Бетьековский Олег
Земцов Александр
Могилев Алексей
Швед Георгий

Списки по классам неполные — составлены по воспоминаниям.

Со дня основания в 1920 г. и кончая июнем 1944 г., корпус сделал 24 выпуска и выпустил в жизнь 906 кадет с аттестатами за 7 и за 8 классов. На 1944/45 уч. год, по неполным сведениям, в корпусе числилось 190 кадет от 1-го до 8-го класса. Из-за обстановки, вызванной войной, не все эти кадеты смогли вернуться в корпус, а эвакуировалось значительно меньшее число их.

По окончании корпуса, большое число кадет получило высшее и специальное образование в Югославии и в других странах, достигнув видного положения в различных областях жизни.

* * *

СПИСОК
чинов педагогического и административного состава, вышедших из службы в корпусе за 1920 - 1940 г.

Фамилия, имя и отчество.	Чин и должность.	ВРЕМЯ Зачисления в списки.	Исключения из списков.
Адамович Борис Викторович	генерал-лейт. директор	март 1920	умер 22- 3-1936
Адамович Г. Н.	полк. казначей, кварт. и воспит.	27-12-1922	1-10-1924
Алферов В. И.	врач и препод. гигиены	1- 9-1937	1- 9-1939
Андрузский Г. А.	подп. воспит.	сформ. корп.	24- 9-1930
Аносов М. А.	кол. сов. преп. рус. языка	20-10-1921	1- 9-1928 1- 9-1935
Безак Н. А.	полк. преп. мат.	29- 4-1920	7- 6-1920
Билетов А. Д.	кап. восп. и преп. гимн.	сформ. корп.	16- 9-1922
де-Бокар А. К.	стат. сов. преп. фр. яз.	сформ. корп.	16- 2-1924
Бощановский о. В.	прот. законоуч.	1- 9-1932	1- 9-1936
Белич В. И.	полк. Юг. арм. пр. серб. языка	1- 1-1921	1- 1-1922
Бурсач М.	преп. сербского языка	1- 9-1922	1- 9-1929
Васильев И. К.	тит. с. фельдш.	сформ. корп.	1- 8-1933
Велиогорская В. Я.	преподав.	1- 4-1920	1- 9-1924
Веревкин А. И.	полк. пом.. смот. здания	24- 7-1920	11- 7-1929
Веригин А. К.	полк. нач. хоз. части	14- 3-1922	умер 7- 8-1923
Висковская А. К.	преп. франц. языка	14- 9-1932	1- 8-1933
Волков Н. В.	полк. ротн. ком.	сформ. корп.	1- 9-1934
Вранешевич М. С.	преп. серб. яз.	1- 8-1933	1- 3-1938
Врасский Е. Я.	г.-м. преп. геогр..	1- 9-1929	3- 8-1932
Вукович И. В.	прпеп. серб. яз. и геогр.	1- 9-1926	1- 9-1929
Вукоманович О.	преп. ист. Югосл.	1- 9-1922 1- 1--925	1- 9-1923 9-12-1925
Гайдовский-Потапович А. М.	статск. сов. преп. физ.	сформ. корп.	1-10-1927
Ганн А. Р.	полк. преп. гимн.	1 8-1933	1- 9-1935
Барон фон Гейкинг Г. А.	полк. воспит.	сформ. корп.	16- 9-1922
Гизе А. Ф.	ст. сов. преп. нем. яз.	28- 2-1920	9- 3-1927
Головина О. Н.	преподавательница	1- 9-1935	1- 9-1937
Греков В. И.	полк. ротн. ком.	сформ. корп.	1- 9-1928
Гущин В. Ф.	полк. преп. мат.	„ „	1- 9-1929
Двойников В. М.	кап. канцелярия	„ „	1- 9-1929
Долматов А. С.	действ. ст. сов. врач	„ „	умер 15- 4-1937
Енько-Даровский Ю. Н.	подп. воспит.	„ „	2- 9-1929
Жакула Ст.	инсп. нар. ш. пр. срб. яз.	1- 2-1924	1- 9-1924

Фамилия, имя и отчество.	Чин и должность.	ВРЕМЯ Зачисления в списки	Исключения из списков.
Жолткевич о. Ф.	прот. наст. церкви преп. Закона Божия	25- 8-1932	1- 9-1932
Жуков А. А.	подп. воспит.	сформ. корп.	1- 9-1924
Журьяри М. В.	корн. вахтер	1- 1-1925	4-10-1931
Залепугин И. Е.	пор. преп. физ.	1- 9-1920	1- 9-1922
Запольская Е. А.	служ. в канц.	17- 5-1926	1- 9-1929
Зполковский Н. В.	подп. воспит.	1- 9-1933	1- 7-1939
Значко-Яворский В. М.	полк. преп. матем.	1- 9-1923	1- 9-1924
Зоц А. А.	кол. сов. канц.	1- 8-1933	1- 9-1935
Исаев В. К.	полк. ген. шт. преп. ист.	1- 6-1920	1- 9-1920
Кадьян Н. П.	подп. воспит.	сформ. корп.	2- 8-1928
Казанский В. А.	ст. с. преп. ист.	1- 9-1929	1-11-1932
Келлер А. О.	кап. преп. нем. языка	1- 9-1929	ум. 4- 4-32
Кисляков К. А.	воен. чин. бухг.	сформ. корп.	3- 3-1922
Клопотовский Н. Н.	подп. воспит.	„ „	1-11-1924
Козырева Е. И.	преподавательница	1- 9-1929	1- 8-1933
Колосовский А. Н.	полк. преп. гимн.	1- 9-1929	1- 8-1933
фон-Кноринг В. И.	полковник, воспит.	1- 9-1929	1- 9-1931
фон-Коссарт К. Ф.	подполк., воспит.	1- 9-1929	1- 9-1931
Кошиц Г. П.	преп. матем.	1- 9-1929	1- 8-1933
Кршич И.	преп. серб. яз.	1- 2-1925	1- 9-1925
Краснов Н. Н.	полк. ген. шт. пом. инсп.	22- 5-1920	2- 9-1920
Красовский К. Д.	полковник преп. ист.	29-10-1920 1- 8-1933	1-11-1920 1- 9-938
Крневич М.	преп. серб. яз.	1- 9-1923	1- 2-1924
Кулаков В. Н.	ст. с. преп. ист.	сформ. корп.	15-10-1923
Курилич М.	преп. серб. языка	1- 9-1925	1- -1926
Лавриненко Г. А.	надв. сов. секр.	сформ. корп.	28- 9-1920
Левицкий В. С.	препод. ест. ист.	сформ. корп.	1- 8-1922
Линдеман А. Ю.	полк. рот. ком. пр. нем. яз.	сформ. кор.	1- 9-1929
Ловрич А.	проф. гимн. пр. серб. яз.	1- 9-1924	1- 9-1925
Лукин И. Н.	капит. воспитатель	сформ. корп.	27-12-1922
Любибратич В. П.	проф. гимн. пр. серб. яз.	13- 1-1930	1- 8-1937
Людвиг О. Л.	кап. преп. нем. языка	11-11-1921	15-12-1924
Ляхов Н. Н.	врач	2- 9-1935	27- 3-1937
Мали Ф. Ф.	подпор. завед. бельем	1-10-1927	1- 9-1929
Мартынович М. М.	подп. Юг. Ар. пр. срб. яз.	29-10-1921 1- 8-1923	1-11-1922 1-10-1925
Мартынов Г. В.	кол. асс. фельд.	1- 8-1933	1- 9-1935
Матузова Г. Г.	преп-ца англ. языка	1- 2-1927	1- 9-1927
Матузова М. П.	преподавательница	1- 2-1927	1- 9-1927
Миончинский Г. Т.	полк. преп. физ. и мат.	сформ. корп.	1- 9-1929
Миляшкевич Ф. И.	полк. преп. русского яз.	сформ. корп.	25- 6-1921
Молчанов П. С.	полк. преп. русск. яз.	сформ. корп.	25- 6-1921
Молчанов о. В.	прот. законоучитель	1- 9-1939	1- 2-1940
Моров Ф. А.	полк. ген. шт. пр. нем. яз.	22- 5-1920	2- 9-1920

Фамилия, имя и отчество.	Чин и должность.	ВРЕМЯ Зачисления в списки.	Исключения из списков.
Мотылевич Л. В.	фельдшер	1- 9-1927	1- 9-1929
Навроцкий Н. Я.	полк. библиотекарь	сформ. корп.	1- 8-1932
Найденов Б. М.	ппор. хоз. части	16- 2-1927	1- 9-1929
Новосильцев Л. Н.	полк. преп. законовед.	10- 1-1923	1- 9-1926
Окшевский В. И.	ротм. пом. экон.	10-11-1927	15- 4-1929
Оржеховская Ж. А.	сестра милосердия	15- 3-1936	21- 9-1939
Петровский А. Н.	шт.-ротм. восп.	сформ. корп.	9- 6-1920
Побыванец А. И.	кап. адъютант	сформ. корп.	1- 9-1929
Попов-Азотов В. И.	полковник, воспит.	4- 2-1925	9- 1-1926
Порай-Кошиц К. Н.	полк. ротн. командир	сформ. корп.	25- 5-1923
Проскура К. А.	полк. преп. географии	7- 6-1932	1- 8-1933
Протопопов Б. Н.	полк. преп. географии	сформ. корп.	18- 2-1929
Ракитин Н. С.	полк. преп. мат.	сформ.. корп.	1- 9-1923
Реммерт Г. Л.	кап. преп. рис.	сформ. корп.	1- 9-1929
Ротштейн Н. В.	гв. полк. канцел.	17-11-1926	1- 9-1929
Рудухин И. С.	бухгалтер	1-12-1933	28- 6-1938
Рещиков Я. Н.	полк. воспит.	1- 8-1933	1- 7-1934
Савченко П. С.	полк. преп. русск. яз.	1- 9-1935	1- 9-1936
Самоцвет М. Ф.	полк. ротн. ком.	сформ. корп.	25-11-1921
Селицкий В. И.	полк. преп. мат.	сформ. корп.	ум. 26-3-21
Сербина Д.	преп-ца геогр. и химии	28-11-1936	1- 9-1937
Сергеевский Д. Н.	преп. истории	25- 9-1924	4- 9-1926
Сидоров А. Г.	кап. зав. обмун.	сформ. корп.	1- 9-1929
Софийский о. Н.	прот. наст. храма	28- 4-1931	3- 7-1931
Станоевич И.	полк. Юг. Ар. пр. срб. яз.	1- 1-1921	1-12-1923
Старк П. Ф.	г.-м. преп. закон.	сформ. корп.	ум. 13-1923
Стефанович Ф. С.	преподавательница пения	31- 7-1920	1- 6-1929
Стоянов А. И.	доктор медиц.	16- 4-1937	1- 9-1937
Стратемирович М.	преп. серб. языка	1- 9-1920	1- 9-1921
Седлецкий Н. К.	преп. естест. наук	сформ. корп.	13- 9-1936
Терзич Д. В.	преп. серб. яз.	1- 9-1920	28- 9-1921
Тизенгаузен В. М.	преп. матем.	1-11-1930	1- 9-1931
Тимофеев В. А.	преп. музыки	1- 9-1929	1- 9-1933
Троицкий о. Сергий	прот. законоучитель	сформ. корп.	1- 9-1931
Трофимов И. П.	полк. преп. рис.	1- 9-1929	1- 8-1933
Трусов Е. В.	капит. воспит.	1- 9-1929	1- 8-1933
Тычинин М. В.	дейст. с. сов. пр. рус. яз.	3 8-1922	1- 8-1939
Федоров о. И.	законоуч. наст. церкви	1- 9-1933	1- 7-1939
Федоров К. С.	кап. воспитат.	сформ. корп.	28- 9-1920
Фишич В. И.	губ. сек. экон.	30- 6-1920	16- 9-1927
Фрейман З. Г.	полк. служащ. канцел.	1- 9-1929	1- 2-1930
Хрисогонов М. М.	препод. рисов.	1- 8-1933	1- 8-1938
Цабель К. А.	гв. полк. смотр. здания	2- 9-1922	1- 8-1932
Цареградский М. М.	полк. преп. мат.	1- 9-1929	1- 8-1935
Ципра Ф.	преп. серб. яз.	1- 9-1925	1- 9-1928
Черненко И. Г.	поруч. воспит.	сформ. корп.	1-10-1924

Фамилия, имя и отчество.	Чин и должность.	ВРЕМЯ Зачисления в списки.	Исключения из списков.
Чернокнижников А. Е.	полк. преп. матем.	1- 8-1933	1- 7-1935
Чудинов Н. А.	полк. ротн. ком.	1- 9-1933	1- 8-1939
Чуенко Д. И.	полк. смотр. здания	1-11-1929	1- 9-1933
Чович Урош	преп. серб. языка	1- 2-1921	1- 9-1921
Шавров А. Д.	полков. секрет.	1- 9-1929	1- 7-1939
Шеншин П. П.	капит. эконом	1- 5-1920	1- 6-1935
Шимчук-Залещинский Ф. К.	надворн. сов. бухгалтер	1- 9-1929	1- 8-1933
Шолякович Г. Ф.	преп. геогр. и ист. Юг.	1- 9-1939	1- 2-1940
Шишко О. М.	писарь учебн. части	сформ. корп.	5- 5-1926
Штаден Н. И.	полк. бухгалт.	8- 6-1923	1- 9-1929
Янюшевич М.	преп. геогр. и ист. Юг.	1- 9-1922	1- 9-1926
Янчевский Н. Н.	тит. сов. бухгал.	17- 7-1920	16-10-1920
Яценко-Борзаковский	полк. преп. русск. яз.	15- 9-1920	30- 4-1932
Эльснер Е. Ф.	ген. шт. г.-лейт. пр. мат.	1- 9-1929	ум. 5-7-1930
Юнгич Б. Т.	учитель музыки	1- 9-1927	1- 9-1929

СПИСОК

окончивших Русский корпус гг. офицеров армии и флота и юнкеров военной, морской и интендантской академий Королевства Югославии.

I выпуска :

50 кл. *)	1924 г.	Инж.	Вадим Карпов.

II выпуска :

49 „	1923 „	Артил.	Владимир Петкович
51 „	1925 „	Авиат.	Михаил Февр.

III выпуска :

53 „	1928 „	Гв. арт.	Георгий Михайлов
54 „	1929 „	Пех.	Владимир Дорман.

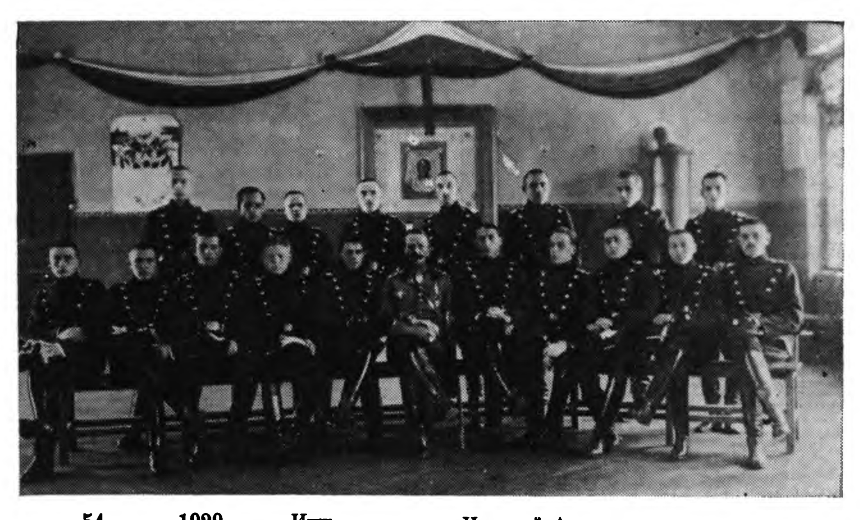
IV выпуска :

54 „	1929 „	Инж.	Константин Рогойский.

V выпуска :

53 „	1928 „	Пех.	Алексей Виницкий
„ „	„ „	„	Сергей Востряков
„ „	„ „	„	Викентий Гума
„ „	„ „	Артил.	Сергей Джурич
„ „	„ „	Кавал.	Игорь Иванов
„ „	„ „	Пех.	Валериан Иловайский
„ „	„ „	„	Михаил Ильинский
„ „	„ „	„	Александр Карасенко

*) "Кл." — выпуск из "Академии".

54 „	1929 „	Инж.	Николай Азаръев
„ „	„ „	„	Николай Горский
3 „	1928 „	Флота	Сергей Байков
„ „	„ „	„	Сергей Ламзаки.

VI выпуска :

54 „	1929 „	Пех.	Василий Волков
„ „	„ „	Инж.	Владимир Ещенко
„ „	„ „	Артил.	Вадим Кудревич
„ „	„ „	Пех.	Алексей Макаров
„ „	„ „	Артил.	Василий Мальгин
„ „	„ „	„	Сергей Нащокин
„ „	„ „	„	Георгий Полетика
„ „	„ „	„	Михаил Розанов
„ „	„ „	„	Олег Шиманский
„ „	„ „	„	Петр Юлинац
4 „	„ „	Флота	Георгий Малицкий
55 „	1930 „	Пех.	Андрей Вахе.

VII выпуска :

„ „	„ „	Пех.	Павел Алферьев
„ „	„ „	„	Николай ф. Витторф
„ „	„ „	Артил.	Константин Ермаков
„ „	„ „	„	Роман Ремер
„ „	„ „	„	Григорий Тимофеев.

VIII выпуска :

56 „	1931 „	Артил.	Всеволод Бржостовский
„ „	„ „	Пех.	Юрий Крестинский
„ „	„ „	„	Игорь Молчанов
„ „	„ „	„	Аркадий Радойчич
„ „	„ „	„	Николай Русанов.

IX выпуска :

57 „	1932 „	Пех.	Преслав Юлинац
" "	" "	Инж.	Александр Миончинский
" "	" "	Пех.	Георгий Цабель.

X выпуска :

" "	1933 „	Инт.	Николай Билетов
" "	" "	"	Владимир Нащокин
" "	1934 „	"	Алексей Васильев
" "	" "	"	Сергей Попов
" "	" "	"	Георгий Снаровский
62 „	1937 „	Пех.	Владимир Иванов

XI выпуска :

" "	" "	Инж.	Милентий Явкин
" "	1935 „	Инт. акад.	Александр Денисенко
" "	" "	"	Борис Гридин.

XII выпуска :

60 „	1935 „	Гв. арт.	Кн. Теймураз Багратион-Мухранский
" "	" "	Инт. акад.	Леонид Косценич
62 „	1937 „	Пех.	Владимир Иванов
" "	" "	"	Ростислав Савицкий
" "	" "	Артил.	Анатолий Лычев
" "	" "	Инж.	Николай Снитко
" "	" "	Интенд.	Игорь Житинский
63 „	1939 „	Артил.	Георгий Дьяков.

XIII выпуска :

64 „	1938 „	Инж.	Георгий Агапеев.

XIV выпуска :

62 „	1937 „	Пех.	Князь Николай Гагарин
" "	" "	Артил.	Павел Олферьев
" "	" "	"	Ростислав Чирко
" "	" "	"	Воислав Бесарович
" "	" "	Интен.	Георгий Скворцов
" "	" "	"	Дмитрий Брылкин
" "	1938 „	"	Борис Денисенко
" "	1937 „	"	Иннокентий Хлобыстов
" "	" "	"	Владимир Мельников

XV выпуска :

63 „	1938 „	Пех.	Михаил Руднев
" "	" "	Артил.	Александр Филатьев
" "	" "	"	Алексей Вуколов
64 „	1939 „	Пеп.	Кирилл Лаврентьев
63 „	1938 „	Артил.	Георгий Драценко
64 „	1939 „		Валериан Белик
" "	" "	Инж.	Борис Бересневич.

XVI выпуска :

64	„	1939	„	Пех.	Константин Дермеджиев
„	„	„	„	„	Дмитрий Пио-Ульский
„	„	„	„	„	Георгий Коробкин
„	„	„	„	„	Вадим Поморский
„	„	„	„	„	Виктор Гаврилов
„	„	„	„	„	Олег Иванчин-Писарев
65	„	1940	„	„	Георгий Фигуровский
64	„	1939	„	Артил.	Олег Цинамзгваров
„	„	„	„	„	Леонид Казанцев
65	„	1940	„	Инж.	Михаил Зубчевский
„	„	„	„	„	Сергей Калинин.

XVII выпуска :

65	„	1940	„	Пех.	Николай Жемчужников
„	„	„	„	Инж.	Георгий Левчук.

XVIII выпуска :

66	„	1940	„	Пех.	Владимир Вишневский
„	„	„	„	Артил.	Велимир Иованович
„	„	„	„	Пех.	Константин Курицкий
„	„	„	„	Авиация	Алексей Мурзин
„	„	„	„	Кав.	Георгий Скоробогач
„	„	„	„	Пех.	Евгений Соловьев
„	„	„	„	Артил.	Константин Сучков.

XIX выпуска (юнкера) :

67	„	Георгий Бендерович
„	„	Всеволод Высоцкий
„	„	Дмитрий Иванов
„	„	Федор Иодчин
„	„	Сергей Муравьев
„	„	Роман Образ
„	„	Александр Ратнов
„	„	Федор Сцепуржинский.

XX выпуска (юнкера) :

68	„	Апухтин Александр
„	„	Иованович Михаил
„	„	Кисиль Леонид
„	„	Попов Лев
„	„	Хлопов Мстислав
„	„	Протопопов Николай (VII кл.)

«Активираны» инженеры :

(Из резерва на действительную службу).

III выпуска	Дмитрий Генбачев
V „	Владимир Салиманов

СПИСОК КАДЕТ, ПОСТУПИВШИХ В НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ В БЕЛОЙ ЦЕРКВИ.

1 выпуска

В.у.о. Худобашев Александр
кадет Журьяри Михаил

2 выпуска

В.у.о. Громыко Андрей
Гулевич Александр
Дылевский Анатолий
Казаков Вадим
Короткий Борис
Полховский Борис
Скалковский Сергей
Шпринглевский Николай

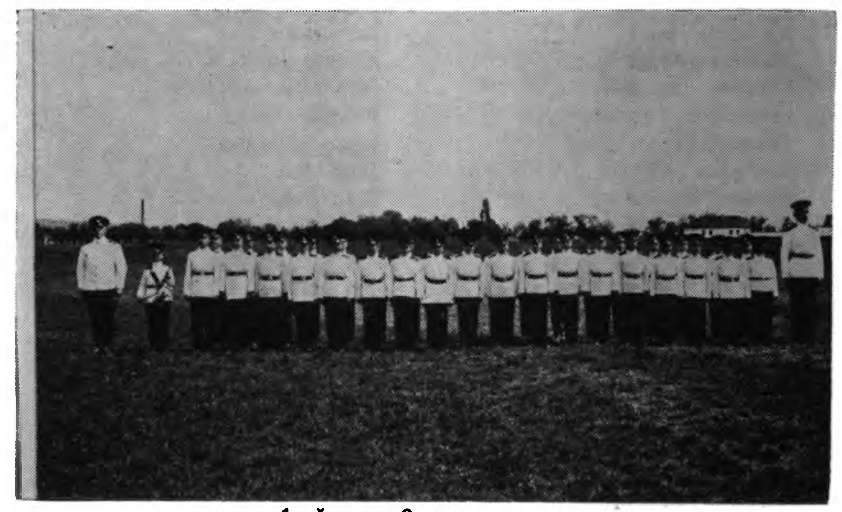
Кадеты Де-Бокар Сергей
Брезгун Павел
Горбачевский Александр
Критский Владимир
Лебедев Владимир
Линник Николай
Михайловский Павел
Оржеховский Владимир
Поляков Георгий
Сидорчук Константин
Силич Игорь
Стацевич Александр
Тхоржевский Сергей
Черноглазов Всеволод

3 выпуска

Кадет Бибер Николай
Генкин Евгений
Григорчук Петр
Дудоркин Михаил
Есаулов Георгий
Зеленко Михаил
Иванов Николай
Канторов Михаил
Колчин Евгений
Куракин Константин *)
Лисецкий Анатолий
Охримович Георгий *)
Рагоза Лев
Семенов Всеволод
Силин Борис
Скуратович Антон
Судзиловский Всеволод
Харламов Николай
Чиканчи Михаил

---

*) Ушли в Училище, до окончания 7-го класса.

1-ый класс. Строевые занятия.

СПИСОК КАДЕТ РУССКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА ОКОНЧИВШИХ ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ.

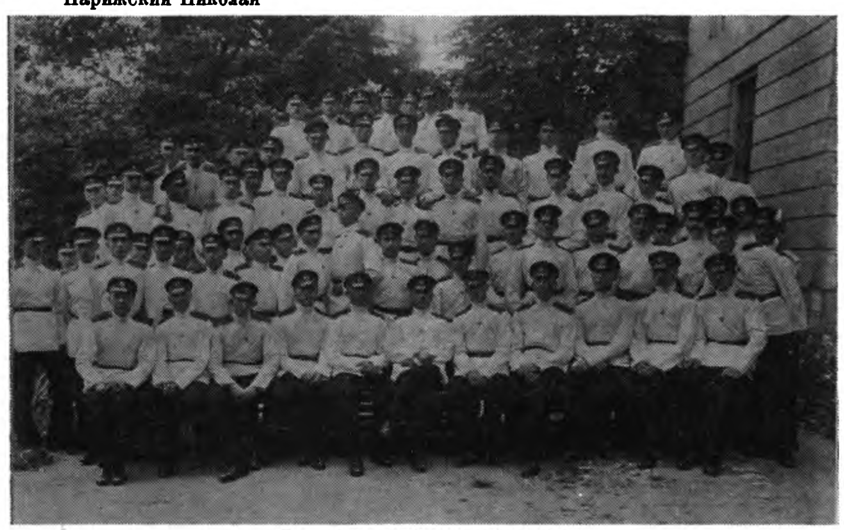
(Список не полный)

Лебедев Сергей
Войцицкий Георгий
Казаков Вадим
Марков Петр
Плахов Лев
Шимкович Федор
Крамаренко Евгений
Базилевич Владимир
Гончаров Василий
Латышев Иван
Арнольди Евгений
Артамонов Николай
Карабанович Сергей
Котельников Андрей
Красусский Николай
Милюков Алексей
Воробьев Михаил
Изместьев Юрий
Маттеев Николай
Радойчин Арсений
Полковников Федор
Гайдовский-Потапович
Карабанович Игорь
Корнич Владимир
Косоногов Павел
Местмахер-Будде
Роткевич Вильгельм
Сташевский Георгий
Фолькерт Ромил
Щербаков Георгий
Белонин Николай
Белоусов Борис
Логунов Алексей
Полиновский Василий
Иванов Виктор
Кусонский Алексей
Рекк Борис
Азарьев Николай
Белобородов Сергей
Гроссевич Георгий
Подрузский Ростислав
Салимов Владимир
Селицкий Иван

Запасов Константин
Суходубовский Дмитрий
Белоусов Владимир
Воронцов Лев
Енько-Даровский
Левитский Игорь
Логунов Евгений
Малашенко Георгий
Стерлингов Алексей
Белдыцкий Вадим
Космаенко Константин
Петунин Иван
Розанов Владимир
Фролов Константин
Макаров Владимир
Прудников Владимир
Утков Василий
Архангельский Александр
кн. Гагарин Григорий
Ошмянский Георгий
Иванов Евгений
Брюно Юрий
Бурневич Георгий
Воропанов Павел
Дубровный Иван
Доброцветов Ексакустодиан
Жемчужников Николай
Колобов Сергей
Крылов Дмитрий
Попов Кир
Протопопов Георгий
Родионов Святослав
Базаревич Владимир
кн. Максутов Константин
Ордовский-Танаевский
Осипов Александр
Розенберг Константин
Ферхмин Кирилл
Алексеев Борис
Гребенщиков Игорь
Корбе Владимир
Лукашевич Глеб
Марков Владимир

Новицкий Василий
Шапринский Николай
Алферьев Алексей
Бекханов Алексей
Малиновский Илья
Нелюбов Николай
Патрушев Леонид
Родзевич Алексей
Румянцев Юрий
Савинич Юрий
Воропанов Николай
Николаев Сергей
Поляков Анатолий
Яковлев Николай
Базаревич Всеволод
Бодиско Владимир
Дмитриев Игорь
Дмитриев Олег
Жуков Алексей
Неймирок Александр
Пущин Александр
Сушков Георгий
Домерщиков Николай
Амочаев Александр
Комша Андрей
Лазарев Николай
Яковлевский Сергей
Веремеев Александр
Казнаков Георгий
Казнаков Иван
Лазарев Сергей
Селицкий Алексей
Сперанский Глеб
Шестаков Илья
Щекутев Владимри
Болдырев Константин
Егупов Константин
Зилов Мстислав
Кадьян Николай
Барышев Борис
Гельфрейх Георгий
Данилович Александр
Новицкий Сергей
Попов Владимир
Савицкий Ростислав
Свидерский Игорь
Троицкий Михаил
Гривцов Нестор
Жуков Георгий
Зубакин Ава
Иванчин-Писарев Георгий
Кошара Евгений
Пущин Михаил
Гусанов Владимир
Сербин Владимир
Чемезов Георгий
Эрдели Дмитрий
Бубнов Сергей
Агатов Игорь
Постников Алексей
Синеоков Дмитрий
Фененко Иосиф
кн. Голицын Дмитрий
Герсдорф Георгий
Марков Петр
Тимофеев Николай
Гривцов Сергей
Федоровский Владимир
Родионов Гермоген
Вуколов Алексей
Рогойский Владимир
Боголюбов Алексей
Гргурович Слободан
Жемчужников Николай
Жеребков Илья
Петин Николай
Сапегин Георгий
Козлов Юрий
Ламзаки Георгий
Мандрусов Вячеслав
Самушенок Николай
Бурмицкий Георгий
Лазарев Борис
Бендерович Георгий
Лашкарев Александр
Липковский Севир
Мантулин Валентин
Образ Роман
Самофалов Константин
Бурхинов Джаб
Гришков Михаил
Ермаков Валентин
Иованович Михаил
Ротов Михаил
Бабушкин Владимир
Долговский Михаил
Истомин Алексей
Иордан Алексей

Кованько Георгий
Барманжинов Араш
Новосильцев Георгий
Секулич Миливой
Николаев Дмитрий
Парижский Николай
Пожарский Владимир
Михайлов Всеволод
Кояндер Николай
Дурилин Сергей
Ефремов Олег

Последние выпуски в Сараево.

Впервые в строю.